

**Научный проект
«НАРОД И ВЛАСТЬ:
История России и ее фальсификации»**

Выпуск 3

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ:
прошлое и настоящее системных кризисов
русской истории**

Сборник научных статей
(к 95-летию Февраля—Октября 1917 г.)

Москва
2012

УДК 94 (470)" 19
ББК 63.3 - 28
Р76

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Анфертьев И. А., Заслуж. работник культуры РФ, к. и. н., проф.
РГГУ, гл. ред. ж-ла «ВЕСТНИК АРХИВИСТА»

Бабашкин В. В., д. и. н., проф. РАНХиГС

Булдаков В. П., д. и. н., с. н. с. ИРИ РАН

Буховец О. Г., д. и. н., проф., зав. каф. политологии БГЭУ (Минск),
г. н. с. ИЕ РАН

Данилов А. А., Заслуж. деятель науки РФ, акад. РАЕН, д. и. н., проф.,
зав. каф. истории МПГУ

Карпенко С. В., к. и. н., доц. ИАИ РГГУ, гл. ред. ж-ла «НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

Марченя П. П., к. и. н., доц. ИАИ РГГУ, зам. нач. каф. философии
МосУ МВД России (автор/соавтор и ред. проекта «НАРОД И
ВЛАСТЬ», *отв. ред.*)

Разин С. Ю., доц. ИГУМО и ИТ (автор/соавтор и координатор
проекта «НАРОД И ВЛАСТЬ»)

Чертищев А. В., д. и. н., проф. МосУ МВД России

Шелохаев В. В., акад. РАЕН, лауреат Госпремии РФ, д. и. н., проф.,
гл. спец. РГАСПИ, дир. Ин-та общественной мысли

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

*Аксенов В. Б., Бабашкин В. В., Булдаков В. П., Гордон А. В.,
Данилов А. А., Елисеева Н. В., Карпенко С. В., Люкин Д. И.,
Марченя П. П., Разин С. Ю., Фурсов А. И., Чертищев А. В.*

Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сборник научных статей (к 95-летию Февраля—Октября 1917 г.) / Под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. — Москва: ООО «АПР», 2012. — 388 с. — (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». — Вып. 3).

Сборник приурочен к юбилею Февраля—Октября 1917 г и посвящен теме революции, которая рассматривается как одна из основополагающих проблем россиеведения.

Сборник является третьим выпуском серии постоянно действующего научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Для ученых, преподавателей, студентов, политиков и всех интересующихся историей революций и проблемами взаимодействия власти и общества в России.

УДК 94 (470)" 19
ББК 63.3 - 28

Подписано в печать 21.11.12. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 22,55

Тираж 100 экз. Заказ № 172.

ООО «АПР». 127083, г. Москва, ул. 8 Марта, д. 10, стр. 3

Тел.: (495) 799-48-85

ISBN 978-5-904761-39-4

© «Народ и власть...», 2012

© Коллектив авторов, 2012

**УЧРЕЖДЕНИЯ,
представители которых организовали
сборник научных статей
«РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ СИСТЕМНЫХ КРИЗИСОВ
РУССКОЙ ИСТОРИИ»**

**в рамках научного проекта
«НАРОД И ВЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»**

**Институт гуманитарного образования
и информационных технологий,
КАФЕДРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК**

**Московский университет МВД России,
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ**

**Историко-архивный институт РГГУ,
УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
«НОВАЯ РОССИЯ. ИСТОРИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ»**

ОРГАНИЗАЦИИ,
представители которых приняли участие в сборнике научного
проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации»

Учреждения Российской академии наук

- Институт Европы (ИЕ РАН, Москва)
- Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН, Москва)
- Институт российской истории (ИРИ РАН, Москва)
- Институт социологии (ИС РАН, Москва)

Научные журналы (Перечня ВАК Минобрнауки РФ)

- «Вестник архивиста»
- «Власть»
- «Новый исторический вестник»
- «Обозреватель-Observer»

Высшие учебные заведения

- Белорусский государственный экономический университет (БГЭУ, Минск)
- Институт гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ, Москва)
- Казанский (Приволжский) Федеральный университет (КФУ, Казань)
- Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (МГОСГИ, Коломна)
- Московский государственный технический университет радиотехники, электроники и автоматики (МГТУ МИРЭА)
- Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ, Москва)
- Московский гуманитарный университет (МосГУ, Москва)
- Московский педагогический государственный университет (МПГУ, Москва)
- Московский университет МВД России (МосУ МВД РФ, Москва)
- Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС, Москва)
- Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ, Москва)

Другие государственные и общественные учреждения

- Институт динамического консерватизма (ИДК, Москва)
- Институт общественной мысли (ИОМ, Москва)
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ, Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Марченя П. П., Разин С. Ю.

Вместо введения:

От авторов научного проекта

«Народ и власть: Истории России и ее фальсификации» 9

Marchenya P. P., Razin S. Y.

Instead of Introduction:

From authors of the scientific project

"People and Power: the history of Russia and its falsifications " 9

Аксенов В. Б.

Политическая семиосфера и психологическая динамика
российского общества в 1914—1917 гг.:

от мистификации общественного сознания

к революционному психозу 12

Aksenov V. B.

Political Semiosphere and Psychological Dynamics
of the Russian Society in 1914—1917:

from Mystification of Public Consciousness

to Revolutionary Psychosis 12

Бабашкин В. В.

Два большевизма, или место Октября

в Русской революции 37

Babashkin V. V.

Two Bolshevisms, or the Place of the October

in the Russian Revolution 37

Булдаков В. П.

Революция и мифотворчество:

коллизии современного исторического воображения 59

Buldakov V. P.

The Revolution and the Myth:

Critical Notes on some Historiographical Biases 59

<i>Гордон А. В.</i>	
Революционная традиция в сравнительно-исторической перспективе (Россия — Франция — Россия)	82
<hr/>	
<i>Gordon A. V.</i>	
Revolutionary tradition in comparative-historical perspective (Russia — France — Russia)	82
<hr/>	
<i>Данилов А. А.</i>	
Осмысление места и роли революции 1917 года в истории России современной учащейся молодежью	108
<hr/>	
<i>Danilov A. A.</i>	
Judgment of the place and role of revolution of 1917 in the history of Russia modern studying youth	108
<hr/>	
<i>Елисеева Н. В.</i>	
Революция как реформаторская стратегия Перестройки СССР: 1985—1991 гг.	117
<hr/>	
<i>Eliseeva N. V.</i>	
Revolution as reformist strategy of Perestroika in the USSR: 1985—1991	117
<hr/>	
<i>Карпенко С. В.</i>	
Добровольческая армия и Донское казачье войско в конце 1917 — начале 1918 гг.: несостоявшийся союз	151
<hr/>	
<i>Karpenko S. V.</i>	
The Volunteer Army and the Don Cossacks in late 1917 and early 1918: The Abortive Union	151
<hr/>	
<i>Люкшин Д. И.</i>	
Деревня Семнадцатого года: сотворение периферии	174
<hr/>	
<i>Lyukshin D. I.</i>	
The village of 1917: the creation of periphery	174

<i>Марченя П. П.</i>	
Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России	194
<hr/>	
<i>Marchenya P. P.</i>	
Senselessness and sense of the Russian Revolution: February and October in Russian history	194
<hr/>	
<i>Фурсов А. И.</i>	
Народ, власть и смута в России: размышления на полях одной дискуссии	220
<hr/>	
<i>Fursov A. I.</i>	
People, Power and Smuta in Russia: Reflections on the Field a Discussion	220
<hr/>	
<i>Чертущев А. В.</i>	
Революция: возможности и реальность сдерживания	264
<hr/>	
<i>Chertishchev A. V.</i>	
Revolution: possibilities and reality restraining it	264
<hr/>	
<i>Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.</i>	
Российские кризисы на круглом столе «Народ и власть в российской смуте»	291
<hr/>	
<i>Buldakov V. P., Marchenya P. P., Razin S. Y.</i>	
Russian crises on Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife"	291
<hr/>	
Сведения об авторах и контактная информация	363
<hr/>	
Contributors and contact information	363
<hr/>	
Аннотации и ключевые слова	367
<hr/>	
Annotations and keywords	367
<hr/>	
Основные публикации научного проекта	
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»	376
<hr/>	
Main publications of the scientific project	
"People and Power: the History of Russia and its Falsifications" ...	376

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ:

От авторов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации»

В 2012 г. Россия в последний раз отметила *до*-вековой юбилей революции (революций) Февраля и Октября 1917-го. Как всякие юбилеи исторических событий большого масштаба, подобного рода «круглые даты» закономерно привлекают острое, пристальное и пристрастное внимание не только историков и других ученых, но и самых разных политических и прочих социально значимых сил и общества в целом — заставляют в очередной раз задуматься о причинах и смысле случившегося в минувшем, влиянии на текущую ситуацию и возможности повторения в грядущем. Не мог остаться в стороне и наш научный проект¹.

На сегодняшний день проблему революции, ее места и роли в прошлом, настоящем и будущем России, вообще можно считать одним из узловых вопросов россиеведения, аккумулирующем многие (если не все) ключевые конфликты и темы русской истории.

Еще когда мы проводили первый круглый стол нашего проекта («Народ и власть в российской смуте», 23 октября 2009 г.), то исходили из того, что в сформулированной именно таким образом теме сконцентрирована центральная проблема теоретического и практического познания России, мера ее понимания и критерий выбора ее пути и определения своего места в нем. Как человек познается на самом деле только в критической ситуации, «у бездны на краю», так и целые страны и цивилизации познаются реально в ситуациях системного кризиса, в смутах и революциях, когда предельно обнажаются все «болевые точки» государства и общества и

становятся очевидно явными скрытые в «нормальные» исторические времена как изъяны, так и достоинства конкретной цивилизации.

Только в течение уже ушедшего, но еще «не изжитого» XX века российское общество дважды срывалось в пучину общенародной смуты/революции. И дважды Россия заплатила за это распадом исторически сложившейся имперской государственности — как романовской монархии, так и советской державы. Современные историки вызывают к читателям: «Задумались ли вы когда-нибудь, откуда он, этот исторический "маятник", два страшных взмаха которого вдребезги разнесли сначала белую державу царей, а затем и ее красную наследницу?»².

Даже в официальном печатном органе РФ вопрос поставлен следующим образом: «Почему российская история движется циклами — от великого расцвета к великой смуте, от государственного централизма к распаду империй? И когда рушится страна — тогда ли, когда ослабевает державная узда или когда власть глуха к новым общественным запросам?»³.

В таком контексте, насущная необходимость осмысления и понимания периодически повторяющихся системных кризисов, по-прежнему представляющих реальную угрозу национальной (государственной и общественной) безопасности выступает одним из главных вызовов для интеллектуального класса современной России. Тем не менее, как это признают сами представители такого класса: «Российская политическая и интеллектуальная элита до сих пор не желает прийти к соглашению относительно желательного будущего страны. Поэтому она продолжает бескомпромиссно спорить и о прошлом...»⁴.

Однако верно и обратное: пока среди элиты нет даже минимально необходимой для нормального, поступательного развития государства и общества историко-политической конвенции о былом, невозможно достичь

искомого компромисса и по поводу грядущего. А сама история, как сформулировал еще В. О. Ключевский, «не учительница, а надзирательница... она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»⁵...

* * *

Настоящий сборник является третьим выпуском серии постоянно действующего научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Пользуясь случаем, приглашаем к участию в деятельности нашего проекта историков, социологов, политологов, философов, культурологов, юристов, экономистов и других специалистов, которые не равнодушны к проблемам взаимодействия народа и власти в истории России.

Контактная информация, сведения о проекте, его публикациях и мероприятиях приведены в конце сборника.

Библиография и примечания

¹ Профиль организации в системе Соционет: <http://socionet.ru/publication.xml?h=repec.rus:hisorg:marchenya_pavel.83745-01&type=institution>; коллекция публикаций проекта (со свободным полнотекстовым доступом ко всем сборникам и журнальным статьям проекта): <<http://socionet.ru/collection.xml?h=repec.rus:tqtvuj>>.

Список основных публикаций проекта и веб-ссылок на них см. также в конце настоящего сборника.

² Янов А. Введение к первой книге трилогии «Россия и Европа. 1462—1921» // Досье электронного Полиса: <<http://www.politstudies.ru/universum/dossier/03/yanov-4.htm>>.

³ См.: *Выжуртович В., Проханов А., Рыжков В.* От анархии — к жесткой власти // РГ. 2007. 28 февраля. Федер. вып. № 4304.

⁴ *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 11.

⁵ *Ключевский В. О.* Соч. в 9 т. Т. 9. М., 1990. С. 393.

**Политическая семиосфера и психологическая динамика
русского общества в 1914—1917 гг.:
от мистификации общественного сознания
к революционному психозу**

События начала XX в. оказались богатыми на проявления различных форм бунташества. Массовые акции протеста русского студенчества, «открывшие» в 1899 г. эпоху революционных бурь, были подхвачены рабочим движением, борьбой женщин за равноправие и, конечно, проявились в рефлексии отечественной научной и художественной интеллигенции. Изучение семиосферы данного периода позволяет рассмотреть назревание системного кризиса империи, выходящего далеко за рамки политических ожиданий тех или иных представителей как революционного движения, так и их визави справа. Рассматривая проявления социально-психологического кризиса накануне революции 1917 г. С. В. Леонов очень точно охарактеризовал его известными словами булгаковского профессора Преображенского — «разруха в головах»¹. Примечательно, что другой профессор — реальный исторический персонаж, являвшийся председателем Петроградского общества психиатров в 1917 г. (П. Я. Розенбах) — охарактеризовал психологическое состояние столичного социума периода революции как «революционный психоз».

Тем не менее, как сказал поэт, «лицом к лицу лица не увидеть; большое видится на расстоянии» — многие современники в революционных эксцессах начала прошлого столетия усматривали всего лишь проделки «темных сил». В разное время к последним относили масонов, евреев, немцев, представителей социал-демократической или либеральной общественности. Отчасти в этом проявлялась бинарная структура общества, в которой функционирование одной группы происходило за счет ее конфронтации с

другой: полиция, борющаяся с революционным движением, склонна была демонизировать отдельных его представителей; церковь вела войну с отступниками-сектантами; новоиспеченные патриоты периода Первой мировой войны ответы искали в проблеме «немецкого засилья». Конспирологические «теории», вероятно, суть следствие некоторой интеллектуальной беспомощности периода системного кризиса, не позволяющего охватить все свои многообразные проявления единым взором.

Начало Первой мировой войны, создавшее иллюзию патриотического единения царя и народа, в действительности не снизило революционный накал в обществе, чье забастовочное движение в июле 1914 г. переросло таковое в 1905 г., а по общему количеству забастовочных дней фактически за первые полгода оказалось на 50% продолжительнее, чем в 1917 г.² 2 сентября 1914 г. директор Департамента полиции Министерства внутренних дел В. А. Брюн-де-Сент-Ипполит под грифом «Совершенно секретно» разослал циркуляр всем начальникам губернских жандармских управлений, в котором, отмечая общественное единение и прекращение «революционных эксцессов» в связи с началом войны, указал на временный характер подобной тенденции и сохранение опасности, исходящей от заговорщиков, поэтапно подготавливавших революцию накануне 1905 г. и летом 1914 г.³ Директор департамента усмотрел революционную угрозу даже в крестьянском кооперативном движении, подозревая его идеологов в политической неблагонадежности.

В это же время представители церкви ревностно следили за прихожанами, среди которых, согласно отчетам епархиальных миссионеров, возрастало желание рационального познания Бога⁴. Однако миссионеры, как правило, слишком узко подходили к проблеме, усматривая преимущественно человеческий фактор в процессе увеличения количества сект. Как следствие, церковь наносила «точечные удары», предавая анафеме популярных

в народе, но неудобных епархиальному начальству проповедников. В Московской епархии с 1910 по 1915 гг. на слуху было дело «братцев-трезвенников» Колоскова и Григорьева. 7 марта 1910 г. крестьянин Иван Колосков и мещанин Дмитрий Григорьев были отлучены от церкви за распространение ереси Московским митрополитом Владимиром. В обвинении говорилось, что они позволяли себе кощунственные суждения о лице Христа Спасителя и Божьей Матери, ругали святые таинства и не подчинялись церковному священноначалию⁵. Но на самом деле, при беседах с последователями, главным обвинением в адрес «братцев» фигурировали их призывы к воздержанию от употреблений алкоголя. Примечательно, что церковь, обвиняя Колоскова и Григорьева в фарисействе, тут же сама предлагала прихожанам присоединиться к трезвенническому движению, но под своей сенью.

Отлучением от церкви преследование Колоскова и Григорьева не закончилось, и в 1914 г. дело из синодального ведомства перешло в сферу уголовного суда, в результате чего Колосков и Григорьев были приговорены к 8 месяцам тюрьмы. Владимирский окружной суд и Московская судебная палата признали их «зловредными хлыстами», по поводу чего приговоренные подали в Сенат кассационные жалобы. Профессор К. Линдемман писал по этому делу члену Государственного Совета, известному юристу А. Ф. Кони в июне 1914 г.: «Из прилагаемых при сем материалов вы усмотрите, что трезвенники, братцы Колосков и Григорьев, по мнению ученых специалистов, вовсе не представляют зловредной секты, как говорят миссионеры, а являются православными людьми, преданными Церкви и лишь вследствие нетерпимости духовенства, подпавшие преследованию. В сущности, это — люди добра и полезные деятели в пользу отрезвления народных масс и обращения их к трудовой жизни»⁶.

По мнению миссионера Московской епархии Н. Варжанского, так же считавшего Колоскова с Григорьевым хлыстами, именно последняя секта, самая

многочисленная в епархии, представляла наибольшую опасность. Варжанский пытался лично противостоять проповедникам-отступникам, вмешиваясь в их разговоры с последователями, за что бывал бит прихожанами⁷.

Вместе с тем популярность хлыстовства не была следствием искусственной пропаганды со стороны тех или иных инакомыслящих проповедников. Исследователи семиотического пространства Серебряного века сходятся во мнении относительно смешения в нем славянско-языческих, восточно-мистических и западно-окультиных мотивов⁸. А. Эткинд обращает внимание на языческие ритуалы (мистерические кровопускания и коллективные испытания крови), которыми сопровождалась некоторые философско-литературные собрания, обнаруживает хлыстовские идеи в образах героев-революционеров из поэтических произведений Блока, Мандельштама, в результате чего заключает: «Культура Серебряного века насыщена то явными, то смутными, то скрытыми отсылками к опыту русских сектантов. Секты по-своему решали те же проблемы русской жизни, на которых сосредотачивались интеллигентские салоны и политические партии»⁹. В этой же среде созревали новые интерпретации сущности революции. Даже усвоившие социал-демократическую риторику, но зараженные сектантскими идеями представители интеллигенции умудрялись сочетать эти мировоззренческие системы. Ярче всего подобное сочетание, вероятно, проявилось в поэзии Н. А. Клюева, сочувствовавшего левым эсерам, писавшего стихи о Ленине, но, вместе с тем, рассуждавшего и о Христе: «Мой Христос не похож на Христа Андрея Белого. Если Христос только монада, гиацинт, преломляющий мир и тем самым творящий его в прозрачности, только лилия, самодовлеющая в белизне, и если жизнь — то жизнь пляшущего кристалла, то для меня Христос — вечная неиссякаемая удойная сила, член, рассекающий миры во влагище, и в нашем мире прорезавшийся залупкой — вещественным солнцем, золотым семенем непрерывно оплодотворяющий корову и

бабу, пихту и пчелу, мир воздушный и преисподний — огненный»¹⁰. Подобные хлыстовские интерпретации сущности Христа гармонично сочетались с утопическими представлениями о природе революции как огне, порождающем новую жизнь. Так, Е. Замятин в статье «О литературе, революции, энтропии и о прочем» записал: «Багров, огнен, смертелен закон революции, но эта смерть — для зачатия новой жизни, звезды»¹¹. Даже находившийся в вынужденной эмиграции А. Аверченко в предисловии к сборнику своих «антиреволюционных» рассказов «Дюжина ножей в спину революции» писал: «Революция — сверкающая прекрасная молния, революция — божественно красивое лицо озаренного гневом Рока, революция — ослепительно яркая ракета, взлетевшая радугой среди сырого мрака!»¹² Таким образом, в семиосфере начала века происходило скрещивание божественного начала в образе Христа с другим созидательным началом в образе революции. Это неизбежно приводило к ревизии религиозных представлений россиян, чей Христос освобождался от православных одежд и облачался в хлыстовские одеяния. Один из самых популярных в молодежной среде литературных героев арцыбашевский Санин артикулировал модный религиозно-философский нигилизм, сводившийся к формуле: «Христос был прекрасен, христиане — ничтожны»¹³. Распространявшиеся революционная идеология и религиозное сектантство являлись, тем самым, звеньями одной цепи.

В изобразительной семиосфере так же была сильна роль народных верований в революционных предчувствиях. По признанию критиков, ярчайшими символами-предвестниками народного бунта являлись картины Ф. Малявина из серии «Бабы». Накануне первой революции в 1904 г. критик С. Глаголь писал о них: «Разве не веет от этих образов какой-то особой, смутной, титанической силой? Сила эта темна, стихийна и животна, но не таковы ли и должны быть бабы, рожавшие сподвижников Ермака, чудо-богатырей Суворова и понизовую вольницу? В этих

кроваво-огненных красках чудится отблеск каких-то необъятных пожаров, какой-то оргии кровавой»¹⁴. Одна из самых знаменитых работ художника, продолжавшая серию «Баб», стала написанная в разгар революции в 1906 г. картина «Вихрь», на которой его бабы вдруг пустились в безудержный пляс, имевший что-то от древнеязыческой мистерии. Увидев это полотно, И. Репин назвал его «самой яркой картиной революционного движения в России». Предчувствуя вторую революцию в 1916 г., критики опять обратились к творчеству Малявина: «Красная баба идет... Кажется, она все испепелит и своротит на своей дороге. Гудит эта картина, к зрительному впечатлению как будто примешивается и слуховое... Страшные бабы... Недаром Малявин возвращается к ним так настойчиво. Он в них почуял Россию»¹⁵. Женское начало, тем самым, символизировало в философии Малявина русскую бурю — революцию и уходило корнями в языческую историю народа. Малявинский художественный образ бабы не был случаен и в социальной сфере отражался в таком массовом явлении как бабий бунт. Связанное в 1914 г. с протестными выступлениями солдаток женское погромное движение сохранило энергию к 1917 г., когда ставшие обиденным явлением случаи самосуда над спекулянтами или воришками нередко вспыхивали от негодования пришедших на рынок хозяек.

Власти, отрицавшие необходимость системной модернизации России, не учитывали происходившие социокультурные изменения в обществе, предпочитая комплексным реформам «ловлю блох»: борьбу с сектантами и отдельными революционерами. Однако подобные мероприятия чаще всего лишь усугубляли отношение обывателей к светской или религиозной власти. С началом Первой мировой войны Синод сталкивается с необходимостью уступок мирянам, требовавшим упрощения брачного законодательства (венчаний и разводов) в связи с веяниями военного времени. Многие призывники, состоявшие в фактическом браке, спешили оформить

отношения со своими женами с тем, чтобы последние могли получать пособие. Однако в случаях, когда венчания попадали на церковные праздники (Сырная неделя, Великий пост, Пасхальная неделя), Синод, несмотря на ходатайства прихожан, отказывал им в возможности обвенчаться. Кроме того, нередко препятствием для скорейшей свадьбы был нерасторгнутый предыдущий брак. Бюрократизированный бракоразводный процесс в отдельных случаях толкал обывателей на многоженство, чему косвенно способствовали священники на местах: не проверив соответствующих записей о семейном статусе брачующихся, они совершали обряд венчания над женатыми женихами и замужними невестами. Когда нарушение вскрывалось, брак автоматически расторгался, а священников наказывали.

Следствием всех этих явлений становился рост критического отношения прихожан к церковной организации. Примечательно, что статистика жалоб прихожан на священников обнаруживает взаимосвязь с ростом сектантства: в обоих случаях резкий всплеск приходится на 1907 г., после чего сохраняется устойчивая тенденция к увеличению. Так, против 125 жалоб в 1903 г. — в 1907 г. насчитывается 497 жалоб, дошедших до Синода — т. е. количество конфликтов возросло на 297,6%. В дальнейшем средний ежегодный прирост числа конфликтов с 1907 по 1912 гг. составил всего 15,6 дел, т. е. 2,7%. Однако накануне войны в 1913 г. число конфликтов резко возросло (на 43% по сравнению с 1912 г.) и составило 821 случай¹⁶. Данная динамика полностью согласуется с наблюдениями священников, епархиальных миссионеров о спаде религиозности россиян после Первой революции и постепенной рационализации их сознания. В период Первой мировой войны обнаруживается тенденция к сокращению количества конфликтов прихожан со священниками (ежегодно в среднем на 13%). Однако, с учетом ухода на фронт значительной части крестьян, едва ли можно говорить о 13%-м улучшении отношений духовенства и деревни, тем более, что к причинам прежних конфликтов прибавились

новые поводы. Да и достигнутый минимум конфликтов в 1916 г. (531 дело) превосходил минимум 1907 г. (497 дел) на 6,8%.

Рассматривая структуру наказаний духовенства по содержанию правонарушения на примере ведомостей секретарей различных духовных консисторий, можно отметить, что 46% наказаний следовало за оскорбления прихожан и пьянство священников (часто первое вытекало из второго); 33% — за недобросовестное исполнение своих обязанностей (включая отказы выезжать и причащать умирающих больных, крестить младенцев и пр.), 13% — за всевозможные финансовые махинации, включая растраты церковных сумм и непомерное повышение платы за требы; 6% — за прелюбодеяния¹⁷. Учитывая критическое отношение крестьян к приходским священникам, неудивительно, что в условиях произошедшей в феврале 1917 г. революции, духовенство было автоматически записано в разряд контрреволюционеров. Весной 1917 г. последовала череда новых конфликтов, выливавшихся в аресты священников представителями новоиспеченной революционной милиции, которая для этого позволяла себе даже забегать на алтарную часть¹⁸.

Отмеченные особенности семиотического пространства накладывали отпечаток на повседневность обывателей, в которую, на фоне падения православной религиозности, настойчиво проникал мистицизм. Начавшаяся мировая война породила естественный интерес к предсказаниям и спрос на услуги хиромантов, ясновидцев, гадалок. Косвенным свидетельством распространения хиромантии в деревенской среде могут служить случаи доносов прихожан на священников, в которых последние обвинялись в занятиях хиромантией¹⁹. Столичную печать переполнили сообщения о прибытии известных магов-гипнотизеров, рассказы о чудесных спиритических сеансах, сбывшихся предсказаниях. По городам и деревням ходили шарманщики, продававшие билеты с предсказаниями о военных событиях. Популярностью пользовались гадания,

основанные на магии чисел: обыватели искали закономерности, позволявшие определить дату окончания войны. Так, была выведена формула определения даты мира на основе Франко-прусской войны 1870—1871 гг.: если сложить оба числа, то сумма первых двух чисел полученного результата будет означать день, а сумма оставшихся — месяц окончания войны, т. е. 10 мая. Действительно, 10 мая 1871 г. был подписан мирный договор между Францией и Пруссией. Будучи уверенными в том, что современная война не продлится дольше текущего года, петроградцы решили, что Германия подпишет капитуляцию 11 ноября 1915 г. ($1914+1915=3829$; $3+8=11$; $2+9=11$)²⁰. Как известно, Германия действительно подписала перемирие 11 ноября, фактически означавшее окончание войны, но только в 1918 г. Таким образом, жаждавшие скорейшего мира предсказатели ошиблись ровно на 3 года.

В погоне за счастьем и удачей, если не помогли духи, карты и лотерейные билеты с предсказаниями, люди пытались — в силу своих возможностей и в меру известных суеверий — самостоятельно влиять на судьбу. Так, россияне бросились скупать «брутовские рубли» — бумажные деньги, подписанные кассиром Государственного банка Брутом, который повесился в 1914 г. (по слухам, проигравшись в карты). Согласно суевию, некоторые вещи, оставшиеся от самоубийц, приносят счастье, вот суеверные обыватели в условиях распространения мистицизма и поддались массовой психологии. Появлялись в печати и разоблачающие публикации. В 1915 г. рядом столичных газет освещалась история «деятельности» и суда над известной брачной аферисткой Ольгой Штейн, умудрявшейся периодически выходить замуж за состоятельных мужчин, получая от них различные титулы и состояние. Отмечалось, что причина популярности Штейн у сильного пола была в ее спиритуалистических способностях: она одними глазами гипнотизировала своих жертв и внушала им свои желания²¹. На популярность оккультизма среди городских слоев реагировала литература. Так, модная

писательница Е. А. Нагродская в 4-х-актной пьесе «То, чему не верят», описала страстное увлечение мистицизмом молодой девушки, которая вступила в тайное оккультное общество, на деле оказавшееся бандой аферистов.

В результате роста подобных явлений 9 января 1915 г. приказом по полиции было запрещено заниматься хиромантией и гаданием на картах. Петроградская обывательница в письме приветствовала данную меру: «...Зато запретили хиромантов. Спасибо большое, а то эта дрянь заползала в семьи, разрушая их, играла роль сводней, а в последнее время сочиняла предсказания насчет войны»²². В следующем месяце власти взялись за шарманщиков. 19 февраля 1915 г. от имени товарища министра внутренних дел всем губернаторам было отправлено циркулярное письмо: «Прошу воспретить бродячим шарманщикам продажу публике билетов с предсказаниями о войне и мире»²³. Некоторые губернаторы пошли еще дальше, и тут же издали запрет на всякую публикацию статей, оттисков и пр. с предсказаниями о войне²⁴.

По-видимому, косвенно связанной с увлеченностью горожанами мистикой была и проблема динамики психических расстройств в период Первой мировой войны. Психиатры-современники отмечали резкий всплеск душевных заболеваний летом 1914 г. Причем особенно ярко эта динамика проявилась у женщин, которые традиционно считаются более уравновешенными, чем мужчины. Так, если до июля 1914 г. поступление женщин в психиатрические лечебницы столицы постепенно снижалось, то с началом войны, наоборот, начинается его рост (правда, так и не достигнув пика 1914 г., который пришелся на май — традиционный период обострений у душевнобольных). В результате, по сравнению с июлем в декабре 1914 г. в больницах для душевнобольных оказалось на 28% женщин больше²⁵. Для обоих полов Москвы характерна примерно та же ситуация, только с опозданием на 1 месяц, резким скачком поступлений в сентябре (рекордная отметка для всего года в 204 человека), и последующим постепенным

снижением. Показательна так же кривая смертности среди душевнобольных за годы войны. Так, среднемесячная смертность душевнобольных в Петербурге в 1913 г. составляла 69,9 человек, в 1914 г. она поднялась до 72,4 человека, а в 1915 г. составила 81,6 человек в месяц²⁶.

В 1914 г. В. М. Бехтерев опубликовал статью «Психические заболевания и война», где связывал эти два фактора, считая причиной психических расстройств как травмы головы у солдат на фронте, так и волнения, напряжение психических сил людей, особенно в прифронтовой зоне. Среди проявлений истерико-неврастенических психозов Бехтерев называл галлюцинации и кошмары по ночам. Чтобы не превращать фронт и полевые госпитали в сплошной сумасшедший дом, и не снижать тем самым боевой дух здоровых воинов, Бехтерев еще в сентябре 1914 г. предложил начать срочную эвакуацию душевнобольных с фронта и направлять их на лечение в городские больницы²⁷.

Косвенным следствием упомянутых психических процессов в обществе стали участвовавшие несчастные случаи с летальным исходом. Так, например, за 1913 г. от несчастных случаев погибло 1 098 петроградцев. В 1914 г. их количество хоть и сократилось до 1 066, но в декабре показало рекордную отметку в 152 погибших человека (против 71 в декабре 1913 г.). Однако уже в 1915 г. от несчастных случаев погибло 3 343 человека, т. е. смертность увеличилась на 214%. Пик пришелся на месяц октябрь, в котором в городе умерло 445 человек (против 90 в октябре 1913 г.)²⁸. Для Москвы была характерна та же тенденция, и против 796 погибших от несчастных случаев в 1913 г. в 1915 г. оказалось уже 2 538 жертв²⁹. В 1916 г. количество смертельных исходов после несчастных случаев незначительно снижается (примерно на 17%, вероятно, по причине психологической адаптации горожан к постоянным неутешительным сведениям, поступающим с фронта), хотя по-прежнему продолжает превышать подобную смертность довоенного периода.

К следствию массового психического кризиса следует также отнести суицидальную активность населения. Правда, здесь скорее можно говорить об обратном — о снижении числа самоубийств с началом войны. Отчасти это связано с увеличением смертности душевнобольных. Так, вслед за начавшимся в апреле 1914 г. снижением количества самоубийств среди петроградцев в мае начала расти смертность от психических расстройств, а ее падению с октября 1914 г. соответствовал рост самоубийств, начавшийся на месяц раньше³⁰. Таким образом, обратно пропорциональная кривая колебаний самоубийств и смертности душевнобольных позволяет предположить, что в обоих случаях мы имеем дело с почти одной и той же группой населения, страдающей психической неуравновешенностью.

На фоне роста психических расстройств и иррационализации общественного сознания появлявшиеся в народе слухи отличались порой особенной извращенностью. В первую очередь, это отразилось в феномене политической порнографии: в городах распространялись открытки и рассказы о сексуальных утехах царского двора, главными героями которых выступали Александра Федоровна и Распутин. Петроградский студент в декабре 1916 г. упоминал засилье политической порнографии в письме своему московскому товарищу: «По Петрограду ходит очень много стишков, карикатур и т. п. изображений нашей милой действительности, в большинстве случаев порнографического характера»³¹. Не лучше обстояли дела в деревне. Еще в октябре 1914 г. крестьяне, убивавшие время в очереди на мельницу, рассказывали друг другу о досуге императора: «Ходит он царь в свой музей, там женщин ставят на кресла и сзади их употребляют, а когда таких женщин не находится, тогда мать государя тоже приходит туда и ее употребляют сзади желающие»³². Несложно догадаться, что в основе этой «истории» лежали известные идиоматические выражения, свойственные матерной лексике, в связи с чем едва ли данную историю

воспринимали в буквальном смысле. Тем не менее, последующее распространение политической порнографии позволило считать доказанными в массовом сознании слухи о прелюбодеяниях императрицы. В 1916 г. по рукам столичных жителей ходил текст бывшего иеромонаха Илиодора (С. Труфанова) «Святой черт. Записки о Распутине», в котором выносилась лаконичная и категоричная оценка Александре Федоровне: «Императрица Александра. Красивая, нервная, впечатлительная женщина, отдалась в руки “старца” еще тогда, когда он явился в Питер в больших мужицких сапогах»³³.

Вместе с тем, и феномен Распутина нельзя понять без учета отмеченного распространения мистицизма, захватившего даже царскую семью. А. Кизеветтер указывал на мистический фетишизм императрицы, веру в чудодейственные силы предметов, полученных от различных юродивых и старцев³⁴. Вероятно, появление Распутина было связано с желанием найти замену умершему в 1905 г. придворному мистик Филлиппу Ницье, которого Александра Федоровна в письмах к Николаю называла «нашим первым другом» (подразумевая под просто «другом» Распутина). «Наш первый Друг дал мне икону с колокольчиком, которая предостерегает меня от злых людей и препятствует им приближаться ко мне. Я это чувствую и таким образом могу и тебя оберегать от них...», — писала императрица супругу в 1915 г.³⁵ Кизеветтер характеризовал государыню как женщину с «душою честолюбивой, порывисто-страстной и бурной и с мыслью, безнадежно затуманенной предрассудками и признаками расстроенного воображения»³⁶. Неудивительно, что многие современники лично знавшие супругу императора, порой считали ее сумасшедшей или, в лучшем случае, неврастеничкой³⁷. Связывая распространение политической порнографии с назревавшим политическим кризисом и социальным протестом, московский обыватель в частной переписке соглашался с истинностью известной поговорки: «Оказывается, что древнее римское выражение “Супруга

Цезаря должна быть вне подозрений” имеет огромное реальное значение»³⁸. В крестьянском политическом дискурсе происходившая десакрализация монархии выражалась в развитии эсхатологических предчувствий³⁹.

Горожане в письмах друг другу жаловались, что в условиях жесткой цензуры только городская молва позволяла преодолевать информационную блокаду, поэтому даже если слухи и не воспринимали всерьез ими с удовольствием делились. Петербурженка в письме передавала ходившие слухи о покушении на императрицу в январе 1917 г.: «Может все это враки, но так как теперь о многом запрещают печатать в газетах, то этим дается пища для всяких, может быть, и нелепых слухов»⁴⁰.

Мистификация общественного сознания обывателей также прослеживается при анализе политического дискурса — высказываний, объединенных единой темой и фразеологическими средствами. В перлюстрированной корреспонденции городских слоев с 1916 г. начинает часто встречаться оккультная лексика. Вероятно, отчаявшись объяснить происходящее в стране рационально, обыватели приступили к поиску мистических улик. Так, уставшие от «министерской чехарды» они в частных письмах друг другу называли правительство «спиритическим». Причем в это слово вкладывалось одновременно несколько значений: министерство, состоявшее из духов, и министерство, занимавшееся спиритическими, а не правительственными делами. Примером употребления словосочетания «спиритическое министерство» в первом значении служит письмо за подписью «Лида», отправленное из столицы 13 января 1917 г.: «Все наши ожидания так и остались ожиданиями, что вполне соответствует русской действительности. Быть может теперешнее объединенное спиритическое министерство удивит мир своими решениями, продиктованными посторонними силами, но и не думаю. Ведь подобное стремится к подобному, следовательно и духи должны быть равного качества. Вот уж тогда в пору петь “уж не жду от верха ничего я”»⁴¹. В

последней строчке были перефразированы слова «уж не жду от жизни ничего я» из известного в начале XX в. романа на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу».

Оба значения словосочетания «спиритическое министерство» вытекали из представлений российских подданных о министрах как временных ставленниках Г. Распутина, и министров, не способных самостоятельно действовать. Так, петербуржец характеризовал нового министра просвещения, доктора медицины Н. К. Кульчицкого, попадавшего по следующему описанию под понятие «духа»: «Про Кульчицкого одна особа, хорошо его знающая, рассказывала, что он круглый дурак и ничтожество (будто бы в Казани его звали “пареной репой”). Кассо выдвинул его как подставное лицо, чтобы спихнуть кого-то и сдать Кульчицкого потом в Совет министерства. Назначение объясняется тем, что К. был в фаворе у Р-на (*Распутин. — В.А.*)»⁴². В другом письме Кульчицкого прямо называли спиритуалистом и даже связывали его с сектантским (религиозно-философским) кружком Д. С. Мережковского: «Новый министр спирт; в свое время привлекался к суду по делу 193 (революционная пропаганда), но затем покаялся; должен был подвергнуться суду по делу Мережковского, но по милости министра Кассо был спасен переводом на должность попечителя Петроградского учебного округа, изгнание его с которой было первым делом Игнатьева»⁴³. Любопытно, что в английском языке слово «spirit» имеет еще одно значение, весьма актуальное для городских слоев эпохи «сухого закона» — алкоголь. В народе был распространен образ царя-пьяницы и такого же правительства: «Вчера я слышала забавные штуки про царя. Пьет он без отдыха, и будто бы спаивает его Александра», — писала студентка из Петрограда⁴⁴. Встречаются в перлюстрированной корреспонденции и слухи о том, что дух убитого Распутина вселился в министра внутренних дел А. Д. Протопопова⁴⁵.

Информационный кризис, приведший к снижению доверия населения к официальным источникам информации и повысивший значение уличной молвы, сыграл роковую роль в февральских беспорядках 1917 г., протекавших на фоне страхов о критическом недостатке хлеба в Петрограде. Более того, в некоторых «хвостах» говорили о том, что правительство вообще собирается на несколько дней прекратить продажу хлеба для того, чтобы сосчитать оставшиеся в городе запасы⁴⁶. Улица рождала всевозможные версии причин хлебного кризиса. Поговаривали, что ввиду вздорожания овса, владельцы лошадей и коров скармливали хлеб животным. Обвинения летели и в адрес самих булочников. Последних обвиняли в том, что вместо того, чтобы выпекать хлеб из полной отпущенной им нормы муки, булочники отсылали часть муки в провинцию, где она шла на черном рынке за большие деньги⁴⁷.

Власти ничего не могли поделать со стихийным ростом слухов. Им оставалось лишь наблюдать и фиксировать на бумаге развитие панических настроений. Тем не менее, Протопопов, телеграфируя в Ставку дворцовому коменданту, сумел сформулировать, по-видимому, истинные причины перебоев с хлебом: «Внезапно распространившиеся в Петрограде слухи о предстоящем, якобы, ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба взрослым по фунту, малолетним в половинном размере вызвали усиленную закупку публикой хлеба, очевидно в запас, почему части населения хлеба не хватило. На этой почве 23 февраля вспыхнула в столице забастовка, сопровождающаяся уличными беспорядками»⁴⁸.

Сами хлебопеки наблюдали явление, когда какой-то человек, купив в одной лавке хлеб, тут же становился в очередь к другой. «Хвосты» в данной ситуации неизмеримо быстро росли, возбуждая беспокойство у другой части публики. В «Русских Ведомостях» в статье «Развитие паники» отмечалось: «...Откуда причина такой паники — сказать трудно, это нечто стихийное. Но во всяком случае в эти дни для нее не было оснований, ибо в Петрограде все-

таки имеется достаточный запас муки...»⁴⁹. Несмотря на постоянное требование хлеба, толпы в действительности не ощущали в нем такую уж огромную потребность, и ворвавшись в хлебную лавку, часто разбрасывали его по улице, а в самом магазине били стекла⁵⁰.

Стихия бытовых страхов подчинила себе и сделала невозможным рациональное восприятие событий. В основу принятия решения лег общественный пример и групповой порыв, подчиняя сознание индивида психологии толпы. В этой ситуации группы женщин-работниц, вышедших 23 февраля на улицы города с красными флагами для празднования своего профессионального дня, стали для обывателей тем раздражающим фактором, который запустил механизм общественного неповиновения. В условиях недоверия к официальным средствам информации именно улица превращалась в то поле, которое питало слухами жаждущих определенных известий горожан. Можно добавить и еще один небезынтересный фактор, подтолкнувший петроградцев к массовому выходу на улицы города: по воспоминаниям современников, телефон, являвшийся альтернативой «хвостам» как источнику информации, неоднократно отключался в 20-х числа февраля и, тем самым, терял свои функции⁵¹.

Помимо высокой роли слухов влияние первых революционных месяцев на психику граждан иллюстрирует возросшее число душевнобольных в российских столицах. По официальным данным, колебания находившихся в петроградских больницах сумасшедших за неделю составляли в предыдущие месяцы от -4,6 человек до +6,5, то есть в среднем +0,9 человек, в то время как после февральских событий это число достигло +50⁵². Таким образом, число душевнобольных резко возросло (в 50 раз! — и это только согласно официальным данным и только по тем людям, которые, сами или по настоянию родственников, обратились за помощью в больницы). В целом же многие психиатры фиксировали резкий всплеск «сумасшествий» в связи с революционным моментом. Председатель общества

психиатров П. Я. Розенбах отметил, что произошедший с началом революции резкий скачок поступлений душевнобольных превысил аналогичные поступления в первые недели и месяцы войны⁵³. Он же считал вполне обоснованным выделение психических расстройств вызванных революцией в отдельную группу, называя их «революционным психозом», так как они имели характерные отличия от других известных расстройств — быстрое развитие и склонность к быстрому угасанию, бред и галлюцинации, находящиеся в тесной зависимости от происходящих событий, страх или воинственность⁵⁴. Причем подверженными этой новой форме психоза оказались как сторонники прежней власти, так и лояльные граждане вместе с поборниками революции.

Апогеем развития обывательских страхов перед расплатой за совершенную революцию, по-видимому, стала массовая истерия, охватившая жителей обеих столиц, относительно слухов о «черных авто». Они якобы появлялись по ночам в разных частях города и расстреливали обывателей и милиционеров. Все эти слухи были несостоятельными — хотя бы потому, что в условиях войны была проведена ревизия всего моторного транспорта, а затем и реквизиция его у частных лиц для передачи в пользование государственных и общественных организаций, обеспечивавших нужды военного времени. Неучтенных, бесхозных моторов в стране, а тем более в столице, не было. Тем не менее, революционизация массового сознания характеризовалась блокированием рациональных пластов мышления, поэтому страшилка о «черных авто» была подхвачена представителями разных слоев населения. Первое известие о них датируется 2 марта: «Появился в Петербурге некий “черный автомобиль”, мчавшийся, как говорили, из конца в конец столицы и стрелявший в прохожих чуть ли не из пулемета»⁵⁵. «Русские ведомости» 9 марта сообщили о предпринятых в Петрограде «таинственными моторами» ночных разбойничьих набегах, сообщалось также, что удалось напасть на след некоторой

организации⁵⁶. После этого тема «черных авто» стала самой популярной в столичной прессе, а 16 марта их «обнаружили» и в Москве. Журналисты даже смогли определить район, в котором появления «черных авто» носило почти регулярный характер — Трубная площадь, Сретенка и Садово-Спасская⁵⁷. Но петроградские милиционеры в расследовании продвинулись дальше: они смогли заполучить список номеров этих авто и вскоре был арестован гласный городской думы Д. А. Казинин, проезжавший в машине из списка⁵⁸. Когда личность депутата была установлена, «подозреваемого» тут же отпустили.

Так как никакой контрреволюционной организации выявлено не было, сознание горожан переqualificировало владельцев авто — «монархистов» — в банду сбежавших «уголовников». Кроме того, не без доли облегчения обывателями было замечено, что наибольшую опасность автомобили представляли для милиционеров, поэтому очень скоро появился слух об охоте на городскую милицию. «Черные авто» из информационного поля слухов перешли и в семиотическое поле литературных и изобразительных образов. В журналах стали печататься фельетоны и карикатуры на пугающихся любого автомобиля милиционеров⁵⁹. День 12 апреля стал рекордным по числу зафиксированных происшествий с «черными авто». Разбор их весьма наглядно характеризует особенности массовой психологии, зараженной фобией.

Так, поздно ночью 12 числа 4 милиционера Спасской части на автомобиле выехали для производства обыска по уголовному делу. Когда автомобиль проезжал по Невскому проспекту, он издал хлопок, то ли от лопнувшей шины, то ли из выхлопной трубы. На звук тут же отреагировали постовые милиционеры и открыли беспорядочную стрельбу вслед своим уезжающим коллегам, в результате которой была убита лошадь проезжавшего мима извозчика. Когда автомобиль остановился, на находящихся в нем милиционеров набросилась толпа, намереваясь совершить

самосуд. Поставные милиционеры смогли отбить своих товарищей от разъяренного народа, но на обыск в тот день милиционеры так и не попали, проведя остаток ночи в разбирательстве по данному происшествию. Другой случай произошел за Московской заставой по Можайскому шоссе. Стоявший на посту милиционер в темноте принял за «черный автомобиль» ...броневик с солдатами, который не остановился на его свистки. Милиционер открыл стрельбу по броневнику, солдаты, которые его не заметили, но услышали удары пуль о броню, ответили беглым ружейным огнем. Никто, к счастью, не пострадал⁶⁰. Навязчивое следование какой-то одной идее, резкая смена настроений при явной склонности к агрессии, восприимчивость к иррациональным, чувственным порывам и высокая роль примера большинства, которое отодвигает сознание индивида на третий план — все эти особенности психологии толпы, отмеченные в трудах классиков социальной психологии, в полной мере проявились в происшествиях 12 апреля 1917 г. в Петрограде⁶¹.

Следует отметить, что сам по себе образ «черного авто» был далеко не случаен. Еще с конца XIX в он вошел в семиотическое пространство, олицетворяя собой Люцифера — как ревущего и несущегося с бешеной скоростью в ночи чудовища. Даже после того, как в сознании обывателей растаял страх перед «черным авто», образ автомобиля, тем более грузовика, продолжал символизировать революционное насилие. Именно с этим образом И. Бунин связал собственные революционные фобии: «Грузовик — каким страшным символом остался он для нас, сколько этого грузовика в наших самых тяжелых и ужасных воспоминаниях! С самого первого дня своего связалась революция с этим ревающим и смердящим животным... Вся грубость современной культуры и ее “социального пафоса” воплощены в грузовике»⁶². О массовом характере данных ассоциаций говорит и тот факт, что об автомобиле как символе революционного насилия писали в 1917 г. и

М. Горький, и П. Сорокин, и В. Шульгин, и многие другие современники⁶³.

Мистификация общественного сознания предреволюционной поры в 1917 г. в условиях ликвидации цензурных ограничений вылилась в распространение сатанинской тематики в кинематографе. Последний, обеспечивая стремительный оборот кинопродукции (от начала съемок фильма до выхода его на экран, порой, проходила всего одна неделя), весьма тонко реагировал на социально-психологические изменения в обществе. Один из критиков писал по поводу демонизации семиосферы: «Если бы не было дьявола, его надо было бы выдумать». Это в настоящее время более всего применимо к кинематографии. Кинематографисты шагу без него не ступят — и, как институтки от печки, могут объяснять свои картины только «От Сатаны». Как это ни странно — в наш чудесный век пара, электричества и декретов, — но у каждой фирмы есть за душой Сатана в том или ином виде. В самом деле, например, у Харитоновой — «Потомок Дьявола», у Ермольева — «Сатана Ликующий», у Биофильма — «Скерцо Дьявола», у Козловского и Юрьева — «Сын страны, где царство мрака». Ханжонков уже года два обещает показать «Печаль Сатаны», а «Нептун» дал «Детей Сатаны» по Пшибышевскому»⁶⁴. Вероятно, помимо отмеченной иррационализации сознания городских слоев начала XX в. распространению демонических культов способствовала сама война — символ сатанинского начала. «Не знаю, можно ли на войне уверовать в Бога, но в Сатану поверить можно», — писал солдат с фронта в 1915 г.⁶⁵

Распространение мистических сюжетов, сатанизма и демонизма, заставило Министерство внутренних дел издать специальный циркуляр «О недопустимости в кинематографе демонстрирования картин, оскорбляющих религиозное чувство населения». В нем говорилось, что «в некоторых кинематографах стали демонстрироваться за последнее время картины, представляющие собой явное глумление и издевательство не только над духовенством, но даже над

религией, и возбуждающие справедливое негодование православного населения». В результате комиссарам поручалось сообщать о таких фактах чинам прокурорского надзора⁶⁶. Правда картины все равно продолжали идти, так как цензура была отменена и вводить что-либо похожее на нее пока никто не собирался, так что правовой базы для наложения вето на показ определенных фильмов фактически не было.

Сатанинская тематика не являлась прерогативой только кинематографического и сценического действия. Русская революция и связанный с ней религиозный кризис объективно способствовали росту оккультных обществ. В печати появилось огромное количество рекламы и адресов хиромантов, гадалок, целителей и пр. Один из журналистов в статье под названием «То, что хуже всего», призывал читателей обратить внимание на афиши, которыми пестрел Невский проспект: «Вы не увидите там кадетских афиш о лекциях, предвыборных собраниях. Там бьют в глаза афиши “Ордена звезды на Востоке”, афиши богоискателей, сатанистов...: “Эволюция духа и пришествие учителей”, “Бессмертие и страшный суд”, “Сатана и сатанизм”»⁶⁷.

В городах и селах развелось множество «чудотворцев», «святых». Одни из них устраивали продолжительные «философские» беседы, другие организовывали спиритические концерты, в которых должны были принимать участие духи знаменитостей — Моцарта, Паганини, Листа⁶⁸. Попытки данных антрепренеров поживиться за счет духовно-религиозного кризиса и всплеска интереса к нетрадиционным учениям усугубляли нравственное состояние революционизированного общества. Схожая тематика кинопроизведений в этом смысле отражала и общую психологическую атмосферу. Тема сатаны, пусть бессознательно, связывалась с темой революции, а последняя, по мере приближения к октябрьскому перевороту, все более себя дискредитировала.

Религиозный кризис и криминализация общества приводили к переоценке многих ценностей, морально-нравственных и общественных устоев. Революция пробуждала в людях жажду деятельности, узаконила идеал человека-революционера. В мистицизированном социуме он нередко выражался в облике Сатаны. Именно его идеология, а по сути та же религия, становилась стержнем общественной жизни. Приход большевиков к власти в октябре 1917 г. явился следствием всех этих процессов. Вульгарный материализм и атеизм призван был заменить прежние национальные ценности, создать новый тип человека, начинающего строительство нового мира с разрушения старого и тем самым очень напоминающего дьявола. Тема сатаны, таким образом, приобретала новое значение после большевистского переворота октября 1917 г. и целиком оправдывала эсхатологические предчувствия сельских и городских обывателей предшествующего периода.

Библиография

¹ *Леонов С. В.* «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901—1917 гг.) // *Ментальность в эпохи потрясения и преобразований.* М., 2003.

² Подсчитано по: *Мировая война в цифрах.* М.—Л., 1934. С. 88.

³ ГАРФ. Ф. 58. Оп. 7. Д. 298. Л. 75.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 201. Отд. 6. Ст. 3. Д. 109. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 73. Лл. 1—5.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1516.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 201. Отд. 6. Ст. 3. Д. 109. Л. 3.

⁸ См.: *Эткинд А.* Содом и Психея: очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1995; *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999; *Энгельштейн Л.* Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX вв. М., 1996; и др.

⁹ *Эткинд А.* Указ. соч. С. 92.

¹⁰ *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза. СПб., 2003.

-
- ¹¹ *Замятин Е.* Мы: Роман, повести, рассказы, пьесы, статьи и воспоминания. Кишинев, 1989. С. 511.
- ¹² *Аверченко А.* Трава, примятая сапогом. М., 1991. С. 317.
- ¹³ *Арцыбашев М. П.* Санин. М., 1990. С. 239.
- ¹⁴ Цит. по: *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России начала XX века. М., 1976. С. 72.
- ¹⁵ Московский листок. М., 1916. 20 декабря.
- ¹⁶ Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Описи №№ 183, 188, 189-2, 190-2, 191-2, 193, 195, 197.
- ¹⁷ Подсчитано по: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Отд. 3. Ст. 5. Д. 32. Лл. 2—25.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Отд. 3. Ст. 5. Д. 22. Л. 139.
- ¹⁹ Там же. Л. 32 Об.
- ²⁰ Биржевые ведомости. Веч. вып. Пг., 1915. 29 июня.
- ²¹ Там же. 5 февраля.
- ²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 85.
- ²³ Там же. 102. Оп. 73. Д. 86. Л. 2.
- ²⁴ Там же. Л. 4.
- ²⁵ Подсчитано по: Ежемесячник статистического отделения СПб. городской управы. Пг., 1914. №№ 1—12.
- ²⁶ Подсчитано по: Ежемесячник статистического отделения Петроградской городской управы. Пг., 1913—1915 гг.
- ²⁷ Московский листок. М., 1914. 20 сентября.
- ²⁸ Подсчитано по: Ежемесячник статистического отделения Петроградской городской управы. Пг., 1913—1915 гг.
- ²⁹ Подсчитано по: Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве. М., 1913—1915.
- ³⁰ Подсчитано по: Ежемесячник статистического отделения Петроградской городской управы. Пг., 1913—1915 гг.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1065. Л. 1527.
- ³² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 83 Об. — 84.
- ³³ Бывш. иер. Илиодор. Святой черт. М., 1917.
- ³⁴ *Кизеветтер А.* Письма царицы // Современные записки. Париж, 1922. Кн. XIII. Культура и жизнь. С. 327—328.
- ³⁵ Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 1. Берлин, 1922. С. 135.
- ³⁶ *Кизеветтер А.* Указ. соч. С. 324.
- ³⁷ См.: *Зимин И. В.* Последняя российская императрица Александра Федоровна // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 112—120.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 54.

- ³⁹ Более подробно см.: *Аксенов В. Б.* Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914—1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации // *Российская история.* 2012. № 4. С. 137—145.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 101.
- ⁴¹ Там же. Д. 1068. Л. 95.
- ⁴² Там же. Д. 1069. Л. 186.
- ⁴³ Там же. Д. 1068. Л. 86.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1070. Л. 88.
- ⁴⁵ Там же. Д. 1069. Л. 186.
- ⁴⁶ *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994. С. 221.
- ⁴⁷ *Катков Г. М.* Февральская революция. М., 1997. С. 256.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1788 Оп. 1 Д. 74 Л. 29.
- ⁴⁹ Русские Ведомости. М., 1917. 26 февраля.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 14 Об.
- ⁵¹ *Ростковский Ф. Я.* Дневник для записывания. М., 2001. С. 53.
- ⁵² Подсчитано по: Еженедельник статистического отделения Петроградской городской управы. Пг., 1917. № 3—10.
- ⁵³ Биржевые Ведомости. Веч. вып. Пг., 1917. 18 мая.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 178.
- ⁵⁶ Русские Ведомости. М., 1917. 9 марта.
- ⁵⁷ Московский листок. М., 1917. 17 марта. 18 марта.
- ⁵⁸ *Кельсон З.* Указ. соч. С. 169.
- ⁵⁹ 20^й век. Пг., 1917. № 14. С. 14.
- ⁶⁰ Петроградский листок. Пг., 1917. 13 апреля. С. 5.
- ⁶¹ Об особенностях психологии толпы см.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995; *Тард Г.* Социальная логика. СПб., 1901; *Сигеле С.* Преступная толпа // *Преступная толпа.* М., 1998; *Михайловский Н. К.* Герои и толпа. В 2 т. М., 1999; *Бехтерев В. М.* Избранные работы по социальной психологии. М., 1994; *Московичи С.* Век толп. М., 1998; и др.
- ⁶² *Бунин И.* Окаянные дни. М., 1991. С. 54.
- ⁶³ См: *Горький М.* Несвоевременные мысли. М., 1990; *Сорокин П.* Указ. соч.; *Шульгин В. В.* Дни. Белград, 1925.
- ⁶⁴ Цит. по: Великий кинемо. Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908—1919. М., 2002. С. 368.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 28.
- ⁶⁶ Сборник циркуляров Министерства внутренних дел за период март—июнь 1917. Пг., 1917. С. 81.
- ⁶⁷ Русские ведомости. 1917. 21 октября. С. 3.
- ⁶⁸ Стрекоза. Пг., 1917. № 20. С. 14—15.

**Два большевизма,
или место Октября в Русской революции**

В 1991 г., рецензируя очередной труд Р. Пайпса о Русской революции, П. Кенез остроумно заметил: на Западе всегда считалось, что подлинная история советского периода откроется лишь тогда, когда откроются советские архивы, но архивы открылись — и ни один западный исследователь не объявил в этой связи, что он пересматривает свои прежние убеждения и утверждения¹. Я об этом писал когда-то, анализируя и более поздние западные исследования о России², но совсем недавно это вспомнилось в размышлении о проблемах историографии отечественной. И вот по какому поводу.

В мае 2012 г. на заседании круглого стола историков «Сталинизм и крестьянство» В.В. Кондрашин возмущенно отреагировал на выступления некоторых коллег: «Все это реанимация самых реакционных взглядов трапезниковщины и сталинской пропаганды». Он назвал ряд исследований, которые многие современные критики сталинизма не желают принимать во внимание. «Почему-то все забыли о результатах грандиозного проекта Данилова—Шанина о крестьянской революции в России», — грустно констатировал Кондрашин — один из самых последовательных и трудолюбивых продолжателей работы по изучению этой революции.

Со сталинизмом такое уже бывало. После хрущевских разоблачений все дружно, как и положено в тоталитарном обществе, принялись разоблачать сталинизм. Хотя были важные исключения из этого «мейнстрима». Пока официальная историография и пропаганда создавали видимость искоренения сталинизма, историки нового направления взяли и в самом деле копнули под корень, показав, что накануне «Великого Октября» не было в России никакого капитализма в западном понимании этого слова, а

ведущую роль в революционных событиях играли представители самого антикапиталистического сословия — общинные крестьяне. Это уже было покушение на святое, на идею гегемонии пролетариата в революции, на миф о воплощении марксовской революционной «науки» в российской революционной практике. Судьба этого направления в советской историографии известна — забвение надолго (не по настоящему ли время?).

Казалось бы, в антикоммунистические и антимарксистские 90-е все то, что таило угрозу марксистско-большевистской догме, должно быть востребовано. Ан, нет. Наследие историков нового направления представляло основной интерес как раз для участников исследовательского проекта «Крестьянская революция в России 1902—1922 гг.», а основные итоги и результаты этого проекта, как выясняется, не очень-то корреспондируются с умонастроениями тех, кто работает в сегодняшнем «мейнстриме». Опять повторяющийся сюжет: в начале 60-х каждый новый провал хрущевской политики работал на реинкарнацию сталинизма без Сталина («ползучий сталинизм») в политике и идеологии; в девяностые и нулевые многочисленные провалы в политике «капиталистической революции» опять выбивают почву из-под ног революционеров от истории, уже успевших предать анафеме большевистский Октябрь и сталинскую коллективизацию. Во взглядах на великодержавное прошлое все больше ностальгической теплоты. Все реже слышны мелодии исторических альтернатив, безумно популярные 15—20 лет назад.

Ну, какие альтернативы? Если сегодня не получается в стране никакой демократии, а только олигархия и старая добрая бюрократия, уместно ли говорить о демократической альтернативе большевизму в Октябре и сталинизму в 30-е?

Тут более уместен другой вопрос, не риторический. Хотя либеральный тип мышления у нас в последнее время очень окреп, и это достойно всяческого уважения. «Либерум» — свобода, и невозможно не уважать

соотечественников, приверженных этим идеалам. Для них и этот вопрос — отнюдь не риторический. Они отвечают: да, уместно! К сожалению, многим из них такой ответ представляется неперменной составляющей их сегодняшней борьбы за демократию в России, их сегодняшней пропаганды свободы. А это не совсем так. Философы знают, что путь к свободе всегда пролегает через адекватную самооценку. Убежден, что представление о демократической альтернативе большевикам в 17-м и о бухаринской альтернативе коллективизации в 30-е, вполне эффективное как инструмент интеллектуального поиска, основано на не вполне адекватной оценке ряда важных факторов, работавших в то время.

Возвращаясь к более уместному вопросу: *почему все-таки большевики?* Хорошо бы поискать ответ на этот вопрос, пройдя между Сциллой и Харибдой (где Сцилла — надоевшие вариации на тему «ошибки истории» и/или чьих бы то ни было заговоров против матушки-Руси и «народа-богоносца»; Харибда — разные варианты возврата к официальной мифологии советской поры о большевиках-коммунистах как воплощении нужд и чаяний трудового народа)³.

Для начала можно вспомнить, что Н. А. Бердяев всегда гордился тем, как он в статье «Из психологии русской интеллигенции» еще за 10 лет до октябрьских событий предсказал победу большевиков в Русской революции⁴. Ну не видел великий мыслитель перспектив похода в высшую власть погромщиков-черносотенцев, а тем более либеральной профессуры. Это похоже на то, как из московского и ленинградского мэртства профессоров Г. Х. Попова и А. А. Собчака не вышло ничего путного, кроме Ю. М. Лужкова и В. В. Путина. Вот здесь, подозреваю, современные либералы со мной согласятся, поскольку так же не приемлют режим Ленина в прошлом, как режим Путина в настоящем. Хотя, наверное, сам Путин в душе был бы польщен таким уподоблением. Так в свое время был откровенно польщен М. С. Горбачев, когда один

авторитетный коллега-историк уподобил его П. А. Столыпину⁵, что сразу же породило одну из самых популярных легенд современной мифологии: на смену советской лениниане пришла «стольпиниана»⁶, вполне сгодившаяся и в период ельцинского правления.

Не станем вспоминать, в силу каких свойств русской интеллигенции Бердяев полагал бесперспективными устремление во власть любых ее отрядов, кроме ленинской когорты. Лучше вспомним, что он писал о Ленине и о его переработке марксизма применительно к России: «Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма. ...Либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием. Это было определено всем ходом русской истории, но также и слабостью у нас творческих духовных сил. Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа... В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе... Роль Ленина есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях. Ленин потому мог стать вождем революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом... Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного мирозерцания с

гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике»⁷.

Казалось бы, трудно написать для русского читателя что-либо более лестное о марксизме, большевизме, о Ленине. Но вышедшую в Берлине в 1937 г. книгу Бердяева об истоках и смысле русского коммунизма в СССР можно было почитать только в спецхранах больших библиотек с допуском от госбезопасности. Такой допуск давали в основном тем, кто профессионально занимался критикой всякого рода антисоветчины. В данном случае антисоветчина заключается в том представлении, что большевизм стал формой возврата к чему-то традиционному, вековечному. Советская мифология исходила из другого: развитие капитализма в России в пореформенный период достаточно основательно порушило патриархальное прошлое страны и в то же время создало почву для той самой пролетарской революции, о которой говорится в марксизме и которая, собственно, и произошла в октябре 1917 г. И с крестьянским большинством населения страны этой революции было по пути ни в коем случае не в силу его общинной патриархальности (каковая очевидна для любого непредвзятого историка), но в силу нараставшего капиталистического характера его эксплуатации (выявление какого характера было одной из задач советской историографии).

Поэтому на Западе продолжали появляться работы, невозможные в СССР. Так, один американский историк поставил перед собой задачу разъяснить тот «великий парадокс современной истории, что марксизм, который был неизменно враждебен к живущим и работающим на земле, во всех случаях пришел к власти на спинах возмущенных крестьян»⁸. В главе, посвященной российским событиям он по существу впервые в научной литературе поставил вопрос о том, как соотносятся и какое влияние оказывают друг на друга процессы крестьянской революции в деревне и политической революции в городе, как эти линии расходятся в годы гражданской войны, как деревня заставляет

центральную власть следовать в русле своих интересов в начале 1920-х гг. Другой американский исследователь, изучая вопрос о месте крестьянства в становлении коммунистического режима в России, взял на себя труд взглянуть на большевистскую партию без антикоммунистической зашоренности и обнаружил, что большевики, по свидетельствам современников, думали, чувствовали и поступали иначе, чем представители всех других политических партий страны⁹. Более того, они были в непримиримой оппозиции ко всей остальной политической палитре города — от буржуазных либералов и социал-демократов до реакционеров и черносотенцев. Они чувствовали себя монополистами какой-то очень важной теоретической истины и клеймили носителей других теорий «ревизионистами» и «рenegатами»¹⁰, полагая, что в стране можно и нужно организовать все «по уму», «по науке», придя к власти и не деля ее ни с какими ренегатами. Не аналогичное ли отношение к хитросплетениям городской политики и политической риторики было характерно для российского крестьянства начала XX в., искренне недоумевавшего, почему нельзя в стране решить земельный вопрос в одночасье и по уму, как это веками делалось на мирских сходах?

У большевиков и «марксизм»-то (тот, который «пришел к власти на спинах возмущенных крестьян») был весьма специфический. В статье «Марксизм и ревизионизм» Ленин довольно ярко и эмоционально писал о том, что не могло не возмущать его партию в творческом подходе европейской социал-демократии к теоретическому наследию великого Маркса. Европейцы, как и российские меньшевики, увидели здесь идеи цивилизованного рынка, регулируемого либерально-демократическим государством, и возможность в этих условиях для рабочих, крестьян и других классов и слоев населения отстаивать свои интересы парламентскими средствами. Большевики же развивали те положения из работ Маркса, где речь шла о диктатуре пролетариата, т. е. переходе к коммунизму, не делясь властью с

непролетарскими, меньшевистскими партиями, и о самом коммунизме как отсутствии рыночных, товарно-денежных отношений, отсутствии бедности и богатства, воплощении идеала социальной справедливости.

В книге «Государство и революция», которую Ленин увлеченно писал в июле—августе 1917 г., скрываясь в Разливе от ищек Временного правительства, вождь большевиков поступил как толкователь священного писания. Он выдернул несколько цитат из статьи Маркса «Критика Готской программы», как раз о диктатуре пролетариата и о коммунизме (это определение коммунизма потом вошло во все редакции программы КПСС), и подробнейшим образом расписал, как ему виделось воплощение всего этого в тогдашней российской политической ситуации. Впрочем, книгу свою он до конца не дописал и отправился, вопреки предостережениям товарищей по ЦК, в Питер, якобы при этом заявив, что делать революцию интереснее, чем о ней писать. Вождь большевиков пробирался в Петроград делать революцию, которая, по его мнению, открывала перспективу строительства коммунизма в его классическом определении как посткапиталистического общества, где товарообмен уступает место справедливому распределению общественных богатств.

Но именно такая революция к тому времени уже более полутора десятилетий — с весны 1902 г. — развивалась в России. Делали ее *другие большевики* — крестьяне. Делали с тем упорством и последовательностью, которые характерны для земледельца. Делали организованно и предельно четко осознавая свои цели, о чем свидетельствует история двух съездов Всероссийского крестьянского союза (ВКС) в июле—августе и ноябре 1905 г., так ужаснувших царскую администрацию, что эта (политическая) деятельность крестьянства была загнана в глубокое подполье вплоть до мая 1917 г. — до I Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Эти ясно и четко осознаваемые цели революции все политические силы России воспринимали как несбыточные, утопические — все

кроме большевиков, левых эсеров и самих крестьян. И именно на осень 1917 г. пришелся очередной пик этой длительной и упорной революции — пик мощный, но не первый и не последний. Это к вопросу о месте «Великого Октября» в революции.

Теперь остановимся еще на двух вопросах: 1) что это были за цели, и почему большевики не видели в них ничего нереального; 2) зачем в контексте данной статьи понадобились эти опасные игры с брендом «большевики, большевизм».

Цели революции определились к ноябрю 1905 г., когда на делегатское совещание ВКС собрались 187 участников, представлявших практически всю обширную географию империи. Две трети делегатов были избраны общинными или волостными крестьянскими сходами, что значительно упрощало процедуру делегирования и в то же время повышало качество представительства. Участники сходов хорошо знали, кого и почему они посылают выражать свои интересы на съезде¹¹. Среди делегатов был даже один помещик, который объяснял, что был направлен на съезд, поскольку призывал крестьян к захвату всех земель и недоверию политике правительства¹².

Протоколы совещания были изданы в 1906 г. Эти документы доносят речи выступавших на форуме крестьянских делегатов, по большей части не очень похожие по форме на выступления записных трибунных ораторов. Но главное тут было не в форме, а в принципиальном единстве содержания: вся земля должна принадлежать крестьянам на началах уравнительного общинного владения; чиновничество всех уровней должно быть выборным на основе всеобщего избирательного права (примечательно, что некоторые выступавшие говорили о необходимости наделения избирательным правом и женщин, что, по их словам, помогло бы бороться с пьянством); органы местной власти должны на основе центрального финансирования и самофинансирования располагать широкими полномочиями в земельном вопросе, в сфере образования и

здравоохранения; на уровне общегосударственного устройства виделось что-то вроде конституционной монархии или даже парламентской республики¹³.

Разумеется, после этого на руководство и актив ВКС были обрушены репрессии, последовал арест «главного комитета». В 1906 г. Союз вынужден был перейти на полуполюгальное положение, а в дальнейшем полностью прекратить существование. Но к этому времени крестьяне уже весьма активно пользовались такой возможностью доведения до «верхов» своих программных требований, как наказы депутатам Трудовой фракции в Государственной думе, которая возникла в апреле 1906 г. как организация крестьянских депутатов I Государственной Думы. Более 4/5 депутатов Трудовой фракции в I и II Думах были крестьянами, остальные были выходцами из рабочего класса и интеллигенции, но в большинстве своем крестьянского происхождения, почему и были выбраны крестьянами.

После опубликования 6 августа 1905 г. указа об учреждении Государственной думы и Положения о выборах в нее, несмотря на официальное запрещение «представлять словесные и письменные просьбы» в Думу, мирские приговоры — скрепленные личными подписями письменные решения крестьянских сходов, носившие публично-правовой характер — появляются в массовом количестве. Причем реальное их значение оказалось несравненно большим, чем просто информация для высших властей о насущных нуждах крестьян. Публикация этих документов в «популярных» газетах имела мощный общественный резонанс. Читающая российская общественность получала еще одну возможность взглянуть на стомиллионную деревню без предубеждений и мифов. По свидетельству В.Г. Короленко, появление в газете первого такого постановления «произвело на многих эффект какой-то бомбы»¹⁴.

Содержание крестьянских приговоров и наказов не оставляет сомнений в том, насколько глубоко осознавали крестьяне к этому времени свои интересы в революции и насколько едины были интересы крестьян-общинников

разных регионов России. Приговоры с требованиями передачи земли «в общую собственность всего народа», направляемые в Думу из различных регионов, позволили трудовикам 23 мая 1906 г. внести на рассмотрение Думы «Проект основных положений земельного закона» (проект «104-х»), который предусматривал ликвидацию помещичьего землевладения и решение земельного вопроса самими крестьянами через институты общинного самоуправления. Ленин писал об этом документе как о выдающемся продукте «политической мысли крестьянской массы в одном из важнейших вопросов крестьянской жизни»¹⁵, называл его «славной и основной платформой всего русского крестьянства, выступающего как сознательная общественная сила»¹⁶.

Оставим в стороне столыпинский период революции, который в советских учебниках истории назывался не иначе как «столыпинская реакция», а в постсоветских безудержно идеализировался. Отметим лишь, что, насколько далеко цели аграрной реформы расходились с целями крестьянства, настолько эффективно последнему удавалось саботировать правительственные поземельные мероприятия¹⁷.

Новая мощная попытка осуществить взятие всей земли в общинное пользование приходится на весну—лето 1917 г. При делегировании на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов (4—28 мая) женщины и молодежь до 25 лет наделялись активным и пассивным избирательным правом, т. е. могли быть и делегатами съезда. Наибольшая численность делегатов съезда составила 1 353 человека, включая 681 представителя от армии и 672 от сельских обществ (для сравнения: численность участников I съезда Советов рабочих и солдатских депутатов составляла 1 080 человек)¹⁸. Председатель съезда Н. Д. Авксентьев и другие правозэсеровские руководители предпринимали отчаянные попытки удержать принимаемые резолюции в духе верности Временному правительству и упования на Учредительное собрание. Характерен эпизод, когда эсер из Саратова Евсеев огласил совместную резолюцию делегатов Поволжской

области и Казанского военного округа, в которой Временному правительству предъявлялись все те же требования: немедленно объявить землю достоянием всего народа и до Учредительного собрания передать сельскохозяйственные земли, леса и воды в заведование земельным комитетам и другим органам народного самоуправления. Предвидя дежурные возражения со стороны руководства съезда, он фактически предложил съезду взять полноту законодательной власти в свои руки: «Здесь говорят, что у Временного правительства нет права объявить такую вещь, такую резолюцию. Верно. Но я вас спрашиваю: у вас, избранников народа, разве этого права нет? Разве вас сюда прислали за тем, чтобы только писать бумажки? Если вы пришли сюда творить жизнь, вы должны ее творить, а не оставлять на будущее...»¹⁹.

А на местах крестьяне действительно претворяли это требование в жизнь, не дожидаясь декретов и постановлений. С марта по сентябрь по 28 губерниям Европейской России статистика фиксирует более 15 тыс. открытых выступлений крестьян против частного землевладения²⁰. Временное правительство усугубляло шаткость своего положения (видимо, слабо отдавая себе в этом отчет) активными попытками подавления крестьянского движения с помощью военной силы. Солдаты тыловых гарнизонов отказывались стрелять в крестьян, часто переходя на их сторону. Земельные собственники требовали от властей прислать «дисциплинированные части». А поскольку таковыми частями зарекомендовала себя в основном кавалерия, казачьи подразделения, то в губернии, в которых они не были расквартированы, всерьез готовился перевод кавалерии и казаков из других мест, в том числе и с фронта. Характеризуя обстановку в стране в 1917 г., В.П. Данилов писал: «Революционный напор сдерживался лишь сельскохозяйственными работами. Даже небольшая пауза между сенокосом и уборкой хлебов в июле сразу дала почти 2 тысячи официально зарегистрированных выступлений, связанных с нарушением земельных порядков.

Настоящая крестьянская война развернулась с окончанием полевых работ — в конце августа — сентябре. С 1 сентября по 20 октября было зарегистрировано свыше 5 тысяч выступлений... Требования крестьянских наказов стали осуществляться до принятия 26 октября 1917 года ленинского декрета “О земле”, включавшего в себя соответствующий раздел сводного наказа. И без этого декрета к весне 1918 года они были бы реализованы крестьянской революцией по всей России...»²¹.

В качестве одного из самых блестящих подтверждений этому можно привести историю с «Распоряжением № 3», которое было принято земельным комитетом Тамбовской губернии и подписано рядом других общественных организаций губернии. Сюда, на тамбовщину к этому периоду переместился эпицентр крестьянских «беспорядков». Знаменитое Распоряжение было принято 11 сентября 1917 г., т. е. за полтора месяца до Декрета о земле, и суть его заключалась в следующем. Поскольку разгром помещичьих имений шел в губернии полным ходом (только в сентябре насчитывалось 89 таких случаев), постановлялось брать имения с их землями и угодьями на учет с целью последующего перераспределения земель по справедливости. К январю 1918 г. эта деятельность была фактически завершена. И хотя товарищ министра внутренних дел Временного правительства 7 октября заявил о незаконности этой деятельности²², менее чем через три недели Декрет о земле ее, по сути, узаконил.

Позицию большевиков по земельному вопросу их харизматический лидер довольно ясно сформулировал еще в апреле: «В противовес буржуазно-либеральной или чисто чиновничьей проповеди, которую ведут многие с.-р. и Советы рабочих и солдатских депутатов, советуя крестьянам не брать помещичьих земель и не начинать аграрного преобразования впредь до созыва Учредительного собрания, партия пролетариата должна призывать крестьян к немедленному, самочинному осуществлению земельного преобразования и к немедленной конфискации помещичьих

земель по решениям крестьянских депутатов на местах»²³. Партия заняла резко отрицательную позицию по отношению к действиям Временного правительства, пытавшегося лавировать между демагогическими лозунгами и политикой «твердой руки». «Правительство дошло до такой наглости в защите помещиков, — пишет Ленин, — что начинает привлекать крестьян к суду за “самочинные” захваты. Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного собрания... С землей подожди до Учредительного собрания. С Учредительным собранием подожди до конца войны. С концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство в правительстве»²⁴.

Большевики, повторю, были единственной партией, которая, как и общинное крестьянское большинство, не уповала на возможность мудрого разрешения аграрного вопроса Учредительным собранием ко всеобщему благу, но считала необходимым немедленно узаконить требования, из года в год повторявшиеся в крестьянских наказах. Причем Ленину не было необходимости «в черепа сотней губерний ворочать» при составлении соответствующего декрета, когда его партия взяла власть. Ему очень помогли в этом аналитики эсеровской партии, которые свели воедино 242 наказа с мест, привезенные делегатами I Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Компактность получившегося документа говорила о единстве требований крестьян повсеместно. Опубликованный эсеровским изданием «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» 19 и 20 августа «Примерный крестьянский наказ о земле» был полностью включен в знаменитый декрет Советской власти. Прозорливость Ленина как политика состояла в понимании того, чего не хотели понимать другие: верховную власть в стране сможет удержать та партия, у которой хватит решительности дать этот декрет от имени этой власти.

Что же мешало самой влиятельной в народе партии эсеров занять аналогичную позицию? Левым — ничего, они поддержали большевиков. А для правых, равно как и для других политических сил, которые исповедовали какие-то конституционно-правовые нормы и принципы, было над чем призадуматься. Например, у крупных землевладельцев была огромная задолженность банкам. К 1917 г. в 27 губерниях Европейской России порядка 32 млн десятин частновладельческих земель было заложено в банках. В основном это были земли помещиков, на которые претендовали крестьяне. Под залог земли частным владельцам было выдано банками более 32 млрд рублей — почти столько же, сколько на кредитование промышленности²⁵. Принимая все это во внимание, можно понять, что так беспокоило эсеров как наиболее последовательную народную партию, которая прежде выдвигала радикальное требование безвозмездной конфискации помещичьих земель. Это грозило неизбежным обрушением всей кредитно-финансовой системы страны, безнадежным обесценением банковских кредитных обязательств и ценных бумаг, превращением банкнот в пустую бумагу. А это уже означало полный распад экономики страны и либо полную зависимость от Запада, либо каким-то невысказанным способом выход из жесткой системы экономических (долги царского правительства) и политических (Антанта) обязательств перед Западом. Легче уж было уповать на то, что Учредительное собрание станет панацеей от всех этих напастей, дав скорое и вразумительное решение аграрного вопроса в России, которое устроит все заинтересованные стороны.

Означает ли вышесказанное, что большевики и были той истинно народной партией, на роль которой не без основания претендовали идейно-духовные наследники народничества эсеры? Последовавшие за Декретом о земле исторические события, связанные с военно-феодальной эксплуатацией государством деревни (военный коммунизм, коллективизация), показали, что, мягко говоря, это не так. А

жестко говоря, у современных писателей и пропагандистов антибольшевистского толка есть сколько угодно источников для творческого вдохновения.

Поэтому в заголовок этой статьи и вынесены «два большевизма»: необходимо подчеркнуть, в каком ложном положении оказываются сегодня те (а их много), кто ставит знак тождества между понятиями «большевистская политика» и «антинародная политика». «Даже фонетически, — пишет В. Э. Багдасарян, — слово «большевик» вызывало для слуха общинника ассоциации с крестьянским званием «большак». Не случайно, что в самые тяжелые периоды Гражданской войны Советская власть неизменно удерживала в своих руках как раз те территории, на которых до революции преобладало общинное землевладение»²⁶.

О большевизме российского крестьянства пишет и итальянский историк А. Грациози: «Кризис, вызванный войной, получил в бывшей Российской империи *парадоксальное разрешение*: народная (кое-кто говорит — плебейская) революция, с сильными антиавторитарными и антигосударственными чертами, привела к власти самую этатистскую политическую группу в стране... Этот парадокс воплотился в *двух большевизмах*, существовавших в конце 1917 — начале 1918 гг. С одной стороны, был большевизм крестьян и солдат, зачастую — крестьян-солдат, хотя также и крестьян-рабочих... Второй большевизм был “истинным”, т. е. большевизмом немногочисленной, но весьма деятельной политической элиты, состоявшей из нескольких интеллигентов и крепкого ядра практиков — о которых с гордостью говорил позднее Сталин — выходцев из народа, имевших небольшое или неформальное образование»²⁷. Мы лучше пойдем, имеет ли право Грациози обозначать одним термином действия и ленинской партии, и осуществлявших свою революцию крестьян, если вспомним бердяевское определение большевизма применительно к Ленину: соединение предельного максимализма революционной идеи, тоталитарного мирозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы.

Тогда все сходится. Начнем с *крестьянского большевизма*. Писать о тоталитарном мирозерцании российских крестьян — что аксиому доказывать. Как мирской сход порешит, так и будет — общеобязательно. Мнение малого меньшинства старались, конечно, учесть, но уж как получится, на всех не угодишь. Справедливость таких мирских постановлений по большому счету ощущалась *всеми* — тоталитарно. Если же кто-либо один пойдет «супротив общества» (как в случаях со столыпинскими выделенцами) — это форс-мажор. «Единица — вздор, единица — ноль», как писал великий поэт, романтик той революции.

Несколько слов о том, почему для крестьянской революционной идеи к началу XX в. был характерен предельный максимализм. Крестьянин — максималист по своей натуре. Сама природа, с которой он — единое целое, веками учила его этому, чередуя урожайные годы с обычными и неурожайными. Урожай — все замечательно, неурожай — ложись и помирай. Формула максимализма: все или ничего, «пан или пропал». Кстати, о тоталитаризме общины: община пропасть-помереть не даст; там один за всех, все за одного. Идея у крестьянина не всегда была революционной, но всегда максималистской: вот бы голодов вообще не было, вот бы молочные реки и кисельные берега (одна из вариаций на тему: вот бы получилась у Т. Д. Лысенко ветвистая пшеница). С этим связано максималистское понимание свободы. Исследователи отмечали, что российские крестьяне, участвуя в войнах XIX в., имели некое смутное убеждение, что если пролить кровь за Отечество, то твоим родным и близким будет свобода. При этом спроси у них, о какой свободе речь, — не ответят. От кого свобода? От помещиков? Но помещики — важные участники морально-экономических отношений, важный страховочный механизм на случай голодного бедствия.

Так вот, по моему убеждению, в пореформенное сорокалетие максималистски понимаемая крестьянами

свобода превращается у них в революционную идею. Происходит это в связи с самоустранением помещиков из системы «моральной экономики», в связи с развитием товарно-денежных отношений (о чем писал Ленин в «Развитии капитализма в России»), в связи с вторжением рынка в поземельные отношения (что вступало в резкое противоречие с крестьянским здравым смыслом: земля — божья, земля — тех, кто ее обрабатывает). К началу XX в. помещики окончательно утрачивают в глазах крестьянства моральное право (другое право, формальное, для крестьян имеет не большое значение) владеть землей. Что и было сформулировано делегатами съездов ВКС в 1905 г. — и от этого максималисты-крестьяне не отступились в своей революции ни на йоту.

Доказывать, что большевики тоже были большевиками, здесь, наверное, не стоит. Демократический централизм, глубокое убеждение в абсолютной неправоте других политических партий, в отличие от «партии нового типа» — все это говорит само за себя. Даже своих однопартийцев меньшевиков они клеймили за предательство революционной идеи, за «соглашательство» и т. п. Здесь и тоталитаризм, и максимализм, как говорится, в химически чистом виде. Таким образом, для крестьян-большевиков конечная цель революционной деятельности — это полнота владения и распоряжения *всей* сельскохозяйственной землей в стране при минимальном участии государства в делах деревни; для большевиков-партийцев — это *вся* полнота власти в стране в форме диктатуры, для чего важнейшим и непременным условием, кстати, было максимальное присутствие государства в крестьянской деревне, не дать деревне уйти в полную автономию от города, от столицы, от вертикали власти. Столкновение двух большевизмов в Русской революции XX в. было неизбежно. Это была Гражданская война.

Помимо тоталитаризма и максимализма, Бердяев выдвигал другой важный критерий большевизма: гибкость и оппортунизм в средствах борьбы, в практической политике.

Вот уж чего было не занимать тем и другим большевикам. Крестьяне в своей борьбе за землю, промежуточным этапом в которой стал Декрет о земле, использовали все мыслимые и немыслимые средства, сочетая парламентские формы (съезды ВКД, петиции и указы в Думы), открытые вооруженные выступления и куда более эффективные скрытые повседневные формы борьбы из арсенала «оружия слабых». Об оппортунизме большевиков, в котором их вождь любил обвинять своих оппонентов, многое говорит то, насколько лихо и эффективно Ленин использовал разработки глубоко презираемых им эсеров, поняв, что «Декрет о земле» — это единственно возможный путь к взятию власти.

Гражданская война стала новым важным этапом Русской революции. Революция была все та же, но этап — принципиально новый, так как у большевиков изменились цели. Коммунисты теперь всю свою изобретательность в средствах практической политики направляли на удержание власти любой ценой. Крестьяне, получив землю формально, включились в борьбу за то, чтобы стать на ней хозяевами фактически. В декабре 1922 г. этот этап завершился для них победой: Земельный кодекс РСФСР законодательно оформил главные требования крестьянской революции, подобно Основному закону о социализации земли 27 января (9 февраля) 1918 г., который детализировал и конкретизировал Декрет о земле. И опять, как и в октябре 1917 г., победа крестьян в революции не была поражением большевистской партии. Земельный кодекс, как и в свое время Декрет о земле, был мощным тактическим ходом ВКП (б), позволившим удержать власть, показавшим гибкость и оппортунизм в средствах борьбы. Временно тактически отступив под натиском революционеров-крестьян, революционеры-партийцы потом будут брать реванш. Но это уже выходит за рамки данной статьи.

Здесь затронем лишь еще один момент. На этой гражданской войне те и другие носители большевизма включили в арсенал средств борьбы звериную,

средневековую жестокость, тем самым лишней раз подтвердив какую-то свою глубинную общность. Крестьянская жестокость — это и вспоротые животы продотрядовцев, набитые зерном, и те же продотрядовцы, превращенные в сибирские морозы с помощью воды в ледяные глыбы, и многое другое, о чем было известно из советской литературы как о «зверствах кулачества»²⁸. Один из самых страшных примеров жестокости большевиков — деятельность командующего войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевского, назначенного туда для организации военных действий против повстанческой армии в крестьянской войне, известной как «антоновщина». Его приказами семьи повстанцев отправлялись в концлагеря, в селах, где было обнаружено оружие, брались заложники и расстреливались в случае дальнейшей несдачи оружия, против восставших применялись химические отравляющие вещества. Подробности этой бесчеловечной деятельности партийно-государственного руководства до нас архивные документы²⁹.

Как указывал Данилов, «существовавшая бюрократическая система фиксировала на бумаге все, что предпринималось для разгрома войск Антонова. Зато о зверствах другой стороны документальных материалов мало. Они свои инструкции по этому вопросу даже в амбарные книги не записывали. Но есть свидетельства индивидуального порядка. И они говорят о том, что были и расстрелы, и издевательства, и рубка голов шашками. Рубка голов — это наиболее часто применяемая антоновцами казнь: берегли патроны». Размышляя далее о природе большевистской жестокости, ученый приходит к принципиальному выводу: «То крайнее ожесточение, которое проявилось в годы революции и гражданской войны, было производным сохранявшегося в России полукрепостнического режима и таких антикрестьянских пропомещичьих реформ, какой в действительности являлась столыпинская аграрная реформа... Историки еще долго будут спорить о том, насколько значительными были

созданные тогда хуторские и отрубные формы крестьянского хозяйства. Бесспорно другое: десятки и сотни тысяч обездоленных выбрасывались в город, который не мог их принять. Все они — и те, кто оказался в городе, и те, кто остался в деревне в состоянии скрытого аграрного перенаселения, скажут свое веское слово и в 1917-м, и в 1918—1922 годах. Именно из этих людей формировались впоследствии и продотряды, и беспощадные чекисты»³⁰.

Таким образом, Русскую революцию можно представить как тугий и сложный узел, в который сплелись действия общинного крестьянства и ленинской партии большевиков, направленные на достижение своих революционных целей. Были, конечно, там и другие вплетения, отнюдь не обделенные вниманием современных аналитиков. Но диалектику вот этого главного (убежден в этом) переплетения необходимо распутывать. А то, неровен час, Сцилла и Харибда, сомкнувшись, опять отправят этот узел вслед за Гордиевым.

Библиография и примечания

¹ *Kenez P. The Prosecution of Soviet History: A Critique of Richard Pipes' "The Russian Revolution"* (N.Y.: Knopf, 1990) // *The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present.* 1991. Vol. 50. № 3. P. 345.

² *Бабашкин В. В. Россия XX века: о некоторых подходах современной западной историографии* // *Куда идет Россия?* М., 1999.

³ Обращение к образу двух мифических скал мне и самому сперва показалось несколько напыщенным, но, подумав, я понял, почему это стоит оставить. Во-первых, сами скалы — часть мифологии, причем очень популярной. Во-вторых, обозначенные ими коммунистическая и антикоммунистическая мифологии/идеологии имеют свойство с грохотом смыкаться, сокрушая все, что стремится удержаться между ними, не впадая ни в ту, ни в другую крайности (*Прим. В. Б.*).

⁴ *Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма.* М., 1990. С. 93.

⁵ См. об этом: *Данилов В. П. Из истории «перестройки». Переживания шестидесятника-крестьяноведа* // *Новый мир России.*

Форум японских и российских исследователей. К 60-летию проф. Вада Харуки. М., 2001. С. 424—426.

⁶ См.: *Кондрашин В.В., Слепнев И.Н.* К 80-летию со дня рождения Андрея Матвеевича Анфимова // Отечественная история. 1998. № 3. С. 207.

⁷ *Бердяев Н. А.* Указ. соч. С. 89, 94—95.

⁸ *Mitrany D.* Marx against the Peasant. A Study in Social Dogmatism. Durham (North Carolina), 1951. P. 1 (cover).

⁹ *Dinerstine G.* Communism and the Russian Peasant. Glencoe, 1955. P. 6. В многочисленных интервью, которые исследователь провел с бывшими советскими крестьянами, волею судьбы оказавшимися в США и Канаде, обнаружилось не только отторжение и ненависть по отношению к большевистскому режиму, но и стремление понять и объяснить, оправдать действия большевистского руководства страны в той или иной исторической ситуации (*Прим. В. Б.*).

¹⁰ В хрестоматийных статьях «Марксизм и ревизионизм» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин камня на камне не оставляет от теоретических воззрений Э. Бернштейна и К. Каутского — именно тех людей, которые в германском рабочем движении по праву считались главными наследниками идей Маркса (*Прим. В. Б.*).

¹¹ См.: *Куренышев А. А.* Всероссийский Крестьянский союз 1905—1930 гг. Мифы и реальность. М., 2004. С. 32.

¹² Трудно удержаться от грустного сравнения с теми «народными избранниками», которых демократические механизмы современной РФ поставляют в представительные органы законодательной власти, но все же удержусь, чтобы не увлечь разговор в сторону (*Прим. В. Б.*).

¹³ См.: *Shanin T.* The Peasant Dream: Russia 1905—7 // *Shanin T.* Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World. Oxford, 1990. P. 172—173.

¹⁴ Цит. по: *Сенчакова Л. Т.* Крестьянские наказания и приговоры 1905—1907 годов // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 59.

¹⁵ *Ленин В. И.* Выборы в Думу и тактика русской социал-демократии // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 42.

¹⁶ *Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 245.

¹⁷ См.: *Бабашкин В. В.* Аграрная реформа П. А. Столыпина: непрекращающийся спор // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2012. С. 12—16.

¹⁸ См.: *Лавров В. М.* «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917—1918 годах). М., 1996. С. 22, 28—29.

¹⁹ Там же. С. 102.

²⁰ См.: *Осипова Т. В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974. С. 227—243.

²¹ *Данилов В. П.* Не смей! Все наше! Крестьянская революция в России. 1902—1922 годы // Россия. 1997. Июль. С. 18.

²² Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917—1918): Документы и материалы: Серия: Крестьянская революция в России. 1902—1922 гг. / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2003. С. 13—16, 240—241.

²³ *Ленин В. И.* Задачи пролетариата в нашей революции // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 167.

²⁴ *Ленин В. И.* Уроки революции // Там же. Т. 34. С. 57.

²⁵ *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 7—8.

²⁶ *Багдасарян В. Э.* Устойчивость института крестьянской общины в России и парадигма «черного передела» // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 87.

²⁷ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933. М., 2001. С. 13—15.

²⁸ Для первой волны крестьянской революции в начале века все эти зверства были совершенно не характерны. Действия крестьян в основном отвечали принципу непротivления злу насилieм, кровь крестьяне старались не лить, традиционно полагая это смертным грехом (*Прим. В. Б.*). — См. об этом: Отечественная история. 1996. № 4. С. 140—141.

²⁹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 16, 162, 178—179.

³⁰ Цвет гражданской войны и сегодня красный: беседа В. П. Данилова и И. Н. Муравьевой // Век. 1995. № 14. С. 14.

**Революция и мифотворчество:
коллизии современного исторического воображения**

Историческое сознание устроено примитивно. Человек выделяет в потоке происходящего лишь то, что поражает воображение: ярких лидеров, впечатляющие события, социальные извержения — все, что, якобы, меняет картину мира. Историческая память, со своей стороны, оперирует следствиями, а не причинами. Микроскопические трещины в броне государственности, сквозь которые «неожиданно» прорывается пламя массового недовольства, как правило, замечаются слишком поздно.

Всякое масштабное историческое событие поднимает грандиозную волну мифотворчества — иначе не может быть. Дело в том, что, во-первых, прошлое неинтересно без элементов загадочности и таинственности, допускающих многообразие домыслов и трактовок, во-вторых, если не сопряжено со знакомыми легендами, ритуалами, мифами, в-третьих, если не вызывает «глубокомысленных» ассоциаций с современностью, наконец, если в нем нельзя разглядеть «напоминания о будущем». Строго говоря, массовое сознание всегда исходит из *предрассудка, мифа* и *утопии*, соотношение между которыми определяет пассионарность той или иной цивилизации в глобальном пространстве. Профессия историка предполагает противостояние (достаточно безнадежное) тому, другому и третьему, объективно необходимое (хотя редко осознаваемое) обществу для того, чтобы избежать соблазнов застоя и рисков смуты.

Еще раз о недомыслии природы российских смут

«В смутные времена общественных пересозданий, бурь, в которые государства надолго выходят из обыкновенных пазов своих, нарождается новое поколение

людей, которых можно назвать хористами революции...»¹, — полагал А. И. Герцен. Люди победившей революции становятся ее первыми мифотворцами. Способен ли «независимый» историк противостоять им и их последователям в принципе? Или он годен лишь на то, чтобы стать орудием нового мифа, вытесняющего устарелый?

Историю всякой революции следовало бы изучать с позиций синергетики, а не прогрессистского видения истории, твердо усвоив, что в сложноорганизованных системах все взаимосвязано. А потому авторитарные системы разрушаются не столько «снизу», как «сверху», в той мере, в какой власть — этот своего рода аттрактор стабильности — «теряет лицо». Их разложение происходит не под непосредственным воздействием внешних обстоятельств, а в силу органической неспособности отыскать им достойный ответ. Империи уязвимы *sui generis*. В переходные эпохи их социальное наполнение теряет былую упорядоченность; его диффузное состояние требует аттракторов особого рода — «свободных радикалов», порвавших (пусть чисто декларативно) с прежним этосом; диссипативные элементы обновляют ядро системы и стабилизируют «взбесившийся традиционализм». И, если, согласно русской поговорке, «рыба гниет с головы», то на этом фоне «свежая» власть даже в лице в лице экс-диссипантов покажется успешной.

Имперская система патерналистского типа при всем своем внешнем величии неустойчива, прежде всего, *психологически*. Видовые признаки «настоящей» власти известны: харизматическое наполнение, органично связанное с личностью правителя; сакральный характер господства последнего, поддерживаемого «высшими» силами; легитимизация низами любых, включая репрессивные, действий верхов в критических обстоятельствах; концентрация военной мощи, призванной усмирить любого внешнего и внутреннего врага. Символически воплощенное единство духовных и

управленческих интенций государства должно соответствовать историческому опыту и ожиданиям подданных, а экономическая мощь — естественно направляться на поддержку низов в экстремальных обстоятельствах (неурожай, голод, эпидемии, пожары и т. п.). И, конечно, власть должна отвечать эмоционально-эстетическим запросам людей. В любом случае, она обязана обладать скорее «человеческими» (нежели профессионально-бюрократическими) навыками управления: одним своим «авторитетом» не допускать появления и разрастания маргинальных слоев и, особенно, диссипативных элементов; уметь поддерживать сложившийся баланс социальных иерархий и нейтрализовать излишне пассионарных их представителей; «понимающе» взаимодействовать с самоуправленческими традициями низов. Со своей стороны, правящие элиты должны демонстрировать идеологическую сплоченность, блокирующую действия антисистемной оппозиции, и, вместе с тем, и внутреннюю солидарность, обеспечивающую поддержку органичных системе инновационных начинаний. Власть, испытывающая дефицит этих качеств, становится обреченной — даже ее минутная «слабость» способна возбудить экзистенциальные страхи. В общем, по мере утраты своего солидаристского наполнения власть начинает превращаться в беспомощное ригидное сооружение — своего рода бесполезный памятник самой себе. Самодержавие — само по себе миф, а потому даже его руины непременно будут пробуждать ностальгическую горделивость.

К сожалению, в историографии до сих пор не поставлен вопрос о степени и, главное, особенностях этатизированности российского массового сознания, возрождающего склонность к историческому мифотворчеству. В сущности, россиянин всегда верил, прежде всего, в *государство*, а лишь затем в Бога — последний использовался в основном для сакрализации центральной фигуры пантеона — «Великого Государя». Поэтому исход российской смуты единообразен: люди, не

привыкшие к самостоятельному принятию социально ответственных решений, следует по пути возрождения авторитаризма с обреченностью протрезвевшего холопа. Но профессиональным обществоведам сложно перевести житейски понятные коллизии на язык позитивистской науки. Так, довольно трудно объяснить в терминах политологии, что большевизм — это «политика» на службе у отчаяния и надежды, причем, надежды социального дикаря, а не гражданина.

Впрочем, порой кажется, что российская историография никогда не стремилась к этому, ибо не умела отпочковаться от мифа — такова ее видовая особенность. И этому есть свое объяснение.

Герцен полагал, что переворот Петра сделал «худшее, что можно сделать из людей — просвещенных рабов»². Поскольку сакральность власти логически оспорить невозможно, а бороться с ней нет сил, «просвещенные рабы» (интеллигенты) периодически провоцируют «рабов непросвещенных». Последние вступают с ними во временный союз словно специально, для того, чтобы, пережив смуту, выдать их с потрохами и возопить: «Беспопутал!» Со временем начинают «каяться» и интеллигентные инсургенты.

Если российская власть строилась по «непогрешимому» народному сценарию (так называемой домашней — патерналистской — модели), то она в принципе *не могла считаться дурной*. В лихие времена она могла лишь показаться *ложной, неподлинной, неистинной*, то есть никак не соответствующей своему *идеальному* предназначению. Впрочем, таков примордиалистский стержень любого господства — «власть, которую оспаривают и противоречиво интерпретируют, уже не есть власть»³. Народ периодически бунтует не против власти как таковой (или ее устарелости ее типа), а против вопиющего *искажения* ее желанной сути «чуждыми» и «кинородными» элементами, а равно и любых покушений на ее изначальное естество.

Из бунта «просвещенных рабов» в условиях господства синкретического сознания крестьянских масс вряд ли могла получиться революция в европейском ее понимании. Бунт может явиться дурным апофеозом системного кризиса империи — явления куда более сложного, которое невозможно понять на уровне простейших причинно-следственных зависимостей. Самое нелепое, что можно придумать — это отрицание неизбежности революции, исходя из того, что старый режим обеспечивал среднестатистическое благосостояние, куда более высокое, нежели постреволюционное. Но оказывается, что еще не перевелись авторы, доказывающие несостоятельность большевистского видения революции большевистскими же методами.

Встречаются и публицисты, с хода отвергающие синергетику в силу того, что она, якобы, отрицает любые закономерности⁴. Такие авторы попросту не допускает возможности существования закономерностей более высокого порядка. Большевистское миропонимание куда более основательно сидит в нашем сознании, чем нам кажется.

Вчерашние и сегодняшние истоки мифотворчества

Задача всякой великой революции — не просто перевернуть мир, а подстроить опустылевшую реальность под более вдохновляющий миф. Это акт жесточайшего мифоутверждения, противостоящий безнадежно десакрализованной реальности. В эпистемологическом отношении «ужас» революции заключается даже не в масштабах насилия, а в том, что она заставляет поверить в «преображающее» насилие как в *норму*. Естественно, что со временем начинается болезненное отторжение от навязанной обществу террористической «нормы».

«Красная смута» не могла не породить волны глобального мифотворчества, во-первых, потому, что ее интенции были связаны с идеологией европейского Просвещения, во-вторых, в силу того, что ее внутреннее

наполнение закрепило агрессивный имидж России. Причины внутреннего мифотворчества определялись тем, что победоносная революция некоторое время была источником вдохновения масс. Напротив, по мере истощения «оптимистичного» мифа, наступил период мнемонической и историографической фрустрации. Пытаясь преодолеть ее, одни авторы заговорили о необходимости «клиотерапии» (такая установка является мифотворческой *sui generis*) с помощью социальной истории⁵, другие бросились доказывать, что три российские смуты (XVII в., начала и конца XX в.) явились «локомотивами» (должно быть, по известной аналогии) необычайно «успешной» русской истории⁶.

В общем, крах СССР создал ситуацию, когда одряхлевший коммунистический миф⁷ стал вытесняться им же порожденным антиподом⁸. Возникла питательная среда для нового витка мифотворчества.

В «тумане» российского прошлого и настоящего не могут не возникать самые невероятные фантазии и манящие утопии.

Я никак не ожидал, что отечественных либералов новой формации может до такой степени пленить фигура П. Б. Струве, этого настоящего *enfant terrible* русского либерализма. Струве, начинавший как социал-демократ, сочинивший манифест I съезда РСДРП, превратился в ведущего автора «этапных» для либеральной идеологии сборников «Проблемы идеализма» (1903), «Вехи» (1909), «De profundis» (1918).

Как ни забавно, некоторые авторы уверяют, что первый из перечисленных сборников знаменовал глубокую «перемену настроения» в широких общественно-политических кругах и вызвал «неожиданно сильную, сочувственную и враждебную, обширную и непредсказуемую цепную реакцию во всех лагерях общественной мысли...»⁹. Поразительно, как легко стать жертвами химер собственного воображения. На рубеже веков появление таких метущихся фигур, как Струве было

неизбежно. Но почему они столь привлекательны для авторов наших дней? По родству эпигонских душ?

Некогда Струве убоился «грубого» материализма, им же по наивности спровоцированного. Но, если вторжение марксизма¹⁰ — этого злого пасынка стареющего Просвещения — в Россию, повлекло за собой столь катастрофичные последствия, то из этого вовсе не следует, что реальную преграду на его пути мог составить неокантианский «идеализм». Но некоторым легче думать именно к этом ключе. Смущенный «нелогичностью» российской истории провинциализм мысли прячется за изысканностью стиля, обращенного к «возвышенной» тематике.

«Вехи» Ленин назвал «энциклопедией либерального ренегатства». Это было заведомо несправедливо, но психологически объяснимо и даже оправдано. Ныне эту книгу почитают пророческой, что вряд ли более справедливо. Стоит ли хвалить авторов, которые фактически подписались под историческим приговором своему «недозрелому экстремизму»? Строго говоря, «Вехи» — это памятник бессилию *всей* русской интеллигенции: левые ее представители (революционеры) не ко времени подстрекали равнодушный к ним народ, правые (либералы) пытались сторговаться с властью на базе исторически запоздалых законов. В общем, картина далекая от исторического оптимизма.

Нет ничего смешнее нынешнего интеллигентского умиления перед «Вехами» и их авторами. Каких только возвышенных целей и философской глубины им не приписывают! Это тот случай, когда трусоватую вонь принимают за величие духа. «Веховцами», взлелеянными самодержавным патернализмом, история воспринималась, как детские игры: нашалили, испугались, повинились — прости, папа! Что до философствования, то «не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься! От такой интеллигентской вертлявости перед властью тошнит даже больше, чем от откровенного холуйства. «Вехи», веховство,

стенания по поводу того и другого — типичное проявление интеллигентского лукавства разума и блудливости совести. Или апофеоз социальной безответственности.

Как бы то ни было, со временем, с подачи своего друга С. Л. Франка, Струве предстал в ампула англоязычного «консервативного либерала», естественно, «непонятого» в России¹¹. Российская интеллигенция всегда была средой, менее всего пригодной для адекватного восприятия сторонних идей, а потому столь забавны попытки представить безответственного подстрекателя глубоким мыслителем. Конечно, Струве — весьма яркое явление — талант не спрячешь. Но превращать перезрелого вундеркинда в символ умудренности русского либерализма¹² — занятие сомнительное. Однако традиция агиографии «недопонятых» современниками мудрецов, похоже, неистребима. Струве был «оценен» в 1990-е гг.: российские философы и историки облепили его мутноватый политический образ, как мухи патоку¹³.

Российские чиновники никогда не любили «переписывания» истории — это угрожало стабильности их положения. Но история переписывалась и будет переписываться до бесконечности — всякая новая информация меняет целостную, как могло показаться, картину прошлого. К тому же, даже представления близнецов, заброшенных в «слишком» бурную историю, будут отличаться друг от друга. Разумеется, если они безнадежно оболванены современностью.

В 1990-е гг. в порядке добывания альтернатив «проклятому прошлому» историки кинулись сочинять историю российской многопартийности. Примечательно, что постепенно интерес смещался с либералов на консерваторов. Невероятно, но Н. М. Карамзин объявлен **респектабельным** (а не каким-то иным!) консерватором¹⁴. Почему именно **респектабельным**? Похоже, раболепствующим перед нынешней властью историкам просто неловко без подобных фиговых листочков.

Современные авторы не случайно неуклонно тяготеют к «развенчанию» либерализма и соответствующей апологетике авторитаризма. Это типичный жест когнитивного бессилия. Человек — и творец, и разрушитель. Но напомнить о том, что авторитарные системы подавляют в нем творческое начало и одновременно усиливают страсть к разрушению, сегодня страшно важно.

Понятно, что большинство авторов хотело бы отыскать в Октябрьской революции ключ к «загадкам» советской истории. На деле, анализ всякой смуты может, прежде всего, приоткрыть нечто в социокультурной среде, ее породившей, и лишь затем позволяет *изнутри* уловить риски грядущих смут. Постреволюционная история зависит от пережитого катаклизма лишь в той мере, в какой она связана с ней своего рода идейной пуповиной. Идеология «Великого Октября», как и всякая религия, дает лишь ключ к пониманию коммунистической идеократии, но отнюдь не советского строя в целом.

Интересно, что об Октябрьской революции сегодня «все всё знают» — ситуация, характерная для мифологизированного сознания. Если десятилетиями вопреки реалиям вдалбливать в головы представление о «блестящей победе» большевизма, то «позитивный» миф по мере разочарования в плодах этой победы сменится на противоположный. Мир о «красной смуте» неизбежно выцветал, хотя его мощный каркас по-прежнему способен впечатлить слабые умы.

В современных условиях живучесть мифов о революции психологически связана с ощущением недостижимости стабильного развития России. Трудно разобраться в том, почему и как «славное» имперское, а затем советское прошлое было *закономерно* порушено «неведомыми» силами. Легче поверить, что «прогресс» был перечеркнут несчастливим стечением случайных обстоятельств, которыми воспользовались «враги». Несмотря на появление ряда работ, так или иначе доказывающих, что кризисность является «нормой»

российской истории¹⁵, внимание читающей публики привлекают работы иного рода.

Скажем, во времена «развитого социализма» был такой «историк КПСС» Н. А. Васецкий, сделавший себе «научную» карьеру разоблачением Л. Д. Троцкого. Он ухитрился восславить социалистическую эпоху как раз накануне перестройки¹⁶, затем несколько изменил свое отношение к главному противнику Сталина¹⁷, но затем все вернулось на круги своя. «Гибкие» люди особенно нужны «негибкой» государственности. Васецкий не просто перекочевал из номенклатуры в новую политическую «элику», но и сочиняет вместе с Жириновским книги о «русском характере» и «мировой политике»¹⁸, а заодно и учит «основам парламентаризма»¹⁹. Вспоминает он в известном контексте и Троцкого.

Все это было бы очень смешно, если бы не было столь печально. К Троцкому можно относиться по-разному, но нельзя не признать, что в советской историографии не было более оболганного персонажа, чем он. Впрочем, не стоит морализировать на этот счет. Наиболее востребованными в прошлой и современной России оказываются «сказочники», работающие на людскую паранойю.

От «клиотерапии» к конспирологии

«История по сути своей неотклонимо стремится к легитимизации мифа и представляет собой более или менее условную карту прошлого, постоянно уточняемую и варьируемую в соответствии с законами максимального правдоподобия и всеобщей детерминированности, с одной стороны, а с другой — в соответствии с господствующими в обществе настроениями», — заметил как-то известный писатель Михаил Веллер. Но он же, совместно с редкостным фантазером Андреем Буровским сочинил нелепейшую книгу о Гражданской войне в России. Самое смешное в том, что она посвящена «разоблачению» коммунистических мифов, да и исторической науки в целом. «История — это свиток

тайн, пересказанных глупцом по испорченному телефону — этими справедливыми словами начинается книга»²⁰. Но вслед за тем, под покровом опровержения одного мифа, начинается возведение другого.

Почему современная история пронизана конспирологией? Перефразируя (и оспаривая) А. Шопенгауэра, можно сказать, что человеческая жизнь подобно маятнику колеблется между вожделием и страхом. Человечество по-прежнему живет иллюзиями и мечтами. «Прогресс» состоит лишь в том, что наряду с мечтами о счастье оно начинает позволять себе страшилки неблагополучия.

Мне приходилось не раз разбирать тексты Б. Н. Миронова²¹. Особенно хотелось узнать, как автор, восторгавшийся успехами дореволюционного прошлого, объяснит причины русской революции. Наконец, соответствующая статья появилась. Ее выводы в очередной раз изумляют.

Прежде всего, поражает, что Миронов вполне по-марксистски начинает с теории, с «концепций». Для исследователя, исписавшего такое количество текстов по социальной (вроде бы) истории, такой прием смотрится противоестественно: создается впечатление, что о принципах герменевтики он не слыхивал. Когда-то историю «красной смуты» втискивали в прокрустово ложе «самой передовой» марксистско-ленинской теории. Тот факт, что Миронов перебирает целый набор теорий (порядком обветшалых), ситуации не меняет.

В свое время К.-Г. Юнг предупреждал: «Пытаясь оценить и объяснить катастрофические события европейской истории последних десятилетий, современные исследователи чувствуют обветшалость и бессилие традиционных средств»²². Миронов, напротив, упорно цепляется за обветшалые западные теории, подчас не имеющие точек соприкосновения с действительностью. Он вообще руководствуется количественным принципом,

достойным гоголевского персонажа: «в хозяйстве всякая веревочка сгодится».

В чем же причина провала столь успешной и благодной, по Миронову, российской модернизации? Оказывается, во всем виноваты ее «издержки, или побочные продукты». Но что это за модернизация, которой суждено стать жертвой собственных несовершенств? По Миронову, «общество испытало то, что называется *травмой социальных изменений, или аномией успеха*»²³. Это напоминает хрестоматийный случай с унтер-офицерской вдовой, которая «сама себя высекла».

Честно говоря, я никогда не понимал логики Миронова, постоянно ориентирующегося на сомнительные статистические данные, собранные бюрократами, ради иллюстрации собственных «достижений». В последней книге он обнаружил еще один индикатор роста благосостояния крестьянства — растущее потребление спиртного²⁴. Затем нашелся поистине уникальный показатель российского «прогресса» — уровень суицидальности и преступности населения²⁵. А поскольку, вдобавок к этому, темпы роста не только экономики, но и отечественной телесности были впечатляюще высоки, то системный кризис — выдумка большевиков.

Зачем же ставить себя в столь нелепое положение? Не пора ли отказаться от «зоотехнического» измерения модернизации: если мужик пьян, а баба «в теле», — прогресс состоялся. И стоит ли искать истину в трех соснах? Важнейший показатель ненавистного Миронову системного кризиса в России — неверие населения в легитимность существующей власти. Однако автор упорно скатывается к конспирологической «теории» революции, несколько сдобренной осуждением «дурного» поведения масс²⁶.

Мионов пытается выставлять оценки за поведение людям прошлого, не понимавшего своего «счастья». Но почему они этого не понимали вкуса того, что ныне кажется патокой? С позиций «телесного детерминизма» этого не объяснишь.

У всех архаичных систем, подобных российской, один конец: власть либо закисает от безволия «самодержцев», либо деревенеет от тупости бюрократии. К тому же, достаток развращает — людское большинство чувствует себя не преуспевшим, а обделенным. То, что Миронов принимает за процветание, несло в себе чудовищный революционный потенциал. Бывают времена, когда люди превращаются в жертв собственных прихотей, предрассудков и страстей.

Собственно все это подтверждают и данные, приводимые самим Миронов, если не обращать внимания на пристегнутые к ним обветшалые теории и наивную игру воображения. Остается только гадать: что он понимает под системным кризисом, если не ситуацию, отчетливо проглядывающую сквозь его сомнительные построения?

Социологизирующие «мудрецы» селятся понять, как внутри таких устойчивых величин, как культура, хозяйство или ментальность «вдруг» происходит лавинообразный рост «малых возмущений», оборачивающийся тотальным хаосом, который пытается взломать генетический код системы. Между тем ответ прост: хаос приходит изнутри, от простых людей, тихое существование которых становится невыносимым вовсе не по причинам нарушения отмеренных сверху норм потребления. Увы, Миронов «маленького человека» не различает, для него существуют только «индекс массы тела» усредненного российского социального существа.

Разумеется, Миронов выступает поборником реформ, а не революций. Спору нет: всякий прогресс зависит от способности общества к самореформированию, а не готовности к революционному «прыжку». Но, если общество лишено соответствующих потенциалов, а власть нацелена на самообслуживание, то стоит ли сочинять панегирики реформам и предавать анафеме революцию? Между прочим, видовая особенность российской власти состоит и в том, что она способна делать правильные вещи с таким опозданием, что они лишь ухудшают ситуацию,

вместо того, чтобы исправить ее. Удивительно, но мало кто из современных исследователей замечает, что вера, власть, народ накануне 1917 г. словно пребывали в разных измерениях вопреки известной формуле: «Православие, самодержавие, народность»²⁷. Для Миронова проблемы системной деструкции вообще не существуют.

Трудно сказать, кто и когда произнес историческую нелепость: «Россия исчерпала лимит революций». Похоже, что наши люди надеются, что кто-то способен отменить то, что им не нравится. Увы, Клио менее всего прислушивается к мнению начетников, бюрократов и обслуживающих их «историков».

Как ни странно, аргументацию Миронова нынешние студенты (и не только они) вполне понимают и принимают. С чем это связано? Во-первых, в советское время народ приучили фетишизировать экономические показатели «от съезда к съезду». Инерция такого подхода к «прогрессу» дает о себе знать. Во-вторых, формально-логическая аргументация наиболее доходчива (а потому с ее помощью выстраиваются самые нелепые «научные» конструкции). В-третьих, современная психология потребления охотно поглощает именно «зооантропологическую» аргументацию Миронова. С чем его и поздравляем. Наконец, нельзя забывать об избыточной инфантильности нынешнего молодого поколения, привыкшего измерять и достаток, и успех чисто количественными показателями.

Есть тип «исследователей», которые подобно Дон Кихоту непременно сразятся с ветряными мельницами. Порой статистические абстракции толкает историческую науку к отвлеченно-самодостаточному существованию, «излишние» сложности реальной жизни лишь мешают. В этом источник мифотворчества, представленного Мироновым.

Впрочем, дело не только в этом. На протяжении последних 20 лет мне не раз приходилось сталкиваться с авторами, которые упорно воюют с химерами воображения, возникшими под влиянием советской историографии. Давно

уже нет Советского Союза, бывшие «историки КПСС» в большинстве своем превратились в антикоммунистических «политологов», а эти авторы по-прежнему «сокрушают» давно несуществующих идиолов. Мифы, укоренившиеся в историческом подсознании людей, всегда долговечнее политических режимов, их породивших.

***От заблуждений профессионалов —
к профессиональным мифотворцам***

По поводу Октябрьской революции не раз высказывался известный специалист по истории Древней Руси И. Я. Фроянов. В прошлом он заявлял, что «было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых Лениным...»²⁸. Со временем он фактически сам встал на «сверхпримитивную» точку зрения. Мировая война, пишет он, вызвала «бесформенную» Февральскую революцию, которая ничего не дала народу, а Октябрьская революция «стала прямой реакцией на революционную ущербность Февраля». И все было бы неплохо, если бы после 25 октября 1917 г. «революция для России» не уступила место своего рода глобалистскому проекту под названием «Россия для революции». Заявив об этом, автор попадает в паутину евразийских и национал-большевистских фантазий, сдобренных антитроцкистской конспирологией²⁹. Что делать — образы «красной смуты» могут покорежить и сознание профессионала.

Экономист В. В. Галин, будучи уязвлен бедами современной России, решил «правильно» переписать ее, что, разумеется, похвально. Он задался целью сделать это в 10 томах на протяжении 10 (десяти!) лет. При этом он руководствовался «методологией», подсказанной, как ни странно, А. Даллесом: «Человек не всегда может правильно оценить информацию, но может уловить тенденции и сделать правильные выводы»³⁰. «Десятилетие правды» началось в 2004 г. с книги «Война и революция», вышедшей

под шапкой «Тенденции». Прочих томов-откровений почти не заметно — налицо бесконечное топтание на узенькой площадке обличения мирового либерализма³¹. Уже из первого тома клиосериала видно, что отбросив тенденциозные сочинения коммунистических авторов, автор наивно воспроизвел воззрения их противников. Такова была основная тенденция постсоветского мифотворчества 1990-х гг. И не стоит бросать камни в авторов того времени. Если человек не в силах найти себя в мире, стремительно меняющимся мире, он начинает, хотя бы мысленно, «переписывать» его, начиная с прошлого. Торопливая маркировка окружения — этот суррогат «нормального» идентификационного процесса — заставляет людей периодически свергать своих же ложных идолов. Конечно, в пространстве большой истории это занятие кажется пустым. Но ситуационно оно неизбежно. Человек «привязан» к своему времени; попытки прорваться из него в будущее, объехав «по прямой» макроистории, порождают лишь новый миф.

Профессиональные авторы отмечают, что обыденное сознание дремлет в плену мифов. Но констатация этого не избавляет от нового мифотворчества. Особенно интенсивно это происходит во времена, когда «издержки профессионализма» и персональные комплексы начинают резонировать с общественными психозами. Именно тогда массовое сознание наиболее охотно откликается на вопли параноиков. Так, некий самодеятельный автор без колебаний прозвал Февральскую революцию спецоперацией³². Примечательно, что, выпустив массу поповской продукции о всемирном заговоре против России³³, он категорически отрицает свою причастность к конспирологии.

Психоментальный бич нашего времени — вера во всеисилие так называемых политтехнологий. Это настоящий генератор новейшего мифотворчества.

Авторов конспирологического пошиба можно было бы не упоминать, если бы не несколько обстоятельств. Во-первых, дорогу шарлатанам расчищают вполне академичные

авторы, взявшиеся «улучшать» историю. Во-вторых, их самодеятельным последователям верят охотнее и быстрее, поскольку они в своей аргументации используют не только наиболее доходчивые формально-логические «аргументы», но и «благородные» обличительные эмоции. В-третьих, постсоветская действительность породила массу диссипативных элементов от истории, которые и обеспечивают мнемонические психозы. Наконец, последние облегчают задачу манипулирования историей в чисто политических целях.

Так, профессиональный (вроде бы) историк В. А. Никонов, несмотря на более чем критическую оценку своих публицистических заявлений³⁴, выступил с большой книгой о Февральской революции. В ней немало ссылок на работы серьезных авторов. Но они понадобились лишь для того, чтобы более убедительно смотрелся целый ряд чисто политических заявлений: самодержавная власть была благом для России; никаких предпосылок для ее падения не существовало; революцию подготовили безответственные «заговорщики». И хотя автор оговаривается, что «когда было принято решение приступить к свержению Николая II... мы вряд ли когда либо узнаем», он тут же начинает реанимировать слухи о «заговоре Думы и Земгора», «заговоре семьи» (императора), «заговоре Гучкова», опиравшегося на Ставку, наконец, «заговоре социалистов»³⁵. Не кажется ли автору, что самодержавная власть довела общество до такой степени гражданского бессилия, что ему не оставалось ничего иного, как тешить себя пересудами о заговорах против нее? Впрочем, Никонов больше похож не на искреннего мифотворца, а простого исполнителя политического заказа. Для нынешней власти, ухитрившейся приватизировать целую страну, всякий недовольный непременно покажется заговорщиком, а любой намек на ненадежность нынешней стабильности путем воспринят в контексте очередного «крушения России».

Допустим, что судьбы России периодически оказываются в руках безответственных «заговорщиков», не

задумывающихся о последствиях крушения государственности. Но, спрашивается, почему почти за два года до крушения самодержавия тогдашние жандармы отметили растущую уверенность в том, что революция неизбежна?³⁶ Отчего убежденный сторонник самодержавия в марте 1915 г. писал, что «сам Вильгельм не мог бы лучше дезорганизовать, замучить и обессилить врага» (Россию), чем это сделали за него отечественные бюрократы³⁷. Почему провинциальные обыватели восторженно поздравляли друг друга с «новой жизнью» и с легкостью поверили, что «Николай II был окружен преступниками»³⁸.

Если взглянуть в реалии 1917 г., то обнаружится, что, в сущности, старую власть ни в Феврале, ни в Октябре никто не свергал. В нее переставали верить, она разваливалась сама, ее добивали, причем делали это с упоением людей, которым нечего терять. Неслучайно «революционные» события 1990-х гг. протекали по сходному сценарию. А потому «психотравма» одной революции столь естественно вписалась в историографические психозы последующей смуты.

Строго говоря, историкам в любой стране не раз приходилось представлять перед судом сильных мира сего или перед «пестрым синклитом» всевозможных авторитетных дилетантов³⁹. Их отличительная черта в неумении (или нежелании) различать реальное и воображаемое в наличном историческом материале — в неспособности делать то, с чего начинается собственно историческая наука. И если учесть, что в современной России в среду последних допускают откровенных неучей параноидального склада, то торжество известного рода мифов будет обеспечено.

Советский марксизм отучил людей верить в очевидное — в отместку они поверили в неуловимое. Отсюда череда лжепророков, эксплуатирующих провалы коллективной памяти народов. Так, некий самодеятельный «историк» сочинил книгу об оккультных корнях русской революции. Книга посвящена Я. М. Свердлову: тот сделал

шкуру из своего любимого *черного* пса — это и есть решающее доказательство⁴⁰. Сей автор откровенно бахвалится собственной «необъективностью», горделиво заявляя, что история вообще «субъективная наука»⁴¹, в которой, по его разумению, любому шарлатану уготовано законное место.

Всякий исторический источник многомерен — каждый выбирает из него то, что ближе его уровню понимания прошлого, и интерпретирует отобранный материал в соответствии с собственными нравственными установками. Любителям «доступной истории» невдомек, что существует профессиональное источниковедение, которое призвано свести неизбежную для всякого автора необъективность к минимуму. Современная медийная поп-культура, напротив, старается уравнивать графомана-параноика и историка-профессионала. Этому помогает так называемая политкорректность — суррогат и морали, и даже веры.

Так, Миронов органически не признает российских кризисов, ибо они не увязываются с его эволюционистскими построениями. Прочие из упомянутых авторов вообще склонны верить только в «бесов революции». Именно эта, старая как мир, вера и является питательной средой для современного мифотворчества. Наплывы смутного времени, периодически лихорадящие относительно спокойное течение истории, имеют сугубо человеческое происхождение. В 1932 г. Юнг писал, что следует выделять в социальных катастрофах «проявления психического начала», доходящие до «психических эпидемий». Увы, в своем большинстве современные «аналитики» шарахаются от поиска истоков социальных кризисов в исторических надрывах человеческой психики. Конечно, думать, что в *«любой момент (выделено мной. — В. Б.)* несколько миллионов человеческих существ могут оказаться охвачены новым безумием»⁴², житейски непрактично, но теоретически нельзя отрицать, что феномен кризисности связан с

непредсказуемостью культурно-антропологических реакций на «вызовы времени».

Охотнее всего в лейб-мифотворцы подаются историографические неудачники. Скажем, из В. Р. Мединского нормального историка не получилось — его обвиняли даже в плагиате. Но как он преуспел в разоблачении «мифов» о русском пьянстве, воровстве, долготерпении, тяге к «сильной руке»! И с какой скоростью он плодит свои опусы! Только в 2010—2012 гг. он опубликовал свыше 5 тыс. страниц своих книг. Ясно, что действует целая PR-фабрика по производству государственно востребованных мифов. И должен же кто-то поддерживать эмоциональный тонус «всенародно избранной» власти.

Любой миф возводится на почве наиболее примитивных, старых, как мир, предрассудков. Увы, они по-прежнему определяют ситуацию на всех уровнях российского исторического сознания. Современные *mass media* усугубляют ситуацию, неуклонно превращая человека в пассивного потребителя упрощенной и в то же время «подперченной» сенсационностью исторической информации. И даже профессиональным историкам трудно оставаться в стороне от этого процесса.

Библиография и примечания

¹ Герцен А. И. Былое и думы. Исповедь. М., 2003. С. 594.

² Там же. С. 468.

³ Московичи С. Машина, рождающая богов. М., 1998. С. 287.

⁴ Коломийцев В. Ф. Россия: Реформы, трансформация, модернизация. Заметки политолога. М., 2011. С. 160.

⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства (XVIII — начало XX в.) Т. 1. СПб., 1999. С. 16. Книга Миронова может быть отнесена к социальной истории лишь по недоразумению: в действительности это рассказ о *придуманной власти*, которая якобы *эволюционировала* вместе со «среднестатистическим» народом.

⁶ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 197, 7—9.

⁷ См.: *Buldaikov V.* Scholarly Passions around the Myth of “Great October” // *After the Fall: Essays in Russian and Soviet Historiography.* Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, M. Poe. Bloomington, 2004.

⁸ Симптоматично, что наиболее активно он реанимируется бывшими комсомольскими работниками (см.: *Павлова И. В.* Что это было? Современная российская историография об историческом смысле социальных преобразований 1930-х годов // *Культура и интеллигенция сибирской провинции в годы «Великого перелома».* Новосибирск, 2000), подозревающими в «скрытом сталинизме» любого независимого автора.

⁹ *Колеров М. А.* Сборник «Проблемы идеализма». М., 2002. С. 212, 215.

¹⁰ См.: *Булдаков В. П.* Вторжение марксизма в Россию: Акт первый // *Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка. Сборник статей к 100-летию со дня рождения.* М., 2009.

¹¹ См.: *Франк С. Л.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.

¹² *Pipes R.* Struve: Liberal on the Left. Cambridge (MA). 1970; *Idem.* Struve: Liberal on the Right. Cambridge (MA). 1980.

¹³ См.: *Гайденок П. П.* Под знаком меры (либеральный консерватизм П. Б. Струве) // *Вопросы философии.* 1992. № 12; *Колеров М. А., Плотников Н. С.* Творческий путь П. Б. Струве // *Вопросы философии.* 1992. № 12; *Гнатюк О. Л.* Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998; и др.

¹⁴ *Никонов В.* Карамзин как respectable консерватор // *Родина.* 2012. № 2.

¹⁵ *Булдаков В. П.* Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // *Россия и современный мир.* 2001. № 2 (31); *Его же.* Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904—1921 и 1985—2002 годов // *Acta Slavica Japonica.* 2005. № 22; *Его же.* Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007; *Его же.* Революция как проблема российской истории // *Вопросы философии.* 2009. № 1; *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005; *Соловей В. Д.*

Смысл, логика и форма русских революций. М., 2007; *Его же*. Кровь и почва русской истории. М., 2008.

¹⁶ *Васецкий Н. А.* В конфликте с эпохой. М., 1985.

¹⁷ *Васецкий Н. А.* Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судебных. М., 1989.

¹⁸ *Жириновский В. В., Васецкий Н. А.* Русский характер. Социально-политические аспекты. М., 2009; *Их же*. Социология мировой политики. Учеб. пособие. М., 2012.

¹⁹ *Васецкий Н. А.* Основы парламентаризма в России. М., 2010.

²⁰ *Веллер М., Буровский А.* Гражданская история безумной войны. М., 2007. С. 4.

²¹ См.: *Булдаков В. П.* Россия или мифы о ней? По поводу статьи Бориса Миронова «Униженные и оскорбленные: «Кризис самодержавия — миф, придуманный большевиками» (Родина. 2006. № 1) // Родина. 2006. № 8. С. 7—9. Также см.: Российская история. 2011. № 1. С. 155—156, 173—174, 193—196, 198.

²² *Юнг К.-Г.* О современных мифах. М., 1994. С. 39.

²³ *Миронов Б. Н.* Уроки революции 1917 года, или кому на Руси жить плохо // Родина. 2011. № 12. С. 13.

²⁴ *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революция в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 544.

²⁵ Родина. 2012. № 1. С. 74—77.

²⁶ Родина. 2012. № 2. С. 16—17.

²⁷ См.: *Леонтьева Т. Г.* Вера, народ, власть: истоки провалов российских реформ (вторая половина XIX—XX в.) // Интеллектуальная элита в контексте русской истории XIX — XX вв. М., 2012. С. 167—188.

²⁸ *Фроянов И. Я.* Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 8.

²⁹ *Фроянов И.* Революция для России // Литературная газета. 2007. 29 августа — 4 сентября.

³⁰ *Галин В. В.* Война и революция. (Серия: Тенденции). М., 2004. С. 6.

³¹ Автор слепил несколько конспирологических поделок, сдобренных «политэкономическим» подходом. См.: *Галин В. В.* Запретная политэкономия. Революция по-русски. М., 2006; *Его же*. Политэкономия войны. Тупик либерализма 1919—1939. М., 2007; *Его же*. Заговор Европы. М., 2007; *Его же*. Загадка 37 года. Ответный сталинский удар. 2008; *Его же*. Тупик либерализма. Как

начинаются войны. М., 2011; и пр. Поразительно, что Галин превратился в апологета большевизма (См.: *Галин В. В.* Большевики спасли Россию // *Правда*. 2005. 28—31 октября; 1—2 ноября) — таков естественный результат попыток спрямления истории с помощью политэкономии.

³² См.: *Стариков Н.* Февраль 1917: Революция или спецоперация? / Изд. 3. М., 2007.

³³ Напр. см.: *Стариков Н.* Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006; *Его же.* Мифы и правда о Гражданской войне. Кто добил Россию? М., 2006; *Его же.* Главный враг России. Все зло приходит с Запада. М., 2008; и др.

³⁴ *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 642.

³⁵ См.: *Никонов В. А.* Крушение России. 1917. М., 2011. С. 474—550.

³⁶ *Семенова Е. Ю.* Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 — начало 1918 гг.): Сборник документов и материалов. Самара, 2011. С. 36, 37.

³⁷ *Дневник Л. А. Тихомирова. 1915—1917 гг.* / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 8.

³⁸ *Письма вятского обывателя* / Авт.-сост. Р. Я. Лаптева. Вятка (Киров), 2009. С. 209, 231.

³⁹ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 72.

⁴⁰ *Шамбаров В.* Окультизм: корни Октябрьской революции. М., 2006. С. 334—335.

⁴¹ Там же. С. 464.

⁴² *Юнг К.-Г.* Указ. соч. С. 242.

**Революционная традиция
в сравнительно-исторической перспективе
(Россия — Франция — Россия)**

В современной России по отношению к памяти революции, к самому понятию в массовых настроениях заметно подобие священного трепета. Что в этом больше — здорового инстинкта самосохранения или не критического усвоения тех истин, что регулярно и интенсивно преподносят СМИ? Интеллигентному и иному обывателю представители современного агитпропа внушают, что в российской истории все благодетельно-прогрессивное происходит исключительно от Власти, которая одна просвещает, модернизирует и, в конечном счете, спасает народ от самого себя. Если народу доводится выступить на политическую арену, то его самочинное действие может стать лишь «бунтом», по хрестоматийному определению, «бессмысленным и беспощадным».

Правда, согласно хорошему советскому поэту, коли «бунт кончается удачей, он называется иначе». На такой случай у названной когорты есть свои объяснения: «бес попутал», и этот бес не имеет подлинного отношения ни к России, ни к русскому народу. Это «темные силы» Достоевского, честолюбцы-властолюбцы, а заодно (новация уже без содействия автора «Бесов») предатели и иностранная агентура.

Успешно «разобрались» с Октябрем 17-го года. Дескать, вообще не революция, а государственный переворот. Осуществили его экстремисты-большевики, их вождь — фанатик, проникнутый мизантропией и русофобией. Вмешательство в судьбы России чуждых ей сил иллюстрирует германское золото. Золотой телец иноземного происхождения и оказывается, в конечном счете, тайной, но отныне усилиями беззаветных «каббалистов» выявленной пружинной революционных потрясений. Объединенными

усилиями специалистов широкого идеологического спектра «закопали» событие, которое семь десятилетий определяло жизнь страны и под знаменем которого были одержаны бесспорные победы, прежде всего в страшной войне человеческой истории.

По той же схеме, как со всей определенностью продемонстрировал недавний юбилей, спешат «закопать» и Февральскую революцию. Не германское, так американское золото, не Ленин, так Троцкий — все те же заклятые враги России. А что царь оказался изолирован и общество его дружно не поддержало — так «предательство». И никак не колеблет воображение новейших истолкователей отечественной истории, что среди «предателей» оказались цвет российского воинства, георгиевские кавалеры, императорская гвардия, а заодно священство, славшее от имени епископата приветственные адреса Государственной Думе, и, наконец, питерский пролетариат, авангард российской индустриализации.

«С жиру бесились» — такое объяснение с оглядкой на непонятное этому медийному племени протестное самосознание в обществе предложил ведущий одного из телеканалов. Вроде как и тысячные очереди зимой 1917 г. были от того, что питерский пролетариат стоял за свежее испеченными французскими булками! О том, что в стране разворачивался транспортный коллапс и вместе с ним обострялся продовольственный кризис, что полыхали помещичьи усадьбы, за этими булками да иностранным золотом как-то и не видно стало.

Как же случилось, что в вопросах революционного прошлого страны официальная историческая память проделала поворот на 180°? Если странно, то лишь на первый взгляд, сигналом стала тоже революция — антикоммунистическая революция 1991 г. Ее вожди вдохновлялись простейшей «арифметикой» революционного действия — огульным отрицанием коммунистической модели: национализация — приватизация,

гиперцентрализация — суверенизация, воинствующий атеизм — массовое воцерковление.

Вместе с коммунистической моделью отвергли и все коммунистическое прошлое, начиная с 1917 г., прибегнув для его дискредитации к упомянутым схемам фанатизма — доктринерства — иностранного золота. И дождались возмездия, теперь уже антикоммунистических вождей обвиняют в доктринерстве и подкупленности. А распространению подобных обвинений немало способствовало то, что сами вожди 1991 г. постарались отделаться от своего революционного происхождения, предав по различным поводам (вроде «расстрела парламента») анафеме обстоятельства утверждения новой власти.

Все это отнюдь не означает, что осмысление (и переосмысление) революционного прошлого свершилось в 1991 г. как бы с «нуля». Первая серьезная коллизия возникла еще в ходе Отечественной войны. Еще до нее, с конца 1930-х гг. началась идеологическая перестройка режима, преследовавшая цель укрепления легитимности Советской власти на путях восстановления связи с дореволюционным прошлым. Восстановление было сугубо избирательным: преемственность устанавливалась лишь по линии имперских завоеваний и побед русского оружия.

От революционной традиции как основания своей легитимности партийное руководство отнюдь не собиралось отказываться. К тому же в принципе военно-имперская традиция не противоречила революционной. Конечно, известен лозунг «пораженцев»: «Превратим империалистическую войну в гражданскую». Но, подобно французским революционерам, большевики немедленно стали «оборонцами», как только власть перешла в их руки. По образу декрета Законодательного собрания революционной Франции 11 июля 1792 г. «Отечество в опасности» 21 февраля 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет «Социалистическое отечество в опасности», где от местных

органов власти требовалось «защищать каждую позицию до последней капли крови».

Стоит ли напоминать (но видимо стоит, если партию Ленина обвиняют в национальном предательстве), что революционная Красная Армия рождалась именно в отпоре интервентам. Предается забвению и тот факт, что именно Красной Армии довелось, в конечном итоге, переломить ход российской военной истории, одолев и вермахт, и Квантунскую армию. Между тем с 1813 г. царская армия оказывалась победоносной лишь в сражениях со средневековыми режимами и полуфеодальными формированиями.

Революция 1917 г., преодолев «смуту», возникшую в результате банкротства царского режима, решила важнейшую национальную задачу — восстановив на большей части территории России единую государственность. И в этом «собрании» России свою роль сыграла не только Красная Армия, но и революционно-интернационалистская идеология, обосновавшая и реализовавшая проект новой государственности. Были, таким образом, серьезные основания для расширения легитимности государственной власти, рожденной Революцией.

Однако то, что произошло в партийной идеологии в ходе войны с фашизмом, и особенно после нее, вряд ли укладывается в естественный процесс обогащения и углубления национальной традиции путем соединения ее исторических разновидностей. И причины стоит поискать, как в настроениях советского общества, так и в особенностях внешнеполитического давления. Доктрина «Тысячелетнего Рейха», «Империи германской нации» явилась мощнейшим идеологическим вызовом, которому не могла полноценно противостоять революционная традиция, искаженная десятилетиями государственного насилия.

Для настроений интеллигенции летом 1943 г., судя по сообщениям спецорганов, было характерно критическое отношение к советскому строю, точнее — к

существовавшему режиму и, в частности, подчеркнем — к манипулированию им революционным наследием. Его выразили лауреаты сталинских премий и безымянные члены Союза писателей, партийные и беспартийные деятели культуры — верившие, никогда не верившие и утратившие веру в созданную систему: «Подумайте, 25 лет советская власть, а даже до войны люди ходили в лохмотьях, голодали... Для чего же было делать революцию?» (Ф. В. Гладков). «Неужели наша власть не видит всеобщего разочарования в революции... Революция не оправдала затраченных на нее сил и жертв. Нужны реформы, преобразования. Иначе нам не подняться» (М. А. Никитин). Лейтмотивом критических настроений были: демократизация политической системы, прекращение репрессий, восстановление рыночных отношений (ропуск колхозов — самая распространенная тема)¹. Но правящей номенклатуре демократизация представлялась смертным приговором.

Счастливо избежав гибели, советский режим хотел смотреть вперед с оптимизмом. Такое триумфальное будущее и сулили интеллектуальные модели, в которых прошлое и настоящее страны рассматривалось через призму имперской традиции. Красная Армия была переименована в Советскую, ее офицерский корпус переобмундировали по дореволюционным образцам, в государственном гимне «род людской» заменили «Великая Русь» и «вырастивший нас» Сталин. Тогда же в ход пошла уставная формула «За Родину, за Сталина!», которая отдаленно соответствовала фронтовой реальности и вместе с тем почти буквально воспроизводила «За Царя и Отечество!».

Новые идеологические формулы активно внедрялись в национальное сознание, но при этом возникли коллизии, ставившие под вопрос революционное обоснование партийной диктатуры и советского режима в целом. Красноречиво указывают на такую опасность дискуссии, развернувшиеся на созванном ЦК ВКП (б) в 1944 г. совещании историков².

Оттесняя присущий революционной традиции классовый подход, в новых идеологических моделях в качестве доминанты утверждался принцип извечного единства народа и государства. «Низы» и «верхи» сближала в истории защита государственных интересов России, представители господствующего класса провозглашались национальными героями как успешные их защитники. «Люди, носящие блестящие эполеты, украшенные дорогими парчами, орденами, а иной раз и короной», — вот, по словам самого напористого участника Совещания, кто выступает теперь «перед нами из тумана прежних столетий как воплощение народного духа»³.

Опрокинутый в монархическое прошлое культ Власти оборачивался прославлением «народных царей» Петра I и Ивана IV, причем пальма первенства волею вождя утвердилась, в конце концов, именно за Грозным: в отличие от основателя Империи тот, по убеждению И. В. Сталина, «стоял на национальной точке зрения», «иностранцев в свою страну не пускал», от иностранного влияния «ограждал»⁴. Выстраивание прямой преемственности от Московского царства к советскому государству придавало культу партийного вождя сакральный аспект царской харизмы и одновременно самодержцам жаловались атрибуты культа вождя народов.

У неоимперских моделей была еще одна мишень: интернационалистское обоснование СССР как революционного, не имевшего прототипов исторического явления. Идее равноправного союза противопоставили патриархальную иерархию: «государствообразующий» народ именовался «старшим братом», «младшие» попадали в число присоединившихся к созданному им государству «неисторических» народов. На обсуждении учебников по истории СССР в Наркомпросе (январь 1944 г.) член-корреспондент АН СССР А. И. Яковлев заявил: «Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз... Но русскую историю делал русский народ... Совмещать с этим интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне

кажется неправильным... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях»⁵.

Подменявшие национальную идентичность критерии этносознания накладывались на историю государственного образования Россия—СССР. И, хотя этноцентризм в столь чистом виде не был господствовавшим, мнение о необходимости разработки истории России как «русской истории», отвечающей «русским интересам», поддерживающей «честь и достоинство» русского народа, становилось все более убедительным, превращаясь подчас в «убойный» аргумент даже в научных дискуссиях.

Заметим, что неоимперские идеи встретили серьезный отпор в профессиональной среде. Академики А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, В. П. Волгин, Н. С. Державин стойко придерживались революционно-интернационалистской традиции. Особого внимания заслуживает то, что за построениями неоимперцев увидели новую форму вульгаризации истории, «покровщину с обратным знаком» (В. П. Волгин). «Одним из порочных моментов в схеме Покровского, — говорил член-корреспондент АН С. В. Бахрушин, — было отрицание громадной исторической роли русского народа». Но из преодоления этого порока не следует «такая сплошная идеализация всего прошлого»⁶.

Отношение идеологического аппарата ЦК (высшее руководство до конца войны не выявляло свою позицию) к выдвиганию неоимперских моделей было двусмысленным: с одной стороны, поддержка, стимулирование и порой прямое навязывание, с другой — сдерживание. Руководителям агитпропа могла импонировать чисто «русская история», но противопоставление русского патриотизма патриотизму других «100 народностей» нельзя было допустить, во всяком случае до тех пор, пока не закончилась война. Политически с середины 30-х гг. дело шло к развенчанию идеологемы «тюрьма народов» — но та входила в доктрину самой Октябрьской революции как

соединения трех потоков — рабочего, крестьянского и национально-освободительного движений. Неоимперская идеология таила многостороннюю угрозу для основополагающей традиции.

«Оттепель» начиналась со стремления восстановить ореол Революции (с большой буквы), очистив ее образ от наслоений и искажений последующего времени, прежде всего, разумеется, от «Большого террора». А заканчивалась постановкой вопросов о «цене революции» и «ошибках» ее вождей. Поскольку Октябрьская революция продолжала табуироваться, «подрывная» тематика отрабатывалась на Французской революции — той самой, опыт которой служил в первое десятилетие после Октября легитимацией Советской власти, включая государственный террор, диктатуру, упразднение многопартийности. В сталинское время Великая французская революция из прототипа Великой Октябрьской превратилась в ее антипод: утратив эпитет «Великой», она была объявлена вождем одной из сонма «буржуазно-ограниченных».

Главной «ограниченностью» Французской революции советскому руководству представлялся ее финал. Нормативно урезанная календарными рамками 1789—1794 гг., она заканчивалась, по этой схеме, Термидором. А переворот 9 термидора обозначил падение якобинской диктатуры, с которой так или иначе отождествляла себя Советская власть. Примириться с крахом революционной диктатуры советские коммунисты никак не могли. Поэтому Термидор навсегда оказался жупелом для власти и общественного сознания в СССР, потому-то, в конечном счете, и требовалось подчеркивать «ограниченность» революции во Франции: мнилось, что советскую, социалистическую революцию подобная участь не могла ожидать.

Хотя Термидор оставался жупелом, Революция 1789 г. вернула при Оттепели название Великой (с добавлением «буржуазной»), что отражало несомненное стремление к реабилитации революционной традиции в

общественном сознании. Оттепель внесла новые нюансы и в понимание собственно Российской революции. Пожалуй, самым знаменательным было обоснование историками «нового направления» ее общенационального, демократического характера. На концептуальном уровне была, наконец, полноценно осмыслена роль в революции крестьянских масс. Тем самым, между прочим, закрывалась дорога для сужения сущности Октября, для модного ныне изображения его верхушечным переворотом.

Однако режим воспринял тенденцию «демократизации», или «окрестьянивания» революции в штыки. Подрывались догматы о социалистической революции и диктатуре пролетариата, на которых и держалось обоснование монополии коммунистической партии на власть. Судьба «нового направления» хорошо известна. Ортодоксы победили, и то была пиррова победа. Режим вновь продемонстрировал свое пренебрежение собственной историей за пределами канонизированной схемы.

Между тем «новое направление» — в лице его лидеров П. В. Волобуева, А. Л. Сидорова, М. Я. Гефтера — вовсе не дерзало сокрушить основы системы. Это были партийные люди, выдержавшие испытание различными «чистками» и идеологическими кампаниями и даже активно участвовавшие в некоторых. Лидеры «нового направления» были искренне преданы революционной идее, хотели ее возрождения путем очищения и обновления, «возвращения к истокам». Разве не нормальный путь для всякого великого идейного движения, будь оно религиозным или нерелигиозным? Идеологический режим советской системы не выдержал, в конечном счете, именно испытания обновлением, и его историческое поражение было предпрешено уже в 60-х гг.

Обновление развернулось по-настоящему в конце 80-х, когда самой системе оставалось несколько лет существования. Между тем, это обновление, конкретно в революционной проблематике, было весьма поучительным.

Одним из ближайших поводов пересмотра традиции явилась вновь Французская революция в связи с ее 200-летием. А радикальный тон задавали не столько франковеды, сколько «широкая», научная и литературная общественность, и самое знаменательное — историки-партийцы, представители идеологического истеблишмента.

Выявилась определенная перекличка с настроениями французского общества периода Третьей республики, когда была восстановлена, прежде всего в государственной символике, преемственность в отношении революции XVIII в. Актуализация революционной традиции сделалась тогда оплотом в защите во Франции республиканского строя. Одновременно в национальном сознании возникал как род иммунитета своеобразный инстинкт социального самосохранения. Он проявлял себя, в частности, ощущением губительности междоусобия и насилия, которыми ознаменовала себя революция XVIII в. с последовавшими за ней потрясениями XIX в. (вплоть до Парижской Коммуны).

Жорес, сохранявший при классическом гуманизме преданность революционным идеалам, отчетливо выразил возникшую амбивалентность, сформулировав в конце своей многотомной «Социалистической истории» вопрос-надежду, что человечество изжило революцию как «варварскую форму прогресса»⁷. Спустя 80 лет, в другую эпоху и в другой стране, загадка основателя «Юманите» и классика истории Французской революции задала тон общественно-политической дискуссии, затронувшей не только Французскую или Российскую, но и всю типологию революций как исторического явления.

Диалектика исторического прогресса и форм, в которых он совершается, оказалась в центре обсуждения на юбилейной конференции в АОН (Академии общественных наук) при ЦК КПСС. Диктаторская система якобинцев и террор, традиционно прославлявшиеся в советской историографии, были подвергнуты осуждению. На первый план выступило общедемократическое содержание Французской революции — гуманистические ценности,

права человека как непреходящие по своему цивилизационному значению завоевания революции были противопоставлены формам, в которых она совершалась.

Профессор АОН М. И. Ананьева уточнила высказывание Жореса: «Революция есть высшая форма классовой борьбы», но не «высшая форма прогресса»⁸. Загвоздка была между тем в отождествлении того и другого в постулатах истмата. Поэтому требовалось еще развенчать абсолютизацию классовой борьбы и революционного насилия как формы прогресса. И вот после многолетней апологии «революции-праздника» на форуме высшего партийного научно-учебного заведения зазвучали слова о «революции-трагедии»!

«Революция по природе своей трагична, — говорил руководитель кафедры Ю. Н. Гаврилов. — Большой трагедией для многих французов, живших в конце XVIII в., была Великая французская революция». Из этого трагического опыта буржуазия извлекла уроки: «Французская революция положила начало пониманию частью правящего класса, <...> что своекорыстная политика самоубийственна, <...> что благоразумней и выгодней уступить часть, чтобы не потерять все».

Иначе говоря, стратегия «социального мира» виделась уже отнюдь не утопией, поскольку «организации, ведущие свое происхождение от жиронды», оказались в состоянии разработать действенную экономическую и социальную политику и «создать эффективный механизм» ее проведения в жизнь. И, напротив, Гаврилов критически отзывался о последователях якобинской традиции в СССР, о тех, кто доказывал, что «кардинальные общественные преобразования невозможны без агрессивного, ожесточенного вооруженного противостояния и выжигающей душу народа гражданской войны»⁹. Попадание было точным: именно степень ожесточенности в противостоянии классов провозглашалась в советской идеологии высшим критерием прогресса, а возможность

снять назревшие противоречия преобразованиями сверху по-настоящему не допускалась.

О трагических последствиях подобной ориентации большевиков говорил проректор АОН И. И. Антонович: «Всякая даже легкая попытка оправдания террора неприемлема... Попытки решить чтобы то ни было с помощью насилия после и за пределами революционного взрыва порождали только ответное насилие... Я хочу покаяться уже не за себя, а за нашу революцию. В отличие от Великой французской, наша революция родилась в слепой вере в созидательную роль революционного насилия. Сплошь и рядом она оказалась глухо враждебной разуму. И этим наша революция все-таки обесславилась»¹⁰.

Самокритичной была и позиция А. В. Адо. Профессор МГУ уточнял, что большевистская вера в насилие, спроецированная советской историографией на Французскую революцию, выразилась в недооценке преимущественности и выпячиванием произошедшего разрыва с прошлым. «Мы преувеличивали, абсолютизировали реальные возможности самого акта насильственной революции, его способность коренным образом перестроить все общество, во всех его структурах сверху донизу»¹¹, — за себя и за своих коллег признавал наиболее авторитетный представитель советской историографии.

Одновременно Адо выразил опасение, как бы не произошла новая абберация, и принципы идеологической перестройки конца XX в. не были бы спроецированы на реалии конца XVIII в. «Имеем ли мы право судить о людях и событиях прошлого только с позиций нового мышления? — вновь и вновь задавал вопрос историк своим коллегам. — Кроме чувства настоящего, существует такая вещь, как историзм. Мы обязаны помнить о достигнутом тогда уровне цивилизованности, учитывать, насколько общество было связано выработанными в ту пору общественными и политическими структурами, могло ли, умело ли оно решать назревшие проблемы таким образом, чтобы это соответствовало нашим этическим критериям»¹².

Существуют два плана, постоянно подчеркивал Адо. Один — «революция и наша современность», когда выявляется, что «из наследия Французской революции сохраняет немеркнущую ценность» и что следует рассматривать как «присущее лишь той эпохе» и, в частности, «отнести к тем кровавым формам исторического творчества, которые мы не можем принять сегодня». Но есть и другой план — «научного исторического анализа острых и сложных проблем Французской революции *в контексте ее эпохи*, когда задача историка не столько дать нравственную или иную оценку, сколько *объяснить и понять*»¹³.

О выявившейся тенденции подменить утратившую убедительность теоретическую интерпретацию революций и их роли в истории нравственным судом над ними было сказано немало. Бессмысленно выносить приговор революциям, доказывал Антонович: «Революции, рождаясь в насилии, не знают иной формы своего существования, но никому не обязаны за это своими объяснениями. Им недосуг извиняться, что они приходят в мир. *Сам факт свершения революции есть главная ее легитимизация* (курсив — А. Г.)»¹⁴.

Морализация революционной истории усугублялась ее модернизацией: подсознательно происходило проецирование идейных установок и моральных ценностей одной эпохи на иную. «Наше сознание, — говорил Адо, как и все почти современное европейское сознание, порядком «деревулюционизировано», и нам трудно воспринять и ощутить... мышление революционеров, совершавших великую революцию, и людей — историков, которые непосредственно вышли из этой (Октябрьской. — А. Г.) революции и писали о другой, тоже великой революции — Французской»¹⁵.

Но ни тогда, ни тем более впоследствии не удалось избежать смещения двух планов — «революция и наша современность» и революция «в контексте ее эпохи». Современное понимание не только Французской революции, но и, в первую очередь, отечественного наследия по-

прежнему отягощено порой сознательной, чаще неосознаваемой морализацией, тем грузом морально-политических оценок, что привнесло быстротекущее время со всеми его драматическими поворотами. Может ли быть примером зрелости восприятие своего (а заодно и нашего) революционного прошлого во Франции?

Основу современного государственного строя страны заложила Третья республика, и она же утвердила, можно сказать — кодифицировала триколором, «Марсельезой» и государственным праздником память о Революции XVIII в. Революция с тех пор и доныне стала отождествляться с самой Республикой, а все это вместе — с собственно Нацией (конституционный смысл самого определения тоже был детищем Революции: «Французская нация» заменила «Короля Франции» в формуле государственного суверенитета).

Произошло это далеко не сразу, лишь к столетней годовщине (1889) Революции, и победа революционно-республиканской традиции над религиозно-монархической была отнюдь не бесспорной. Эта победа кристаллизовала раскол страны по идейно-политическому принципу, увековечив в известной мере и разделение национальной идентичности на причастность к дореволюционной истории страны и ее истории после 1789 г. Над воссозданием истории страны в целостности национальной идентичности, иными словами, ее — истории и идентичности — приемлемости для всех французов вот уже два века, видя в этом важнейшую задачу, размышляет интеллектуальная элита, трудится профессиональное историческое сообщество.

Борьба по этому водоразделу антагонистических традиций продолжалась на протяжении всей истории Третьей республики (1871—1940 гг.). Многозначительный между тем факт: когда после капитуляции Франции в 1940 г. «национальный вождь» Петен провозгласил начало Национальной революции, задуманной как опровержение идей и принципов 1789 г., ему не удалось провести ни

восстановление монархии, ни утверждение государственного статуса католической религии. А День взятия Бастилии так и остался государственным праздником. Не лучшее ли то свидетельство укорененности революционной традиции в стране?

Трудно сказать, принесет ли это удовлетворение национальному самолюбию, но бесспорен факт, что во Франции современное понимание своего революционного прошлого в немалой мере испытало влияние революционного процесса в России. Зародившаяся в период Третьей республики и приобретшая законченную форму после 1917 г. «классическая» историография Французской революции в лице выдающихся исследователей Матьеза и Лефевра, а в послевоенный период Альбера Собуля подпитывалась той исторической перспективой, которую обозначила революция в России: Французская революция виделась прототипом Русской, а Русская расширяла и закрепляла достижения первой в решении социального вопроса и пророчила светлое, без эксплуатации и антагонистических классов, будущее человечества.

То было, по утверждению французского социолога Раймона Арона, бегство в гармоничное будущее от реальных конфликтов французского общества. Но было и нечто большее — поиск решений для самой Франции на путях того, что один из ярких писателей эпохи Поль Низан определил как «неистовое свержение одного социального порядка другим, слом определенной экономики, определенной культуры». Подобное «наваждение революции» (по слову петербургского филолога С. Л. Фокина) захватило цвет французской литературы, лауреатов Нобелевской, Гонкуровской и иных престижных премий (Ромен Роллан, Анри Барбюс, Андре Жид, Андре Мальро, Жорж Батай, Луи Арагон, Эльза Триоле, а позднее Альбер Камю и Жан-Поль Сартр). И, поскольку «наваждение» означало «свержение капиталистического режима, устройство пролетарского государства»,

Октябрьская революция становилась маяком, Советская Россия — образцом¹⁶.

В конструировании нового образа России ведущую роль приобретали актуальные для того времени бинарные оппозиции: «социализм — капитализм», а в 30-х гг. и «социализм — фашизм». И все же Фокин считает возможным назвать это явление «Русской идеей», ибо возникла оно во французской литературе на пересечении увлеченностью Русской революцией и русской классикой, в первую очередь, как ни парадоксально — Достоевским. «Чем внимательнее относился писатель к русской классической литературе, тем, — обобщает петербургский филолог, — менее критичен он был к русской революции». И, «чем позитивнее был образ Французской революции в сознании писателя, тем менее критичен он был к русской революции»¹⁷.

Первый надрыв этой перспективы случился именно тогда, когда большевики приступили к реальному созданию «бесклассового общества» с одновременным насаждением культа вождя и утверждением единомыслия. «Академическое дело» 1929 г. вызвало протест профессорского сообщества Франции, и возглавил протестовавших восторженный поклонник Октябрьской революции Альбер Матъез.

Процесс охлаждения симпатий к советскому эксперименту остановила победа Советского Союза над Германией. Французские друзья СССР вновь получили повод гордиться своей верностью этой дружбе и вдохновляться верой в социалистическую революцию. Научно-теоретическая перспектива поступательного развития человечества от одной (Французской) революции к другой (Российской) обрела на фоне послевоенных настроений французского общества серьезное подкрепление, став господствующей в подходе к революционной проблематике.

Перелом произошел в 1960-х гг. Среди разнообразных факторов успеха атаки «ревизионистов» на

«классическую» историографию Французской революции было угасание международного авторитета Советского Союза — несмотря на достижения в космосе и провозглашенную де Голлем идею Европы «от Атлантики до Урала». На революционной проблематике явно сказалось окостенение идейно-теоретического арсенала ФКП (заодно с соцпартией), обнаружившееся одновременно и в прямой связи с торжеством догматизма в КПСС. Французские коммунисты, в том числе среди вузовской профессуры, утратили творческую инициативу, и ее перехватили люди, прошедшую ту же марксистскую школу, но ставшие в итоге антикоммунистами (симптоматична фигура самого лидера «ревизионистов» Франсуа Фюре, прошлое которого было связано с ФКП).

Главным полем боя сделалась классовая интерпретация — опровержение фундаментального постулата «классической» историографии о том, что Французская революция была «буржуазной». Действительно, в обосновании этого постулата идеология имела приоритет над социологией. Родоначальникам «классики» (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер) оправдание революции требовалось для противостояния клерикально-монархическим силам Реставрации, и таким оправданием сделалась интерпретация ее приемлемой для класса, восходящего к власти, и, главное, это восхождение обосновывающей.

Для марксистов понятие «буржуазной революции» становилось важнейшим звеном учения о формациях, предвещавшего, что за буржуазной революцией наступит торжество социалистической. «Ревизионисты» противопоставили марксистской философии истории преимущественно доводы из области эмпирической социологии и историко-экономической статистики, а эта методика приобрела исключительную популярность в академическом сообществе Франции в рамках обретшей моду в 1960-х гг. «клиометрии».

Классовый анализ движущих сил революции опровергался социопрофессиональным анализом революционного руководства. Оказывалось, что большинство последнего представляли не «подлинная», торгово-промышленная буржуазия, а интеллигентские группировки (юристы-журналисты), которые «ревизионисты» относили к разряду внеклассовых (прямотаки как «прослойка» у Сталина). В то же время оказалось, что именно торгово-промышленная буржуазия Старого порядка, наряду с дворянством и священниками, больше всего пострадала от революции. Довершал дело экономстатистический анализ, фиксировавший спад французской экономики после революции и ее нараставшее отставание от главного конкурента — Великобритании.

Утратив статус «буржуазной», Французская революция усилиями «ревизионистов» перестала быть и позитивной с точки зрения экономического развития страны. Своими эгалитаристскими тенденциями она оказывалась препятствием для прогресса капитализма, а, следовательно, в исторической перспективе не «прогрессивной», как утверждала «классическая» историография, а «реакционной».

Впрочем, и сама концепция прогресса подверглась переоценке. Собственно, идеологема прогресса стала выглядеть в одиозном свете как вечная предпосылка революционного сознания: раз изменение к лучшему возможно, любого изменения недостаточно. А поскольку идеологема прогресса явилась основополагающей для Просвещения, цепочка «ревизионистских» опровержений поставила под вопрос и духовную ценность важнейшего культурного явления XVIII в.

Здесь тоже обнаруживается российский (или антироссийский) «след». Еще в XIX в. утвердилось социалистическое «прочтение» Просвещения. И в СССР, и в самой Франции придавали большое значение преемственности между классиками Просвещения и социалистическими проектами XX в. И критики

Просвещения использовали эту афишировавшуюся классиками марксизма и их последователями-коммунистами преемственность (вкуче с извращением социалистического проекта в СССР) для разоблачения «тоталитаризма» Просвещения.

Спасая престиж важнейшего культурного явления цивилизации Нового времени, «ревизионисты» вынуждены были поступиться его целостностью, разделив на приемлемую и неприемлемую части. Позитивность политических идей Просвещения была допущена лишь в пределах умеренного реформизма. И они, по оценке французского академика Пьера Шоню, вполне укладывались в эти пределы до той поры, пока Руссо не выступил с пропагандой уравнительных идей. Не сдерживая политических эмоций, академик утверждал: «В брешь, пробитую «Общественным договором» (Руссо. — А. Г.) хлынул поток утопий, отяготивший эпоху Просвещения реакционной и дегенеративной идеологией». Это был «ядовитый нарост на теоретико-дедуктивной ветви конструктивных политических размышлений просветителей», который и придал «архаичность» и «профетизм» Французской революции¹⁸.

«Дереволюционизация» современного общественного сознания на Западе вылилась в деидеологизацию и «кризис великих метанарративов». Изменившееся отношение к Просвещению многолетний руководитель Французского общества по изучению восемнадцатого века Жан Стар объяснял аллергией на «культ великих принципов» и «великих чувств», вместе с наступлением на Западе эры процветания: В 60-х гг. «мы считали, что нам предстоит участвовать в строительстве нового мира... Сегодня так же думают люди во многих странах, где будущее еще неопределенно. Но среди тех, кто... живет в мире и благополучии», восторжествовал гедонизм¹⁹.

К концу 80-х гг. антиреволюционная реакция собрала столь значительные силы, что смогла поставить вопрос: «Стоит ли праздновать двухсотлетие Французской

революции?»²⁰. Повернуть историческую память большинства французского общества вспять не удалось. Юбилей был отпразднован на всех уровнях, начиная от правительственных приемов до многочисленных массовых мероприятий при стечении широкой международной публики. В Сорбонне проходил всемирный исторический конгресс, посвященный «Образу Революции» в мире.

Знаменательно, что активное участие в юбилее приняли «ревизионисты». Под руководством Фюре вышел капитальный энциклопедический словарь, собравший статьи ученых различной идейно-теоретической ориентации и отчетливо продемонстрировавший, что и «ревизионисты» не отказываются от революционного наследия страны²¹.

Отметим также, что юбилею Революции предшествовали достаточно значимые мемориальные акты — 1500-летия крещения короля франков Хлодвига с его войском и 1000-летия Капетингов, признающих первую династию собственно французских королей. Знаменательное событие произошло в двухсотую годовщину казни Людовика XVI. 21 января 1993 г. на площадь Согласия пришло множество французов, чтобы возложить цветы к тому месту, где когда-то стояла гильотина. В своей массе то не были монархисты. На прямые вопросы они объясняли свою акцию чувством причастности к событиям национальной истории.

Две трети французов по результатам социологического обследования конца XX в. осудили казнь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, сочтя что в этом не было необходимости; но еще более значительное большинство одобрило упразднение монархии и ликвидацию сословных привилегий. И это большинство стоит на прочных республиканских традициях, не принимая возможность установления конституционной монархии даже британского образца.

При этом более половины французов относятся, по слову, употребленному в анкете, «с безразличием» к памяти о королях. Подобная оценка своего отношения к

монархической традиции особенно симптоматична, если учесть, что в СМИ постоянно присутствует тема «вклада» королей в историю и культуру страны и эта тема подается в популярных изданиях с претенциозным анонсом о сорока королях, «которые создали Францию».

Для более половины населения Франции Революция ассоциируется с взятием Бастилии, вместе с тем гораздо больше французов считают главным символом Декларацию прав человека и гражданина. На прямой вопрос: «Хорошо или плохо, что произошла Французская революция?» — 73% высказались в ее пользу, а среди молодежи (18—49 лет) поддержка была еще выше (больше 80%). Очень красноречивыми были ответы на вопрос о международном образе Франции: почти половина опрошенных ответили, что Революция способствовала престижу страны и чуть более 10% придерживались противоположного мнения²².

Не следует думать, что во Франции за давностью лет возникло единство общества в отношении исторической традиции. Нет, сохраняется раскол, начало которому было положено Революцией. Кроме 1789 г., открылось еще немало «болевых точек», самой чувствительной из которых остается оценка колониального прошлого и прежде всего войны в Алжире. Различные меньшинства, в том числе жители исторических регионов страны, чья культурная идентичность была подавлена вместе с политической самостоятельностью, требуют теперь ее, по выражению академика Пьера Нора, «записи в великую книгу национальной истории». А для этого нужно «официальное слово государства»²³.

Все стороны вызывают к государству, которое и становится верховным арбитром в вопросах исторической памяти, организуя торжественные юбилеи (кроме указанных, очень значащим было празднование 400-летия покончившего с религиозными войнами Нантского эдикта под девизом «признания Другого») и издавая так называемые мемориальные законы: о геноциде, работорговле, обустройстве колоний. При том, что

профессиональные историки критически относятся к «мемориальной» деятельности государственной власти, сама общественная потребность подталкивает к ее продолжению.

Принципы отношения Пятой республики к национальной истории были заложены еще ее основателем. В мировоззрении де Голля, отмечал директор лево-католического журнала «Эспри» Жан-Мари Доменак, соединились «самые противоречивые элементы национальной традиции, притом, однако, сублимированные, гармонизированные, переплавленные в синтез, в котором разум и сердце принимают равное участие. В некотором роде он предался работе историка, важнейшее качество которого доброжелательность»²⁴. Согласно Франсуа Бедарида, занятия де Голля историей Франции «соединяли преемственностью традицию и Революцию, не исключая ни один из эпизодов этой истории». То был «экуменизм, который все принимает и все собирает, отдавая должное каждому персонажу и каждому времени»²⁵.

Преемники де Голля заявляют о необходимости восприятия истории страны со всеми ее противоречиями, во всем многообразии культурного опыта. «Величие страны заключается в том, — говорил президент Жан Ширак, — чтобы принять всю ее историю. С ее славными страницами, но также с ее теневыми сторонами»²⁶.

Пожалуй, это самый серьезный урок, который можно извлечь из французского опыта. В стране в последние десятилетия ведется целенаправленная государственная политика в отношении исторической памяти. Преодолевая различные искушения и крутые перегибы, эта политика ориентирована на восприятие национальной истории в ее целостности. Закрепленной в государственной символике памяти великой революции ничто не угрожает, что отнюдь не исключает дискуссии историков о характере революции, ее предпосылках и последствиях.

В свою очередь, профессиональное сообщество, оставаясь разделенным по принципиальным методологическим вопросам, едино в необходимости

культивирования исторической памяти. Создавая фундаментальные труды по ключевым моментам национальной традиции, французские историки не отдают своего приоритета тем, кого называют «медийными интеллектуалами», а СМИ поддерживают в общем этот приоритет академической науки.

Выводы, думаю, напрашиваются сами собой. Революционная традиция — в России или Франции — многогранна, и на различных этапах национальной истории выявляется различными своим гранями²⁷. На эту объективную закономерность накладывается деятельность политических сил, придающих традиции нужную для себя ориентацию. Именно поэтому в культивировании традиции преобладает та или иная схема. Порой, при диаметральной противоположности оценок, это одна и та же схема, например — отождествление революции с насилием («повивальная бабка истории» в одних оценках — «разбой и грабеж» в других), «спасительным» или «опустошительным» террором и «прогрессивной» или «преступной» диктатурой победоносной партии.

Подобные схемы грешат односторонностью. Когда революцию приравнивают к «хаосу» или «смуте», оставляют без внимания огромную созидательную энергию, что позволила Стране Советов превратиться в мощную индустриальную державу и выстоять в смертельной схватке с фашизмом, ту самую творческую энергию, что вызвала к жизни сами Советы (подобно тому как во Французской революции народное творчество породило секционную организацию — органы самоуправления городских кварталов).

Редуцирование революционной традиции к стихии разрушения опровергается сопровождавшим постреволюционный период мощным культурным движением. Это не говоря уже о подъеме массового народного творчества, о многоликом художественном авангарде, о поэзии Маяковского, о прозе Платонова, о музыке Шостаковича, о кинематографе Эйзенштейна и

театре Мейерхольда. Ради плодотворного усвоения культуры «русского зарубежья» следует ли приносить в жертву славу (поистине всемирную) тех деятелей отечественной культуры, кто «был со своим народом» и, более того, до конца оставался, как автор симфоний памяти 1905 и 1917 гг., верен революционной традиции?

Дискредитация революционной традиции по-новому воспроизводит прежний раскол. Большевики были повинны в отсечении религиозно-монархической традиции России. Но чем лучше отечественные антикоммунисты разной природы, что творят ныне самосуд над декабристами и народниками, над Радищевым и Чернышевским, Герценом и Некрасовым? Трагический опыт показал: «сбрасывать с парохода современности» культурное наследие разрушительно для культуры и для самой «современности».

Есть и более общее соображение. Интенсивность переживания народом своего участия в революционной драме сопоставима разве что с испытаниями, выпавшими на его долю в Великой Отечественной войне. Можно и нужно спорить о путях и деятелях Революции. Бесспорна, однако, интенсивность человеческих переживаний, бесспорен тот след, что они оставили в национальной идентичности. Были несбывшиеся ожидания, обманутые надежды и изобилие ложной патетики. Но не писал ли А. И. Герцен: «В народе всегда выражается истина. Жизнь народа не может быть ложью»^{28?}

Учит ли революционный опыт? Перефразируя П. А. Кропоткина, можно сказать, что революционная традиция, подобно самой Революции, может быть разрушительной и разрушительно-обновляющей²⁹. Несомненно, революция в России обновила характер народа, придав его мировосприятию широкую международную (поистине всемирную) перспективу и устремленность в будущее.

Сейчас принято пренебрежительно относиться к идеям мировой революции, смеяться над песнями о «мировом пожаре», который желательно разжечь «на горе

всем буржуйам». Но отбросим ложную патетику и политико-идеологическую конъюнктуру — и тогда ничего не помешает увидеть, что от этих настроений сохранился реальный след; и этот след — чувство вовлеченности народа во всемирно-исторический процесс.

Другое наследие революционной традиции — изменение временной перспективы. Революционеры, говоря словами Сен-Жюста, забрасывали свои якоря в будущее³⁰, выстраивая насущное бытие в самой отдаленной перспективе, которую только могли себе вообразить. Устремленность в будущее чем дальше, тем больше могла расходиться с уверенностью в этом самом будущем, и в революционной действительности торжественный марш энтузиастов нередко переходил в не менее торжественные, но похоронные мелодии. Тем не менее, именно вдохновенность будущим помогала народу сносить бесконечные тяготы и невероятные лишения.

Библиография

¹ См.: Спецсообщение управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) — ВКП (б) — НКВД о культурной политике 1917—1953 гг. / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 2002. С. 487—499.

² Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году / Публ. Ю. Н. Амиантова и З. Н. Тихоновой // Вопросы истории. 1996. № № 2—9.

³ Стенограмма... // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 61.

⁴ Власть и художественная интеллигенция. С. 613.

⁵ О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков: Секретарям ЦК ВКП (б). / Публ. И. В. Ильиной // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 202.

⁶ Стенограмма... // Вопросы истории. № 3. С. 83.

⁷ «Какой бы благородной, плодотворной, необходимой ни была революция, она всегда относится к более низкой и наполовину звериной эпохе человечества» (*Жорес Ж.*

Социалистическая история Французской революции. Т. 6. М., 1983. С. 260).

⁸ Великая французская революция и современность: Материалы междунар. науч. конф. (23—24 ноября 1989 г.). М., 1990. С. 105

⁹ Там же. С. 120—122.

¹⁰ Там же. С. 154.

¹¹ Там же. С. 145.

¹² Время предвосхищений // Знание-сила. 1989. № 7. С. 30.

¹³ Великая французская революция и современность... С. 149—150.

¹⁴ Там же. С. 154.

¹⁵ Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (Материалы «круглого стола» 19—20 сентября 1988 г.). М., 1989. С. 235.

¹⁶ *Фокин С. Л.* «Русская идея» во французской литературе XX века. СПб., 2003. С. 5.

¹⁷ Там же. С. 203—204.

¹⁸ *Шоню П.* Цивилизация Просвещения / Пер. с фр. Екатеринбург, 2008. С. 204—205.

¹⁹ История продолжается: Изучение XVIII века на пороге XXI века. СПб., 2001. С. 149—150.

²⁰ Faut-il célébrer le bicentenaire de la Révolution française? Entretien avec François Furet // Histoire. Paris, 1983. № 2.

²¹ Dictionnaire critique de la Révolution française. Paris, 1988. То же на англ. яз.

²² Pour ou contre la Révolution / sous la dir. de A. de Baecque, préface de M. Gauchet. Paris, 2002. P. 941 — 953.

²³ *Nora P.* Les avatars de l'identité française // Débat. P., 2010. № 159. P. 16.

²⁴ De Gaulle en son siècle. Т. 1. Paris, 1991. P. 217.

²⁵ Ibid. P. 145.

²⁶ *Wieviorka M.* Neuf leçons de sociologie. Paris, 2008. P. 202.

²⁷ См. подробнее: *Гордон А. В.* Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

²⁸ *Герцен А. И.* О социализме. Избранное. М., 1974. С. 279.

²⁹ *Кропоткин П. А.* Что делать? // П. А. Кропоткин и его учение. Чикаго, 1931. С. 202.

³⁰ *Сен-Жюст Л. А.* Речи. Трактаты. СПб., 1996. С. 278.

Осмысление места и роли революции 1917 года в истории России современной учащейся молодежью

В российском обществе последних 20 лет, вероятно, не было более важной и злободневной исторической темы, чем осознание и переоценка роли революционных событий 1917 г. Эволюция этих взглядов в общественном сознании была причудлива и непроста: от почти единодушного одобрения и высокой положительной оценки в советское время, через отрицание этой позитивной роли в начале «лихих» 1990-х гг., к попытке «уравновесить» эти крайности в современных оценках.

По данным «Левада-Центра», и сегодня более 50% россиян считают, что Октябрьская революция открыла новую эру в истории и вообще способствовала развитию народов России. Мнение о том, что пролетарская революция открыла новую эру в истории России, разделяют 25% опрошенных. А еще 28% считают, что она дала толчок социальному и экономическому развитию всех народов страны. Однако такая позиция характерна для респондентов старше 55 лет, а также служащих и специалистов с низким и среднем уровнем доходов. Если взглянуть на проблему через призму социального положения опрошенных, то мы увидим, что катастрофические последствия революции для народов России видят в основном предприниматели (24%), домохозяйки (12%) и, в целом, россияне в возрасте 25—40 лет (12%). Главной причиной революции 1917 г. большинство опрошенных считает тяжелое положение трудящихся (53%), а вот в 2007 г. этот взгляд на историческое событие разделяли 57% респондентов.

Весьма показательно и то, что если бы подобные события происходили сейчас, то каждый четвертый из опрошенных постарался бы не участвовать в них. Активную поддержку большевикам оказали бы 14% респондентов,

среди которых чаще всего сторонники КПРФ (30%) и ЛДПР (23%).

Интересным представляется и отношение респондентов к вопросу о целесообразности упразднения праздника 7 ноября. Если у молодежи (до 25 лет) число противников и сторонников этого решения примерно одинаковое, то среди россиян старше 55 лет большинство выступают против упразднения (75%). Опрос был проведен в конце октября 2011 г. среди городского и сельского населения страны. В нем участвовали 1 586 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов России¹.

В подобных оценках — результат не только и не столько политических пристрастий авторов анкет, но и сложившейся за последние два десятилетия системы школьного и вузовского исторического образования, равно как и внезапно обрушившегося на нас фактора плюрализма и разногласия в оценках событий почти столетней давности.

Какие же оценки революционных событий 1917 г. присутствовали в учебной литературе по истории после краха советской системы? Какие из них отошли в прошлое, а какие существуют до сегодняшнего дня?

Можно с полной уверенностью сказать, что практически все основные оценки, которые сложились за это время в отечественной и зарубежной историографии, оказались представленными и в учебной литературе. Порой даже получалось так, что эти оценки, еще не устоявшиеся, впервые отражались именно в учебниках, особенно вышедших в начале 90-х гг. На сегодняшний день существуют учебники, которые оценивают события того времени с позиций либеральной и державной, националистической и монархической, с точки зрения русской эмиграции и традиционалистской советской.

Сформировалась даже официальная позиция Русской православной церкви в этом вопросе, также изложенная в учебных пособиях. Причем зачастую сторонники каждой из

этих точек зрения считают правомерной и верной лишь свою собственную точку зрения, отказывая в праве на существование всем иным. Однако именно взятые все вместе, пусть даже самые различные и несоединимые позиции и оценки, способны помочь выработке взвешенного, максимально объективного взгляда на прошлое.

В данной публикации невозможно отразить и малой толики данной проблемы в целом. Ее задача состоит в том, чтобы лишь обозначить основные точки зрения на проблемы, нашедшие отражение в учебниках.

Первой и одной из весьма дискуссионных проблем до сих пор остается вопрос о *предпосылках* событий 1917 г. Разброс мнений здесь достаточно велик. Есть те, кто полагает, что вообще никаких предпосылок этих событий не существовало; что учебники должны лишь «излагать совокупность фактов, событий, документов»; что «нет никаких закономерностей и предопределенностей в развитии исторического процесса» и т. п. В самом ли деле сторонники такого взгляда верят своим словам, или нет, но стремясь уйти от анализа и оценок, они практически сразу вслед за этим предлагают лишь собственный анализ, собственные оценки, аргументируют свои выводы и приводят собственный блок документов, их иллюстрирующий. Иначе ведь не может и быть.

Другой крайней точкой зрения, доставшейся нам от советского прошлого, является традиционное утверждение о том, что вся наша многовековая история была лишь подготовкой к событиям 1917 г., а именно — Октября и победы большевиков. Правда, сегодня таких учебников практически уже нет.

Вместе с тем, уже в начале 90-х гг. в учебниках появилась интересная точка зрения о наличии сложного, многоуровневого комплекса причин объективного и субъективного характера, приведшего к 1917 году. Одним из первых ее высказал В. П. Дмитренко в своем учебнике для 11 класса². Он сформулировал 3 группы предпосылок

революционного взрыва 1917 г. К первой группе противоречий он относил вековые противоречия, существовавшие в нашей стране между властью и личностью, между городом и деревней, между центром и окраинами, между великороссами и «иногородцами» и т. п. Ко второй группе противоречий он относил те, которые оформились в России в результате незавершенности «великих реформ» 60-70-х гг.: сохранение выкупных платежей и «отрезков», нежелание верховной власти отказаться от абсолютизма в пользу конституции, обострение национального вопроса и т. п. Такую же позицию высказывал еще в начале 90-х гг. Г. З. Иоффе, который утверждал (правда, не в учебнике), что «великие реформы подготовили Октябрь 1917 года». Однако, даже при наличии этих двух групп противоречий, по мнению Дмитренко, революционный взрыв вовсе не был обязательным и немедленным. Главным ускорителем революционного процесса в России стала мировая война, сформировавшая еще один, третий блок противоречий, принеся в российское общество многомиллионные потери мужиков-кормильцев; нищету и лишения миллионам россиян; показавшая неэффективность отжившей властной системы в условиях внешнего вызова; в значительной мере обострившая антагонизм не только между властью и обществом, но и в самом обществе. Даже те институты демократии, которые оформились лишь за неполное довоенное десятилетие, вносили свою лепту в нарастание и углубление кризиса: свободная пресса демонизировала все ветви власти; Государственная дума фактически возглавила действия по смене режима.

По мнению того же Дмитренко, разрешение этих противоречий должно было пойти в обратном порядке — от временных, конъюнктурных противоречий, к тем, что были порождены незавершенностью российской модернизации, а уж затем — и к решению всех иных, более глубоких.

Сегодня достаточно интересной видится мысль о том, что события 1917 г. стали обычным для большинства

стран взрывным переходом от аграрного общества к индустриальному. Однако она лишь намечается в учебном книгоиздании.

Впрочем, есть и иные точки зрения. Кто-то по-прежнему хочет видеть главную причину происшедшего лишь в злом гении Ленина и большевиков. Но при этом либо скромно умалчивают, почему они имели столь массовую поддержку, либо, как и без малого столетие назад, намекают вновь на *немецкие деньги*. В числе субъективных факторов называют, конечно, и доктринальные особенности большевизма.

Проблема хронологических рамок также относится к числу дискуссионных. Но если проследить ее эволюцию за последние двадцать лет, то и здесь мы увидим серьезные новации. Никто из авторов сегодня не рассматривает, как прежде, Октябрь 1917 г. изолированно от Февраля. Сегодня практически во всех учебниках события 1917 г. предстают как единый революционный процесс. Другая часть авторов предлагает рассматривать как единое целое весь период 1917—1922 гг. (например, А. Ф. Киселев и В. П. Попов). Третьи, вслед за Научным советом РАН по истории революций, полагают, что вернее рассматривать как период общенационального кризиса в России время от начала Первой мировой войны и до конца 1922 г.

По-прежнему не решена в едином ключе *проблема характеристики явления*. Что это было: *революция, переворот, вооруженное восстание..?* Казалось бы, что тут непонятного? Однако существуют следующие основные подходы. В большинстве учебников сегодня присутствует оценка революции в отношении всех событий 1917 г. Где-то по-прежнему проскакивает в названиях параграфов «Февральская революция» и «Октябрьская революция». В некоторых — «Февральская революция» и «Октябрьский переворот». Но есть и такие авторы, которые относят понятие «переворот» к событиям Февраля, утверждая, что под революцией мы понимаем обычно радикальные перемены в самих основах социально-экономического и

общественно-политического строя. А поскольку таковых радикальных перемен Февраль не дал, отложив их до созыва Учредительного собрания, то и говорить о «революции» бессмысленно. Истинные же перемены наступили, как они полагают, только после взятия власти большевиками.

Зачастую в трактовке понятий «революция» и «переворот» происходит в известном смысле слова подмена понятий. Ведь переворот, как вооруженный захват власти, отмечают некоторые авторы, имел место и в Феврале, и в Октябре 1917 г. Что же касается вооруженного восстания, то его, мол, в Октябре и вовсе не было. Эта тема по-прежнему вызывает жаркие дебаты, как в авторском, так и в научном сообществе в целом.

Проблема альтернатив развития политической ситуации после Февраля тоже относится к числу важных и имеющих различную трактовку. Сегодня почти нет учебников, где не было бы показано, что с падением царизма существовали различные варианты развития страны. Взятые в целом, они позволяют утверждать, что большинство авторов видит в качестве таких альтернатив демократический и радикальный варианты. Причем радикальный вариант обычно представлен как «справа», со стороны военных кругов (генерал Корнилов и др.), так и «слева» (большевики и левое крыло партии эсеров). Большое место везде уделяется прояснению вопроса о том, какие социальные слои поддерживали каждую из этих альтернатив, почему менялось это отношение.

Проблема социально-экономического развития в 1917 г. была поставлена одним из первых известным российским историком, автором учебников по истории России В. И. Старцевым. Он, увы, не успел отразить эти свои мысли в учебнике, где был одним из авторов. Но сумел высказать такой подход на одной из конференций в Ярославле в 1995 г., где проблема учебников обсуждалась. Суть взгляда Виталия Ивановича сводилась к тому, что, несмотря на революционные события, в 1917 г. страна переживала экономический подъем. Приводились и цифры в

обоснование этой позиции. Но они, правда, касались лишь развития военного производства. Другие авторы остаются на прежней, по сути, советской основе, показывая нарастание кризисных явлений по мере развития ситуации в 1917 г.

Проблема оценки Октября тоже относится к числу тех, по которым точки зрения до сих пор различные. Если суммировать их, то окажется, что взгляд на эту проблему значительно эволюционировал за все эти годы. Дмитренко, к примеру, считал, что Октябрь 1917 г. стал «исторической встречей различных революционных потоков, рванувших в одно время и в одном месте». Поэтому он считал в начале 90-х гг., что с октября 1917 по июль 1918 гг. революция носила общедемократический характер, даже несмотря на установление большевистского режима. Это была революция, в которой поддержку режиму в решении задач, так и не решенных Временным правительством, оказали самые широкие слои населения, имевшие свои собственные цели. Здесь он называл и рабочих, и крестьян (причем всех категорий), и национальные окраины. Однако такое соединение революционных потоков было временным и должно было непременно привести к их расхождению по мере либо решения их задач, либо, наоборот, задержки в их решении властями.

Большинство же авторов акцентируют внимание на антидемократическом, репрессивном *характере большевистского режима*. При этом отмечается, что уже в это время власть наносила удары не только по «бывшим», но и по тем категориям населения, которые, казалось бы, составляли ее социальную базу. По данным В. М. Курицына, в первых советских лагерях до 96% заключенных составляли рабочие, не выполнявшие нормы выработки, а также крестьяне, не выполнявшие повинности.

Весьма важным в учебной литературе предстает *национальный фактор в революции*. Он показан в ряде учебников на постсоветском пространстве едва ли не главным фактором свержения царизма. В «Очерках Истории Украины», изданной в прошлом году в России, авторы

отмечают, что «русская революция разворачивалась параллельно с революцией украинской», тем самым отдавая приоритет именно украинской национальной революции. Мы же солидарны с точкой зрения известного коллеги Доминика Ливена о том, что «империя Романовых рухнула не под давлением нерусских окраин, а в результате восстания рабочих и солдат в российском центре». Точно так же было, между прочим, и в 1905 г., когда развернулась русская революция, поименованная в учебниках советской поры как «российская». Так было и на излете Перестройки. Национальный фактор важным образом дополнял настроения в центральной России, но отнюдь не был определяющим в развитии политического процесса в целом в стране.

Одним из самых важных остается вопрос о *причинах победы большевиков*. Тема многогранная и огромная. Хочу оттенить лишь одну мысль, которая далеко не всегда проходит в учебной литературе. Когда кто-то говорит как о главной причине о тактике большевиков, о гении Ленина и Троцкого, вольно или невольно впадает в преувеличение. О причинах этой победы написано в учебниках почти все. И во многом — примерно одно и то же. На мой взгляд, мы забываем еще одну важную вещь, относящуюся, скорее, к области социальной психологии. На мой взгляд, весьма важную роль играли общественные ожидания и тяга не только к отрицанию старого порядка, но и *созданию нового мира*, свободного от несправедливости и попрания личности, от всеислия власти и засилья бюрократии. Общества, открытого для народной инициативы и социальной гармонии, к которым всегда стремились в нашей стране. Именно этим объясняется участие в переменах сначала на стороне Временного правительства, а затем и большевиков огромного числа ярких исторических фигур, никак не подпадающих в категорию фанатиков или сторонников диктатуры. Но когда и почему именно они потом отшатнулись от поддержки и того же Временного правительства, и большевистского режима? Не потому ли, что и те, и другие разочаровали их своими действиями? Проводя аналогии с днями, более близкими к нам, спрошу

аудиторию: а не то же самое произошло 20 лет назад и с нами? При всей разнице ситуаций и исторических персонажей.

Наконец, в *оценке значения и влияния 1917 г. на отечественную и мировую историю* большинство авторов едины, несмотря на принципиально различные взгляды по многим иным вопросам. Роднит и объединяет их одно: если Февраль 1917 г. имел большое значение лишь для самой России, то Октябрь 1917 г. имел колоссальное значение для судеб не только нашей страны, но и всего мира в XX в. А вот с каким знаком и кто из него сделал большие выводы для себя и извлек больше пользы — это вопрос другой.

В борьбе сложившихся в 1917 г. альтернатив общественного развития преимущество оказалось на стороне тех, кто предпочел пути реформ, пути мучительно долгому и требующему немалых усилий всего общества, тот путь, который казался тогда куда более простым и привлекательным: немедленной смены власти, решительных и быстрых перемен. Эти настроения не были лишь российским феноменом. Вспомним хотя бы строки из «Марсельезы»: «Отречемся от старого мира! Отряхнем его прах с наших ног». В сегодняшних дискуссиях о 1917 г. мы сегодняшние очень даже недооцениваем огромной мобилизующей роли идеи всестороннего общественного обновления, овладевшей массами.

Поэтому, отвечая на часто звучащий сегодня (и, увы, одномерно поставленный) вопрос о том, является ли революция 1917 г., или даже взятый отдельно Октябрь 1917 г., главным событием XX в., учащиеся сегодня чаще всего отвечают на него так: да, 1917 г. был важным перепутьем не только в истории XX в., но и в нашей более, чем 1150-летней истории. Но это было и время несбывшихся надежд и обманутых общественных ожиданий.

Библиография

¹ Электронный ресурс: <<http://www.pravda.ru/society/fashion/couture/03-11-2011/1097518-revolucion-0/#>>

² *Дмитренко В. П.* История России. Учеб. для 11 кл. М., 1993.

**Революция как реформаторская стратегия
Перестройки СССР:
1985—1991 гг.**

В ходе реформ СССР в 1985—1991 гг., известных как Перестройка, произошли необратимые процессы социального распада огромного государства, часто именуемого империей. Советский Союз словно повторил судьбу Российской империи в 1917 г.

Эта завораживающая повторяемость двух грандиозных социальных катастроф на практически одной территории в начале и в конце XX в. не оставляет равнодушными ни профессиональных гуманитариев, ни вообще думающих людей, и наводит на аналогии. В самом деле, многие фрагменты истории Перестройки очень напоминают историю российских революций 1917 г.

Не менее примечательно, что сами реформаторы (в первую очередь М. С. Горбачев, будучи генератором идей реформ), постоянно прибегали к революционной риторике и фактически вырабатывали стратегию Перестройки под лозунгами Октябрьской революции 1917 г., т. е. отождествляли смысл и задачи первого и второго события. В истории советских реформ — это уникальное явление, отразившее противоречивый характер позднесоветской политической мысли и своеобразие советской политической культуры.

Рассмотрим некоторые перипетии отождествления Перестройки и Октябрьской революции в реформаторском дискурсе второй половины 1980-х гг., используя в качестве источников тексты Горбачева того времени, материалы научных и публицистических статей, мемуарную литературу.

С приходом к власти новый генеральный секретарь ЦК КПСС изменил политическую практику общения с обществом и с внешним миром, ввел в ранг обязательного

элемента политической культуры публичность политики (чем уже совершил революцию в советской политике), что привело к появлению феноменального количества текстов первого лица государства¹.

С 2008 г. Горбачев-фонд начал полное издание этих текстов. На период Перестройки приходится 21 том (по данным 2012 г.)². Это — доклады на съездах КПСС и пленумах ЦК, на сессиях Верховного Совета и Съездах народных депутатов СССР, выступления во время поездок по стране и зарубежных визитов, выступления на заседаниях Политбюро, Секретариата, на совещаниях работников аппарата ЦК КПСС и других закрытых встречах, выдержки из бесед с видными зарубежными деятелями. 60% — (как утверждают издатели) составляют ранее не публиковавшиеся работы³. Эти материалы представляют несомненный интерес для исследователей Перестройки, хотя, следует учесть, что это «адаптированные» политические тексты, и многие из них уже утратили тот импровизаторский характер, который был характерен для текстов Горбачева «вживую».

Политика гласности вызвала к жизни беспрецедентный рост различных публикаций, составивших в совокупности блок текстов обществоведческого характера (история, философия, экономика, культура, литературоведение и т. д.) разных жанров (публицистика, научное исследование и т. п.). Эти материалы можно рассматривать как «ответ» общественно-политической мысли на «вызов» власти (позднее и как вызов для власти).

Следует учесть, что все материалы были цензурированы авторами (внутренняя цензура в соответствии с профессиональной корпоративной этикой и представлениями о научности) и Главлитом (цензура была упразднена в июле 1990 г.)⁴. При этом существовала культура издательского дела, включавшая в себя жесткие требования к изданию, редактуру высокопрофессионального характера. Поэтому тексты в прессе были «отшлифованы» и

нивелированы, но именно это обстоятельство усиливало новизну их содержания по сравнению с доперестроечными.

На последнем этапе перестройки началось ее осмысление в жанре мемуарной литературы⁵. Несмотря на многочисленный корпус других источников по Перестройке⁶, именно мемуарам принадлежит роль важного исторического источника и самодостаточного игрока на историографическом поле по истории Перестройки.

Изучения перестроечной мемуаристики еще предстоит. Здесь обратим внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, количество мемуаров по Перестройке исчисляется сотнями, что ставит перед исследователями задачу источниковедческого их анализа не только как уникальной «единственности», но и уникальной «множественности». Во-вторых, мемуары очень разнообразны по авторству и, следовательно, отражают социальный взгляд на перестройку (Горбачев, соратники, «ближнее окружение», «дальний круг», спецслужбы, военные, интеллигенция научная и творческая и т. д.). В-третьих, многие мемуаристы выступали на тему Перестройки по несколько раз, переиздавали и дополняли своиopusы, что привело к «внутренней», авторской дискуссионности изложенных в них сюжетов. Немаловажен тот факт, что многие мемуары написаны учеными (философами, экономистами, историками) в формате монографических исследований, что в принципе, затрудняет их отнесение собственно к данному жанру (например, книги А. Н. Яковлева, Г. Арбатова и др.). Наконец, многие мемуары включают в себя множество «вмонтированных» других источников: статистических материалов, неизвестных документов, не имеющих аналогов в архивах и т. д., что вызывает необходимость особого источниковедческого анализа этих данных на достоверность.

Все это и многое другое показательно свидетельствует, что традиционное отнесение этой литературы к жанру мемуаристики весьма условно. Например, о затруднении отнесения к жанру мемуаров

книги А. Яковлева «Сумерки» писатель Г. Бакланов в аннотации написал: «мемуары», «свидетельство современника и участника событий», «проницательнейшее исследование историка, основанное на документах», «исповедь»⁷.

Так или иначе, мемуары времен Перестройки являются уникальными, тем более, что мемуаристы не только излагали известные им факты, но практически, все без исключения, выходили на теоретические вопросы Перестройки⁸/

В целом, перечисленный здесь коллективный нарратив может служить для изучения многих вопросов по истории позднесоветского времени, и, в том числе, для анализа идейного оформления Перестройки как Революции.

Следует вспомнить, что Революцией как теоретической и исторической проблемой занимались многие мыслители. Имена А. Токвиля, О. Конта, Г. Спенсера В. Парето, П. А. Сорокина составляют галерею социологов, философов, политологов мирового масштаба. Ключевыми фигурами социал-демократической мысли XIX—XX вв., поставившими в центр своих изысканий Революцию, были К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Э. Бернштейн Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, К. Каутский, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, А. Грамши...

Огромный пласт исследований по истории Октябрьской революции и ее осмысления в рамках марксизма-ленинизма составляют трубы советских историков.

Многочисленна библиография по истории Октябрьской революции в России в западной историографии, в советологической литературе.

В новых исторических условиях (в условиях новой Революции) Революцию 1917 г. в России продолжили изучать современные отечественные следователи, среди них: А. С. Ахиезер, В. П. Булдаков, Г. А. Завалько,

И. М. Клямкин, С. Л. Агаев, А. А. Никифорова и многие другие.

В теоретическом плане Революция понимается как трансформация, движение к некому идеалу или трансформация — разрушение. Но этим далеко не исчерпывается проблемность этого сложного исторического феномена. Даже в политической культуре «левых» течений, казалось бы, идейно признающих за Революцией много прав во имя достижения свободы, ее понимание было и остается разным и точки зрения исторических причин, и с точки зрения исторических последствий.

Советская политическая мысль, как и политическая практика, основывались на авторитете Маркса, Энгельса и Ленина, в трудах которых черпались идеи и выстраивались планы на будущее. Дефиниции «революция» и «реформа» наполнялись конкретным содержанием, во многом в зависимости от представлений и уровня образованности политических лидеров.⁹

Прибегая к авторитету классиков, советские политические лидеры придавали своими действиями необходимую меру легитимности осуществляемых мероприятий, умело или не очень используя революционную риторику в общении с аудиторией. Это отмечают специалисты в области современной коммунистической риторики. «Одним из слагаемых авторитета власти является риторическая грамотность высших ее представителей, политических лидеров страны. Культура в использовании различных приемов, средств, методов речевого воздействия на аудиторию особенно важна в условиях повышенной социально-политической активности масс...»¹⁰. Но и к недавнему прошлому это заключение вполне применимо.

В философском понимании Революция трактуется как поворот, переворот, прерывание постепенности. В историко-теоретическом понимании Революция по марксистской формуле определялась как социальное явление: *«Каждая революция разрушает старое общество,*

*и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер»*¹¹. В Предисловии к «К критике политической экономии» Маркс писал: «...необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение»¹².

Такие революции, согласно марксизму-ленинизму не могли носить случайный характер и имели глубокие причины¹³. Эти положения о Революции были центральными в советском обществоведении и служили главной объяснительной моделью общественного прогресса. Октябрьская социалистическая революция в советской обществоведческой мысли рассматривалась не только как исследовательская проблема, но и как элемент особого политического языка, несущего в себе содержательно-концептуальную информацию.¹⁴

Вот, например, фрагмент из речи руководителя КГБ (1982—1988 гг.) — В. М. Чебрикова по случаю 68-й годовщины Октября: *«Наша партия, как подчеркивал В. И. Ленин, научилась необходимому в революции искусству — гибкости, умению быстро и резко **менять свою тактику** (здесь и далее **полужирным** выделено мной — Н. Е.) учитывая изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным»*¹⁵.

Обществу предлагалось вспомнить революционный опыт, «выбирать другой путь, если прежний оказался нецелесообразным». Октябрьская революция служила мерилom истинности политической практики, при этом изначально выступала как главный советский миф, который невозможно проверить¹⁶, но нужно принять. Этот миф разводил по разные стороны идеологию марксизма-ленинизма и другие мировые идеологии — либеральную и

социал-демократическую. Последние определялись в доперестроечном СССР в принципе одним термином «антикоммунизм».

Типичной формулировкой любого советского словаря понятие «антикоммунизм» разъяснялось «как главное идейно-политическое оружие империализма, основным содержанием которого является ... клевета на социалистический строй, фальсификация политических целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма»¹⁷.

Таким образом, Октябрьская революция была антитезой антикоммунизма. Перестройка шла под лозунгами этой революции, следовательно, с запалом против антикоммунизма. Горбачев использовал революционную риторику для обоснования задач и целей Перестройки.

Впервые равенство между Перестройкой и Октябрьской революцией 1917 г. он поставил во время поездки в Хабаровск летом 1986 г. На первом этапе Перестройки (1985—1986 гг.), судя по записям обсуждения экономических реформ в Политбюро ЦК КПСС, прослеживается единодушие членов Политбюро к оценкам Октября и его исторических героев, предлагаемых Горбачевым¹⁸. Идеалы ленинского периода берутся на вооружение¹⁹.

Весь 1987 г. проходил под лозунгом «Великого Октября». Вот фрагменты дневника известно мемуариста и горбачевского помощника А. Черняева²⁰ из 1987 г.: «М. С. уединился с Яковлевым в Волынском—2. Готовят доклад к Пленуму, который по значению приравнивается к 1921 и 1929 году». Кардинальный характер намечаемых перемен, отмеченный автором дневника, — и переход к НЭПу в 1921 г., и «Великий перелом» 1929 г. — не оставляют сомнений в замыслах реформаторов.

В докладе, посвященном 70-летию Октябрьской революции, тема Октября выведена в заглавие: «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

Обсуждение проекта доклада на Политбюро проходило дважды. Примечательно выступление А. Н. Яковлева — впоследствии самого яростного противника «социалистического выбора»: «Мы сохраним импульс Октября, несмотря на 30-е годы. Какой бы период не анализировать — а нетрудных периодов не было, — везде мы видим не альтернативность социалистического пути, а его единственность»²¹.

Черняев записал об этом докладе: *«Доклад, действительно, — поворот (во всем, в самом ленинизме). Если внимательно читать и видеть не только то, что в строках, а и за ними в несколько пластов, то взрывной, революционный характер доклада очевиден».*

Стратегия Перестройки формулируется генеральным секретарем ЦК КПСС вполне однозначно. Из Дневника Черняева (1987 г.) [цитирует Горбачева]: *«Ничего не поделаешь — революционный характер предпринятого нами дела предполагает **разрушение**. Другие оценки недопустимы. Тогда мы впали бы в иллюзии. Мы же предвидели такое развитие и говорили об этом». Или: «Если революция, то и надо действовать, как полагается в революции. Дискуссии нужны только о том, как лучше сделать. Размагничивание в пустопорожних спорах недопустимо. Политбюро будет строго спрашивать. И это не противоречит демократии».*

В 1987 г. в ходе обмена мнениями о ситуации в стране Горбачев вспоминает Декрет о Земле, основанный на эсеровской программе и характеризует этот факт как тактику большевиков, проявление их способности отвергать догмы²². На совещании секретарей ЦК и заведующих отделами ЦК по итогам июньского Пленума Горбачев связывает текущую политику экономических реформ с ленинским видением крестьянского вопроса. С позиций ленинских оценок он рассматривает НЭП.²³

Формируя свой взгляд на проводимые реформы, Горбачев сверяет их именно с Октябрем, как некой идеологической планкой возможных перемен. Так, в

выступлении по итогам юбилея Октября, он определяет весь 1987 г. идеологической подготовкой к этому событию и датирует этот год как конец митингового этапа Перестройки, а юбилей Октября связывает с оформлением ее концепции.

Революционистскую идеологию проявляли и другие лидеры. Осенью 1987 г. в ходе известного своего «бунта» (Из дневника Черняева.) Б. Н. Ельцин: «...*Волнообразное отношение к перестройке наблюдается. Сначала был энтузиазм и подъем. Так отнеслись и к январскому Пленуму. Затем последовал июньский Пленум. И начался упадок в настроении людей. Реально люди ничего не получили... может быть, осторожнее подойти и к оценкам итогов, и к срокам выполнения наших заданий — 2—3 года. Революции в деятельности партии за два года не сделаем. И окажемся с поникшим авторитетом партии.*

Черняев цитирует Горбачева: «*Товарищи, происходит настоящая революция! И не надо бояться революционной одержимости. Иначе мы ничего не достигнем. Будут поражения, будут отступления, но победу мы одержим только на революционных путях. А мы все еще никак себя не настроили на революционные методы работы. Мы с вами те еще революционеры! Все чего-то боимся. Мы не должны бояться. И перед всем миром нам пристало выглядеть людьми, которые готовы пойти до конца в своей революционной перестройке.*

В книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» Горбачев пишет о Перестройке как политике, направленной на раскрытие потенциала социализма, на придание социализму новых качеств, называя ее революцией: «*Перестройка — процесс революционный, ибо это скачок в развитии социализма, в реализации его сущностных характеристик*»²⁴.

Октябрьская революция стала источником идей и политической реформы. Как известно, реформа началась в 1988 г. (Замыслы проведения этой реформы родились в начале 1987 г., а основные направления были закреплены на XIX Всесоюзной партийной конференции летом 1988 г.).

Лозунг «Вся власть Советам!», идеи о разделении функций советских, партийных и хозяйственных органов были почерпнуты из истории Октябрьского периода. Вместе с тем впервые Горбачев говорит о том, что Ленин не доработал политическую систему советской власти. Она держалась в значительной степени на его личном авторитете. А после него *«партия потянула власть на себя»*. В ходе осмысления политической реформы Горбачев пытается переосмыслить проблему социалистической демократии: *«По Марксу революция должна покончить с отчуждением. Начали ломать в 1917 году отчуждение, но история нам не позволила это сделать. Социализм не может больше так развиваться. Он будет задыхаться без демократии...идем через новое прочтение Ленина»*²⁵.

7 августа 1988 г. уже после конференции он надиктовывает Черняеву свои соображения к брошюре «О социализме»²⁶. Пытаясь обосновать тезис о наличии у Перестройки концепции, вновь апеллирует к Октябрю 1917 г. как сердцевине концепции Перестройки²⁷.

Параллельно с официальным дискурсом о Перестройке как Революции формируется публицистический, пропагандистский дискурс в прессе. Он развивается согласно советской традиции в соответствии с «линией партии»²⁸.

Благодаря публицистике идея Перестройки-Революции получила широкое распространение в печати²⁹.

Практически одновременно с горбачевской риторикой и журналистским ее развитием в прессе по отношению к Октябрю и Ленину начинается открытая десакрализация в ряде изданий Октября и большевиком-ленинцев.³⁰ Следует уточнить, что начало этому процессу было положено еще в дореформенный период в литературе, искусстве. В драматургии, например, переоценка Октября и ленинского периода истории прослеживается по творчеству советского драматурга М. Шатрова, в серии спектаклей в театрах «Ленком», «Современник» и др. («Синие кони на красной траве. Революционный этюд» (1979), «Так

победим!» (1982), «Диктатура совести» (1986), «Брестский мир» (1987), «Дальше... дальше... дальше!» (1988). Пьесы драматурга собирали столичную интеллигенцию и тяготеющую к либеральным ценностям партноменклатуру. Примечательно, что в печати обсуждение постановок этих пьес началось позднее, а именно с приходом Горбачева³¹. Развенчание Октября и Ленина продолжалось и приобрело в 1989 г. тотальный характер в обществоведении и СМИ³².

Продолжая употреблять слово «революция», и пренебрегая тем обстоятельством, что советская обществоведческая наука и советский народ привыкли понимать революцию, как *«активное политическое действие народных масс, имеющего первой целью переход руководства обществом в руки нового класса»*³³, Горбачев и его соратники (вольно или невольно) вели дело к смене идеологии. А. А. Громько в разговоре с сыном заметил, что утверждение Горбачева о том, будто «перестройка» есть «революция», легковесно. Оно вводит в заблуждение, и «вместо созидания мы опять можем перейти при таком подходе к разрушению. Менять в стране надо многое, но только не общественный строй»³⁴.

Однако открыто высказать свои соображения о неправомочности отождествления Перестройки с Революцией никто из членов Политбюро не решился.

Большой критик Перестройки российский социолог, писатель, философ А. Зиновьев, в 1988 г. опубликовавший серию статей о Перестройке в СССР на Западе, высказал недоумение по поводу того, как можно использовать термин «революция», ведь революция в марксизме — это слом общественно-политической системы, приход к власти нового прогрессивного класса. Как же понимать подобное советским людям? *«...Когда поднаторевшие в марксизме советские партийные аппаратчики и оправдывающие их активность марксистско-ленинские теоретики начинают так легко обращаться с важнейшими категориями государственной советской идеологии, то невольно закрадывается сомнение: а в своем ли уме эти люди?»*³⁵.

На самом деле советские обществоведы заметили крамолу. В июне 1988 г., накануне XIX Всесоюзной партийной конференции, имевшей принципиальное значение для Перестройки, в частности для осуществления реформы политической системы СССР, издательство «Прогресс» выпустило сборник статей ведущих советских ученых под символическим названием «Иного не дано». Материалы сборника отразили основной спектр перестроечных проблем и служили своего рода неофициальной программой действий той части советской интеллигенции, которая в тот момент стояла на позициях углубления реформ.

В статье «О революционной перестройке государственно-административного социализма» советский философ А. Бутенко написал: *«... много говорят о перестройке всех сторон нашей общественной жизни, называют перестройку революционным процессом или просто революцией ...однако, высказывая все это, делают вид, будто не замечают, или сознательно отворачиваются от того, что в результате подобных формул, лозунгов и призывов в советском обществоведении накапливается все разрастающийся комплекс логических противоречий, сохраняется ряд недоумений и нерешенных пока вопросов, дезориентирующих не только начинающих пропагандистов, но и многих...обществоведов»*³⁶.

Автор сформулировал суть заложенного в риторике власти дуализма: *«...почему мы называем перестройку революцией, если известна мысль К. Маркса, согласно которой после политической революции рабочего класса... «когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями»... **Надо признать: или Маркс был не прав, или мы перестройку называем революцией не по Марксу**»*³⁷. Подобного рода рассуждения свидетельствовали о серьезных расхождениях в стане обществоведов. Думается, что «низы» не могли понять природы этих расхождений, а верхи испытывали идейный кризис. О дефиците идей,

кстати, Горбачев на заседаниях Политбюро говорил многократно.

Ученые-гуманитарии, привыкшие «следовать партийному курсу», развернули дискуссии, в основном направленные на подтверждение высказываний партийного лидера. Среди многообразия (на первый взгляд) тем в журналах, газетах, «круглых столах», эти дискуссии свелись к рассуждениям о революции, и многообразии ее форм.

Из тезиса «истмата» о многообразии форм социальной революции, ведущей к смене общественного устройства, извлекли термин «революция сверху», чем пытались вывести из-под удара главный лозунг Горбачева о Перестройке как Революции. Проблематика «революции сверху» опосредовано стала набирать обороты в печати в связи с выходом в свет монографического исследования советского историка Н. Эйдельмана «Революция сверху» в России». Автор исследования рассматривал в основном дореволюционную Россию, но некоторые «выходы» на ту его современность и сама актуализация темы сыграли роль катализатора интереса советских перестроечных обществоведов к этой теме. Эйдельман, в частности писал: *«Реформы, коренные перемены, начинающиеся после застоя и упадка, довольно быстро «находят реформаторов»: обычный довод консервативного лагеря — отсутствие или недостаток людей — несостоятелен. Люди находятся буквально за несколько лет — из молодежи, части «стариков» и даже сановников, «оборотней», еще вчера служивших другой системе»*³⁸.

Книга вызвала дискуссию о реформах и революциях и попытку развести смыслы этих понятий и стоящих за ними явлений³⁹.

Известно, что термин «революция сверху» стал применяться Марксом и Энгельсом при оценке европейских событий 60—70-х гг. XIX в., в частности, при характеристике объединительной политики О. Бисмарка в отношении германских земель⁴⁰. К «революциям сверху»

Ленин относил реформы Петра I, Александра II, П. А. Столыпина в российской истории⁴¹.

Изучение истории в рамках этого понятия было предпочтительней для историков-марксистов, так как понятие «реформа» рассматривалось в контексте идеологического противостояния с западной социал-демократией, реформизмом, поэтому применялся не часто и с большими оговорками⁴².

В современной российской историографии также многократно обсуждалась и исследовалась ситуация реформаторства, инициированная правящей элитой, по целям направленная на сохранение политической системы, по содержанию часто сравнимая с революцией, заменяющей один социально-экономический строй другим, т. е. ситуация «революции сверху»⁴³.

Интерес к «революциям сверху» подогревала сама история. На протяжении второй половины XIX и всего XX вв. в разных странах мира проходили масштабные смены социально-экономического типов государственных систем, часто при непосредственном исполнении преобразований теми политическими силами, которые в принципе не отвечали их собственным классовым интересам. Типичной революцией сверху в России были реформы Александра II. Первый дворянин Российской империи дал ход буржуазным, по сути, реформам, фактически сломал традицию и создал политические условия для развития капитализма. Его слова «Лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, когда они сами начнут освобождать себя снизу» — яркая историческая иллюстрация идеи «революции сверху».

Примеров революций сверху достаточно много и в XX столетии. В 1970—1980-е гг. в странах Латинской Америки и Ближнего Востока прокатилась волна социально-экономических преобразований, инициированных правительствами (напр.: реформы Э. Фрея в Чили (1964—1970 гг.)⁴⁴, Р. Бетанкура в Венесуэле (1958—1968 гг.)⁴⁵, Ж. Гуларта (Бразилия)⁴⁶ в 1961—1963 гг., Х. Боша в Доминиканской республике)⁴⁷. Пожалуй, наиболее

обсуждаемыми в последней трети XX в. и сегодня можно считать реформы в Китае, представляющие также «революцию сверху», причем демонстрирующую исторические возможности модернизации именно в рамках национальной парадигмы.

Но, пожалуй, наиболее представителен список «революций сверху» у Советского Союза. На заре советского строительства вождь российского пролетариата несколькими решениями сменил модель развития от радикально-большевистского «военного коммунизма» на НЭП, сохранив тем самым политическую власть большевиков, но существенно изменив социально-экономическое устройство России. Другой вождь российского пролетариата — И. В. Сталин — в 1929 г. вновь совершил «революцию сверху», отменив НЭП и к 1936 г. закончив в основном строительство социализма с противоположным предыдущему типу социально-экономических и политических отношений. В 1956 г. новый лидер СССР Н. С. Хрущев отказался от радикальности сталинского проекта развития страны и вновь в форме «революции сверху» попытался не менее радикально реализовать идею строительства коммунизма путем многочисленных реформ⁴⁸.

Тихую «революцию сверху» свершил очередной лидер СССР — Л. И. Брежнев, развернув движение страны в сторону «развитого социализма», удаленного от коммунизма на неясное расстояние и неопределенное время. Ю. В. Андропов испугал думающую номенклатуру возможной «революцией сверху», но не успел принять никаких кардинальных решений.

Обратившись к понятию «революция сверху», советские перестроечные обществоведы попытались примирить идеологические «нестыковки» заявлений генерального секретаря ЦК КПСС с идеологией марксизма-ленинизма — официальной теоретической конструкцией КПСС.

Однако уже в своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (писалась в конце 1987 г., издана в СССР в 1988 г.), Горбачев однозначно отверг отнесение Перестройки к «Революции сверху». Он определенно провел разницу между этим историческим понятием, понимаемым им как реформы иницилируемые властью *без поддержки народа* и Перестройкой как процессом, *охватившим и власть, и советское общество*⁴⁹.

В этом плане Горбачев повторил сталинское понимание «революции сверху», данное в «Кратком курсе ВКП (б)» по поводу коллективизации. Там свои преобразования в деревне 1929 г. Сталин сравнил по масштабам с «переворотом в октябре 1917 г.», с революцией, там революцию сверху он отверг в классическом, марксистском понимании и подчеркнул, что: «Своеобразие этой революции [коллективизации. — *Н. Е.*] состояло в том, что она была произведена *сверху*, но инициатива государственной власти, при прямой поддержке *снизу* со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы за свободную, колхозную жизнь»⁵⁰.

Исход второй дискуссии — о социализме — был также предопределен общей позицией советских обществоведов, действовавших по логике, образно выраженной в стихотворении советского поэта Тимура Кибирова, опубликованного в 1989 г. в латвийской газете «Атмода» стихотворение «Послание Л. С. Рубинштейну» в следующих строках:

*И на Сталина войною,
и на Берю войной!
Вслед за партией родной!
Вслед за партией родной!*

Логика этой дискуссии, так же как и первой, была задана дискурсом о том, что Перестройка — это революция. Если возможна революция при социализме, то это не социализм с точки зрения марксизма. Тогда какой

общественный строй в СССР? Академия общественных наук при ЦК КПСС, философы, историки, социологи АН СССР занялись активным доказательством тезиса об «искаженном» социализме, требующем обновления, причем революционными методами. Обширная философская и партийная литература того времени весьма показательно демонстрирует вынужденный характер этих споров, обусловленный «линей партией», которую было принято подтверждать научно доказанными фактами.

Одним из итогов этой дискуссии стали опубликованные в сборнике «Ленинская концепция социализма» статьи ведущих в то время обществоведов. Попытка переосмыслить ленинское наследие в вопросах социализма привела авторов к выводу о несоответствии части ленинских выводов современным реалиям и невозможности на них основывать перестройку⁵¹.

Эволюция взглядов на Октябрь 1917 г, на Ленина и его теоретическое наследие, на сущность построенного в СССР социализма происходила в реформаторских кругах партийного руководства СССР в течение 1988—1989 гг. под воздействием практических шагов по реформированию экономики и политической системы.

Так, при обсуждении летом 1989 г. в Политбюро проекта платформы КПСС «О путях гармонизации межнациональных отношений в СССР» под лозунгом «ленинского видения» проблемы, В. Медведев — член Политбюро — заявил: *«Недостаточно ставить вопрос о возвращении к Ленину. Ибо ситуация 1917 года или 1918—1919 гг. и сейчас — разница огромная. И у самого Ленина взгляды эволюционировали. А потом были ошибки — политические, теоретические, практические. Например, знаменитая формула культуры «национальной по форме, социалистической по содержанию» не выдерживает критики. Но и она провозглашалась лишь на словах»*⁵².

И Горбачев вынужден был признать, что время другое: *«Центробежные силы сейчас превосходят силы центростремительные в отличие от того, что было при*

Ленине в период мощного революционного подъема. Восстановить авторитет России — это да. Но не на путях суверенизации России. Это означало бы вынуть стержень из Союза».

В октябре 1989 г. — в разгар политической активности в стране, между работой Первого и Второго съездов народных депутатов СССР, в условиях формирования открытой оппозиции реформам как «справа», так и «слева», нарастания сепаратизма и национализма в союзных республиках и деятельности Народных фронтов уже не в поддержку, а в противовес Перестройке — в беседе с В. Брандтом Горбачев говорил, что «...кое-кто хотел бы истолковать происходящее у нас и в других социалистических странах, как крах социалистической идеи. Но, социализм наследует весь лучший опыт человечества. В этом смысле происходит наше сближение с социал-демократией»⁵³.

Фактически, это было признание поворота советских реформаторов к социал-демократической программе, которую отвергала советская идеология на протяжении всей советской истории, и с которой Ленин вел бескомпромиссную борьбу еще до Октября, и после — реализовывая «Октябрьский проект» преобразования мира.

В конце 1988 г. в рядах советских обществоведов произошел идеологический раскол по поводу ленинского периода советской истории, и часть из них сделала решительный поворот от критики только советского опыта строительства при Сталине и Брежневе к критике ленинского периода советской истории, и, следовательно, Октябрьской революции 1917 г.

Начало этому процессу было положено публикацией в научно-популярном журнале «Наука и жизнь» статьи А. С. Ципко под названием «Истоки сталинизма»⁵⁴. Таким образом, был снят последний исторический слой практики построения социализма в СССР. В общественно-политической мысли реформируемого СССР началась

борьба идей уже не только в верхах власти, но и в обществе, во всяком случае, в интеллектуальной его части.

Таким образом, процесс переоценки Октябрьской революции и роли Ленина в истории России шел параллельно: в официальной политической мысли и в СМИ, причем последние явно опережали самих инициаторов реформ. Конец 1988 г., когда осуществились конституционные поправки, менявшие политическую систему в СССР, стал переломным для официальной советской идеологии: приобрело открытый характер формирование антиленинской, антиоктябрьской, антикоммунистической идеологии. Этот процесс имел свою логику развития и этапность.

Отвергнув позитивный опыт этого периода советской истории, как не подтверждающий марксистско-ленинскую теорию, реформаторы-теоретики начали искать новые источники для продолжения реформ в концепциях западной социал-демократии, еврокоммунизма. А наиболее радикальная часть реформаторов (российская политическая элита в окружении Ельцина) — в идеологии западного либерализма.

Характерно, что все носители реформаторских идей — от Горбачева (и его соратников) до Ельцина (и его соратников) — на начальном этапе реформ второй половины 1980-х гг. считали себя марксистами. Для всех них Октябрь 1917 г. служил идейной основой и гарантией подлинности учения марксизма-ленинизма, все они верили в наличие универсальных закономерностей общественного развития, в полной мере — в универсальность и неизбежность Октябрьской социалистической революции, произошедшей в России в налѣ XX в. Являясь одним из составляющих в идеологии реформ, Октябрьский «сюжет», неотделимый от образа канонического Ленина, вывел реформаторство на путь углубления реформ — на реформу политической системы и расширение гласности. Гласность же, в условиях плюрализма и других не соответствовавших марксистской идеологии свобод, сняла с мифологического образа Октября

и Ленина весь исторический позитив. Место старой идеологической концепции социализма должны были занять новые идеологии, что и произошло в конце перестроечного периода и после распада СССР.

Горбачев же еще долго пытался сохранить «верность идеалам» Октября. В течение 1989 г. Горбачев лишь сократил свои апелляции к Октябрьской революции и Ленину, но не отрицал величие социалистической идеи и роль Октябрьских событий в глобальном мировом масштабе. В партийной прессе в 1990 г. продолжает отстаиваться идея, что ленинские мысли искажались на протяжении всей советской истории, а главная задача Перестройки — «очистить социализм от сталинских извращений, вернуть ему идеалы Маркса и Ленина, душу и сердце, отнятые Сталиным...»⁵⁵.

В ходе обсуждения в Ново-Огареве в 1990 г. концепции доклада XXVIII съезду партии Горбачев не возразил формулировке: «*Перестройка — это смена общественной системы*», предложенной Черняевым, но добавил: «*В рамках социалистического выбора*»⁵⁶.

В торжественной речи по случаю 120-го юбилея Ленина в апреле 1990 г. он сказал: «*Ленин остается с нами как крупнейший мыслитель XX столетия...*», — и добавил: «*...нам необходимо переосмысление Ленина, его теоретического и политического творчества, освобождаясь при этом и от извращений, и от канонизации его выводов...Пора покончить с бездумным до нелепости обращением с именем и образом Ленина, когда его превращали в «икону»*»⁵⁷. Произошло своего рода смещение акцентов: теперь реформаторы-горбачевцы обращали внимание на умение Ленина менять свою позицию в разных исторических условиях. А. Яковлев пишет, что истинного Ленина надо искать не столько в конкретных позициях, сколько в умении эти позиции менять в зависимости от обстановки⁵⁸.

В мае 1990 г., выступая перед рабочей группой, готовящей доклад для выступления на XXVIII съезде КПСС,

Горбачев обрисовывает главные темы: 1. *Судьба социализма.* 2. *Не напрасно ли жили и трудились поколения наших отцов и дедов?* 3. *Тот ли путь выбран был в 1917 году?* 4. *Туда ли идем?* 5. *Идея коммунизма, — если не хотим употреблять этот термин, то почему? О перестройке: что это очередная утопия? Ленин употреблял этот термин и Сталин*⁵⁹.

В этих тезисах просматривается эволюция его взглядов: уже сомнения в правильности «выбора 1917 г.». 20 июля 1990 г. состоялось совместное заседание Президентского совета и Совета Федерации. Горбачев говорит о рыночной экономике. О Ленине и Октябре — слов нет.

В ходе обсуждения предсъездовской Платформы КПСС (будет принята на XXVIII съезде летом 1990 г.) встал вопрос об опасности гражданской войны и др. Часть членов Политбюро предлагала строить платформу на идеях Ленина, Октября, социализма. Е. Лигачев настаивал на классовом характере международных отношений. О. Бакланов высказал мысль, что «нас обзовут ревизионистами» соцстраны. Горбачев парирует: *не надо бояться. Нас уже давно так обозвали.*⁶⁰.

В 1990 г. советское обществоведение осуществило ревизию марксизма-ленинизма в части теории Революции. В одном из словарей мы находим: *«Исторический опыт последних десятилетий по-новому обнажил некоторые грани этой проблемы, без теоретического уяснения которых невозможно правильно ориентироваться в перспективах радикальных общественных изменений в современном мире... Это, в частности, такие вопросы, как потенциальная цена революций и реформ...[которые] не противопоставляются друг другу, а переплетаются...»*⁶¹.

Впоследствии свой вклад в дело объяснения использования слова Революция в перестроечной риторике внесли и мемуаристы-сподвижники Горбачева. В книге «Человек, который хотел как лучше...»⁶² его советник А. Грачев посвятил этой теме специальный раздел с

примечательным названием: *«Реформа? Революция? Революция?»*. Анализируя генезис употребления Перестройки в значении Революции в политическом дискурсе Горбачева, Грачев отметил, что на начальном этапе Горбачева больше привлекала звучность и яркость термина «революция», чем его реальное содержание. Ведь в условиях режима, не устававшего напоминать, что он ведет отчет своего века от 17-го года, под новой революцией мог подразумеваться только «Анти-Октябрь». В дальнейшем, независимо от объективного смысла происходивших в стране перемен, Горбачев продолжал использовать революционную риторику. Как пишет Грачев, *«то ли из благоразумия, то ли по естественному в ту пору незнанию, не уточнял, в какую сторону вслед за ним двинется нынешняя социалистическая Россия: к большему, «лучшему» социализму, за его пределы или в сторону от него»*⁶³.

Приверженцы Горбачева, как кажется, окончательно запутали ситуацию с реформами, революциями, эволюциями, и в зависимости от своих методологических пристрастий определяют смысл Перестройки очень поразному.

В постсоветских дискуссиях на эту тему типична такая историографическая ситуация. По случаю 20-летнего юбилея Перестройки (2005 г.) в клубе «Свободное слово» при Институте философии РАН состоялась дискуссия о Перестройке. Вот фрагмент из стенограммы⁶⁴.

Б. Славин: *«Это была антитоталитарная политическая революция, совершаемая во имя социалистических идеалов».*

В. Арсланов: *«Это был поиск банальной «золотой середины».*

В. Логинов: *«Я не разделяю попыток многих авторов под понятие «перестройка» подвести весь период с 1985 по конец 90-х годов. Мол, Ельцин лишь продолжил дело, начатое Горбачевым».*

В. Сироткин: *«Сам Михаил Сергеевич полагал, что реформировать следует социализм, верность идеалам*

которого он провозглашал даже в 1990 г. Но был ли «социализм по Марксу» построен в СССР?»...

Еще несколько определений: «Посткоммунистическая трансформация», соответствующая основным признакам так называемых классических революций (английской и французской), включая и русскую революцию 1917 г.»⁶⁵.

«Советская система была «нереформируемой», а потому «каждый шаг» по пути реформ давал «последовательно негативный результат»⁶⁶.

Перестройка — это массовая смена кадров силами пятой колонны, проект задуманного развала СССР⁶⁷.

В литературе зарубежных авторов⁶⁸:

«...Перестройка включала в себя ряд политических мер, нацеленных на «реформацию советского коммунизма»⁶⁹

Или: «вторая (после Н. Хрущева) попытка «коммунистического реформаторства», ««революция сверху», спровоцировавшая ... революцию — «сбоку», в среде интеллигенции, послужившая стимулом для «революции снизу»⁷⁰.

«Словесный навес» из политических и идеологических штампов в годы самой Перестройки заслонял практическую деятельность реформаторов. Население почувствовало перемены к худшему уже в 1987 г. По данным опросов, проведенных Институтом социологических исследований АН СССР в этом году, мнение о том, что Перестройка идет достаточно успешно, выразили 16% респондентов, что она идет медленно и с большими трудностями — 31,4%, что она вообще не ощущается — 32,3%, остальные 23,3% не ответили или затруднились с ответом⁷¹.

Зато ощутимыми оказались перемены в рядах самой КПСС — провозглашенной авангардом реформ. Беспрецедентные кадровые обновления партийного и государственного аппарата, сравнимые с тотальными чистками предшествующих времен, сопровождали весь курс Перестройки. В 1986—1989 гг. сменилось 82,2% секретарей райкомов, горкомов и окружкомов КПСС, почти 90% секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных

республик. «Рекорд был поставлен в сфере кадров корпуса инструкторов райкомов, горкомов и окружкомов. Здесь за четыре года сменилось 123,1% работников»⁷². По утверждению Черняева, за 3 года «на 80 процентов сменили прокуроров, на 60 процентов — судей. 400 тыс. новых людей влили в милицию»⁷³. Полную картину кадровых перестановок еще предстоит воссоздать исследователям⁷⁴.

Изучение кадровой политики власти в годы Перестройки в рамках такого методологического подхода как элитология, позволяет исследователям называть ее кадровой революцией, а ее движущей силой объявить государственно-партийную бюрократию, которая размыла «материнскую номенклатурную оболочку»⁷⁵ и обеспечила ситуационное возвращение в капитализм⁷⁶.

То обстоятельство, что постсоветская экономическая и политическая элиты представлены в основном выходцами из партийно-номенклатурной среды советского образца, также подтверждает революционный характер номенклатурной горбачевской революции.

Об этом свидетельствуют данные таблицы, приведенные О. В. Крыштановской:

*Численность элитных групп 1981—2003 гг.*⁷⁷

	Высшее рук-во страны	Правит-во	Регион. элита	Парламент	Бизнес	В целом
Брежневская когорта 1981	22	115	174	1500	Нет	1811
Горбачевская когорта 1990	19	85	174	2245	Нет	2523
Ельцинская когорта 1993	15	35	178	450	100	778
Ельцинская когорта 1999	28	50	178	450	120	826
Путинская когорта 2002	24	58	178	178+450	160	1048
Итого:	108	343	882	5273	380	6986

О номенклатурной революции свидетельствуют и данные сравнительного исследования «старой» (образца 1988 г.) и «новой» (образца 1993 г.) элиты, проведенного ВЦИОМ в 1993—1994 гг.⁷⁸. В частности, они демонстрируют тот факт, что, около трети новой российской правящей элиты состояло в номенклатуре ЦК в 1988 г., а две трети пришли в нее с должностей заместителей руководителей, начальников подразделений в министерствах, ведомствах, на предприятиях и т. п. Т. е. уточняют, что происходившая в годы Перестройки и в начале 1990-х гг. смена элиты была «революцией заместителей или вторых лиц».

В целом, перестроечная стратегия, основанная на идеях Октябрьской революции и направленная на революционизацию общественного сознания, в совокупности с другими факторами, привела к распаду социальных, экономических, национальных и культурных связей, крушению партийной идеологии, ослаблению центральной власти, сепаратизму на периферии огромного государства. Эту ситуацию можно классифицировать как революционную, пик которой пришелся на август 1991 г., ставшего отправной точкой для действительно революционных мероприятий, осуществленных антиперестроечными силами региональных элит. А именно: запрещена КПСС, оформлена политическая и прочая независимость всех входивших в состав СССР республик (Беловежские соглашения декабря 1991 г.), провозглашена новая антикоммунистическая власть оппозиции и начаты радикальные экономические реформы, известные как «шоковая терапия» Е. Гайдара (январь 1992 г.), приведшие к смене общественно-политического устройства России.

Таким образом, стратегия «революции» реформаторов периода Перестройки позволила им осуществить революцию в двух сферах — в идеологии и в партийно-государственной номенклатурной среде. В этих сферах Перестройка была революцией, так как в ее результате фактически был «свергнут» марксизм-ленинизм,

и заменен новой идеологией — антикоммунизмом — и осуществлена полномасштабная замена старой номенклатурной власти новой — выходцами из той же номенклатуры. Можно также высказать соображение, что Перестройка стала прологом масштабной революции конца 1991—1993 гг., сыграв роль «революционной ситуации» (по Ленину), которой воспользовался новый класс во главе с Ельциным.

Правда, называть его новым классом можно с определенными оговорками. Историко-социологические исследования последних лет позволяют характеризовать его как продукт распада старой номенклатуры, лишенной устойчивых форм консолидации⁷⁹. Один из свидетелей этого распада — первый секретарь Московского городского комитета КПСС Ю. А. Прокофьев еще в 1991 г. на июльском пленуме ЦК КПСС определил Перестройку как «революцию сверху», а ее движущей силой назвал «высшую партийную номенклатуру, отчасти посвященную в этот проект, и либеральную научную элиту»⁸⁰.

Это определение подтверждают и исследования. Так, Крыштановская пришла к выводу, что Перестройка ускорила нарастание системного кризиса, и «частные клики» «номенклатурщиков» ...стали получателями «деятельностных» привилегий, то есть получили право делать то, что другим еще запрещается, и извлекать из этого прибыль».⁸¹ Клиентарный характер трансформации номенклатуры в период Перестройки подчеркивается и в исследовании М. Н. Афанасьева⁸².

Примечательно размышление Черняева 2 мая 1989 г. «... вчера возвращался с дачи, в машине по «Маяку» слышу интервью с Емельяновым»⁸³. Вот почти текстуально, что сказал Емельянов: **Перестройка — это, действительно, революция. Но азбучная истина марксизма-ленинизма: революция ставит вопрос о власти. Вот и сейчас: на Съезде депутатов речь пойдет о власти. А мы знаем, что правящая верхушка никогда добровольно власти не отдает. Значит, надо ее взять у**

нее. Для этого и Съезд. Значит, такие, как Емельянов, Г. Попов и т. п. (пишет Черняев. — Н. Е.) будут брать власть у Горбачева. Но так как он ее действительно не отдаст добровольно, а они устроят obstruction — придется применить силу. И пошло — поехало: опять разгон Учредительного собрания?».

Как известно, **«разгон»** состоялся уже в другой исторической обстановке (осень 1993 г.). Что касается Горбачева — то он отдал власть осенью 1991 г. и **«силу применить»** не решился.

К сказанному можно добавить еще один любопытный факт. На 1989 г. пришелся 200-летний юбилей Великой французской революции. Советская общественная мысль (Правда», «Известия», «Московские новости», «Литературная газета» журнал «Огонек») среагировала на это событие серией публикаций⁸⁴. В том же году, в Париже вышла книга Т. Кондратьевой, посвященная сравнению Октябрьской революции 1917 г. и Великой французских революции 1789—1794 гг. На русском языке читатель смог с ней ознакомиться в 1993 г.⁸⁵

О значении Французской революции для советской идеологии один из лучших отечественных специалистов написал: *«Французской революции была в нашей стране особенно прямо сопряжена с идеологической и политической борьбой. Французская революция стала органическим элементом российской и советской политической культуры, ее понятия — своеобразным кодом (как Ветхий завет — в Английской, Римская история — во Французской революциях). Напомню, что еще в предоктябрьские годы большевики и меньшевики в ходе ожесточенных споров о путях русской революции постоянно обращались к по-разному толкуемому опыту Франции конца XVIII в.»*⁸⁶. Цитируемый текст был подготовлен историком для выступления на международной конференции «Французская революция и европейская цивилизация» (Москва, 1989 г.). В нем зафиксировано смены оценок этой революции (отторжение якобинского периода революции, аналогия между опытом политики Робеспьера и

сталинизмом) по мере «движения» самой Перестройки к демократии.⁸⁷

Если обратиться к текстам Горбачева, то в них обнаружится тема Французской революции и связь перестроечного контекста с интересом к разным аспектам революционного процесса Франции эпохи XVIII в., таким, как права человека, демократия и т. д.⁸⁸

«И все же почему на 70-м году Октября мы говорим о новой революции? — спрашивал Горбачев из 1987 г. — и отвечал: Можно подойти к ответу на этот вопрос с помощью исторических аналогий. Ленин в свое время подметил, что в стране классической буржуазной революции, во Франции, после ее Великой революции 1789—1794 годов потребовалось еще три революции (1830, 1848 и 1871 годов), чтобы довести до конца начатое ею дело»⁸⁹.

Много написано о том, что политика влияет на историю. История Перестройки не опровергает этого факта, как и другого: история тоже влияет на политику. Образы Революции, Октябрьской революции, большевиков во главе с Лениным и Великой французской революции — послужили неким политическим, видимо, интеллектуальным ресурсом для Горбачева в стратегии реформ. Считая себя марксистом, он использовал марксистский метод революционизации общества, намериваясь обновить систему, однако столкнулся с закономерностью, обнаруженной революционерами романтизированной советским обществоведением Французской революции: *«революция пожирает своих...»*.

Что касается Революции 1917 г. в России, то подтверждается тезис российского исследователя этой революции В. П. Булдакова о долговременных последствиях *«духа Октября» в сознании будущих поколений*⁹⁰. Именно эта «историческая память» сыграла злую шутку с теми, кто использовал лозунги и идеи начала века в его конце.

Библиография и примечания

¹ См.: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. 1987—1990. В 7 т. М., 1987—1990.

² Собр. соч. Т. 20. Май—июнь 1990. Горбачев-Фонд. М., 2011.

³ Подробнее см. на сайте:
<http://www.gorby.ru/gorbachev/books/show_28590/>.

⁴ В декабре 1991 г. был принят Закон РФ «О средствах массовой информации», легитимировавший независимость СМИ от партийно-государственной власти. Конституция РФ 1993 г. запретила цензуру и гарантировала свободу массовой информации.

⁵ См., напр.: *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Глазами маршала и дипломата: Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. М., 1992; *Воротников В. И.* А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995; *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М. 1995; *Козырев А.* Преображение. М., 1995; *Гайдар Е.* В дни поражений и побед. М., 1995; *Полов Г. Х.* Избранные труды. Т. 8. Перестройка Горбачева. М., 1996; *Крючков В.* Личное дело. В 2 т. М., 1996; *Громыко А.* В лабиринтах Кремля. М. 1997; *Лигачев Е. К.* Предостережение. М. 1999; *Фалин В.* Конфликты в Кремле: Сумерки богов по-русски. М., 1999; *Яковлев А. Н.* Омут памяти. От Столыпина до Путина. В 2 кн. М., 2001; *Шахназаров Г.* С вождями и без них. М., 2001; *Грачев А. С.* Горбачев. М., 2001; *Арбатов Г.* Человек системы. М., 2002; *Яковлев А.* Сумерки. М., 2003; *Крючков В.* На краю пропасти. М., 2003; В Политбюро ЦК КПСС... по записям Анатолия Черняева, Вадима Медведова, Георгия Шахназарова (1985—1991). М., 2006.

⁶ См. наиболее полный список разных источников по перестройке в кн.: *Барсенков А. С.* Введение в современную российскую историю 1985—1991. М., 2002. С. 18—26.

⁷ *Яковлев А. Н.* Сумерки. С. 7.

⁸ См.: *Маслов Д. В.* Перестройка в СССР: некоторые вопросы изучения исторических источников: <http://www.gorby.ru/activity/conference/show_478/view_24248/>; *Ирицкий Ю. И.* Что произошло 20 лет назад? (Коллапс советской системы и «перестройка» в современных исследованиях) // Россия и современный мир. 2005. № 4. С. 64—89.

⁹ *Завалько Г. А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. М., 2005.

¹⁰ *Паршина О. Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: <http://dibase.ru/article/05042010_parshinaolgaikolaeva_6745/51/>.

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 448.

¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 7.

¹³ *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 531.

¹⁴ *Купина Н. А.* Тоталитарный язык. Екатеринбург—Пермь, 1995 <<http://library.krasu.ru/ft/ft/articles/0114393.pdf>>.

-
- ¹⁵ Правда. 1985. 7 ноября.
- ¹⁶ *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. М., 2001: <http://yanko.lib.ru/books/betweenall/pochepcov-theory-of-com.htm#_Toc522038334>.
- ¹⁷ БСЭ: <http://enc-dic.com/enc_sovet/Antikommunizm-69519.html>.
- ¹⁸ *Елисеева Н. В.* Октябрьская революция 1917 г. в идеологии реформ периода перестройки в СССР (1985—1991 гг.) // Материалы Всесоюзной научной конференции. М., 2007.
- ¹⁹ В Политбюро ЦК КПСС... С. 120 и др.
- ²⁰ *Черняев А. С.* Совместный исход (Дневник двух эпох. 1972—1991 годы). М., 2008.
- ²¹ В Политбюро ЦК КПСС... С. 258
- ²² Там же. С. 156
- ²³ Там же. С. 204.
- ²⁴ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М. 1988. С. 48
- ²⁵ Там же. С. 422.
- ²⁶ *Горбачев М. С.* Социалистическая идея и революционная перестройка. М., 1989.
- ²⁷ *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. С. 394—396.
- ²⁸ *Кугультинов Д.* Революция продолжается // Литературная газета. 1989. 8 ноября.
- ²⁹ См. об этом: *Гордина Е. Д.* Революция 1917 г. и перестройка 1980-х гг.: исторические параллели на страницах журнала «Огонек» (по материалам 1989—1990 гг.) // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского. Нижний Новгород, 2003. С. 222—224. Активизировалась публикации по революционной тематике. См., напр.: *Миц И. И.* Октябрьская революция — переломное событие всемирной истории // История СССР. 1987. № 5. С. 3—18; *Соболев Г. Л.* Россия. 1917 год: революционный процесс и революционное сознание // История СССР. 1987. № 5. С. 18—36; *Астрахан Х. М.* Партийность населения России накануне Октября (По материалам выборов в городские думы в мае—октябре 1917 г.) // История СССР. 1987. № 6. С. 134—155; *Бовыкин В. И.* Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. 1988. № 5. С. 67—100; *Смирнов Н. Н.* Обсуждение проблем революционного процесса в 1917 году: симпозиум «Рабочий класс России, его союзники и политические противники // Вопросы истории. 1988. № 4. С. 93—96; *Рабинович А.* Большевики и массы в Октябрьской революции // Вопросы истории. 1988. № 5. С. 14—27; и др.

³⁰ См.: *Елисеева Н. В.* Советское прошлое: начало переоценки // Отечественная история. 2001. № 2.

³¹ См., напр.: *Аргус М.* Размышление над информацией. Пьеса М. Шатрова «Диктат совести» // Московский комсомолец. 1986. 12 мая; *Рыбаков Ю.* (о пьесе М. Шатрова) // Советская культура. 1986. 15 мая; см. также: Литературная газета. 1986. 21 мая; *Шатров М.* «Драматургия — душа театр» (Беседа с М. Шатровым) // Литературная Россия. 1985. 8 ноября; и др.

³² Подробнее см.: *Котеленец Е. А. В. И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография.* М., 1999. Современную историографию ленинианы см.: *Ее же.* Ленин как политик и человек в новейших исследованиях: <http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=4075:lenin-kak-politik-i-chelovek-v-novejshix-issledovaniyax&catid=94:lenin-now&Itemid=55>.

³³ Советская историческая энциклопедия. М. 1968. Т. 11. С. 926.

³⁴ *Громыко А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 111.

³⁵ *Зиновьев А.* Горбачевизм. Нью-Йорк, 1988: <<http://coollib.net/b/89038/read>>.

³⁶ *Бутенко А.* О революционной перестройке государственно-административного социализма // Перестройка: гласность, демократия, социализм. Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему. М., 1988. С. 551—569.

³⁷ Там же. С. 551.

³⁸ *Эйдельман Н. Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989: <<http://www.litmir.net/br/?b=139578>>.

³⁹ *Литвак Б. Г.* Переворот 1861 г. в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М, 1991; Наше Отечество. Опыт политической истории. Ч. I—II. М., 1991.

⁴⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 481.

⁴¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 173; Там же. Т. 39. С. 71.

⁴² Типичное определение реформы в советской интерпретации: «Реформы буржуазных правительств, помогая монополиям обеспечивать огромные доходы, создавали им возможность становиться производственно-техническими гигантами» // Шумейко Г. Социальный прогресс, реформы и реформизм. М., 1988. С. 37.

⁴³ *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Драма российских реформ и революций. М., 2000; *Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С.* Реформы и контрреформы в России. М., 1996; и др.

⁴⁴ *Богун Е. Ю., Ульянова О. В.* Чили во второй половине XX в.: <<http://www.ruso.cl/ru/files/Istoria%20Chili%20vo%20II%20polovine%20X%20veka.pdf>>.

⁴⁵ История Венесуэлы: <<http://www.gomargarita.com/historya-of-venezuela.html>>.

⁴⁶ Модернизация Бразилии: эпоха двух президентов: <<http://polit.ru/article/2010/11/15/brasil/>>; *Мулюков Ш. М.* К соотношению понятий «Революция сверху» и «революция снизу»: <<http://lib.znate.ru/docs/index-35011.html>>.

⁴⁷ *Коваль Б. И.* Латинская Америка: революция и современность. М., 1981. С. 31—51.

⁴⁸ После XX съезда КПСС С. П. Трапезников выдвинул тезис о том, что инициаторами коллективизации были сами крестьяне. См.: *Трапезников С. П.* Исторический опыт КПСС по социалистическому преобразованию сельского хозяйства // Вопросы истории КПСС. 1967. № 11.

⁴⁹ *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М. 1988. С. 53.

⁵⁰ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 291—292.

⁵¹ Ленинская концепция социализма. М. Издательство политической литературы. 1990. С. 553 и др.

⁵² В Политбюро ЦК КПСС... С. 498.

⁵³ В Политбюро ЦК КПСС... С. 517.

⁵⁴ *Цинко А. С.* Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. №№ 11, 12; 1989. №№ 1, 2.

⁵⁵ *Согрин В.* Левая, правая где сторона? Размышления о современных политических дискуссиях // Коммунист. 1990. № 3 (февраль).

⁵⁶ *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 343

⁵⁷ Слово о Ленине президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева // Правда. 1990. 21 апреля.

⁵⁸ Социализм: мечты и реальности // Коммунист. 1990. № 4. С. 21.

⁵⁹ В Политбюро ЦК КПСС... С. 596.

⁶⁰ Там же. С. 550.

⁶¹ См. напр.: Социологический справочник / Под ред. В. И. Воловича. М., 1990: <<http://voluntary.ru/dictionary/1106/word/reforma-socialnaja>>.

⁶² *Грачев А.* Человек, который хотел как лучше... М., 2001.

⁶³ Там же. С. 163

⁶⁴ <<http://www.agitclub.ru/gorby/itogi/slavin.htm>>

⁶⁵ *Мау В., Стародубровская И.* Великие революции: От Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 365.

⁶⁶ *Пихоя Р. Г.* Почему распался Советский Союз? // Государственная служба. 2003. № 1 С. 31—45.

⁶⁷ *Лисичкин В. А., Шеепин Л. А.* Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М., 2003 С. 67—76; см. также работы С. Кара-Мурзы и др.

⁶⁸ Обзор см.: *Попов В. П.* Лекция по Перестройке. 1985—1991 гг.: <<http://do.gendocs.ru/navigate/index-114816.html>>.

⁶⁹ *Кастельс М.* Информационная эпоха. Пер. с англ. М., 2000, С. 438, 475 и др.

⁷⁰ *Малиа М.* Советская трагедия: История социализма в России. 1917—1991. Пер. с англ. М., 2002. С. 423—450.

⁷¹ *Заславская Т.* О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М., 1988. С. 10.

⁷² *Трушков В.* Фальшивый мед перестройки // Правда России. 1995. 18 мая.

⁷³ *Черняев А.* Совместный исход. С. 725

⁷⁴ *Журавлев Г. Т.* Рецензия на книгу Б. К. Лисина «Кадровая политика КПСС: социологические очерки». М., 2010 // Власть. 2011. № 9. С. 190—191.

⁷⁵ *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 370

⁷⁶ *Сельцер Д. Г.* Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов, 2006. С. 5—7.

⁷⁷ См.: *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2005.

⁷⁸ См. напр.: *Головачев Б., Косова Л., Хахулина Л.* «Новая» российская элита: старые игроки на новом поле? // Мониторинг. 1995. № 6; 1996. № 1; *Петров Н. В.* Политические элиты в центре и на местах // Российский монитор: архив современной политики. Вып. 5. М., 1995; и др.

⁷⁹ См., напр.: *Афанасьев М. Н.* Клиентизм и российская государственность. М., 2000: <http://sbiblio.com/biblio/archive/afanasev_klientizm/>.

⁸⁰ Советская Россия. 1991. 8 августа

⁸¹ *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 55—59.

⁸² *Афанасьев М. Н.* Указ. соч.

⁸³ Емельянов А. М. — в то время академик ВАСХНИЛ, первый президент Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов, 1989—1991 гг. — народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, заместитель председателя Комитета по аграрной и

продовольственной политике, входил в Межрегиональную депутатскую группу и группу депутатов-аграрников.

⁸⁴ Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы «круглого стола» 19—20 сентября 1988 г.). М., 1989. (Les problèmes actuels d'étude de l'histoire de la Révolution française (documents de «table ronde» de 19—20 septembre 1988). Moscou, 1989): <<http://annuaire-fr.narod.ru/Discussion/discussion-oglav.html>>.

⁸⁵ *Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993.

⁸⁶ *Адо А. В.* Французская революция в советской историографии // Исторические этюды о французской революции (Памяти В. М. Далина). М., 1998 (Подг. к печати в 1990 г.).

⁸⁷ *Широпаев А.* Кто же на самом деле в «трясине»? // Наш современник. 1988. № 8. С. 191; см.: *Сергеев В.* Тигр в болоте // Знание-сила. 1988. № 7. С. 74; *Болховитинов Н. Н.* Новое мышление и изучение Великой французской революции XVIII // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 28.

⁸⁸ Подробно см.: *Досэ Ф.* Образ Французской революции конца XVIII века в политических дебатах Перестройки Россия и Франция XVIII—XX вв. Вып. 8. М., 2008. С. 31—45 <<http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Dauce-RiF-08.html>>.

⁸⁹ *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление. С. 47.

⁹⁰ *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997: <http://you1917-91.narod.ru/buldakov_kr_smut.html#prir>.

**Добровольческая армия и Донское казачье войско в
конце 1917 — начале 1918 гг.: несостоявшийся союз**

Февральскую революцию 1917 г. многие генералы и офицеры русской императорской армии, будущие участники Белого движения, восприняли как «исторический закон», как «опасную и тяжелую, но неизбежную хирургическую операцию». Они надеялись, что крушение монархии принесет России «оздоровление», а русской армии — заслуженную победу в войне против Германии и ее союзников. Однако последовавшие затем «революционные» репрессии против офицеров, развал и «умирание» армии, нарастание хозяйственного кризиса и революционного хаоса в тылу привели их к тягостному заключению: «нож хирурга оказался грязным», «исцеление ушло». Захват власти большевиками многими из них был воспринят как «гибель Великой России». Теперь возможность спасения российской государственности они видели только в возрождении армии, союзе всех военно-политических сил, прежде всего казачьих войск, готовых бороться против большевизма, насажденного в России, как они искренне полагали, Германией. Будучи плоть от плоти военно-бюрократической монархии, они ни на что иное и не могли делать ставку. Именно армию они считали вершиной организационного совершенства, а степень ее развала — мерилom новой русской смуты. И, следовательно, по их логике, в обстановке внешней войны и внутренней смуты только армия, создавшая Великую Россию, способна создать новую, военно-диктаторскую, власть и тем прекратить смуту и спасти страну от порабощения врагом¹.

Формирование Добровольческой армии на территории Области войска Донского в конце 1917 — начале 1918 гг. явилось первой попыткой создания и новой вооруженной силы, и военно-политического союза между генералитетом и офицерством русской императорской

армии, с одной стороны, и казачьим войском, с другой, для борьбы против большевизма. Стремление объединиться перед лицом общего смертельного врага было вполне естественным, своего рода «защитной реакцией». Однако оно натолкнулось на противодействие самых разнообразных экономических, социальных, политических, идеологических и других факторов. В итоге все усилия командования Добровольческой армии создать на Дону прочную базу для развертывания антибольшевистской борьбы во всероссийском масштабе оказались тщетными.

Изучение и осмысление многообразных аспектов этого первого отрицательного опыта дает ключ к пониманию сложных и острых, подчас губительных, проблем во взаимоотношениях между Добровольческой армией и казачьими войсками в ходе всей Гражданской войны на юге России.

* * *

После провала «корниловского мятежа» главной задачей той части российского генералитета и офицерства, что считала своим долгом сделать все возможное, чтобы не допустить прихода большевиков к власти, стало воссоздание боеспособной вооруженной силы. Именно в этом они видели путь возрождения российской государственности.

В сентябре 1917 г., уйдя с поста начальника штаба главковерха, генерал М. В. Алексеев «конспиративно» приступил к формированию боевой силы, способной остановить «злостное погубление» России. Для него уже стало очевидно, что никто и ничто не спасет русскую армию от разложения, поэтому он предполагал сформировать новые части вне ее состава и на принципе строгой добровольности. К 25 октября (*все даты — по ст. ст.*) в его формирование записалось несколько тысяч офицеров, находившихся в Петрограде. Все, кто добровольно подчинился ему, стали называть свою организацию «Алексеевской». Ее ближайшей целью они считали подавление неизбежного вскоре восстания большевиков, на что, как они были уверены, не

окажется способно Временное правительство А. Ф. Керенского.

Однако Алексеев, человек крайне осмотрительный в своих планах, допускал и худший вариант: большевики, с каждым днем набирающие силу в столице, могут воспользоваться «отсутствием решимости и способности действовать» у Керенского и поднять восстание прежде, чем ему удастся сформировать серьезные боевые части из офицеров и юнкеров. Поэтому он заранее договорился с Донским атаманом генералом А. М. Калединым о переброске своего «конспиративного» формирования на Дон, под прикрытие казачьих частей: он был убежден в их невосприимчивости к «яду большевистской пропаганды»².

В те же дни до Петрограда с Северного Кавказа стали доходить вести о создании «Юго-Восточного союза» в составе Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Оренбургского и Уральского казачьих войск с целью «обеспечить порядок и спокойствие» на их территории. Окончательно оформленный на Учредительном съезде, состоявшемся 16—21 октября во Владикавказе, «Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» претендовал на «полную самостоятельность» в составе России. Его ядро составили Донская, Кубанская и Терская области. Предусматривалось создание «объединенного правительства», «сплочение и укрепление боевой мощи казачества» и защита территории Союза от «надвигающейся волны анархии». Войсковые атаманы и другие руководители восстановленных после падения самодержавия органов казачьего самоуправления, а с ними и казахи общественные деятели рассчитывали отгородиться от нарастающей новой смуты либо границей, либо линией фронта. Руководящую роль в зародившемся союзе играл Дон.

25—26 октября донское войсковое правительство отказалось признать Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным и заявило о принятии на себя «всей полноты государственной власти» на территории области. Так же, как

и «старший брат», поступило кубанское краевое правительство. И спустя два дня после большевистского переворота Алексеев распорядился начать отправку «желающих продолжать борьбу» на Дон.

Алексеев был далеко не одинок в своих надеждах на создание базы антибольшевистской борьбы именно на Дону. В Петрограде, Москве, Киеве и других городах Европейской России противники Совнаркома «жили надеждой на Дон». Их вдохновляла убежденность: казачий Дон — «твердый консервативный устой, о который разобьется большевистская пропаганда», военной силы Дона с лихвой хватит не только для обороны от большевиков, но и для наступления в глубь страны, с Дона начнется «освобождение России». Уже широко распространялись обнадеживающие слухи: «атаман Каледин собирает армию для похода на Петроград», «казачья армия победоносно двигается на Москву, восторженно встречаемая населением»³.

2 ноября Алексеев прибыл в Новочеркасск, «стольный град» Войска Донского, полный надежд. Однако при первой же встрече атаман Каледин твердо отказал ему в просьбе «дать приют русскому офицерству». Свою позицию он обосновал веско: во-первых, казаки-фронтовики до крайности устали от войны и всей душой ненавидят «старый режим», во-вторых, враждебности к большевикам не питают, поскольку те прекратили ненавистную войну, и, в-третьих, донские полки, хотя и возвращаются с фронта в относительном порядке, защищать Область войска Донского от большевиков не желают и тут же расходятся по домам. Каледин попросил Алексеева сохранять инкогнито, «не задерживаться в Новочеркасске более недели» и перенести формирование за пределы области⁴.

Такой прием не охладил Алексеева: он сразу же энергично приступил к изучению «моральных и физических сил казачьего союза». На первых же встречах с общественными деятелями и предпринимателями выяснилось: «донское крестьянство сильно обработано пропагандой», в Донской области — неурожай, в Терской —

«урожай не могли собрать», а Кубань («эгоисты») хлеба им не дает⁵.

3 ноября Каледин пригласил Алексеева на секретное «осведомительное заседание» формально пока не созданного объединенного правительства «Юго-Восточного союза».

На нем известный московский адвокат и член партии кадетов И. Н. Сахаров (дед академика А. Д. Сахарова) взывал: «взоры всей России устремлены на казачество», «с мольбой» русская общественность обращается к казачеству, ибо более «никто не может прийти на помощь». Он был убежден: надежды на казачьи области имеют реальные основания, ибо здесь — «здоровый дух, порядок, дисциплина» и «здоровое понимание русской государственности». По его словам, в очередной раз «пережив великие социальные, земельные революции в виде анархических захватов», народ «психологически не может погибнуть», «народная душа должна вернуться к здоровому началу», а потому «история — за образование здорового центра». Слушая Сахарова, Алексеев набрасывал в своей записной книжке созвучное его собственным мыслям: «центр — Юго-Восток», «Юго-Восточный союз», ибо он «обладает государственным суверенным правительством», «благоприятным территориальным положением» и «богатствами природы», а потому здесь «нужно собрать мощные умственные, военные, культурные силы»⁶.

На речь Сахарова отозвался репликой начальник войскового штаба Донского казачьего войска полковник Я. П. Араканцев: «Если только от казаков ждут спасения России, то пропала Россия». По его мнению, казакам нельзя немедленно «идти на Россию спасать», а нужно «обождать просветления народа», а пока накапливать хозяйственные и военные силы. Сходные мысли высказал член Донского войскового правительства П. М. Агеев, лидер донских социалистов: освобождение всей России от большевизма донским казакам не по силам, надо привлечь на сторону казачьих властей местное крестьянское население, иногородних, наделив их землей. С ними согласился

товарищ (помощник) Донского атамана, ведавший «гражданской частью», М. П. Богаевский: «поход на Россию» — невозможен, так как казаки не пойдут, нужно создать «союзное» правительство «Юго-Восточного союза», которое занялось бы решением общих внутренних проблем, прежде всего — удовлетворением нужды иногороднего крестьянства в земле (он назвал это «краеугольным камнем существования казачьего союза»). Ему вторил представитель Кубанского казачьего войска: «дать России ничего не можем», нужно ограничиться «сохранением порядка» в казачьих областях Дона, Кубани и Терека, укреплять «Юго-Восточный союз», дать ему «силу и значение», для чего решить «вопрос с крестьянами»⁷.

Итог заседания подвел Каледин: «Мы должны отказаться в данный момент от широкой государственной задачи, от спасения гибнущей России, хотя это и тяжело... Мы не можем помочь в борьбе с большевиками». Первостепенными задачами он считал решение «дел внутренних и краевых», создание «союзного» правительства, развитие «государственной жизни» казачьих областей⁸.

Подводя свои итоги заседания, Алексеев выделил как положительные, так и отрицательные моменты. Многоопытный генерал оценивал «Юго-Восточный союз» не только с точки зрения пригодности его как базы создаваемой им антибольшевистской армии, но и шире: эта база должна стать центром, где одновременно с армией начнется возрождение России. Он утвердился во мнении, что «только Юго-Восток» способен организовать устойчивое и сильное правительство, поскольку располагает запасами хлебопродуктов, и именно «Юго-Восточный союз» должен стать центром возрождения российской государственности. Вместе с тем, он выделил две «слабые стороны» казачьего союза: «крестьянский земельный вопрос» и разложение казачьих частей, возвращающихся с фронта. Вывод его относительно политики «Юго-Восточного союза» был далек от оптимизма: «осторожность», «пассивность», «желание заняться своим делами»⁹.

Возможно, впервые Алексеев отчетливо увидел главного врага, угрожающего Донской и другим казачьим областям юго-востока России не с большевистского севера, а изнутри: безземельное иногороднее крестьянство. После отмены крепостного права и «замирения Кавказа» крестьяне из центральных районов России и Украины, пытаясь вырваться из нищеты, устремились в богатые казачьи области юга. Батрачили на казаков, арендовали у них землю, занимались ремеслами. Доля иногородних крестьян в населении Дона, как и Кубани, достигла половины. Но ни прав на землю, ни казачьих социальных привилегий, ни доступа в казачьи органы самоуправления они не получили, что и подогревало как их враждебность к казачеству, так и надежды получить землю с помощью большевиков¹⁰.

За несколько последующих дней Алексеев получил более широкое и конкретное представление о слабостях «Юго-Восточного союза»: донские военные склады пусты, тыловые войска казачьего союза «ничтожны и едва удовлетворяют местным потребностям», а казачьи полки и батареи, что возвращаются с фронта, большевизмом «заражены немногим меньше», чем крестьянские. К тому же на Дону и Кубани стояли запасные пехотные полки, крестьянские по составу и «совершенно большевистские» по настроениям, и они в любой момент могли вместе с городскими рабочими выступить против войсковых властей. В такой ситуации атаманы и правительства казачьих войск были озабочены прежде всего «внутренним благоустройством, поддержанием порядка и спокойствия», действовали «крайне осторожно». Алексеев пришел к безрадостному выводу: борьбу против Совнаркома казаки «сами не начнут, равно не пойдут только со своими силами». Оставалось лишь надеяться, что «государственные настроения» вскоре возьмут у них верх и тогда они пойдут на Москву и Петроград, ведомые офицерской армией, сформированной военными, приехавшими из центра страны¹¹.

Дон перестал казаться Алексееву твердой почвой, надежной базой для формирования антибольшевистской армии. Однако иной базы он не видел, надеясь на «пробуждение казачества и создание обеспеченной базы» именно на Дону. Прибывшему в Новочеркасск В. В. Шульгину он так обрисовал ситуацию: «Каждая армия, какова она ни была бы, должна иметь базу. Без базы армия существовать не может. Я избрал базу здесь, на Дону, в Новочеркасске. И здесь болото, но другой базы нет»¹².

Тем временем приехавшие из обеих столиц крупные предприниматели 7 ноября договорились с Донским военно-промышленным комитетом и войсковым правительством о создании Экономического совета при правительстве. На его заседаниях было решено прекратить вывоз в «совдеповскую» часть России угля, зерна, мяса, продуктов питания. Продумывались меры по развитию военного производства на территории Дона и всего «Юго-Восточного союза», снабжению его войск боеприпасами, снаряжением, обмундированием. Вдохновленный созданием Экономического совета как «органа правительства», Алексеев сразу же придавал ему «большое значение не только промышленно-экономическое, но и политическое, а, следовательно, косвенно и военное»¹³.

Вопреки всем разочарованиям, он утвердился во мнении: «Юго-восточный угол России — район относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости» и «имеет данные стать источником спасения» всей страны. Ибо «здесь нет анархии», «здесь естественные природные богатства, необходимые всей России», «на Кубани и Тереке хороший урожай» и, наконец, образован «Юго-Восточный союз» как фактически суверенное государство. Главную задачу он видел в том, чтобы «под покровом силы промышленно-экономической и порядка» создать на территории Союза «сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосударственного», но прежде — «образовать силу, на которую эта власть могла бы опереться»: «приступить здесь

к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой силы вооруженной для будущей активной политики»¹⁴.

Каледин сочувствовал Алексееву и желал ему сформировать боеспособные части, однако снова и снова просил его ускорить переезд «Алексеевской организации» за пределы Дона, а до этого «не делать никаких официальных выступлений и вести дело в возможной тайне». Донской атаман уже не только осознал, но и признал во всеуслышание: «большевистское движение разрастается» и его существование в России «грозит продлиться на неопределенное время». И потому делал все, что было в его силах, для сохранения хрупкого социального мира на Дону: он считал это пусть и слабой, но хоть какой-то гарантией, во-первых, независимости области от большевистского Петрограда и, во-вторых, прочности войсковой власти. Он опасался идти наперекор настроениям казаков-фронтовиков. Не рисковал предпринимать активные действия против солдат запасных полков и рабочих промышленных центров области: это было чревато как выступлениями солдат и восстаниями рабочих, так и отказом казачьих частей умирять их.

Не менее остро Каледин чувствовал и опасность «нежелательной шумихи» вокруг «Алексеевской организации». На заседаниях войскового правительства он не рисковал даже поставить вопрос о какой-либо помощи ей, и первые недели она существовала на скупую благотворительность, что ограничивало возможности набора добровольцев¹⁵.

Каледин был прав: казаки-фронтовики, видя умножение в Новочеркасске числа офицеров регулярных войск и юнкеров пехотных училищ, все сильнее опасались, что «непрощенные гости» помешают «полнободно договориться» с местными и столичными большевиками, втянут Дон в «новую бойню». Казачьи политики-демократы, активисты социалистических партий, все громче обвиняли его в «попустительстве контрреволюционному офицерству». Это давление заставляло его лавировать, избегать всякого

повода к обострению, выжидать перелома в настроении станичников. И оправдывать свое «попустительство» ссылкой на «казачью обыкновенность»: «С Дону выдачи нет»¹⁶.

Заветной мечтой Каледина было дожидаться перелома в настроениях казаков и создать на Дону базу для будущего восстановления России. Его мечты и замыслы вполне совпадали со взглядами и планами Алексеева, который неустанно говорил, что Россия гибнет и казачество должно отстоять свои области и тем дать основу, откуда началось бы освобождение всей страны от большевизма¹⁷.

Во второй декаде ноября в Новочеркасске стало достоверно известно о подготовке Совнаркомом войск для похода на Дон. Алексеев, поняв, что у него нет времени выжидать перелома в настроении донских казаков, стал прощупывать возможность перенесения базы формирования на Кубань.

22 ноября Алексеев выехал в Екатеринодар, «стольный град» Кубанского казачьего войска, где 23-го и 24-го принял участие в двух заседаниях только что образованного объединенного правительства «Юго-Восточного союза» (его председателем был избран донской кадет В. А. Харламов). Обсуждались вопросы объединения казачьих областей Дона, Кубани и Терека как в гражданском управлении, так и в военном, организации общих вооруженных сил Союза и их снабжения. В речах всех выступающих сквозила надежда «создать здоровый уголок России, откуда пойдет государственное оздоровление всей страны». Алексеев, выступая, взывал к разуму и патриотическим чувствам правителей Дона, Кубани и Терека: Россия гибнет, и казачество должно отстоять свои области, создав тем самым базу, откуда начнется возрождение России. Однако его призывы к освобождению от большевизма всей России силами объединенной армии Союза сочувствия у казачьих политиков не вызвали¹⁸.

Беседы с Кубанским войсковым атаманом полковником А. П. Филимоновым усилили разочарование

Алексеева: принятые Кубанской краевой радой в октябре 1917 г. «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае» наделили атамана лишь представительскими полномочиями. Оттого, заключил Алексеев, и власть его — «дряблая» и «беспомощная», а «осторожная линия» его политики сводится к уклонению от создания антибольшевистской казачьей армии. Значит, и в финансировании, формировании и снабжении армии из добровольцев, прибывающих из центральных районов России, на его помощь рассчитывать не приходится¹⁹.

И Каледина, даже отдавая дань его «высокому чувству долга», Алексеев винил в том, что все старания поднять дух донцов успеха не приносят. Его помощника Богаевского, «искреннего казака и русского человека», предрекал он, донские социалисты «утопят в демагогической болтовне». Кубанцы показали ему «крепче донцов», однако глава краевого правительства Л. Л. Быч — социалист-революционер, однопартиец Керенского — и другие лидеры «самостийников», выступающих за независимость Кубани от большевистской России, вызвали у него резкое неприятие: «Играют в скверную политику личных честолюбий». Терцев он счел «крепче других», но нашел, что они «мало организованы», а Терскому войсковому атаману Н. А. Караулову не достает силы воли, чтобы подчинить их своему влиянию²⁰. В общем, надежд на подъем донцов, а с ними кубанцев и терцев, на борьбу с большевиками у Алексеева оставалось все меньше.

Между тем «беспомощность» и «осторожная линия» политики Донского и Кубанского атаманов жестко диктовались настроениями казаков-фронтовиков. Подобно донцам, кубанские полки, возвращаясь с фронта и вступая в пределы родного края, отказывались выполнять приказы Филимонова. Довольные окончанием войны, казаки расходились по станицам, распределяя полковое имущество между собой либо просто бросая его. Попытки сохранить боевые части и расквартировать их для обороны Кубанского края от войск Совнаркома были безнадежны²¹.

Со своей стороны, казацки политики, преимущественно социалисты, при всем уважении лично к Алексееву, в его добровольческой организации не могли не видеть угрозу «реставрации старого режима». При этом, отражая настроения казачьей массы, они совершенно не хотели жертвовать казачьими жизнями и казачьим добром ради «отвоевания» России у большевиков. Столкнувшись с этим, окружавшие Алексеева общественные деятели, приехавшие из Москвы и Петрограда, сочли казаков «глубокими эгоистами и шкурниками», которые, «чувствуя и мысля в рамках узкого эгоизма», руководствовались принципом «моя хата с краю». С их «государственной точки зрения», патриотизм казаков «в большинстве случаев не идет дальше родного края, иногда — хутора или станицы», потому они и надеются уберечься от большевизма путем отделения от «совдеповской» России²².

Многие казачьи военные и политики, подобно рядовой массе донских и кубанских казаков, воспринимали большевизм как опасность внешнюю: ее, дескать, можно остановить силой у границ Донской области, «отгородиться» от нее кордонами и заняться «внутренним благоустройством». В действительности главная опасность грозила казачьим властям изнутри: десятки тысяч безземельных иногородних, «обольшевиченных» на фронте, уже возвращались на Дон и Кубань не только с надеждой на получение земли, но с оружием, готовые взять ее силой.

Когда в конце ноября добравшийся до Новочеркасска генерал А. И. Деникин встретился с Калединым и спросил его, возможно ли генералу Л. Г. Корнилову и другим офицерам, арестованным по приказу Керенского, найти приют в Области войска Донского, атаман ответил: «На Дону приют вам обеспечен. Но, по правде сказать, лучше было бы вам, пока не разъяснится обстановка, переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах...» Позже Деникин еще дважды, вместе с другими генералами, побывал у Каледина. Атаман выражал убеждение, что Алексееву удастся сформировать хорошую армию из

добровольцев, а ему самому — новую Донскую армию. Однако при этом неизменно добавлял, что «имена генералов Корнилова, Деникина, Лукомского и Маркова настолько для массы связаны со страхом контрреволюции», что он рекомендовал бы им «пока активно не выступать», а еще лучше — «временно уехать из пределов Дона»²³. Когда же в начале декабря до Новочеркаска добрался генерал Корнилов, Каледин при первой же встрече с бывшим главкомверхом попросил того жить на Дону нелегально²⁴.

3 декабря председатель Донского круга П. М. Агеев, лидер донских социалистов, предложил реорганизовать войсковое правительство на основе «паритета» — равного представительства казачества и иногороднего крестьянства. Многие депутаты понимали: иначе не умерить враждебность безземельных иногородних к казачьей власти. Каледин, хватавшийся за все, что могло дать шанс предотвратить «братоубийство» на Дону и вторжение войск Совнаркома, ухватился за «паритет». И в тот же день Круг постановил: в правительство должно войти равное число представителей от казаков и иногородних.

Каледин, однако, и свои предложения выдвинул: предоставить ему права командующего армией и «приютить» на Дону все антибольшевистские силы. Из осторожности он не назвал «Алексеевскую организацию», но всем и так были понятны слова атамана: «Мы начали борьбу с большевиками, и в ней нельзя ограничиться рамками только родного Дона. Для успешной борьбы мы должны привлечь все силы и широко открыть двери всем противникам большевизма. Только приютив и собрав вокруг себя эти силы, мы можем одержать верх в этой борьбе». Еще раз заявив о непризнании Совнаркома, 9 декабря Круг сосредоточил всю военную власть в руках войскового атамана.

С другой стороны, активную деятельность по укреплению отношений между прибывшими на Дон генералами и казачьими атаманами развернули приехавшие из Москвы представители кадетского «Правого центра» —

М. М. Федоров и другие. Во второй половине декабря в Новочеркасске состоялись два совещания делегации «Правого центра» с генералами. Их итогом стало, во-первых, создание на основе формирований «Алексеевской организации» Добровольческой армии, во-вторых, вступление Корнилова в командование ею и, в-третьих, организация «верховой власти», претендующей на статус всероссийской. Организована эта «верховная власть» была в форме триумvirата, в котором были разделены сферы компетенции между Корниловым, Алексеевым и Калединым: за Алексеевым закреплялись финансы, гражданское управление и внешние связи, за Корниловым — военная власть, за Калединым — управление Областью войска Донского. «Вопросы государственного значения» подлежали решению всего триумvirата²⁵. Эта «верховная власть», по сути, поставила себя выше казачьего «Юго-Восточного союза».

В 20-х числах декабря собранные Совнаркомом войска под командованием большевика В. А. Антонова-Овсеенко — отряды солдат, матросов и красногвардейцев — двинулись по железным дорогам на Дон.

29 декабря в Новочеркасске собрался съезд иногороднего населения области для решения вопроса о власти на Дону. Тон на съезде задавали эсеры. Делегаты одобрили «паритет», но выдвинули условия вхождения своих представителей в «паритетное» правительство: вывод казачьих частей из рабочих районов, разоружение и расформирование Добровольческой армии. В ходе трудных переговоров с руководителями съезда Агеев добился главного: делегаты одобрили предложение Круга о «паритете». 4 января съезд избрал своих представителей в объединенное правительство, и оно было сформировано: по 8 человек от казачьего и иногороднего населения, а также, вне «паритета», его председатель Богаевский.

На первых же заседаниях правительства Богаевскому и Каледину удалось отговорить его «иногороднюю половину», эсеровских лидеров, от разоружения

добровольцев. В опубликованную 10 января декларацию правительства была включена компромиссная формула: Добровольческая армия сформирована «в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное собрание, должна находиться под контролем объединенного правительства и в случае установления наличности в этой армии элементов контрреволюционных, таковые элементы должны быть удалены немедленно за пределы области»²⁶.

Однако подозрительности и враждебности казачьего и иногороднего населения Донской области к добровольцам этот декларативный компромисс убавить никак не мог. Эсеровское крыло «паритетного» правительства пыталось на деле добиться контроля над Добровольческой армией. А низы демократической общественности продолжали требовать ее роспуска и удаления из области тех ее чинов, кто не был уроженцем Дона²⁷.

Тем временем широкие массы иногороднего крестьянства целиком приняли сторону Совнаркома, ибо считали большевиков «освободителями от казачьего ига». Во многих местах они перешли к захвату и дележу помещичьих имений, а там, надеялись, с помощью Советов удастся добраться и до казачьих земель. А казаки-фронтовики, сполна хлебнувшие революционной пропаганды, враждебности к большевикам не питали: те прекратили ненавистную войну и обещали сохранить за «трудовым казачеством» его земли. Больше всего они опасались новой войны — между Совнаркомом, новой центральной властью, и Доном. Самые популярные среди них офицеры и унтер-офицеры агитировали за свержение Каледина, за изгнание армии Корнилова из области. Тогда, убеждали они фронтовиков, большевики предоставят казачеству возможность самому решить свою судьбу: и власть сохранить свою, казачью, и автономию получить в составе новой России, Советской, и землю перераспределить по своему усмотрению.

В столь сложной ситуации казачьи политики «двоились» между надеждой, что в отсутствие Добровольческой армии им было бы легче договориться с Совнаркомом о самостоятельности Дона, и опасением, что без ее помощи от «нашествия большевиков не оборониться».

Между тем войска Антонова-Овсенко, более 15 тыс. бойцов, обложив Донскую область, в конце первой декады января перешли в наступление на Таганрог, Ростов и Новочеркасск. Части 3-тысячной Добровольческой армии, принимая участки фронта от казачьих полков, втянулись в тяжелые бои. А казачьи полки один за другим отказывались исполнять приказы атамана и расходились по станицам. Каледин остро переживал свое бессилие. Корнилова же все сильнее раздражали пассивность Каледина и его «реверансы налево», «заигрывание» с казачьей «демократией», «Керенскими местного разлива». Как унижение воспринимал он зависимость от «провинциальной» власти, которая берется его «контролировать», но не дает ни бойцов, ни денег. И он стал склоняться к тому, чтобы честь защищать столицу Дона предоставить самим казакам, а ему со штабом армии переехать в Ростов²⁸.

10 января в станице Каменская собрался съезд фронтового казачества. На него прибыли делегации от 21-го полка, которые противостояли войскам Антонова-Овсенко на границах области. Они принесли с собой негодование по поводу допущенного Калединым формирования Добровольческой армии: именно в этом видели фронтовики главную причину активных действий Совнаркома против Дона. Два дня делегаты обсуждали, как предотвратить «пролитие братской крови». Все хотели «скинуть» Каледина, но не отдавать власть «пришлым большевикам», а также изгнать с Дона армию Корнилова, но сделать это самим, без участия войск Совнаркома. Фронтовики опасались: если советские войска займут Дон и в области будет установлена власть Советов, иногородние «распосянутся», начнут захватывать казачьи земли. В итоге съезд объявил войсковое правительство низложенным и избрал свой орган власти —

Донской казачий военно-революционный комитет под председательством хорунжего Ф. Г. Подтелкова.

Чтобы «уладить дело миром», Каледин отправил делегацию войскового правительства для переговоров с Донским казачьим ВРК. Для Корнилова сам факт, что Каледин и его правительство (их он теперь называл не иначе как «казачьей слякотью») пошел на переговоры с ВРК, стал последней каплей. Он опасался, что со дня на день атаман попросту «сдаст» свою столицу «демократии», а уж та, как в Петрограде, перед большевиками не устоит. И отдал приказ переезжать в Ростов, что и было сделано в 10-х числах января²⁹.

Цепляясь за Дон, добровольческое командование хранило в уме вариант перенесения базы формирования на Кубань. Еще в начале января в Екатеринодар в качестве представителя командующего был направлен генерал И. Г. Эрдели. На него возлагалась задача подготовить почву для включения в армию формировавшихся там добровольческих офицерских отрядов. Однако впечатления его были безрадостны: власть атамана Филимонова еще слабее, чем Каледина, сам атаман «в окружении демократии» ведет себя, «как врач в психиатрической больнице», и отваживается лишь на то, чтобы в беседах с близкими поругивать «самостийников», верховящих в краевом правительстве³⁰.

Одновременно представитель кадетского «Правого центра» Федоров попытался добиться от кубанских властей материальной помощи Добровольческой армии. Приехав в Екатеринодар, он встретился с Бычом, председателем правительства. Однако Быч отказал ему наотрез, заявив: «Помогать Добровольческой армии — значит готовить вновь поглощение Кубани Россией»³¹. Кубанские социалисты, доминировавшие в Кубанской раде и правительстве, мало сомневались в том, что бывшие царские генералы формируют Добровольческую армию с намерением установить в стране военную диктатуру. Они же, именуя себя «федералистами-демократами», считали,

что «единственный путь к воссозданию разрушенного государства Российского есть путь федерации». Так что оснований считать Кубань более надежной базой по сравнению с Доном у командования Добровольческой армии не было.

Вынужденный под нажимом советских войск отводить части все ближе к Ростову, Корнилов просил у Каледина помощи казачьими полками. При этом он напоминал атаману, что еще совсем недавно, во время Великой войны, Дон выставял до 60 полков — по сути, упрекал того в бездействии и беспомощности. Каледин же, со своей стороны, просил у Корнилова дополнительно перебросить добровольческие части под Новочеркасск. Два опытных боевых генерала ясно понимали безнадежность положения, как и бессмысленность обращений за помощью друг к другу. Им обоим хватило мужества признать горькую истину: ставка на помощь другого себя не оправдала. Для Каледина выхода уже не было: правы оказались те, кто опасался, что присутствие Добровольческой армии только помешает отстоять независимость Дона от «Совдепии», ибо оттолкнет от атаманской власти казачество и придаст большевистскому Совнаркому решимости «раздавить осиное гнездо контрреволюции» на Дону. Корнилову было все же легче: не он, а Алексеев вкупе с общественными деятелями из Москвы, кадетами, больше всех уповали на Дон и «Юго-Восточный союз», оказавшийся блефом.

Алексеев же, раз надежды и расчеты обрести базу на Дону не оправдались, теперь считал, что остается одно: пока не поздно, двигаться на Кубань, где соединиться с местными добровольческими формированиями и кубанскими казачьими частями, еще не перешедшими на сторону Совдепов. И хотя получаемые из Екатеринодара сведения были неутешительны, командование и рядовое офицерство надеялись, что Кубань «может избегнуть поголовной большевистской заразы»³².

Полная деморализация немногочисленных донских частей, сохранявших верность войсковому атаману,

самоубийство Каледина 29 января, приближение войск Антонов-Овсеенко к Ростову не оставили Корнилову иного выбора, как увести Добровольческую армию на Кубань. Однако новый Донской войсковой атаман генерал А. М. Назаров и новый походный атаман генерал П. Х. Попов, чтобы удержать Добровольческую армию на Дону, попытались уговаривать Корнилова отойти вместе с казачьими отрядами в Сальские степи, в район зимовников.

Корнилова этот вариант заинтересовал всерьез. Ему верилось, что Дон поднимется, как только казаки испытают на собственной шкуре «прелести» большевистского хозяйничанья. Вместе с этой верой росли опасения насчет Кубани: она может оказаться не более, а еще менее «гостеприимной», чем Дон. Алексеев, напротив, твердо отстаивал свою прежнюю точку зрения: придя на Кубань, можно будет соединиться с тамошними добровольческими отрядами, поднять на борьбу Кубанское казачье войско и занять «богатый во всех отношениях район», который даст возможность пополнить армию и снабдить всем необходимым. Свои старые, еще петроградские, надежды, которые не оправдал Дон, он возлагал теперь на Кубань. Если же и там надежды эти не оправдаются — дойти до Кавказских гор и, как худший случай, распустить армию, дав ее чинам шанс спастись поодиночке³³.

9 февраля Корнилов вывел Добровольческую армию из Ростова, так и не приняв окончательное решение, куда двигаться — на Екатеринодар или в Сальские степи.

Три дня армия, переформировываясь, простояла в станции Ольгинская. После долгих, трудных совещаний, острых споров, верх взял расчет, вернее — надежда, что на Кубани найдется-таки «земля обетованная»: богатое снабжение, сочувствие населения, «борющаяся власть», уже сформированные добровольческие части, а главное — «уцелевший от захвата большевиками центр власти — Екатеринодар». Добровольческие генералы были убеждены: использовать аппарат донской войсковой власти для формирования и снабжения Добровольческой армии не

удалось именно по вине Каледина и его правительства. Из ближайших городов, которые не надо отвоевывать у большевиков, где старый аппарат управления еще не разрушен ими, остался один Екатеринодар. Его аппарат управления, со всеми атрибутами и рычагами власти, с моральным авторитетом у населения, виделся им и способным, и обязанным выкачивать из области финансовые, материальные и людские ресурсы³⁴.

14 февраля 3-тысячная Добровольческая армия выступила в направлении на Екатеринодар. 1,5-тысячный конный донской отряд под командованием генерала Попова двинулся в Сальские степи. Походный атаман ответил отказом на предложение Корнилова объединиться и вместе идти на Кубань, сославшись на то, что офицеры и казаки отряда не желают покидать родной Дон. Добровольческие генералы расценили это решение как «негосударственное». На их взгляд, оно было продиктовано лишь нежеланием Попова подчиниться Корнилову (в случае соединения «азбука военного дела» требовала установления единоначалия). В очередной раз добровольцы не нашли с казаками общего языка. «Для нас, — дал свое объяснение Деникин, — Дон был только частью *русской* территории, для них понятие «родины» раздваивалось на составные элементы — один более близкий и осязаемый, другой отдаленный, умоглядный»³⁵.

На самом деле, в отказе Попова соединиться с Добровольческой армией и подчиниться Корнилову проявилось опасение донских офицеров, что Корнилов втянет донское казачество в борьбу за «всю русскую территорию». А это принесет Тихому Дону неисчислимые беды, потери и разорение. Казаки не прочь были использовать Добровольческую армию для защиты Дона, но они вовсе не склонны были позволять «старорежимным генералам» Алексееву, Корнилову и Деникину использовать их самих для «отвоевания» России у большевиков. С другой стороны, Попов и его ближайшие помощники сомневались в том, что в «настоящую революционную эпоху» эти

«старорежимные генералы» смогут привлечь на свою сторону большое число кубанских казаков.

Добровольцы и донцы пошли разными дорогами. А спустя две недели под натиском советских войск пал Екатеринодар.

Все это имело самые роковые последствия для Добровольческой армии и лично для Корнилова. Донской отряд Попова и без Добровольческой армии сумел выжить в Сальских степях и дожидаться всеобщего казачьего восстания против Советов на Дону. А для Добровольческой армии отсутствие донской конницы, даже после соединения с Кубанским отрядом, обернулось трагически: неудачей штурма Екатеринодара, большими потерями и гибелью командующего.

* * *

Таким образом, в конце 1917 г. Область войска Донского не стала надежной базой формирования Добровольческой армии, центром сплочения антибольшевистских сил и воссоздания российской государственности.

Главным фактором, опрокинувшим все расчеты Алексея, Корнилова и других добровольческих генералов на Дон как на базу, стали политические настроения казаков-фронтовиков и иногородних крестьян. Под сильнейшим давлением этих настроений военно-политическое руководство Дона пыталось ценой «отгораживания» от Советской России сохранить казачий военно-политический строй, его традиционные социально-экономические основы и социальный мир в своей области. Однако это было невозможно без помощи Добровольческой армии, которая ставила перед собой иную цель — использовать Дон как базу для «освобождения» от большевизма всей России. Вызванные этими противоречиями колебания и лавирование казачьих правителей еще сильнее обостряли их отношения с добровольческим командованием: они не сумели преодолеть идеологические разногласия, росли их недоверие и

предубеждение друг против друга, взаимные опасения, претензии и обиды.

В итоге прочный военно-политический союз между Добровольческой армией и Донским казачьим войском зимой 1917—1918 гг. оказался невозможен. Эти две силы не сумели объединиться даже перед лицом общего врага, враждебность к большевизму не стала прочной основой их союза. Этот неудачный и трагический опыт показывает, сколь глубоким был революционный раскол российского общества, столь всеобщим — развал российской государственности, сколь неодолимым — разрушительный напор новой русской смуты.

Библиография

¹ Дроздовский М. Г. Дневник. Берлин, 1923. С. 18—19, 169—173; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. Париж, 1921. С. 89, 97—98; Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000. С. 481, 486, 515—516, 518, 524—533.

² Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 610—611.

³ Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд, 1917—1919. Монреаль, 1981. С. 20; Савинков Б. В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 16; Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. Мюнхен, 1962. С. 25, 27, 32.

⁴ Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 20; Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 142—144.

⁵ Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 620.

⁶ Там же. С. 621.

⁷ Там же. С. 622—624

⁸ Там же. С. 624.

⁹ Там же.

¹⁰ Поляков И. А. Указ. соч. С. 67; Скобцов Д. Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Т. 1. Париж, 1962. С. 30, 53, 54, 59.

¹¹ Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 625—627.

¹² Шульгин В. В. 1917—1919 // Лица: Биографический альманах. Вып. 5. М.; СПб., 1994. С. 180.

-
- ¹³ *Алексеева-Борель В.* Указ. соч. С. 625; *Трубецкой Г. Н.* Указ. соч. С. 21.
- ¹⁴ *Алексеева-Борель В.* Указ. соч. С. 625.
- ¹⁵ *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 156, 159; *Поляков И. А.* Указ. соч. С. 106.
- ¹⁶ *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 159; *Поляков И. А.* Указ. соч. С. 106—107.
- ¹⁷ *Поляков И. А.* Указ. соч. С. 106.
- ¹⁸ *Алексеева-Борель В.* Указ. соч. С. 647—648; *Скобцов Д. Е.* Указ. соч. С. 66—67.
- ¹⁹ *Филимонов А. П.* Кубанцы (1917—1918 гг.) // Белое дело. Кн. II. Берлин, 1927. С. 70, 80—81.
- ²⁰ *Суворин Б.* За Родиной: Героическая эпоха Добровольческой армии 1917—1918 гг. Париж, 1922. С. 17—18.
- ²¹ *Скобцов Д. Е.* Указ. соч. С. 60; *Елисеев Ф. И.* С Корниловским конным. М., 2003. С. 156, 164.
- ²² *Трубецкой Г. Н.* Указ. соч. С. 25, 27—28.
- ²³ *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 147—150, 160—161.
- ²⁴ *Хаджиев Х.* Великий бояр. Белград, 1929. С. 257.
- ²⁵ *Трубецкой Г. Н.* Указ. соч. С. 21; *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 188—189; *Лукомский А. С.* Воспоминания. Т. I. Берлин, 1922. С. 280—281.
- ²⁶ *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 173.
- ²⁷ *Соколов К. Н.* Правление генерала Деникина. София, 1921. С. 8—9.
- ²⁸ *Богаевский А. П.* 1918 год: «Ледяной поход». Нью-Йорк, 1963. С. 39.
- ²⁹ *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 216; *Трубецкой Г. Н.* Указ. соч. С. 37; *Хаджиев Х.* Указ. соч. С. 259.
- ³⁰ *Филимонов А. П.* Указ. соч. С. 75.
- ³¹ *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 269.
- ³² *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 268—270; *Лукомский А. С.* Воспоминания. Т. I. С. 293.
- ³³ *Богаевский А. П.* Указ. соч. С. 59; *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 259; *Лукомский А. С.* Воспоминания. Т. II. Берлин, 1922. С. 10.
- ³⁴ *Богаевский А. П.* Указ. соч. С. 59, 61; *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 230—232; *Лукомский А. С.* Воспоминания. Т. II. С. 9—13.
- ³⁵ *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 233; *Богаевский А. П.* Указ. соч. С. 64—65.

Деревня Семнадцатого года: сотворение периферии

Архитектура взаимоотношений крестьянства и власти в России — один из наиболее драматических сюжетов отечественной истории — по сей день остается темой для исторических разысканий трудной: явная нехватка прямых источников, высокая степень местной специфики и слабая укорененность социально-бытовых сюжетов в этацентристском дискурсе русской истории могут в какой-то степени служить извинением для сообщества историков; проблема, однако, заключается в том, что без внятной росписи характера национальной связки «община— государство» прояснение и непротиворечивое истолкование ключевых сюжетов российского исторического маршрута оказывается невозможным. Дело осложняется особенностями генезиса отечественной историографии, обернувшимися абсолютизацией своего рода дедуктивного подхода к социальной фактуре: *«на чем старшие порешат, на том и пригороды станут»*. В рамках такой дискурсивной формации, можно прослушать ритм работы государственного механизма, вскрыть логику российских реформ или объяснить административные новеллы военных лет. Хрестоматийными примерами эффективности данного подхода являются сюжеты о работе екатерининской Уложенной комиссии или о подготовке аграрной реформы в середине позапрошлого века: в обоих случаях искреннее желание государей опереться на устремления общества вызывало организационный коллапс, и лишь прямое вмешательство государства в инновационный процесс позволяло решительно продвинуться в практическом направлении. Соответственно, попытка истолковать деятельность собрания российских сословных представителей в XVIII в. или губернских комитетов в XIX в. как способы проявления гражданской активности ведет к выводу о весьма невысоком уровне умственного

развития лучших представителей российского общества; напротив — трактуемая в качестве реакции социума на веления государства она выглядит вполне здоровой и разумной.

Пожалуй, единственная проблема с использованием дедуктивного метода в отечественной истории связана с тем, что поднимающиеся из «низов» интеракции с его помощью «не берутся», оставаясь вне исследовательского поля. Принимая во внимание весьма умеренную политическую активность населения нашей страны, это затруднение можно игнорировать, однако некоторые события в прошлом Отечества, все же требуют для истолкования методов, так сказать, индуктивных. Не случайно русская смута XVII в. являлась для русских историков наиболее сложным сюжетом, а непротиворечивое разъяснение ее внутренней логики предполагало некоторую методологическую раскованность. Логично предположить, что и осмысление Второй русской смуты — с легкой руки В. П. Булдакова поименованной «Красной» — требовало мобилизации методологических практик, выходящих за пределы традиционной номенклатуры приемов отечественной историографии. История, однако, не дала представителям русской исторической науки шанса описать события Семнадцатого года, а для обществоведения советского извода методологический плюрализм был немислим. Впрочем, представители цеха советских прорицателей о прошлом нашли два способа обойти это затруднение. Первый — предполагал подстраивание событий прошлого под тяжелый ритм законов исторического развития¹, второй — интерпретацию социально-политических трендов, воплощенных в стихийных массовых движениях, как реакции социального тела на интеракцию власти или политической группы². Решение для страны с минимально эффективной экспрессивной функцией права весьма смелое, однако же, в дискурсе советского истмата, приемлемое. Но вот присутствие — в силу ряда причин — этого инструментального комплекса в арсенале современной

историографии обуславливает сохранение угрозы со стороны прошлого, что, в свою очередь, препятствует объективному анализу исторического наследия.

В этом смысле, аграрный вопрос для отечественного исторического сообщества остается одним из неудобных сюжетов, несмотря даже на окончательное его разрешение, обусловленное исчезновением крестьянства как социальной группы. Стойкое неприятие крестьянством «освободительных» проектов уже к концу XIX в. заставило интеллигентов обратиться к изучению социального тела российской деревни. Тогда же аграрный вопрос приобрел и свою дурную репутацию, поскольку лукаво вопрошая «Великого немого», присяжные модернизаторы и боявшаяся опоздать на экспресс прогресса интеллигенция получали в ответ ровно то, что просилось, вместо того, чего хотелось. Выступать в роли агентов развернутого государством со второй половины XIX в. наступления на зону периферии, в которой закрепились крестьяне-общинники, и объективно оценивать характер, навязываемых социуму новелл — просто невыносимо. Кроме того, этика модерна не приемлет консенсуса в диалоге «старого» и «нового», априори отдавая предпочтение новациям, полагая идиотизм деревенской жизни досадной помехой на пути к рациональному счастью. Здесь, собственно говоря, и следует искать источник назойливого стремления прогрессивной части общества патронировать сельскую периферию, отмахиваясь, по сути дела, от наблюдения за ее жизненными проявлениями.

Объектом собственно научного анализа крестьяне сделали лишь столетия спустя, оказавшись включенными в дискурс т. н. организационно-производственного направления, в отечественной традиции персонифицированного А. В. Чаевым. Но, в условиях утверждения методологического монизма, это научное направление не получило развития, а его представители были ликвидированы. Потребовалось еще полвека для того, чтобы чаяновские идеи, ретранслированные представителями евроатлантической науки, обратили на себя

внимание российских гуманитариев. В обстановке методологического ажиотажа начала 90-х гг. стартовали крестьяноведческие исследования. Под руководством Т. Шанина сложилась активно взявшаяся за дело группа для работы над проектом «Изучение социальной структуры российского села». Крестьяноведческие методики были презентованы в ходе семинара «Современные концепции аграрного развития», руководителем которого стал В. П. Данилов. Материалы семинара, опубликованные в журнале «Отечественная история» в 1992—1998 гг. и изданная в 1992 г. хрестоматия крестьяноведения «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире», стали достоянием широкой научной общественности, заподозрившей в новом подходе ключ для открытия ларчика с ответом на крестьянский вопрос.

Вскоре, правда, оказалось, что этим ключиком открывался Ящик Пандоры, из которого вырвались темы и проблемы, оказавшиеся непереносимыми для российского исследовательского этоса, сохранявшего родовую мету этацентризма как единственно возможного способа возделывания исторического поля. Уже в 1993 г. обнаружилось принципиальное расхождение между крестьяноведением и отечественным историческим обществоведением. Камнем преткновения оказалась сакральная нумерология аграрного вопроса. Очевидное для профессионалов «советской выделки» ограничение дискуссионного поля вопросом о процентном соотношении беднейшего крестьянства в предреволюционной деревне, за которым угадывались «сталинская» — в смысле консервативная, — или, напротив, «постсталинская» квазилиберальная — позиции, оказалось неприемлемым для представителя либеральной евроатлантической науки, отказавшегося продолжать бессмысленную с точки зрения социоантропологического подхода дискуссию. По мнению Шанина, наличие 65% бедняков в деревне являлось «злой шуткой над логикой современных исследований», однако же, и четверть бедняков — непосильная ноша для общины³,

с ее ограниченными ресурсами. В результате крестьяноведы, ведомые Шаниным и Даниловым, сделав упор на изучение современной российской деревни, постепенно оставили собственно историческую площадку. В то же время историческое сообщество, разочарованное в своих ожиданиях, «преодолеvalo» крестьяноведческий вызов. К концу 90-х гг. крестьяноведение и аграрная история оказались вполне автономными, сосредоточившись на собственных проблемах. Проблема, как кажется, заключается в том, что крестьяноведческие подходы практически не применимы к современной российской деревне, обходящейся, как минимум последние полвека, вообще без крестьян. С другой стороны, аграрная история без освоения чаяновско-скоттовских подходов не может продвинуться в решении своей профессиональной задачи — вскрытия причинно-следственных связей в прошлом — поскольку методов позитивной науки для исследования аграрной истории оказывается недостаточно. Затруднение это отнюдь не относится к числу национальных болезней российской науки, проблема в том, что российское историческое сообщество *par excellence* либо не замечает, либо не желает замечать инструментария, потребного для продвижения в сфере аграрной истории.

Русская смута, коллизиями которой был отмечен распад имперской государственности России, примечательна в первую очередь крестьянскими бунтами, в сравнении с которыми «пугачевщина» казалась едва ли не невинным развлечением. По-другому и быть не могло — крестьяне в начале XX в. составляли не менее 80% населения страны⁴; в историософском смысле именно их выбор должен был определить дальнейшую судьбу России. Современные исследования крестьянства дают основание полагать, что оно было не приспособлено для бытования в рамках индустриального общества, формирование анклавов которого в недрах российского социума оказалось инициировано вестернизированными носителями русской государственности (вотчинной по природе), хотя бы и

против их желания. К началу XX в. модернизация обусловила уже такую деформацию структуры российского общества, что патриархальное крестьянство оказалось вытеснено на периферию социума. Проблема заключалась в том, что крестьянская масса по-прежнему оставалась основным источником налогов, экспортной продукции и производителем продовольствия. Других источников дохода у правительства не было. Впервые взглянув на крестьян «как на рабов» еще в середине XVIII в. (С. Ф. Платонов), российское государство не прекращало затем наступления на их личные и имущественные права. Такой подход, хотя и не соответствовал ни фактическому положению крестьян, ни той заинтересованности, какую само правительство обнаруживало в ресурсах, доставляемых сельскими обществами, позволял, тем не менее, в житейской — а главное, в административной — практике экстраполировать на крестьянство признаки холопьяго состояния. Впрочем, до тех пор, пока архитектура социального пространства являлась продуктом структур повседневности, а население удовлетворяло государственные нужды, правительство избегало вмешательства в дела сельских общин.

Но уже во второй половине XIX в. государство обрело ресурсы для реализации такого проекта управления, которое Дж. Скотт образно определил как «Последнее великое огораживание»⁵. Заполучив новые технические средства для достижения гарантий того, что хозяйственная деятельность общины может быть обложена налогами, статистически учтена⁶, коронная бюрократия в первом десятилетии прошлого века предпринимает попытку таким образом законодательно отрегулировать мелкое аграрное производство, чтобы обеспечить конфискацию большего объема крестьянского продукта.

В результате вскрылась асимметрия в конструкции российской моральной экономики — существенное расхождение между действительным социально-правовым положением крестьян и их представлениями о том, как это должно выглядеть «по справедливости». Многовековая

практика выживания породила сложную систему технологических и социальных практик, обеспечивавших наиболее комфортные условия жизни членов крестьянских сообществ. Они несколько различались в зависимости от климатических и природных характеристик, медленно трансформировались с течением времени, но общая их цель оставалась неизменной: обеспечение физиологического существования как можно большего числа членов крестьянского мира и воспроизводство его структуры. Данный стиль жизни (Скотт назвал его «этикой выживания») способствовал выработке у членов крестьянских обществ соответствующего мировидения и оригинальных представлений о том каким образом должны строиться отношения крестьян с внешним по отношению к общине миром, то есть как раз то, что в современном крестьяноведении называется «моральной экономикой» крестьянства.

После «Великих реформ» второй половины XIX в. деревенская структура испытывала разной степени интенсивности натиск со стороны государства и поддерживаемого им индустриального производства, однако ленинская оценка уровня капиталистической модернизации⁷ оказалась явно завышенной. Традиционные «структуры материальной жизни» (Ф. Бродель) в начале XX в. продолжали доминировать в большинстве российских губерний. Наименьшее воздействие модернизаторские усилия правительства оказали на российскую глубинку и в частности Поволжье — регион, в котором проживало около 6% населения империи⁸.

Район Среднего Поволжья с характерной для него активной деятельностью общинных миров оказался своего рода моделью общероссийских коллизий. Оставаясь полиэтничным и поликонфессиональным, он испытывал воздействие общих для страны процессов. Волга и прилегающие районы были включены в состав Московского царства в XVI в. и колонизированы в течении второй половины XVI — начала XVII вв. Наличие свободных

пространств и лучшие, в сравнении с подмосковными, климатические условия и качество почвы позволили распространить на Поволжье сложившиеся хозяйственные приемы русского крестьянства и даже повысить их эффективность хозяйствования. Однако Иван IV не был в особом восторге от своих восточных приобретений, боярыни интересовали прежде всего как трамплин для экспансии в Сибирь⁹, а со времен Петра I этот регион вообще стал рассматриваться как дальняя провинция. Местное население как автохтонное¹⁰, так и пришлое оказалось фактически предоставлено само себе, что способствовало укреплению традиций этики выживания и моральной экономики, сохранявшими свою актуальность и в начале XX в. Сельское население Поволжья составляло более 80%¹¹ жителей края. Товарность сельскохозяйственного производства в регионе была сравнительно невелика, некоторый избыток продовольствия поступал, в основном, на внутренний рынок¹².

Большая часть земель принадлежала поземельным общинам, члены которых вели традиционное хозяйство, более или менее регулярно производя переделы и арендуя земли частных владельцев в основном для собственного прокормления.¹³ Судя по всему, большая часть крестьян вполне довольствовалась своим положением, во всяком случае ни в годы Первой русской революции, ни в период столыпинской аграрной реформы они не доставляли особых хлопот властям. Вместе с тем, крестьянство губернии без особого энтузиазма встречало усилия правительства по насаждению мелкого частного землевладения в 1906—1915 гг., предпочитая оставаться в лоне собственного «мира».

Этот разрыв между мужицким чувством и государственным интересом составил основное содержание знаменитого «крестьянского вопроса», в том формате, в каком его пытались решать последующие пятьдесят лет. Проблема, однако, состояла в том, что «праведное крестьянское возмущение по поводу поправных прав»

(Скотт) на поле политики было конвертировано в материальные претензии, основное содержание которых было выражено короленковским «Земли! Земли!», хотя стилистика примиряющей мысли самого Владимира Галактионовича оказалась не по вкусу всем, кто на разных концах политического пространства этот афоризм эксплуатировал. Традиционные формы деревенского бытования предполагали использование не только определенных технологических приемов, но и веками наработанных практик общения как внутри общины, так и с социальными субъектами вне ее. В структуре моральной экономики не последнее место занимала система тревожных сигналов, призванных донести до начальства информацию о том, что в результате деятельности их представителей попираются исконные права общинников. Речь о крестьянских «беспорядках». Кроме того, крестьяне практиковали мелкие незаконные акты (такие как порубки и покосы на лесных полянах), полагая при этом, что владельцы угодий должны им попустительствовать. Исследователи квалифицируют эти социальные стратегии крестьянства как оборонительные¹⁴. В общем смысле это соответствует действительности, хотя возмущение по поводу «попранных прав» часто проявлялось у крестьян в агрессивной форме (пьяный дебош, потрава, поджог и т. п.). В любом случае эти действия не носили антисистемного характера, более того, в рамках моральной экономики они играли роль приглашения к диалогу. На протяжении тысячелетий агродеспотии, чтобы урезонить общинников прибегали к аргументам из военно-полицейского арсенала, однако их применение, как правило, носило демонстрационный характер.

Репрессивность/«опальчивость» властей входила в общие «условия игры» в пределах все той же моральной экономики. Чтобы уговорить общинников, государство всегда держало в запасе и набор уступок. Таковы традиционные «правила» диалога патримониального государства и крестьян-общинников., где «дискуссионное

поле» ограничивалось, с одной стороны, частоколом штыков, с другой — заревом горящих усадеб.

Отличительная особенность крестьянских выступлений эпохи Второй русской смуты и в особенности акций 1917 г. заключается в их массовости¹⁵, агрессивности и непривычном упорстве, с которым крестьяне сопротивлялись органам внутренних дел (милиции) и даже воинским командам¹⁶. Брутальность пейзажа тем более удивительна, что никаких привычных оснований для бунтарства у крестьян-общинников Поволжья после Февральской революции вроде бы не было. Во всяком случае, популярный в советской и советологической историографии тезис об обнищании российской деревни в годы Великой войны документально не подтверждается, даже земельный вопрос разрешился сам собой. В годы войны в крестьянских хозяйствах Поволжья повсеместно накапливались запасы продовольствия и даже повысились нормы массового потребления¹⁷. Чем же был обусловлен всплеск беспорядков? Что же случилось с крестьянами-общинникам? Куда подевались их оборонительные стратегии? Наконец, почему они вообще выступили именно в 1917 г.? По итогам наблюдения за коллизиями общинной революции сам Короленко счел этот лозунг одной из двух «неправд», чья борьба, обретя в годы Второй русской смуты «грандиозно-дикий размах», исключила для России, — во всяком случае, на время — возможность воплощения мечты о примирении непримиримого, в которую он обреченно-оптимистически верил.

Вторую «неправду» воплощало государство, что, не разбирая «добрых» и «злых», не желало (а может и не могло) видеть за «общественной категорией» живых людей. К тому же Временное правительство, уничтожив корпус жандармов, департамент полиции и институты полицейского сыска, фактически расправилось с привычным аппаратом имперского управления как таковым¹⁸. Лишившись жандармско-полицейского остова государственности, оно в итоге оказалось не способно объединить людские усилия для

решения национальных проблем. Кроме того, полицейский аппарат (и прежде всего — политическая полиция) империи был едва ли не единственным государственным органом, проникавшим на низший, волостной уровень управления. Утратив это «государево око», правительство как бы враз ослепло, лишившись возможности получать и анализировать информацию о жизни большинства населения страны. В данной ситуации лишались всякого значения политические ориентации или партийные программы правящих элит: в условиях возникшей информационной блокады ни одно правительство не смогло бы контролировать положение дел.

Дезертиры, розыском которых занимались жандармские управления, оказались предоставлены сами себе. К легу численность мужского населения в Поволжье увеличилась почти на одну пятаю. Этот демографический взрыв случился за счет солдат, которые или сбежали из своих частей, или не пожелали возвратиться из отпусков¹⁹. Именно дезертиры и отпускники выступили зачинщиками первых крестьянских беспорядков²⁰. Акции эти носили аффективно-спонтанный характер. Крестьяне стали подключаться к акциям бывших солдат по мере развала структур управления, когда дезертиры как бы легализовались, и смогли вновь включиться в структуры крестьянских общин. Причина происходящего крылась в том, что, поскольку незаконные акты оставались государством без последствий, они, в соответствии с принципами моральной экономики, считались как бы санкционированными властью. Поскольку в крестьянской среде было широко распространено убеждение, что максимы моральной экономики серьезно искажены землевладельцами и чиновниками, постольку крестьяне воспринимали все происходившее именно как санкционированную (наконец-то) Властью акцию.

Временное правительство допустило и еще один стратегический просчет, передав — хотя бы и временно — прерогативы государственной власти на местах наспех сформированным комитетам из местных жителей. В

результате реальная власть на сельском и волостном уровнях оказалась у общинных институтов самоуправления, которые прежде рассматривались исключительно как инструмент сбора налогов, поставки новобранцев и поимки преступников. В итоге крестьянское недовольство, возникшее вследствие государственной экспансии в сферу аграрного производства, оказалось не только выпущено наружу, но и как бы легитимировано. Сделавшись властью, органы общинного самоуправления (а именно их члены оказались во всевозможных комитетах сельского и волостного уровней) постарались как можно скорее восстановить свои так долго попираемые права²¹. К осени 1917 г. в районах Средней Волги и в Приуралье казалось безраздельно принадлежала КОБам, земельным и т. п. комитетам волостного уровня, в которых доминировали лидеры крестьянских обществ. «Черный передел», таким образом, осуществлялся не вопреки, а по воле органов власти. Учитывая это обстоятельство, впору удивиться не тому, что мужички разгромили внеобщинные хозяйственные формы, а тому, что делали это не спеша²². Причина — избыток земли, инерция моральной экономики²³. Власть КОБов продержалась, однако, недолго — последняя иллюзия «правильного» государственного устройства была разрушена в результате попытки Временного правительства настоять на реализации так называемой хлебной монополии (централизованных заготовок продовольствия), объявленной еще в марте. Весной и летом проведение заготовок в деревнях, по причине отсутствия заготовительного аппарата и, главное, желания крестьян сдавать хлеб по «твердым ценам», оказалось невозможным. Поэтому основной объем заготовленного продовольствия был получен в частновладельческих и хуторских хозяйствах. Последние к осени лишились практически и земли, и хлеба. Правительство же, вместо того чтобы организовать вывоз скопившихся на станциях запасов продуктов, приняло решение использовать вооруженные силы для принудительной заготовки продовольствия.

Отправка в деревню воинских команд, которым низовые органы власти должны были оказывать содействие, ввергла институт волостных комитетов в состояние глубокого кризиса. Часть из них, не решившаяся выступить против государства, была либо распущена сельскими сходами, либо разгромлена крестьянскими толпами в период с сентября по ноябрь 1917 г. Акты насилия повсеместно сопровождали этот процесс.

Другие волостные комитеты сами возглавили крестьянское противодействие воинским командам и представителям власти. Так председатель Марасинского волостного КОБа Мохов лично агитировал против хлебной монополии²⁴, комиссары Мало-Корочкинской и Акрамовской волостей Казанской губернии лично возглавили сопротивление воинским командам²⁵. За противодействие проведению в жизнь хлебной монополии члены мятежных управ и комитетов лишались своих постов, иногда их даже удавалось судить²⁶. Но оказавшись перед выбором между «городской» властью и односельчанами, руководители комитетов все чаще принимали сторону последних. К тому же новые комитеты и управы взамен уничтоженных просто не успевали создавать. В дальнейшем им на смену либо приходили Советы, либо их полномочия принимали на себя общинные структуры, которые, кстати сказать, зачастую сохраняли названия комитетов²⁷.

Совершенно очевидно, что новые формы взаимодействия с властью не удовлетворили крестьян. Использование традиционных социальных стратегий общинным крестьянством обернулось при Временном правительстве, пытавшемся применять либеральные практики управления, беспорядками всероссийского масштаба. Лишь осенью правительство (заметим, социалистическое) сообразило, что по собственной инициативе крестьяне хлеба не отдадут, а органы народной власти не склонны идентифицировать себя с питерскими бюрократами²⁸. Но к тому времени беспорядки приобрели уже такие масштабы, что армейских команд попросту не

хватало, милиция оказалась неэффективной (хотя милиционеров в сравнении с полицией было больше), вероятно потому, что до 80% милиционеров еще вчера были крестьянами²⁹. Жандармов же и конных стражников, которые обычно «успокаивали» крестьян, уже не было³⁰. Органы демократической власти безнадежно теряли доверие населения и лишь немногие из них дотянули до весны следующего года³¹.

Смена правительств в октябре 1917 г. практически не отразилась на динамике событий. Захватившие власть Советы (Например, Казанский Совет крестьянских депутатов с 17 декабря 1917 г. взял на себя ответственность за скупку, ссыпку и распределение хлебов)³² также занялись «выколачиванием» продовольствия из деревни. Результаты были примерно теми же, что и у предшественников. В целом депутаты Советов в отношении хлеба, укрытого в деревнях, были настроены более решительно, чем прежняя власть. У новых правителей появились оригинальные идеи: «...закрыть управы и ждать когда крестьяне сами власти захотят», ввести разверстку, которая «заставит бедных крестьян отобрать хлеб у кулаков»³³ и т. п. Однако же сил для этого у них в 1917 г. не хватало.

То обстоятельство, что общинная революция Семнадцатого года развивалась согласно собственной логике, постепенно, но довольно энергично — весь «черный передел» уложился практически в полгода — вытесняя все большее количество населения за пределы сферы компетенции государства, исключает ее понимание как процесса, инициированного государством. Вместе с тем, масштаб этой внеполитической, по своей природе, деятельности не позволяет оценить ее как автономный социальный кейс: аграрный саботаж, ставший наиболее эффективным оружием крестьянства в ходе его хозяйственно-политической эмансипации — составлявшей содержание общинной революции — выводил общину, хотя бы и против ее желания, на поле политического, где она

вынуждена была реагировать на вызовы сил, претендовавших на статус политических акторов.

Проще говоря, участники brutальной схватки над телом бывшей империи объективно нуждались в мобилизации деревенских ресурсов, право на которые крестьяне, после декрета «О земле», с полным основанием считали своей прерогативой. В результате сформировался конфликт интересов, в котором крестьянство оказалось вынуждено отстаивать плоды общинной революции, новые власти — каждая на собственной территории, в меру своей компетенции и соразмерно потребностям — приступили к покорению страны крестьянской утопии. Прав, значит, оказался делегат крестьянского съезда 1906 г. (чьи слова вспомнил Короленко в своем знаменитом очерке), пророчествовавший, что: «За землю придется непременно заплатить, если не деньгами, то кровью».

Поскольку ни одна политическая сила в постимперской России не располагала, с точки зрения крестьянства, достаточным авторитетом для использования морально-экономических приемов экспроприации, постольку речь могла идти только об экспроприации насильственной. В конце второго десятилетия прошлого века это достаточно ясно понимали все участники политического процесса. Выяснение того, каким путем «большевики ухитрились удержать влияние на массы русского народа» (Ф. Нитти)³⁴, — по сей день может оставаться предметом дискуссии, если не принять во внимание большую последовательность адептов мировой революции в проведении оккупационных мероприятий в отношении покоренного народа собственной страны³⁵.

Ключевой сюжет Красной смуты — общинная революция — фактически подвела черту под историей Российской империи, открыв новую эру в отношениях между властью и крестьянством, время, когда власть боялась крестьянства, обретаясь исключительно его «попустительством» (С. Ф. Платонов). Ставить знак равенства между достопыпинской деревней и той же

деревней после гражданской войны и пытаться делать вид, будто бы в промежутке «ничего между ними не было» (В. П. Катаев) — опасная иллюзия. В этом смысле, можно сказать, что безотносительно моральных максим и объективных потребностей само существование идеократического режима в нашей стране могло быть санкционировано лишь реконкистой «страны крестьянской утопии» (А. В. Чаянов).

Библиография и примечания

¹ В итоге Октябрьский переворот Семнадцатого года, например, предстал в качестве закономерного явления, что — попутно — освобождало любознательных исследователей от необходимости углубляться в детали партийных политтехнологий этого времени.

² В результате появилась возможность настаивать на ведущей роли большевиков в революции 1905 г., например, или, скажем, определить конец 1917 г. как период «триумфального шествия советской власти».

³ См.: Отечественная история. 1993. № 6. С. 105.

⁴ В данном случае речь идет не о крестьянах только по социальному происхождению (их фактически было еще больше), а о тех мелких сельскохозяйственных производителях, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работали — прямо или косвенно — на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к носителям политической и экономической власти (определение предложено Т. Шаниным).

⁵ Возможно, все дело в не совсем удачном переводе (не располагая оригиналом текста автор не может судить об этом), однако — хотя бы и с позиции романтизированной философии истории — суть процесса определена верно: распространение зоны государственного контроля на области периферии. См.: *Скотт Дж. С.* Как сбежать от государства // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6. М., 2011. С. 9—23.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ В. И. Ленин необоснованно объединял под вывеской «развитие капитализма в России» прогресс в области кредитно-процентных отношений и расширение географии рыночного обмена. Ф. Бродель убедительно показал различия в природе этих явлений. В России процессы капитализации и развития национального рынка оставались относительно автономными.

⁸ На 1 января 1914 г. в Поволжье проживало 15 232,4 тыс. чел.

⁹ Ресурсы Сибири: меха, зверь, самоцветы и т. п. представляли собой традиционные фетиши достатка населения Империи.

¹⁰ Территория Поволжья неоднократно подвергалась колонизации, поэтому говорить об автохтонном населении можно лишь условно, имея в виду ту его часть, которую застали русские колонисты.

¹¹ В советской историографии утвердилась цифра 82% населения, занятого в сельском хозяйстве (См.: *Кибардин М. А.* Большевики Казанской губернии во главе аграрных преобразований 1917—1919 годов. Казань, 1963. С. 19; *Гарафутдинов Р. А., Румянцев Е. Д.* Долой войну, долой самодержавье! Саратов, 1990. С. 43; и др.)

¹² См.: *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 95—100.

¹³ Татарам и прочим инородцам в этом смысле приходилось тяжелее чем русским, поскольку они никогда не были крепостными и, следовательно, «своих» помещиков, по привычке сдававших землю за невысокую арендную плату у них не было.

¹⁴ См.: *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире.* М., 1992.

¹⁵ Известный казанский исследователь И. М. Ионенко в своей кандидатской диссертации «Революционная борьба крестьянства Среднего Поволжья в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (по материалам Казанской губернии)» называет цифру: более 800 крестьянских выступлений. В ходе фронтального анализа фондов местных архивов обнаружено описание около трехсот крестьянских беспорядков, в которых приняло участие не менее 26 000 человек только в Казанской губернии за период с марта по октябрь 1917 г. Отнюдь не все беспорядки оказались включены тогда в общую статистику, тем более описаны. С другой стороны, в советское

время в числе актов «крестьянской борьбы» фигурировали чисто уголовные преступления. Учитывая все это правильнее было бы говорить не менее чем о 700 выступлений в данный период в губернии.

¹⁶ Из проанализированных крестьянских выступлений около четверти имели в качестве объектов нападения различные государственные институты, не менее дюжины связаны с оказанием сопротивления воинским командам, направленным для заготовки продовольствия.

¹⁷ *Кондратьев Н. Д.* Указ. соч. С. 132.

¹⁸ В. И. Ленин, сделав в «Развитии капитализма в России» вывод о формировании прочных рыночных связей между российскими регионами, вероятно всерьез считал, что дело обстоит именно так, однако быстрый развал империи конце 1917—1918 гг. показал, что регионы России не только могут, но и стремятся жить самостоятельно. Что же касается рыночной инфраструктуры в аграрном секторе национального хозяйства, то она лежала в руинах уже к концу 1916 г. (См.: *Кондратьев Н. Д.* Указ. соч. С. 143—144)

¹⁹ Разумеется, это была не единственная категория деревенских смутьянов. Сыграли свою роль и всевозможные агитаторы, приезжавшие в деревню помитинговать.

²⁰ НА РГ Ф. Р-98. Оп. 1 Д. 1 Л. 184; Там же. Д. 2. Л. 5, 59; Там же. Ф. 1 246. Оп. 1. Д. 23. Л. 76, 78, 101, 115, 128, 150, 156; Там же. Д. 34. Л. 14—16 и др.

²¹ См.: напр.: НА РГ. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 11. Л. 73, 77—79, 83—87, 96-97; Там же. Ф. 983. Оп. 1. Д. 23. Л. 217; Там же. Д. 36. Л. 16—18 и др.

²² Например, помещица Казанского уезда Кошачковской волости Л. П. Якоби еще и в июне 1917 г. жаловалась на «озорничество» своих и окрестных крестьян, следовательно не все частные владения были разгромлены к этому времени. См.: НА РГ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34. Л. 230—231.

²³ Например, в Казанском уезде до 24 июля поместья даже не облагались мирскими податями мирскими податями: См.: НА РГ Ф. 1246. Оп. 1. Д. 181. Л. 131.

²⁴ Там же. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 180. Л. 339—341.

²⁵ Там же. Д. 181. Л. 212—215.

²⁶ Так в сентябре 1917 г. были арестованы председатель Спасского уездного продовольственного комитета Гордеев и председатель Марасинского волостного КОБа Мохов (См.: НА РТ Ф. 1246. Оп. 1. Д. 180. Л. 386).

²⁷ Утрата части документов не позволяет представить полную картину по губернии, однако имеются все основания предполагать, что и в других уездах проходили сходные процессы

²⁸ Практически во всех случаях поволжские крестьяне в течение всего 1917 г. демонстрировали приверженность традиционным сценариям поведения, но новые власти не были склонны вести диалог на понятном общинникам языке.

²⁹ НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 21. Л. 22—26.

³⁰ Там же. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 111. Л. 1, 33. Там же. Д. 180. Л. 435 и др.

³¹ Там же Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 43. Л. 30 Об.

³² Там же. Ф. 983. Оп. 1. Д. 31. Л. 61.

³³ Там же. Ф. Р- 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

³⁴ Книга бывшего премьер-министра Италии «Европа без мира», переведенная на русский язык и выпущенная в издательстве «Петроград» в 1923 г., широко использовалась в русскоязычной аналитике как советского, так и антисоветского направления.

³⁵ В качестве иллюстрации позволю себе воспроизвести помещенный в 1994 г. в сборнике документов о Тамбовском восстании Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о порядке чистки в "бандитски настроенных" волостях и селах от 23.06.1921:

Опыт первого боеучастка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу чистки. Намечаются наиболее бандитски настроенные волости, и туда выезжают представители уполиткомиссии, особотделения, отделения РВТ и командования, вместе с частями, назначенными для проведения чистки. По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60—100 наиболее видных заложников и вводится осадное положение. Выезд и въезд из волости должны быть на время операции запрещены. После этого созывается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы Полком ВЦИК № 130 и 171' и написанный приговор для этой вол[ости]. Жителям дается два часа срока на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения взятые заложники через два часа будут

расстреляны. Если население бандитов и оружие не указало по истечении 2-часового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желаящие это исполнить становятся отдельно, разбиваются на сотни, и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию [из] представителей особотдела РВТ. Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства производятся новые расстрелы и т. д. По разработке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения, и других местных жителей, [которые] направляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревокм и насаждается милиция.

Настоящее Полнком ВЦИК приказывает принять к неуклонному руководству и исполнению.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко

Командующий войсками М. Тухачевский

Предгубисполкома Лавров.

РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 25. «Заверенная копия» (См.: Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. [Электронный ресурс]: Документы и материалы / Ред. колл.: В. Данилов, Т. Шанин, Л. Протасов и др. Тамбов, 1994: <<http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/raz210.htm>>).

**Бессмысленность и смысл Русской революции:
Февраль и Октябрь в истории России**

Ответ на вопрос о смысле Русской революции зависит от решения проблемы бессмысленности и смысла человеческой истории вообще. Одной из важнейших потребностей всякого нормального человека является осмысление своего жизненного пути, придание рационально-ценностного единства оставшемуся вчера и полагаемому завтра, которое дает надежду сегодня — и превращает внешне бессмысленное, хаотическое нагромождение событий и обстоятельств в *историю*, имеющую *смысл*. Так же и для целого народа (нации, цивилизации... — любого исторически конкретного общества) экзистенциально необходимой потребностью, корневым условием бытия является конституирование смысла своей истории, связующего прошлое, настоящее и будущее в единый, надвременной (причастный вечности) путь.

Однако во времена, пока все относительно неплохо, и человеку, и обществу недосуг всерьез задуматься о смысле собственной истории, о том, что именно сообщает ей характер целенаправленного движения и какова эта цель. Напротив, в смутные времена, в критические периоды войн и революций, потрясений и потерь, когда жизненно важные ценности оказываются под угрозой необратимого уничтожения, наиболее остро встает вопрос о смысле и бессмысленности, разумности и иррациональности, космосе и хаосе, логике и безумии истории.

То, что безумием могут быть охвачены широкие массы и даже все общество, известно давно. «Изучая историю различных народов, мы приходим к выводу, что у них, как и у отдельных людей, есть свои прихоти и странности, периоды возбуждения и безрассудства, когда они не заботятся о последствиях своих поступков. Мы

обнаруживаем, что целые социальные группы внезапно останавливают свои взоры на какой-то одной цели, преследуя которую, сходят с ума; что миллионы людей одновременно попадают на удочку одной и той же иллюзии и гонятся за ней, пока их внимание не привлечет какая-нибудь новая глупость, более заманчивая, чем первая. Мы видим, как одну нацию, от высшего до низшего сословия, внезапно охватывает неистовое желание военной славы, а другая, столь же внезапно, сходит с ума на религиозной почве, и ни та, ни другая не могут прийти в себя, пока не прольются реки крови и не будут посеяны семена из стонов и слез, плоды которых придется пожинать потомкам»¹, — записал в 1841 г. автор ставшей знаменитой книги о массовых безумствах Ч. Маккей. Однако если в XIX в. большинство историков все же предпочитали более оптимистичное видение истории, то XX в. безжалостно скомпрометировал веру в непрерывный прогресс и рациональную логику исторического процесса.

Ф. Фукуяма в своем нашумевшем «Конце истории» приводит любопытное и поучительное сравнение кардинально трансформировавшихся (от века XIX-го — в веке XX-м) концептуальных представлений об истории человечества на примере двух ярких цитат: «В 1880 году некто Роберт Макензи мог написать такое: "История человечества — это летопись прогресса, летопись накопления знания и роста мудрости, постоянное движение от низшего уровня разума и процветания к высшему. Каждое поколение передает следующему унаследованные им сокровища, измененные к лучшему его собственным опытом, обогащенные плодами всех одержанных им побед... Рост благосостояния человека, избавленный от прихоти своевластных принцев, подлежит теперь благому управлению великих законов Провидения"»². А чуть ниже Фукуяма приводит грустное признание известного британского историка Г. Фишера, сделанное уже чуть более полвека спустя (в 1934 г.): «Люди более мудрые, чем я, и более образованные различали в истории сюжет, ритм,

заранее задуманную систему. Эти гармонии от меня скрыты. Я вижу только поток бедствий, следующих одно за другим, как волны...»³.

Под таким углом зрения, Русская революция 1917 г., с одной стороны, выступает классическим средоточием социального безумия рекордного по массовым психозам XX в., и способна служить хрестоматийным образцом и идеально-типической моделью «коллективных сумасшествий» вообще. Но, с другой стороны, общество гораздо больше, чем в умножении красочных метафор о метафизической сущности революции и принципиальной непознаваемости хаоса смутных времен, нуждается в рациональном преодолении (или хотя бы частичном ограничении) смут и революций, в аналитическом осмыслении и прагматическом учете их реальной природы и позитивных закономерностей. По мемуарам И. Г. Эренбурга, «самое главное было понять значение страстей и страданий людей в том, что мы называем "историей", убедиться, что происходящее не страшный, кровавый бунт, не гигантская пугачевщина, а рождение нового мира с другими понятиями человеческих ценностей...»⁴. И прав Ф. А. Степун, подчеркивая: «Революция... может иметь положительный и отрицательный смысл, но она не может не иметь никакого смысла. Для нее как для события, имманентного судьбе человечества, неимение никакого смысла было бы равносильно небытию»⁵.

Перефразируя цитированного выше Фишера, выражу личное отношение к поставленной проблеме. Многие люди, более мудрые, чем я, видят в Смуте Семнадцатого года только бессмысленный «поток бедствий, следующих одно за другим, как волны». Но, сознавая заведомую уязвимость своих усилий, я все же пытаюсь обнаружить и вычленить в этом мутном потоке элементы исторической логики, определившей сравнительную последовательность и единство общероссийского социального сдвига: от бессилия оставшейся мифом демократии — к установлению ставшей реальностью диктатуры.

Тому, как в течение нескольких месяцев от Февраля к Октябрю 1917 г. в борьбе с «всеобщим безумием» поочередно потерпели с трудом объяснимое на рациональных началах крушение и имевшая многовековую и практически всенародную поддержку отечественная монархия, и встреченная поначалу «всенародным» ликованием так называемая «Февральская демократия», посвящены горы специальной литературы. Но ни о каком единстве в научном сообществе по вопросу о смысловых основаниях такой последовательности событий и речи быть не может.

Проблема истолкования смысла смут, революций и переворотов в современном мире становится все более политически злободневной, служа идентификатором «своих» и «чужих». И в России образца 2012-го, уже отметившей последние до-вековые круглые даты Февраля и Октября, сложно не заметить раскол общества на *февралистов* и *октябристов*, для которых *Февраль* и *Октябрь* являются не столько исторически памятными символами отечественного политического календаря, сколько реальными ориентирами будущего, принципиально по-разному генерализующими «альтернативные» смыслы модернизационно-революционных устремлений элит и масс. Так обретает «новое» звучание без малого столетний спор о «спасительности» и «закономерности» либо «катастрофичности» и «случайности» победы большевиков над первоначально более популярными и авторитетными партиями, об исторической «разумности» и «логичности» — либо «безумстве» и «патологичности» 1917-го.

Разумеется, противопоставлять подобные «две линии» и сложившиеся на их основе «два лагеря» возможно лишь условно. Внутри них тоже нет никакого единства. Так, В. И. Ленин, будучи первоапостолом советской агиографии Октября, заповедавшей догматы о разумной закономерности революции и высокой сознательности ее участников, сам нередко использовал по политическим поводам термины из

области психиатрии⁶. Использование фразеологии, связанной с выражением *безумности* смутного времени, тем более характерно для сторонников «демонологической» историографии «октябрьского переворота», склонных полагать, что смута бессмысленна по самой своей природе. Еще А. Ф. Керенский, продолжая высоко оценивать Февраль, 25 октября 1917 г. подписал приказ № 814, в котором официально (в юридическом документе!) вынес «медицинский диагноз» Октябрю: «Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели»⁷. А вот И. А. Ильин уже и саму Февральскую «демократическую» революцию (которую в среде русской эмиграции первой волны и нынешних отечественных «либералов» принято с почтением именовать «Великой» — в противовес «морочу октябрьской катастрофы») определял в целом как «февральское безумие»⁸.

Одним из излюбленных «медицинско-риторических» приемов самых разных партий было обвинение друг друга в бессмыслице, в отсутствии собственного осмысления революционной стихии, в слепом безумии, подчиняющемся некой чужой и злой воле. И это признание происходящего в принципе не совместимым с душевным здоровьем (отдельных лиц, организаций, органов и структур власти, народа и страны в целом), сравнение установившегося нового «демократического порядка» в целом с «дурдомом» — не имеет прямой адресной связи именно с большевизмом. По мнению некоторых зарубежных исследователей, многие большевистские лидеры сами «были убеждены в полном безумии происходящего» и «только Ленин мог управляться с этим сумасшедшим домом»⁹.

Сам Ленин позже выгодно оттенял контрасты здравомыслия и реалистичности курса своей партии, в отличие от бессмысленной неадекватности ее псевдореалистических оппонентов, резонно вопрошая: «Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали

социальную реформу?»¹⁰. В этой связи уместно припомнить (увы, так и не понятое всеми теми партиями, которые, чрезмерно опасаясь «излишне» радикальных мер, упрямо продолжали в условиях разлива всенародной смуты любой ценой хранить ортодоксальную верность доктринальному «реализму») пророческое предостережение Ф. М. Достоевского: «реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастичности, потому что слеп»¹¹.

Рассмотрения Русской революции в целом как психопатологического процесса, своеобразной разновидности психической эпидемии, не чурались и наблюдавшие ее непосредственно профессиональные психиатры, признанные в своем врачебно-научном кругу¹². Множество косвенных подтверждений, что использование термина «безумие» при оценках «Русской смуты» не являлось лишь расхожим конъюнктурным штампом, а чем-то гораздо более глубоким и неслучайным, можно найти, обратившись к творческим прозрениям цвета художественной интеллигенции Серебряного века.

«Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье? Была ли ты? есть? или нет? Омут... стремнина... головокруженье... Бездна... безумие... бред...» — выражал мистико-поэтическое видение русской истории Максимилиан Волошин.

«Зачинайся, русский бред...» — сходным образом высказался Александр Блок.

«Было время безумных действий, время диких стихийных сил...» — сформулировал Сергей Есенин.

Как «кровавое безумие», «повальное сумасшествие», «радостно-безумное остервенение» характеризовал весь 1917-й и последовавшие за ним «окаянные дни» Иван Бунин.

Напротив, как «святое безумие», вдохновенно противостоящее в таинстве истории безрадостному и бескрылому «мещанству», приветствовал Октябрь Андрей Белый. И по этой причине с ним порвала отношения Зинаида Гиппиус, ненавидевшая революцию за то, что в ее корне «лежит Громадное Безумие».

Подобных оценок можно привести еще множество, и, в таком ракурсе, 1917-й действительно может быть интерпретирован как ярчайший образец проявления безжалостности и могущества иррациональных сил в истории¹³.

Восприятию Русской революции как бессмысленного буйства стихии способствует и целый комплекс известных, но до сих историографически недоосмысленных пластов — в качестве примеров укажем хотя бы на *четыре важных фактора смуты и революции (хотя их много больше)*. [В силу ограничения настоящей статьи по объему, излагаю все эти факторы лишь тезисно, но привожу ссылки на полные тексты других работ, где представил одну из конкретных проблем более развернуто — П. М.]

1. Женское начало в Русской смуте/революции

Явно недостаточно рационального осмысления огромной роли женщин и женского начала вообще в событиях Русской революции и «Русской смуты» на всех ее уровнях¹⁴. О «вечно бабьем» в русской душе много размышляли отечественные философы и писатели, но, с конкретно-исторической точки зрения, эта проблема остается почти «белым пятном» историографии «Февральской демократии», несмотря на то, что последняя, по сути, ведет свое происхождение как раз с «бабьего бунта». А, как метко подметил В. П. Булдаков — один из немногих наших историков, пытавшихся уловить смысл «бабьего» в «Красной смуте»: «...на Руси там, где бабий бунт, там пиши пропало»¹⁵.

Необходимо научное осмысление того факта, что в условиях, когда слились в невиданном ранее резонансе эпохальные катаклизмы мировой войны, модернизации, революции, падения монархии, кризиса православия, потери «почвы», тотального ценностного шока, русские «бабы» впервые в отечественной истории были допущены к участию в политике (и отнюдь не только в смысле избирательного права). Рост удельного веса женщин в гражданском

населении и патологические изменения гендерных пропорций в различных сферах социальной практики активно способствовали эскалации девиантных форм поведения. Невыносимая ситуация в стране и отчаянная тоска по мужику способствовали беспрецедентному вовлечению женщины в различные формы социальной агрессии, погромы, линчевания и т. п., делали ее легкой добычей демагогов. Женский вариант народных архетипических черт еще менее соответствовал либеральной альтернативе, но оказался более отзывчив к инверсионной агитации радикалов, обещавших немедленно решить все проблемы, вернуть мужиков с фронта и указывавших на тех, «кто во всем виноват».

Увы, голос бабы не был вовремя услышан властью — и в результате стал для Русской революции чем-то вроде лейтмотива, напоминавшего заглушающий шепот разума рев «валаамовой ослицы» (причем в обоих смыслах этого слова — и как предельно молчаливого и покорного человека, который неожиданно для всех вдруг посмел высказать свое, отличное от других, мнение — и как предельно упрямой, неумной и неграмотной женщины). В начавшихся благодаря самоубийственному попустительству властей «революционных» беспорядках, главным субъектом которых были опьяненные «демократией» (и опьяненные не только в переносном смысле) толпы, именно бабы играли совершенно особую — «толпообразующую» и толповдохновляющую» — роль.

Во-первых, бабы, очень часто выступая самыми активными и агрессивными участниками толпы, являлись, как правило, еще и ее основным эмоциональным катализатором — и уже самим фактом своего участия выполняли функции подстрекательства, поощрения мужиков на все более и более радикальные действия, заражали их психопатическими реакциями, нагнетали особую атмосферу «бабской» истерии и всеобщего умопомрачения, стимулировали общую психопатологию смуты. «Политически» активные бабы становились актором

«массовизации» и «охлократизации» социально-политического процесса, детонатором насилия и провокатором всевозможных коллективных девиаций.

Во-вторых, как давно исследовано специалистами по психологии толпы, даже просто «присутствие в толпе женщин и детей... плохо еще и потому, что звук высокой частоты — женские или детские крики — в стрессовой ситуации оказывает разрушительное влияние на психику»¹⁶. Весь звуковой ряд смуты — скорее женский, нежели мужской: это, прежде всего, не мужицкий гомон, а бабий визг (да и визуальный образ смуты и революции точнее передает все-таки не расхристаный мужик, а баба с голой грудью — и как призыв мужских масс на баррикады во имя жен и матерей, и как манящий символ хмельной «революционной» вседозволенности).

В-третьих, представляя собой идеальную питательную массу для стихийного формирования, эмоциональной подзарядки и раскачивания амплитуды эпидемического разгула толп, зажигательное сырье для хулиганствующей охлократии и праздничный магнит для измученных воздержанием и адскими фронтовыми буднями солдат и матросов, бабы, в большинстве своем еще более чем мужики, «темные» в вопросах политики, были более легковверны и отзывчивы — как на запугивание, так и на пустые обещания — и являлись идеальным объектом для манипуляции, демагогии и всевозможных форм политической и политиканской суггестии.

В-четвертых, бабы, пользуясь относительной (обусловленной самой половой принадлежностью, здоровым мужским инстинктом и культурными табу) безнаказанностью своих противоправных и подстрекательских действий, служили незаменимым медиатором между революцией и войсками. И в том, что войска переходили на сторону революции, основная заслуга, как правило, принадлежала именно бабам. Их роль вообще трудно переоценить в типичной ситуации, когда «...маршевые батальоны автоматически ставились в очень

неудобное психологическое положение: стрелять в голодных баб? Одно дело — социалисты и революционеры, другое дело — бабы, которым, может быть, дома детишек кормить нечем»¹⁷. Знавший толк в работе с массами Л.Д. Троцкий с удовлетворением отметил: «Большую роль во взаимоотношениях рабочих и солдат играют женщины-работницы. Они смелее мужчин наступают на солдатскую цепь, хватаются руками за винтовки, умоляют, почти приказывают: "Отнимите ваши штыки, присоединяйтесь к нам". Солдаты волнуются, стыдятся, они тревожно переглядываются, колеблются, кто-нибудь первым решается, и — штыки виновато поднимаются над плечами наступающих, застава разомкнулась, радостное и благодарное "ура" потрясает воздух, солдаты окружены, везде споры, укоры, призывы — революция делает еще шаг вперед»¹⁸.

Ну и наконец, бабам принадлежит решающая роль в характерном для смуты общесоциальном смещении «границ дозволенного» все дальше и дальше, за «точку невозврата». Их участие в массовом насилии и всеобщем «крушении устоев» было более заметным — и более знаковым (по сравнению с куда более «традиционным» мужским насилием) — и делало это крушение необратимым, отменяющим саму гипотетическую возможность эволюционной альтернативы революции. По меткому замечанию В. П. Булдакова, «ужасают не масштабы насилия, а то, что оно вызывало удовлетворение у женщин. Это и есть важнейший показатель психопатологического вырождения революции»¹⁹.

Таким образом, «бабье» начало революции в известном смысле предопределяло ее катастрофическую направленность, делало неизбежными ее трагические для всего народа последствия.

В аналитических обзорах важнейших правонарушений Главного управления по делам милиции МВД Временного правительства по поводу так называемых «продовольственных эксцессов» (под которыми

подразумевались банальные погромы), подчеркивается: «...характерной чертой всех продовольственных эксцессов является преобладающая роль в них женщин. Женщины не только составляют необходимый и важный элемент в толпе, производящей беспорядки, но сплошь и рядом являются инициаторами продовольственных эксцессов... призывают к насилиям и погромам, поощряют и возбуждают солдат к разгромам и хищениям... Во многих случаях эксцессы совершаются толпами, состоящими исключительно из женщин»²⁰.

На таком историческом фоне поэтическая формула «У войны не женское лицо» выглядит гораздо дальше от жизненных реалий, чем библейская (Сирах 25:21): «Всякая злость мала по сравнению со злостью жены». А разудалые солдаты и матросы «демократии» 1917-го предпочитали простонародный вариант: «Без баб и вина и война не нужна». (Да и вряд ли случайным можно считать тот факт, что целый ряд явлений катастрофического, стихийного порядка (война, смута, революция... да и те же «катастрофа» и «стихия») обозначается словами женского рода).

Это вовсе не значит, что женский гендер Русской революции исчерпывается лишь изоморфностью толпе, нагнетанием истерического градуса и провокацией мужчин на массовое насилие. Есть и обратная сторона.

Женщины, по природе менее склонные к поискам рационального смысла и контролю над своими рефлексивными действиями, как правило, обладают более развитым инстинктом самосохранения, размножения и выживания потомства — и редко ошибаются, интуитивно выбирая сторону победителя.

Или, напротив, в социальных явлениях массового порядка побеждают те силы, на стороне которых оказываются женщины.

И из всех конкурентоспособных политических сил России удачнее всех особенностями женской психологии Русской революции воспользовался большевизм. Как признал сам его вождь: «Из опыта всех освободительных

движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины»²¹.

2. «Зеленый змей» на службе «Красной смуты»

В качестве еще одного фактора мнимой «бессмысленности», но не выдуманной «беспощадности» множества постфевральских «русских бунтов», еще до Октября слившихся в один «всероссийский погром», отметим роль алкоголя — как фактора, не просто характеризующего образ смуты, но придающего некое социально-химическое единство самой смуте в целом, объединявшего представителей самых разных классов, сословий, социальных статусов, гендерных ролей, демографических групп, географических регионов и т. д. Алкоголь эффективно участвовал в формировании главных социокультурных коммуникаций смуты, соединяя в один всеобщий мутный поток события центральные и периферийные, городские и сельские, частные и общинные, гарнизонные и фабричные. Истиво пьющие легко превращаются в неистово буйствующих, и связанные с этим девиации составляют изрядную (если не непременно) часть набирающей обороты *Смуты*. Равно как и необходимость усмирить мутные потоки хмельного асоциального буйства, перегородив их государственной плотиной твердой *Власти*, способной восстановить трезвый порядок, становится неотъемлемой составной частью механизма преодоления смуты и возвращения общества к норме.

Homo ebrius — «Человек пьяный» (или *Homo nimii vini* — «Человек, чрезмерно пьющий») — является одной из реальных движущих сил всевозможных массовых насильственных действий, крупных беспорядков и социальных отклонений в истории. Еще с эпических времен Василия Буслаева неизменно популярен в подвыпивших и (или) еще желающих выпить массах адресно выверенный лозунг призыва на безудержный русский пир: «*Кто хочет пить и есть из готового — валися к Ваське на широкий двор*»²² (Да и былинный святой (*sic!*) богатырь Илья

Муромец, бывало, обидевшись на князя, созывал массы сходным кличем: «Ах вы, голь кабацкая, доброхоты царские! Ступайте пить со мной заодно зелена вина...», — что отдельные исследователи склонны рассматривать как древний прообраз всей Русской революции 1917 г.)²³.

Вопрос о степени влияния алкоголя на ход русской истории относится к числу самых болезненных и противоречивых. Но еще А. Н. Радищев так писал об исключительной значимости этого вопроса для отечественной истории [*сохранена орфография и пунктуация издания — П. М.*]: «Посмотри на русаго человека; найдеш его задумчива. Если захочет разгнать скуку, или как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. — Бурлак идущей в кабак повеся голову и возвращающейся обогрелной кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской!»²⁴.

Однако, несмотря на уже изрядный массив работ, посвященных алкогольной тематике, вопросы о месте и роли *Homo ebrius* и пьяных погромов в реальной расстановке политических сил и борьбе за власть в ходе постфевральской смуты остаются недоосмысленными. А ведь и этот фактор сумел поставить себе на службу только большевизм (и речь ни в коем случае не идет о попытках свести результаты массовых волеизъявлений к последствиям массовых возлияний).

В частности, именно пьяным погромам принадлежит огромная роль в деле формирования и вооружения отрядов Красной гвардии, что пока явно недостаточно осмыслено в историографии Русской революции²⁵.

3. Российская многопартийность как фактор смуты/революции

Одной из настойчиво культивируемых «аксиом» современного российского общественно-политического сознания является

мифологема о конструктивной роли многопартийной системы в деле развития «гражданского общества» и вообще демократии, вне зависимости от социокультурных особенностей конкретного социума. С этой априорной (или даже антиприорной, во всяком случае применительно к истории России 1917 г.), теоретической конструкцией тесно связан и популярный историографический миф, согласно которому российский электорат в массе своей составляет сознательное мнение о политической партии путем изучения ее программных документов и соотнесения их со своими «объективными» интересами. Опираясь на двойную «обоснованность» — и «снизу», и «сверху» (наивная вера обывателей плюс заведомый цинизм манипуляторов), этот миф остается методологической основой немалой части работ, специально посвященных так называемой «борьбе политических партий за народные массы». Теоретический пафос подобных «исследований» строится, по сути, на смехотворном представлении о том, что между бумажными текстами партийных программ и подлинным успехом тех или иных конкретных партий в массах существует прямая и действительная взаимосвязь.

Однако надо признать, что, во-первых, абсолютное большинство населения России (и не только) как не знают партийных программ теперь, так тем более не знали их тогда. И, во-вторых, «партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснодушия или сектантской оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов», «российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом «пустоцвет», способный, однако, спровоцировать смуту», а «если в смутные времена кто-то выигрывает, кто-то чаще бесповоротно — проигрывает, то из этого не следует, что восторжествовали чьи-то

программные установки»²⁶.

Политические партии в России вообще различались (и с тех пор в этом смысле мало что изменилось) не столько уставами и программами (которых все равно никто не читал), сколько типом политического темперамента, силой политической воли, общим стилем поведения в общении с массами и друг с другом, конкретным имиджем, формировавшемся в массовом сознании. Межпартийное соперничество в борьбе за политические симпатии внешне далекого от политики «русского мужика» (не говоря уже о «русской бабе») разворачивалось отнюдь не в рационально-политическом измерении.

И снова необходимо честно признать, что в этом измерении к Октябрю 1917-го у партии большевиков фактически не осталось конкурентов²⁷.

4. Массовое правосознание как доминанта смуты и революции в Империи России

Еще одним крайне живучим россиеведческим мифом является представление о принципиально правонигилистическом характере массового правосознания в России, через который, в частности, так удобно «объяснять» всяческие ужасы «Красной» и всех прочих русских смут. Этот миф основан на непонимании либо игнорировании того факта, что «нигилистичность» правового сознания (в том числе и по отношению к позитивному праву, если оно осознается как «неправое») является его сущностной характеристикой, ибо сознание *правовое* (в отличие от конструктивно ориентированного сознания *религиозного, нравственного, политического*) ориентировано принципиально негативно. *Правовое* функционально предустановлено именно на реальное противодействие *неправому*. И правы те современные ученые, которые подчеркивают, что «ситуация массового нормативного нигилизма не отвергает, а как раз предполагает весьма высокое морально-правовое сознание общества,

включающего свои, традиционные способы поддержания социальной стабильности»²⁸.

На анализе этого фактора остановимся чуть подробнее, ибо именно в нем, по нашему мнению, и кроется ключ к преодолению теоретически ошибочных и практически опасных представлений о бессмысленности русских бунтов и смут.

В «смутные» времена массовое сознание (как стихийно производное от общественного сознания в целом) не просто служит ареной борьбы различных политических сил за массы, но и выступает в качестве важнейшего критерия фактической жизнеспособности так называемых «исторических альтернатив». Любой «исторический выбор пути» становится действительно историческим, лишь когда он признан массами, получил поддержку в массовом сознании. И напротив, те политические силы, которые пытаются претворять в историю идеи и ценности, не адаптируя их к реалиям массового сознания, сами лишают себя исторического будущего.

Массовое правосознание как обыденная разновидность (ситуативно активизирующаяся ипостась) общественного правосознания есть наиболее реальная и конкретная форма его практического существования, психически объединяющая представителей разных групп общими переживаниями по поводу восприятия тех или иных социально значимых действий как неправовых. В ситуациях масштабных общественных потрясений (войн, смут, революций), эти переживания становятся значимы настолько, что активизируют особую социальную общность — массы (которые в «нормальное» историческое время относятся к политико-правовым процессам индифферентно). Так массы из пассивного объекта элитарных манипуляций на время становятся активным субъектом политической истории.

В рамках сложной и противоречивой структуры *массового* сознания, именно *правовое* играет наиболее активную и значимую роль в кризисных ситуациях

общественного противодействия, в случае реальной или мнимой угрозы жизненно важным ценностям. В этом контексте, массовое правосознание, аккумулирующее соответствующие архетипические народные черты, может быть осмыслено как ключевой механизм самозащиты и самовоспроизводства общества и цивилизации. Массовое правосознание защищает «последний рубеж обороны» нации, на котором осуществляется охрана и воспроизводство ее базисного жизненного (религиозного, нравственного, политического, экономического и т. д.) качества. Этот основополагающий минимум исторически конкретной цивилизации защищен массовым правовым чувством и соответствующим потенциальным массовым протестом, вплоть до «беспощадного» (но, повторимся, отнюдь не «бессмысленного») бунта. Правовой компонент массового сознания служит рациональным «спусковым механизмом» иррационального включения масс в политический процесс, переводя *социально-психологическое* — в *идеологическое, социокультурное* — в *политическое*. В качестве охранного комплекса идентичности конкретного общества, при нарушении «*меры допустимого*» массовое правосознание запускается как массовый негативизм. Иначе говоря, выступает в качестве детонатора «социального взрыва» по достижении «критической массы» *неправомерного* внешнего воздействия. В кризисные моменты истории, в ситуациях исторического выбора, массовое правосознание становится одним из доминантных факторов политического процесса, определяющим победы и поражения конкурирующих политико-правовых альтернатив.

Особую актуальность в этой связи приобретает социокультурный анализ переломных событий истории, осуществляющий сопоставление массовых, в том числе «правосознательных», ценностных ориентаций и соответствующих ценностей, предлагаемых массам со стороны борющихся политических сил. Такой исследовательский подход дает возможность по-новому

взглянуть на иерархию факторов, обеспечивающих победу той или иной партии в многофакторной борьбе, и шире — на проблему выбора одной исторической альтернативы из нескольких возможных (то есть понять смысл этого выбора).

Так и при анализе событий Февраля—Октября 1917 г. целесообразно сопоставить основные правосознательные интенции масс и партий как пресловутых «исторических альтернатив», которые пытались прийти на смену Самодержавию. В результате массы вынужденно вышли на первый план политической истории и исполнили главную роль в расстановке политических сил: «не Ленин и Троцкий пришли к власти, а сама *масса*»²⁹, ибо действительной силой истории были отнюдь не классы, а массы — и «захват этими «массами» в октябре 1917 года власти и знаменует собою подлинную Революцию»³⁰.

Но основой политико-правовой культуры абсолютного большинства населения, несмотря на постфевральские декорации, продолжали служить вековые традиции общинности с ее своеобразным авторитарным коллективизмом и резко отрицательным отношением к индивидуализму, категорическим неприятием идеи частной собственности на землю, отрицанием оторванного от жизненных реалий позитивного права (доходящим до полного к нему презрения в случае несоответствия текущего законодательства народным представлениям о Правде, несогласованности с традиционными общинными ценностями, необеспеченности Идеей и эффективно работающим на нее репрессивно-властным механизмом).

Поняв, что сменившая Царя «демократическая власть» не спешит дать ни «Мира», ни «Земли», ни новой «Правды», массы приступили к активным «самочинным» действиям по реализации своих чаяний традиционными методами. И показали себя не пассивным объектом политики и права, а могущественной силой, на которую никто не мог вполне опереться. Воздействие масс на политическую жизнь страны проявлялось во всех значимых событиях, сказывалось на позиции и действиях власти,

партий и самых разных организаций. В условиях безвластия официальных структур, массы ситуативно все чаще стали выполнять функции фактического органа власти, прибегая к традиционно свойственным ей методам массового насилия. По официальным оценкам аналитиков Временного правительства, к осени 1917 г. движение народных масс приняло «антигосударственный характер»³¹. И, как подчеркивалось в аналитических обзорах МВД, сами массы начали уставать от безвластия³².

Главный вопрос смутных времен (вопрос о легитимности либо «самозванности» претендующих на власть сил) решался в системе архаически основополагающих координат «*свой-чужой*». И если либерально-демократические правовые идеологемы оказались внешними по отношению к социокультурным кодам массового сознания (более того, при сопоставлении образовывали целую систему бинарных оппозиций по принципу «*чужой-свой*»), то лозунги и тактика ленинцев были направлены на их актуализацию и практическое использование (а соответствующие идеологемы находили живой отклик в массах по принципу «*свой-свой*»).

Секрет успеха большевиков прост — во время массовых «неуправляемых» процессов (бедствий, беспорядков, паники и т. п.) — кто-то должен подавать простые четкие жесткие команды, должна найтись сила, способная перекричать толпу, задать ритм, придать ситуации смысл и взять ее под контроль. Предельно редуцируя, можно сказать, что смысл постфевральской смуты 1917 г. заключался в подхваченной и оформленной большевизмом протестной борьбе масс за выживание социального целого и воспроизведение Империи России (как особой формы единения власти и масс, имеющей свои иммунные механизмы и способы обеспечения социально-органической идентичности и цивилизационной преемственности)³³.

В этой связи хотелось бы напомнить слова В. О. Ключевского, в свое время размышлявшего о смысле

массы в историческом процессе: «Не так еще давно из разных лагерей неслись дикие крики, призывавшие к благоговению пред народом, пред черной народной *массой*. На колено пред народом! Учитесь у народа уму-разуму! ...Благоговение пред народом, массой, пред черноземной нашей почвой, пред ее глубокой и широкой нетронутой натурой! Но ведь благоговение возможно только пред сознательной, духовной силой. Имеет ли смысл преклонение пред громадой Монблана? Наш народ совершил много великого, еще не признанного, не оцененного ни им самим, ни благоговеющими пред ним народопоклонниками. Но в создании этого великого действовали силы, подобные тем могучим и слепым силам, которые подняли громадные горы. Им можно изумляться, их можно страшиться; всего лучше спокойно изучать их действие и создания; но поклоняться им есть детская нелепость; подозревать в них таинственный глубокий разум есть самообольщение... Что материальнее, бессознательнее чувства самосохранения? А ведь только эта одна могучая сила двигала нашим народом в его великих, гигантских деяниях. Все его малозамечаемые пока историей создания запечатлены резкой печатью борьбы за жизнь...»³⁴

Пожалуй, над этими словами классика стоит серьезно подумать и тем, кто склонен к буквальному пониманию призывов «учиться у масс», и тем более тем, кто полагает массы и массовое сознание чем-то исключительно негативным, мало значимым или просто случайным в истории.

«Февраль» и «Октябрь» как символы проективного руссееведения

Непредвзятый анализ Русской революции 1917 г. убедительно показывает, что объяснять победу Октября над Февралем лишь готовностью к насилию и неразборчивостью в средствах — не только нечестно, но и ненаучно. Причины кроются гораздо глубже, и их трезвый анализ исключительно актуален для российской публичной сферы сегодня.

Смутные времена в имперской истории являются периодами своеобразной «переоценки ценностей», связанной с необходимостью обновления базового комплекса идеологием и воссоединения живой психологической связи между обществом и властью³⁵. *Февраль* олицетворяет идеологическое банкротство государства и психологическое отчуждение масс от властной элиты, утратившей в их сознании имперско-историческую легитимность. *Октябрь* знаменует приход к власти политической силы, идеологически и психологически адекватной массам, изоморфной Имперской традиции. И в результате Россия получила простой и суровый ответ на вопрос: «Если пала корона, удержится ли фригийский колпак?»³⁶

Цена вопроса была огромна, и сменивший колпак венец оказался терновым. Но по сделанному в 1937 г. горькому признанию Г. П. Федотова (которого сложно заподозрить в излишних симпатиях к большевикам): «Смотря на вещи объективно двадцать лет спустя, видишь, что другого исхода не было; что при стихийности и страшной силе обвала русской государственности Февраль мог бы совладать с разрушениями при одном условии: если бы он во всем поступал как Октябрь»³⁷.

Или, как сформулировал другой антибольшевистский эмигрантский писатель В. С. Кобылин: «Ничего иного после февральского беззакония, кроме большевизма, не могло и не должно было быть»³⁸. А ненавидевший Октябрь А. И. Солженицын так подвел итоги Февраля: «Февральские деятели, без боя, поспешно сдав страну, почти все уцелели, хлынули в эмиграцию и все были значительного словесного развития — и это дало им возможность потом десятилетиями изображать свой распад как торжество свободного духа. Очень помогло им и то, что грязный цвет Февраля все же оказался светлей черного злодейства коммунистов. Однако если оценивать февральскую атмосферу саму по себе, а не в сравнении с октябрьской, то надо сказать... она была духовно

омерзительна, она с первых часов ввела и озлобление нравов и коллективную диктатуру над независимым мнением (стадо), идеи ее были плоски, а руководители ничтожны. Февральской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошел как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания»³⁹.

Сегодня, как и 95 лет назад, российские либералы зовут всю «думающую публику» под знамя *Февраля*, не уставая вздыхать о гибели «демократической альтернативы», похороненной «темными массами», которые всем либеральным обещаниям предпочли большевистский «кровавый» *Октябрь*.

Для противников такого подхода, напротив, именно *Февраль* является ярким воплощением политической недееспособности либерализма в России, а *Октябрь* служит зримой антитезой пустой *февральской* болтовни оторвавшихся от народных корней партийных функционеров и ориентиром исторического выхода из катастрофического системного кризиса государства и общества, утративших органическое единство и преемственную «связь времен».

Так или иначе, но *Февраль*⁴⁰ и *Октябрь*⁴¹ остаются не только полюсами общественно-политической жизни России в ее смутные времена — они задают смысловые координаты, в рамках которых строится современное проективное россиеведение, вычерчиваются различные варианты траектории «Русского пути».

В заключение, хочется подчеркнуть, что в поисках смысла Русской революции автор настоящей статьи вполне отдает отчет в том, что любая теория, претендующая на логическое объяснение революции, не может быть ни чем иным, кроме ее редукции. И полностью согласен с тем, что «фантазмагоричность "Красной смуты" способна усмирить любую интеллектуальную гордыню» и «тонкая материя» российского бытия находится в более чем своеобразных отношениях с логикой, а потому многообразие ее

проявлений всегда готово посрамить любую теорию»⁴². Но известно и другое: ограниченная в свое качестве теория все же полезнее неограниченных в количестве фактов.

Однако попытки создать такую теорию Русской революции ни в коей мере не означают претензию на монопольное обладание какой-либо «конечной» истиной о ее, революции, «единственном» смысле. Напротив, по этому поводу более обоснованной выглядит позиция Г. З. Иоффе, который как-то признался: «Уже не одно десятилетие и "по службе и по душе" погружен я в историю нашей революции и гражданской войны и решусь сказать: мы не знаем ее или, в лучшем случае, имеем о ней смутное представление. Не хочу, чтобы это было понято так: все же наступит время, когда в процессе познания революционной эпохи мы, наконец, поставим точку и подведем итоговую черту. Нет, историческая наука — это вечный, никогда не прекращающийся спор, так как предмет ее — безбрежный океан жизни, тайны сотен миллионов людских душ. Кто из историков возьмет на себя право сказать: "Я понял их" и загасить свечу на пути к ускользающей истине? Как писал французский писатель Андре Жид: "Доверяйте тому, кто ищет истину, а не тому, кто ее уже нашел"»⁴³...

Библиография

¹ Маккей Ч. Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы. М., 1998. С. 14.

² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 31.

³ Там же. С. 32.

⁴ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1—2. М., 1961. С. 492.

⁵ Степун Ф. А. Чаемая Россия. СПб., 1999. С. 99.

⁶ См.: Ферро М. Символика и политика во время революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 366—368.

⁷ Цит. по: Политические деятели России 1917. М., 1997. С. 148.

⁸ Ильин И. А. О сопротивлении злу // Новый мир. 1991. № 10. С. 217.

⁹ Улам А. Б. Большевики: Причины и последствия переворота 1917 г. М., 2004. С. 340, 344.

¹⁰ Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 179.

¹¹ Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 15 т. Т. 8. Л., 1990. С. 273.

¹² См., напр.: Краинский Н. В. Без будущего: очерки по психологии революции и эмиграции профессора Н. В. Краинского. Белград, 1931.

¹³ См. также: Марченя П. П. Безумие и логика русской смуты: От Февраля к Октябрю 1917-го // Родина. 2010. № 8. С. 80—81 (Электронный ресурс см: <http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=3658&n=162>).

¹⁴ Подробнее см. Марченя П. П. Баба и Смута: К мифу о «не женском лице войны» и прочих социальных бед // История в подробностях. 2012. № 11 (Электронный ресурс см: <<http://users4496447.socionet.ru/files/baba.pdf>>).

¹⁵ Разница во времени: «Любить по-русски»: (Любовь и секс на полях Первой мировой войны сквозь призму военной цензуры) / В. Тольц, А. Асташов, В. Булдаков // Радио Свобода: Запись радиозаписи от 1 марта 2000 г.: <<http://archive.svoboda.org/programs/TD/2000/TD.030100.asp>>

¹⁶ См.: Назаретян А. П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. СПб., 2004. С. 71—72]

¹⁷ Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 89.

¹⁸ Троцкий Л. Д. История русской революции: В 2 т. Т. 1: Февральская революция. М., 1997. С. 128.

¹⁹ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 122.

²⁰ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 171.

²¹ Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 186.

²² См.: Василий Буслаев // Былины: Русский героический эпос. Л., 1938. С. 391.

²³ См.: Вышеславцев Б. Русский национальный характер // Русский мир. М., 2003. С. 630—633.

²⁴ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. М.—Л., 1938. С. 230.

²⁵ Подробнее см.: *Марченя П. П.* «Зеленый змий» на службе «Красной смуты»: алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го // *История в подробностях.* 2010. № 4. С. 30—42 (Электронный ресурс см: <<http://users4496447.socionet.ru/files/zmiy.pdf>>).

²⁶ *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 40, 41, 203.

²⁷ См.: *Марченя П. П.* Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // *Россия и современный мир.* 2008. № 4. С. 82—99 (Электронный ресурс см: <<http://users4496447.socionet.ru/files/partii.pdf>>).

²⁸ *Даниелян К. Р.* Традиция и правосознание (Историко-политологический аспект проблемы). М., 1999. С. 92.

²⁹ Цит. по: *Германия и русская революция, 1917—1924.* М., 2004. С. 87.

³⁰ *Лукьянов С. С.* Революция и власть // *В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России.* М., 1992. С. 279.

³¹ ГАРФ. Д. 401. Л. 152 Об.

³² Там же. Лл. 47, 52, 151—153.

³³ См. подробнее: *Марченя П. П.* Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»? // *История в подробностях.* 2010. № 6. С. 88—96. (Электронный ресурс см: <<http://users4496447.socionet.ru/files/krest.pdf>>).

³⁴ *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 236—237.

³⁵ См.: *Марченя П. П.* «Смута» как проблема отечественной истории: Чему учат системные кризисы России? // *История в подробностях.* 2010. № 5. С. 86—91 (Электронный ресурс см: <<http://users4496447.socionet.ru/files/smuta.pdf>>).

³⁶ *Тихомиров Л. А.* Социальные миражи современности // *Тихомиров Л. А.* Россия и демократия. М., 2007. С. 146.

³⁷ *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1991. С. 134.

³⁸ Из кн.: *Кобылин В. С.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев: Истоки антимонархического заговора. СПб., 1998 (2007). — Цит. по: *Решетников Л. П.* Духовно-нравственные причины национальной катастрофы // «Русский исход как результат национальной катастрофы» // *Проблемы национальной стратегии.* 2011. № 2 (7). С. 126.

³⁹ *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией. М., 2007. С. 93—94.

⁴⁰ См.: *Марченя П. П.* А что за Февралем? Особенности национального политического календаря // История в подробностях. 2012. № 2. С. 92—98 (Электронный ресурс см: <<http://users4496447.socionet.ru/files/fevr.pdf>>).

⁴¹ См.: *Марченя П. П.* Октябрь 1917-го как узловая проблема современного россияведения // История в подробностях. 2010. № 4. С. 76—82 (Электронный ресурс см: <<http://users4496447.socionet.ru/files/okt.pdf>>).

См.: *Марченя П. П.* «Смута» как проблема отечественной истории: Чему учат системные кризисы России? // История в подробностях. 2010. № 5. С. 86—91 (Электронный ресурс см: <<http://users4496447.socionet.ru/files/smuta.pdf>>).

⁴² *Булдаков В.П.* Красная смута. — С. 11, 59.

⁴³ *Иоффе Г.З.* Читая «Архив русской революции» // Архив русской революции. В 22 т. Т. 1—2. М., 1991. С. V. На мой взгляд [*Прим. П. М.*], в этой связи уместной также выглядит и откровенная формулировка принципиальной исследовательской позиции Жака Дерриды: «Я не убежден в своей правоте: я убежден, что это требует осмысления» (*Деррида Ж.* Рана истины или противоборство языков // Отечественные записки. 2004. № 5 (19). [Электронный ресурс]: <<http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=962>>).

**Народ, власть и смута в России:
размышления на полях одной дискуссии**

23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН состоялся круглый стол «Народ и власть в российской смуте»¹. В нем приняли участие более 30 ученых из России и Беларуси².

Тема смут как крушений порядка космоса, воцарения хаоса, а затем, по прохождении фазы хаосмоса — возникновения нового социального космоса, нового порядка — исключительно важна как в научно-теоретическом, так и в практическом плане. Мы до сих пор живем в условиях смуты, которая то затихает, то просыпается, смуты, которая совпадает с кризисом мировой системы, системным кризисом капитализма. О нем очень много и долго писали, предсказывая его приход, и вот теперь он пришел — вполне в духе истории о волке, в которой долго пугали волками, все привыкли, а потому реальное появление волка стало неожиданным. Более того, можно ожидать, что при выходе из смуты наши «друзья» на Западе попытаются вернуть нас в нее, ведь заявил же Г. Киссинджер, которого до сих пор принимают в Москве: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции восстановления ее в единое, крепкое и централизованное государство».

Осознание социальных крушений, их причин и механизмов — тем более важная вещь и потому, что за одного битого двух небитых дают. Как заметил в своем докладе П. П. Марченя, «от того, насколько властью и обществом постсоветской России будет осмыслена история крахов и возрождений Державы, во многом зависит не только возможность бытия России как империи, но и глобальное будущее современного мира»³.

Действительно, от степени зрелости общества и в еще большей степени власти зависит очень многое. Проблема, однако, в том, что именно в смутное,

предреволюционное время власть и господствующие группы поражает социальная слепота. «Эта парадоксальная слепота власти, — верно замечает А. М. Колганов, — объясняется вовсе не тем, что проблемы не осознавались. Однако необходимость решения именно этих острейших проблем вошла в прямое столкновение с интересами нового господствующего класса — буржуазии». Говоря об этой «слепоте власти», «которая в упор не видит насущных проблем»⁴, Колганов имеет в виду характеристику ситуации 1917 г., но она распространяется на все системные кризисы русской и не только русской истории, поскольку классовая принадлежность нередко существенно ограничивает адекватность восприятия ситуации. И — результат, фиксируемый Колгановым: «Если власть не только игнорирует нужды большинства, защищая лишь интересы узкой правящей группы (класса), но при этом еще и не отдает себе отчет в природе конфликта, в который она вовлекается... это может создать угрозу сохранения власти»⁵.

Слабое понимание собственной природы, собственного народа («общества») и отношений с ним — характерная черта всех исторических систем власти в России. Так было с советским обществом, и Ю. В. Андропов не случайно обронил фразу о том, что «мы не знаем общества, в котором живем и трудимся». Сегодня, спустя почти три десятилетия, ситуация ухудшилась: к неосознанности происходящего, когда-то обусловленной ригидностью истмата, с одной стороны, и запретом на иные формы рациональной рефлексии, с другой, добавились мутные потоки третьесортной западной социологии, политологии, экономики и других дисциплин, в которых сегодня ловят рыбку целые исследовательские и учебные заведения «либерального толка».

Когда власть сильна и контролирует ситуацию, непонимание, о котором идет речь, и наличие «структур непонимания» может и не создавать серьезных проблем, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Однако как

только власть слабеет (вторая половина XIX — начало XX вв., 1980-е гг., да и после тоже), это оборачивается для нее бедой. Как заметила Ю. А. Жердева, «проблема, с которой столкнулась имперская администрация во второй половине XIX — начале XX вв., может быть обозначена как незнание механизмов контроля публичного мнения в условиях нарождавшегося нового городского “информационно-публицистического” общества»⁶. Кстати, показательно, что Россия, за исключением 1930—40-х гг. проигрывала и внешние информационные войны — это касается уже научной рефлексии по поводу внешнего мира.

Если власть не готова смотреться в зеркало прошлого и настоящего, то это должно делать общество, точнее, такой его сегмент, как ученые — обществоведы и историки. Тем более что 2012 г. объявлен у нас годом российской истории — дождались под объявленный конец света. И вполне логично в духе времени обществоведы и историки начали с обсуждения проблем смут и революций — архиактуально. Этой теме и была посвящена дискуссия, которая, на мой взгляд, заслуживает внимания и размышлений по ее поводу. Тем более что ее содержание объективно выходит за рамки смут и революций⁷, а ставит серьезные вопросы о природе русского и советского социумов, о том, что такое русский человек, наконец, о методологии изучения нашей истории и ее соотношении с историей мировой.

Выступления в дискуссии можно разделить на две части — концептуальные и посвященные конкретным вопросам. Цель настоящей статьи — осветить теоретико-методологический аспект дискуссии.

1. «Определяйте значение слов» (Р. Декарт): «смута» и «революция»

Прежде всего участники дискуссии попытались определить, как соотносятся смута и революция. Только для одного из выступавших — В. Д. Соловья — это одно и то же⁸, другие участники дискуссии попытались провести разграничения.

Так, по мнению И. А. Анфертьева, революция — это то, что «уничтожает препятствия на пути прогресса», при этом «кардинальным образом меняется социально-политический облик и весь уклад жизни общества», революция «удовлетворяет запросы наиболее значительной части населения»⁹. В отличие от этого, смута не ведет к качественным изменениям, существующий социально-политический строй сохраняется. С этой точки зрения, по мнению Анфертьева, события 1917 и 1991 гг. — это революция, а 1905—1917 гг. — нет¹⁰. Кроме того, события рубежа 1920—1930 гг. — это революция (в этом И.А. Анфертьев согласен с тезисом А.М. Колганова о «второй революции большевиков 1929—1930-х»¹¹), с помощью которой Сталин преодолел смуту¹². Смута, считает историк, может предшествовать революции, но революция может произойти и без периода смутного времени. «Пример — революция августа 1991 г. в России, когда в достаточно мирной обстановке Советский Союз распался, а советская власть и ее становой хребет в лице компартии ушли в небытие»¹³.

Анфертьев затронул очень интересную проблему, порождающую следующий вопрос: а не был ли распад СССР и революция августа 1991 г. **началом** смуты? Если да, то ошибочно противопоставлять смуту и революцию в долгосрочном контексте, а собственно в таком контексте и должен рассуждать историк, памятуя броделевское «событие — это пыль». Есть сомнение и в степени бескровности распада СССР — в любом случае это вопрос спорный. Спорным также представляется и тезис о том, что существовавшая в СССР власть ушла в небытие. Власть — это ведь не только фасад, это организационные и финансово-информационные структуры. С учетом появившейся в последнее десятилетие информации становится ясно, что во второй половине 1980-х гг. из СССР выводились огромные средства, которые вкладывались в западную экономику, превращаясь в частные и корпоративные активы, создавалась инфраструктура — все это для сохранения

контроля над страной в новых условиях. Сомневающихся отсылаю к служебной записке В. И. Ивашко М. С. Горбачеву (секретный документ 15703, август 1990 г.; открыто опубликован в 1992 г.) и ряду аналогичных документов.

Ну а с двумя конкретными тезисами Анфертьева просто нельзя согласиться, поскольку они не соответствуют действительности. Первое: Ленин с горсткой последователей никак не мог выйти победителем с государственным монстром самодержавия¹⁴, поскольку к моменту возвращения Ленина в Россию в апреле 1917 г. самодержавие уже рухнуло, оказавшись той самой гнилой стеной из апокрифа о молодом Ульянове. Второе: по поводу августа 1991 г. Анфертьев пишет, что это стало результатом следующего порочного круга: «...чем больше власть подавляла недовольство, а не устраняла причин его возникновения, тем больше это недовольство накапливалось. И рано или поздно этот конфликт между властью и народом должен был разрешиться»¹⁵ — разрешением стал 1991 г.

У меня вопрос: это где же и как же горбачевская власть образца 1985—1987 гг. и тем более 1988—1991 гг. подавляла недовольство народа? Напротив, это недовольство существующей системой с помощью яковлевских СМИ она всячески стимулировала. 1991 г. стал результатом совсем иных процессов и механизмов, чем полагает Анфертьев. Но вернемся к смутореволюциям.

С. Ю. Разин трактует смуту как системный кризис, масштабный настолько, что охватывает физическое и метафизическое пространство социума и соразмерен империи, в которой происходит¹⁶, в данном случае — Российской. Вообще, по мнению П.П. Марченя и С. Ю. Разина¹⁷, подлинное понимание смысла и социокультурного механизма Русской Смуты невозможно вне осмысления феномена империи¹⁸. В том, что смута — это системный кризис государственности, согласна и Е. В. Павлова, по мнению которой смута — это, помимо прочего, и кризис представлений о том, какой должна быть власть¹⁹. Перефразируя М. Булгакова, можно сказать, что

смута — это и смута в головах. «Смутные времена, — пишет С. Ю. Разин, — в российской истории наступают тогда, когда Власть перестает, с точки зрения массового сознания, быть “своей”, перестает соответствовать той цивилизационной задаче, той Миссии, которая на нее возложена. В этом случае народные массы приводят на политический Олимп новую элиту, поведение и идеи которой резонируют с их сознанием»²⁰.

В докладе А. М. Колганова представлена следующая диалектика смуты: смута может вылиться в революцию, и тогда смута становится формой революционных событий, но революция не всегда протекает как смута, характерной чертой которой является распад государственности²¹.

В. П. Булдаков считает, что «понятие... революции использовалось по преимуществу теоретиками (а также легковесными политиками), а образ смуты — писателями, художниками, которые опирались на житейские народные представления и собственную интуицию. Те и другие фактически говорили на разных языках, причем первые грешили схоластичной умозрительностью, вторые — вульгарным эмпиризмом. Между тем логическое отличие смуты от революции может состоять лишь в том, что в ней гипертрофирован эмоциональный момент, а модернизационный компонент, напротив, приглушен либо отсутствует вовсе. В известном смысле соотношение смуты и революции отражает новые и старые представления об истории, связанные, в свою очередь, с эпохой Просвещения. Сложно говорить о революции применительно, скажем, к дворцовым переворотам, хотя формально революция означает именно переворот. Смута — заведомо архаичное явление, некое коловращение, случающееся по преимуществу в традиционалистской среде; революция, напротив, обязана своим появлением эпохе Модерна. Использование термина “смута” уместно при характеристике бытового восприятия всякой нестабильности — в том числе и революции. К тому же, смута несет на себе

отпечаток эмоциональной, преимущественно субъективной оценки события»²².

Отсюда вопрос: могла ли в России произойти собственно революция, если известно, что численно преобладающая масса непременно повернет процесс вспять? Для В. П. Булдакова «смута» — это образ, а не понятие²³ (то, что «это всего лишь образ», утверждает и Б. Ф. Славин²⁴), и образ этот представляется ему более емким и более точно соответствующим реалиям системного кризиса в архаичной среде, чем понятие «революция», навеянное отнюдь не бесспорными аналогиями с Великой Французской революцией.

Вот такой разброс мнений. Начнем с вопроса о соотношении прогресса и революции. Прав В. Д. Соловей, заметивший, что революция далеко не всегда связана с прогрессом, как это считает И. А. Анфертьев. Кстати, у последнего налицо противоречие: если революция по его определению должна удовлетворять запросы наиболее значительной части населения, то август 1991 г., вопреки тезису Анфертьева, это никак не революция, поскольку эти события привели к резкому ухудшению жизни огромной части населения, вызвав регресс в экономической, социальной и духовной сферах. При этом августовские события 1991 г. вкуче с обусловленными ими «реформами» Гайдара (по сути — массовой экспроприацией населения) изменили социально-экономический строй, т. е. были революцией. Кроме того, помимо социально-экономических революций бывают революции политические, и события 1905—1907 гг. — это, конечно же, политическая революция, у которой, впрочем, были и социально-экономические «хвосты».

Вообще же, как правило, кратко-, а иногда и среднесрочным результатом революций становится разрушение производительных сил, ухудшение экономического положения значительных по численности слоев, нередко — большинства, т. е. регресс. И это естественно: если революция есть выход из системного

кризиса, его преодоление в условиях краха, развала прежней социальной системы, то, во-первых, этот выход всегда осуществляется за счет кого-то; во-вторых, в потоке кризисно-революционного времени люди выбирают из двух зол — хаос или новый порядок, отличающийся более жестким социальным контролем от старого порядка, более скудным «экономическим рационом» и обладающий своей социальной несправедливостью (например, наполеоновская эпоха и Реставрация во Франции, СССР в 1920—30-е гг. — особенно в описании Ю. Олеси/А. Белинкова: ситуация превращения тибулов и проспеко в новых «толстяков»).

А вот события конца 1920-х — начала 1930-х гг. — это, действительно (правы И.А. Анфертьев и А.М. Колганов), — революция, причем вдвойне: 1) она кардинально изменила социально-экономический строй — отношения собственности, власти и социальной организации для основной массы населения и в то же время 2) принципиально изменила положение России/СССР в международном разделении труда, в мировой системе — октябрьский переворот 1917 г. и тем более НЭП к такому изменению не привели. Речь, на мой взгляд, должна в данном случае идти о национальной («национально-имперской») фазе революции (1929—39 гг.), которая пришла на смену интернациональной фазе (1917—27 гг. — аккуратно между «октябрьским» переворотом 7 ноября 1917 г. и попыткой троцкистского путча 7 ноября 1927 г.), став ее отрицанием. Эта же вторая фаза должна была дать окончательное решение крестьянского вопроса, который стоял перед русской властью как минимум с середины XIX в., а по сути раньше, и который не был решен самодержавием.

Речь идет об интеграции крестьян в современное (в нашем случае — системно-антикапиталистическое, т. е. социалистическое) общество и установление социального контроля над ним как над массой населения. Если в столкновении двух революций в 1917—22 гг. — «революции комиссаров» и «революции крестьян» (некоторые участники

дискуссии говорят об «общинной революции» — кавычки вполне уместны) крестьяне как минимум не проиграли; партия была отложена, но в 1929 г. возобновившись, завершилась победой «железных коней» — и «железных наркомов». В известном смысле эта вторая революция завершила, загасила смуту, начавшуюся в широком смысле в 1860-е гг., в узком, если брать только деревню, в 1902 г. И она же стала последним аккордом гражданской войны в России, окончательно «дисциплинировав» (в фукоистском смысле слова) «охлос», превратив «опасные классы» русского общества в «трудящиеся классы» — на это в свое время в «Книге Второй» обратила внимание Н. Мандельштам.

2. К сути дела

Целый ряд мыслей о смуте и революции высказал один из лучших знатоков «красной смуты» и автор одной из лучших книг о ней в русской и зарубежной исторической науке В. П. Булдаков. И, как это часто бывает у больших ученых, в своих рассуждениях о смуте и революции он вышел за рамки этой тематики и затронул важные методологические проблемы, побуждающие к спору. Я не могу согласиться с его интерпретацией феномена революции и смуты, с самим подходом к ним. Впрочем, как говорил мой хороший знакомый Ф. Фехер, именно несогласие делает жизнь стоящей штукой.

Прежде всего отмечу, что Булдаков предлагает две принципиально различные, логически противоречащие друг другу интерпретации различия между смутой и революцией.

Интерпретация № 1: революция связана с современным обществом, с эпохой Модерна, а смута — архаичное явление, т. е. связано с досовременной, докапиталистической эпохой.

Перед нами различие объективное и содержательное.

Но тут же выдается интерпретация № 2. Оказывается, революция — это понятие, которое

используется преимущественно теоретиками и политиками, а смута — это образ, используемый главным образом писателями и художниками; соотношение смуты и революции отражают старые и новые **представления** (выделено мной — А. Ф.) об истории, связанные с эпохой Просвещения.

Перед нами различие субъективное и функциональное. Здесь смута и революция — не реальности, а образы и представления. При этом если образ «революция» действительно может отражать представления о старом и новом, связанные с эпохой Просвещения, то как это может быть с образом «смута», который появился задолго до эпохи Просвещения? Это — первое. Второе заключается в том, что термин «смута» самым активным образом использовали не только писатели, но и ученые — и, пожалуй, чаще, чем писатели, а термин «революция» активнейшим образом использовался писателями; попытка противопоставить смуту революции по субъекту пользования ими как терминами представляется несостоятельной и надуманной.

Еще больше запутывают аргументацию Булдакова следующие его три пассажа:

1) «...революция — это просто переворот, а смута — это, прежде всего, отсутствие привычного порядка, создающее впечатление тотального хаоса»²⁵.

2) В смутах, считает Булдаков, гипертрофирован эмоциональный момент, а модернизационный приглушен (в революциях, по этой логике должно быть наоборот); здесь сразу же возникает сомнение по поводу логичности и корректности составления пары противоположностей «эмоциональный — модернизационный». Должно быть либо «эмоциональный — рациональный», либо «традиционный — модернизационный». Иначе получается, что в движениях и тем более революциях Модерна не было эмоций — их совершали биороботы, а смуты творились сверхэмоционалами-психопатами, руководствовавшимися инстинктами. Чтобы убедиться в противоположном по обоим случаям, достаточно почитать психологов XX в. о

революциях этого столетия и что угодно по истории русской смуты начала XVII в.

3) В российских смутах результат противоположен задуманному, это насмешка над революционным процессом.

Во-первых, революцию «просто переворотом» считали с 1688 г. (со «Славной революции», породившей этот термин как политический) до 1789 г., когда речь пошла уже о кардинальном системном изменении, а не просто перевороте. Если революция — это «просто переворот», то зачем вообще существует и зачем нужен этот термин? Обойдемся «переворотом».

Во-вторых, если смута — это отсутствие привычного порядка и в таком качестве противопоставляется революции, то значит ли это, что революция как «просто переворот» не предполагает изменения или уничтожения существующего порядка (что, безусловно, выглядит как хаос — история всех революций демонстрирует это со стеклянной ясностью)? То есть на самом деле **в этом плане** различий между смутой и революцией нет.

В-третьих, нет в реальности различия между смутой и революцией по степени эмоционального накала участников. Разве что если кто-то изобрел эмоциемер и исследовал смуты и революции.

В-четвертых, — и это уже логика, — если в смутах столь силен эмоциональный момент, то как же можно утверждать, что в российских смутах результаты противоположны задуманным? Откуда берется задуманное, если гипертрофирован эмоциональный момент, а «модернизационный», т. е. направленный на сознательную модернизацию «приглушен, либо отсутствует вовсе»? В соответствии с данным Булдаковым определением смуты у нее в принципе не может быть **контрпродуктивного** результата; таковой возможен только у революции или, что еще более вероятно, у реформы, но никак не у смуты. Здесь, прежде чем двигаться дальше в анализе дискуссии, я должен предложить собственную трактовку смуты, революции и их соотношения.

В качестве метафоры, образа «смута» может применяться далеко за пределами русской истории как некое “time of trouble” в США 1970-х гг., в Китае XVII в. или в древнем Египте эпохи Переходных периодов. В научном плане, т. е. в качестве понятия «смута» есть термин, отражающий совершенно определенную русскую ситуацию. Суть в следующем. Русская власть носит автосубъектный характер по сути, а функционально стремится к моносубъектности, т. е. к недопущению появления иных властных субъектов. Властный субъект может быть только один-единственный. Появление второго (третьего, четвертого и т. д.) разрушает эту власть и строй, системообразующим элементом которого она является. Смута — это ситуация раздвоения (как минимум) субъекта власти, ввергающая систему в кризис, поскольку в данной системе единственность властного субъекта есть показатель нормы и социального здоровья, *conditio sine qua non* существования системы. Раздвоение — это Шуйский против Лжедмитрия II, Временное правительство против Петросовета, красные против белых, Ельцин против Горбачева, а затем — Верховного Совета.

В буржуазном обществе наличие иных властных (политических) субъектов, чем центральная власть (государство — *lo stato/state*) не ведет к кризису: полисубъектность власти, политическая полисубъектность — норма западного общества эпохи капитализма (XIX — начало XXI вв.) и даже Старого Порядка (XVII—XVIII вв.). Причем эта полисубъектность зафиксирована институционально и ценностно. В России ситуация принципиально иная, а потому все макромасштабные потрясения оборачиваются смутами. Сложность русской истории XX в. в том, что здесь смуты в той или иной степени являются и революциями, будь то 1905—07, 1917—22/27, 1929—33/39 или 1991 г. (хотя в последнем случае зазор между смутой и революцией исключительно мал, причем в значительной степени благодаря международным факторам).

3. Смута versus революция, архаика versus Модерн

А что такое революция? Революция есть характерный для капиталистического социума или социума, который включен в капиталистическую систему, в котором капиталистический уклад является ведущим, хотя может и не быть доминирующим, способ разрешения кризисных ситуаций, кардинально меняющий социально-экономический и/или политический строй (в соответствии с тем или иным политико-идеологическим проектом — либеральным, марксистским/социалистическим/коммунистическим или консервативным) и положение данного социума в международном разделении труда.

Помимо обычно верно фиксируемого качественного сдвига в отношениях власти и собственности я особо подчеркиваю такую имманентную, сущностную характеристику революций как их проектно-конструкторский исторический характер (субъектный фактор — не путать с субъективным), накладывающийся на системную ситуацию (не путать с «объективным» фактором); другое дело — как реализуется проектно-конструкторский замысел, как он вступает в противоречие с системной реальностью. Проектно-конструкторский характер революций проявляется в наличии организации, финансовой базы, манипуляции информпотоками, а также в наличии внешних союзников (в XX в. без таковых не обходилась ни одна революция, что еще более усиливает ее проектно-конструкторский характер).

Нужно вообще отметить, что в середине XVIII в. произошел «великий эволюционный перелом» (термин А. А. Зиновьева, придуманный им по иному, чем события XVIII в., поводу, но вполне уместный в данном контексте) — история из преимущественно стихийной стала превращаться в преимущественно проектную, конструируемую, и средством конструирования стали в том

числе революции, которые, естественно, невозможно создать, но можно использовать, направить и превратить в революцию антисистемное движение. В результате творчество масс, превращаясь в революцию, может менять конструкторско-проектный замысел или вообще выходить из-под его контроля — Гегель назвал бы это «коварством истории». С середины XIX в. проектное конструирование истории приобретает международный характер — как «слева», так и «справа»; впрочем, несколько видоизменяя Гермеса Трисмегиста, можно сказать: что слева, то и справа — диалектика.

В России проблема соотношения стихийно-антисистемного и проектно-конструкторского — это, с некоторым упрощением, проблема смуты и революции. А еще точнее — проблема революции, победившей смуту и на костях последней (в переносном и прямом смысле слова), а также на костях первой, интернациональной, фазы революции построившей советский (сталинский) Модерн. Модерн квазиимперский по форме, антикапиталистический по содержанию и не имеющий серьезного отношения к архаике, за которую нередко принимают форму, предварительно сведя к смуте всю сложность смутореволюционного процесса и усматривая в русской революции только смутное, архаическое. Такой угол зрения приводит к ошибочному анализу не только революции, но и советского общества.

Трактуя события в России начала XX в. как смуту, т. е. процесс самоорганизации хаоса, Булдаков логично (в рамках своей сетки координат) ставит вопрос: «И во что может в России вылиться революция (особенно «социалистическая») кроме архаизации (в форме внешнего обновления) прежних структур и иерархий?»²⁶. И хотя здесь стоит знак вопроса, ответ автора очевиден. Отсюда логично вытекает еще один вопрос (по сути — утверждение): «Возможна ли вообще революция в России? Может быть системный кризис архаичной структуры в инновационном отношении бесплоден по определению? Если русская смута

— это преимущественно эмоции, то **что** она может дать кроме удовлетворения прихотей, задавленных в застойной жизни?»²⁷.

Таким образом, Булдаков полностью укладывает революцию в смуту, практически растворяет ее в ней, по сути отрицая саму возможность революции в России и трактуя события начала XX в. как смуту, а советское общество как подновленную архаику — прежние структуры и иерархии в обновленной форме. В этих выводах автор «Красной смуты» в соответствии с принципами своего подхода рассуждает абсолютно логично и последовательно. И, по моему мнению, абсолютно ошибочно как с точки зрения теории, так и с точки зрения истории, реальной практики русской и особенно советской истории XX в.

Во-первых, как было показано выше, выводы Булдакова по поводу российских потрясений начала XX в. базируются на принципиальном методологическом неразличении смуты и революции — декларировать отличие смуты от революции не значит обосновать и доказать его. Во-вторых, хотя русские революции XX в. были и смутами, хотя **количественно** «смутный» аспект внешне преобладал, внешне создавал картину разгула архаики, **качественно** (напомню мысль Эйнштейна о том, что мир — понятие не количественное, а качественное), определяющую роль в характере и развитии русских событий рубежа 1910—1920-х гг. играл революционный, т. е. современный, современный элемент, связанный с системным отрицанием как капитализма, так и традиционной русской архаики. И то, что в конечном счете этот элемент железным обручем современной организации сдавил и укротил смуту и архаику, используя ее энергию в «антиархаических целях». В данном случае не то важно, что **крестьянин** выбрал большевиков, т. е. левый Модерн, а то, что он **выбрал** то, что ему **предложили**. Предлагавший субъект ставил, решал (и решил) задачи вовсе не архаические и даже не страновые, национального уровня, а более масштабные.

Не буду спорить о том, была ли колхозная деревня обновленной формой дореволюционной архаики: думаю, нет. Но то, что город уже в 1930-е и тем более в 1950-е гг., когда в жизнь вошло поколение **советских** людей, к тому же переживших абсолютно современную войну — Вторую мировую — не был архаикой в обновленной форме, это очевидный факт. Именно промышленно-городской уклад был ведущим в советском обществе, придавая ему его особые характеристики. По принципу конструкции это было так уже в 1920-е гг., и проницательные люди хорошо это понимали, а если не понимали, то чувствовали:

*Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница.*

(С. Есенин)

Показательно, что по логике своего подхода Булдаков говорит о «коммунистической автаркии», освобождение от которой, по его мнению, якобы пришло с распадом СССР²⁸. Это когда же у СССР была автаркия по отношению к мировому рынку? Даже в 1930—50-е гг. отношение СССР к мировому рынку нельзя назвать автаркией, ну а в период с конца 1950-х гг. интеграция СССР в мировой рынок (экспорт нефти, газа, оружия и много чего другого и импорт тоже много чего) шла по нарастающей. Причем до такой степени, что интеграция в мировой сырьевой рынок сделала СССР уязвимым в середине 1980-х гг., а позиции на мировом рынке в целом были таковы, что та же Тэтчер осенью 1991 г. признала, что опасалась СССР как экономического агента мирового рынка в первую очередь, а как военную угрозу — только во вторую. Это какую же автаркию преодолели с крушением коммунизма, если в 1980 г., обеспечивавший 10% мировой добычи нефти газа советский топливно-энергетический комплекс снабжал сырьем всю Европу — социалистическую и капиталистическую? И хотя доля сложной техники в

экспорте падала (с 20,7% в 1960 г. до 12,5% в 1985 г.), экспортировали и ее. Про экспорт оружия я не говорю. И это автаркия «обновленной архаики»?

Вообще нужно сказать, что тенденция к отождествлению советского типа общества с архаикой, с тем или иным «докапитализмом» в традиционной («азиатский» способ производства, феодализм) или обновленной («нео-») форме в свое время была распространена, особенно среди бывших левых — К. Виттфогель, Р. Гароди и др. У нас активно «архаизирует» советское общество С.Г. Кара-Мурза. Он объясняет кризис СССР 1980-х гг. тем, что советское общество, традиционное, крестьянское по своему социальному архетипу оказалось несовместимо с урбанизацией.

По-видимому, делая такой вывод, певец советской цивилизации не отдает себе отчет в том, что играет на руку своим оппонентам, работает на них, рисуя советское общество в качестве принципиально несовместимого с городским, т. е. современным образом жизни, ограничивая его исторические сроки и бытие аграрной фазой истории и таким образом фиксируя неспособность к развитию. Но мы-то знаем, что это не так, что советское общество 1930—1970 гг. было городским и **развивалось как именно промышленно-городское общество**. Если СССР был обречен самим фактом «аграрного потолка», то зачем, как это делает С. Г. Кара-Мурза, придумывать «антисоветский проект» части советской интеллигенции, который якобы погубил СССР? Налицо противоречие, если не сказать когнитивный диссонанс.

На самом деле причины крушения советского социума как промышленно-городского системно-антикапиталистического общества кроются не в хозяйственной, а в социально-экономической сфере, в базовых противоречиях строя и его системообразующего элемента — номенклатуры, в противоречиях присвоения нематериальных и материальных факторов производства; снятие этих противоречий на пути интеграции части

номенклатуры в мировой рынок и стало причиной крушения системного капитализма и СССР. Поэтому не надо наводить тень на плетень и, акцентируя якобы роль якобы архаики, уводить от реальных факторов и особенностей развития общества. Кстати, показательно, что С. Г. Кара-Мурза и тот же В. П. Булдаков, говоря о советском обществе, не ставят вопрос ни о господствующих группах с их интересами, ни об объектах присвоения этих групп, ни о формах эксплуатации населения, подменяя все это туманными рассуждениями об архаике и Модерне, об эмоциях и удовлетворении прихотей.

Отсутствие теории советского общества, анализирующего его реальные противоречия и адекватно отражающей его собственную природу, логически ведет либо к дешевым генерализациям в духе «компрадорской политологии», либо к интерпретациям, архаизирующим советскую и революционную реальность или, что еще хуже, субъективизирующим и психологизирующим ее. Эти последние суть реакция как на западные схемы, так и на схемы типа «развитого социализма», являются их изнанкой, но ведь изнанка, как правило, хуже лицевой части, какой бы она ни была. От такой «изнанки» остается всего лишь шаг до перевода научного исследования в область тотальной интуиции и озаряющего чувствования. И неудивительно, что именно в таком духе Булдаков завершает свое выступление: «...противостояние понятий смуты и революции имеет глубокую культурно-историческую природу. Из этого следует только одно: исследователь должен мысленно корректировать привычные термины соответственно их историческому наполнению. Продуктивно рассуждать о российской истории можно, только прочувствовав ее культурно-антропологическую “боль”, то есть через постижение смут “изнутри”. В этом смысле социологические абстракции и, тем более, политологические генерализации не только бесполезны, но и опасны»²⁹.

С тезисом о постижении русской истории изнутри как условия ее понимания перекликается тезис С. Ю. Разина о том, что «понять российские смуты и революции можно

только исходя из нашей собственной истории и культуры. Обретение “почвенного”, изоморфного понимания российских смут и революций крайне важно для нашего общества³⁰. Впрочем, про «боль» и чувства здесь ничего нет.

Спору нет, надо понимать свою историю из нее самой — метод и теории русской истории должны выводиться из нее, соответствовать ее природе, а не навязываться извне в виде идеологем, отражающих чужие и чуждые ценности; схем, отражающих чужие и чуждые интересы и теории, отражающих чужие и чуждые опыт и практику, — я неоднократно писал об этом. В то же время вызывает большое сомнение тезис, согласно которому только прочувствовав культурно-антропологическую боль России, можно понять ее и ее смуты; только чувство приведет нас к пониманию, а не абстракции и теории — эти генерализации бесполезны и опасны.

Так и хочется сказать «чур меня, чур». Или повторить за М. Горьким: «Он пугает, а мне не страшно» (о Л. Андрееве). О том, что «умом Россию не понять» (умом — т. е. теориями), мы уже слышали. От Ф. Тютчева. Но одной веры и чувств мало — именно недостаток ума (хорошей теории, по поводу которой А. Эйнштейн говаривал, что нет ничего практичнее) и избыток чувств, т. е. некоторая чувственная ацефалия является одной из причин исторических поражений России. Еще одна причина — следование тупым западным экономическим, социологическим и политологическим теориям. Так кто же заставляет? И кто заставляет формулировать ложную и не самую умную дилемму: либо чувствовать Россию, либо пользоваться плохими теориями — и то и другое бесполезно и опасно. Нужно разрабатывать теории, адекватные объекту — «пора, пора, е... мать, умом Россию понимать» — эти строки (ответ Тютчеву) представляются мне весьма актуальными. Можно многое почувствовать, но сформулировать почувствованное можно только на языке теории: спор номиналистов и реалистов состоялся в XIV в. и

завершился победой первых, по-видимому, не еще всем об этом сообщили. Можно создавать сколь угодно верные образы, но без и вне теории все это будет роман, а не наука: научный факт есть эмпирический факт, включенный в рамки той или иной теории; вне теории есть только эмпирические наблюдения, за которыми скрывается... плохая теория.

И еще один аспект призывов понимать русскую (китайскую, немецкую, английскую и т. д.) историю, русскую смуту/революцию изнутри, из нее самой, которые я поддерживаю полностью. С одной оговоркой: это необходимое, но не достаточное условие понимания. Как заметил в свое время Б. Ф. Поршнев, изучать историю одной страны невозможно. Даже если это такая огромная страна, страна-мир, как Россия.

Русские смуты и революции невозможно полностью понять вне европейского (евразийского) и мирового системно-исторического контекста. Так, русская смута начала XVII в. была русским элементом кризиса XVII в. — европейского и мирового. Русскую революцию 1917 г. можно адекватно понять только в контексте мировой революционной волны первой четверти XX в., борьбы государств и наднациональных сил. В этой волне было нечто (и это нечто было весьма важным), что характеризовало не столько Россию, сколько мировые тренды. Без этого «нечто» русская революция была бы не революцией, а новой пугачевщиной или в лучшем случае новой русской смутой, результатом которой скорее всего стали бы сермяжная архаика и полуколониальный статус, а не сталинский Модерн, победа в войне, атомная бомба, покорение космоса и статус сверхдержавы.

Аналогичным образом события времен горбачевщины и ельцинщины (1985—96) — «русская» капиталистическая революция — была элементом неолиберальной революции и глобализации 1980—90-х гг., классового союза части советской номенклатуры и западного капитала. Вне того **мирового** поворота, который произошел на рубеже 1970—80-х гг., наложившись на

структурный кризис советского общества и его верхов и позволив части которых выйти из их кризиса путем превращения в капиталистов и разрушения СССР, мы не поймем суть «революции 1991 г.» — сколько ни вчувствуйся и не подвергай себя культурно-антропологической боли; впрочем, все же лучше без мазохизма.

В сухом остатке: преодоление русской архаики и ментальной анархии требует серьезной работы в области теории — теории русской истории и теории мировой и евразийской систем, элементом которых была и остается Россия и на стыке которых возникали такие явления как русские революции XX в., советский коммунизм и уродоциум на территории бывшей РСФСР.

Понятно, что в условиях провинциализации научной мысли в современной России, оборачивающейся детеоретизацией знания и заглатыванием чужого интеллектуального мусора, особенно в сферах политологии и социологии, это трудно сделать. Но другого пути нет.

4. Смуты и революции — рычаги, пружины и блоки

Участники дискуссии называют различные факторы, блокирующие или, напротив, ускоряющие смуту. Так, В. Д. Соловей согласен с мыслью Дж. Голдстоуна о том, что «государства, пользующиеся поддержкой сплоченной элиты, в целом неуязвимы для революции снизу»³¹. Н. В. Асонов, напротив, подчеркивает значение поддержки власти со стороны народа как фактор, позволяющий не допустить смуту. Историк фиксирует, что благодаря опричнине Ивану Грозному удалось «подавить деструктивную оппозицию в лице “полужидовствующих”, политическая идеология которых ставила целью разрушение православной государственности в России; “нестяжателей”, вставших на позиции “терпения” и “кротости” в отношении “развратников веры христовой”; сторонников удельно-княжеской управленческой модели, мечтающих вернуть

власть великим родам, а также приверженцев республиканско-вечевых традиций, Московское государство не только избежало раскола и более кровавых религиозных войн, поразивших западноевропейский мир, но и сохранило себя в качестве оплота славяно-православной цивилизации, обеспечив ее последующее выживание»³². Решающую роль в этой блокировке смуты Асонов отводит не царю, а народу, который принял курс самодержавной соборности и понял значение опричнины как вынужденной временной меры.

Думаю, сегодня трудно сказать, понял ли народ «опричнину» как чрезвычайку и размышлял ли он в таких категориях, — скорее всего, нет. Но то, что народ действительно воспринимал курс Грозного как соборный и поддерживал царя против «утеснителей-бояр», сомнения не вызывает, иначе страна взорвалась бы не в 1600-е, а в 1570-е гг. Более того, именно опричнина заложила фундамент тех институтов, которые так и не удалось разрушить в смуту предателям-боярам, возводившим на престол Владислава и мастырившим свой княжеско-олигархический строй, и которые полностью восстановились к середине XVII в. На прочность государственных институтов, созданных в XVI в., указывает и Д. В. Лисейцев, подчеркивая, что российская государственность не только не была разрушена смутой, но именно эта прочность способствовала преодолению смутного времени³³.

И главное — опричнина не вызвала системного кризиса и не довела противостояние власти и народа до крайней точки, а, как справедливо отмечает В. П. Булдаков, смута/революция не состоится, пока системный кризис не достигнет своего апогея, приняв форму открытого противостояния народа и власти³⁴.

Впрочем, некоторым участникам дискуссии вопрос о народе как субъекте смуты/революции представляется не таким простым, как кажется на первый взгляд. Например, А. В. Чертищев отмечает, что в 1917 г. действовали не классы, а массы³⁵, причем люмпенизированные, маргинализированные³⁶, короче — толпообразные. Это,

кстати, перекликается с мыслью В. П. Булдакова о том, что поскольку российская история не создала устоявшихся структур и этнических общностей, смута непременно примет охлократический характер³⁷. Правда, здесь возникает вопрос к Булдакову: китайская и французская истории создали устоявшиеся структуры и этнические общности, но рискнет ли кто-либо утверждать, что в революциях в этих странах не было охлократии? И вопрос к Чертищеву, который считает низкий культурно-образовательный уровень фактором, способствующим превращению масс в объект манипуляции. А разве события перестройки и послеперестроечное десятилетие не продемонстрировали, что и население с достаточно высоким культурно-образовательным уровнем легко превратить в манипулируемое стадо? Думаю, все мы помним это время и поведение многих наших коллег из «кученого цеха».

Рассуждая о механизме возникновения предпосылок революций, нельзя не согласиться с В. П. Булдаковым, М. И. Ильеховым, А. М. Колгановым в том, что эти предпосылки создаются прежде всего господствующим слоем. «Несомненно, что смуты провоцируются верхами, не умеющими адекватно реагировать на внешние вызовы, — пишет Булдаков³⁸ (я бы добавил: и внутренние). По мнению Ильехова, революцию провоцировала косная правящая элита. И далее: «...революцию готовят и делают не революционеры, а “олигархи” разной социальной принадлежности»³⁹. (Как тут не вспомнить Л. Д. Троцкого с его фразой о том, что настоящие революционеры современного мира сидят на Уолл-стрит; Троцкий имел в виду Фининтерн.) Ильехов приводит весьма интересную и точную, на мой взгляд, характеристику одним немецким публицистом деятельности П. А. Столыпина: «Столыпин сделал все для подавления революции прошлой, но очень мало для предотвращения революции будущей». Я бы сказал более: Столыпин своей реформой сделал немало для приближения будущей революции.

Впрочем, вряд ли можно предъявлять исторический счет одному Столыпину. Он был выдающимся представителем определенной властно-классовой системы, которая на рубеже XIX—XX вв. загнала себя в цугцванг. У этого цугцванга было два аспекта. Важную черту первого отметила Ю. А. Жердева, зафиксировавшая коллапс крестьянского патернализма имперской системы: «неразрешимое “мирным” путем противоречие между стремлением российской императорской власти сохранить крестьянство как субъект⁴⁰ патерналистской опеки государства... и непреодолимыми требованиями индустриально-городской культуры, требовавшей ликвидации крестьянства в его традиционном понимании»⁴¹. Не будучи способной решить вопрос в интересах крестьянства, и в то же время ликвидировать этот слой, императорская власть тормозила его решение, откладывая — и дооткладывалась, получив крестьянские вилы в бок.

Иными словами, речь идет о том, что логика развития промышленно-городского общества, капитализма требовала ликвидации крестьянства как слоя, что и сделал советский режим в 1929—33 гг. А вот позднее, хотя противоречия между ним и крестьянством нарастали, самодержавие сделать этого не могло в силу своей классовой и властной природы. Как тут не вспомнить А. А. Зиновьева, заметившего как-то, что самое страшное — это власть народа над самим собой, ничем не опосредованная, прямая. Т. е. барин мужика может пожалеть, а мужик мужика вряд ли; с такой мыслью вполне мог согласиться Н. С. Лесков, она проходит красной нитью сквозь его произведения, достаточно вспомнить «Тупейного художника».

Второй аспект заключается в том, что самодержавие не могло разрешить проблему не только «треугольника» «самодержавие — крестьянство — капитализм», но и треугольника «самодержавие — дворянство — буржуазия», будучи не в силах разорвать ни с дворянством ради буржуазии, ни с буржуазией ради дворянства — эту

проблему решили большевики, взорвав систему позднесамодержавного Тянитолкая.

Эквивалентно сравнимая с положением в России начала XX в. складывается ситуация сегодня, сто лет спустя. Власть, с одной стороны, не может отделить себя мирным путем от «олигархов» (из этой же «оперы» решение проблемы коррупции как системообразующего, по признанию самой власти), с которыми образует корпорацию-государство; подобного рода попытка возможна лишь как результат введения чего-то похожего на неоопричину. С другой стороны, власть не может отказаться от сохранения населения в качестве объекта квазипатернализма. Во-первых, поскольку это население своей хозяйственной и социальной деятельностью удерживает экономику от серии техногенных катастроф, а социум — от хаоса; это одна из его главных, хотя и не прокламируемых функций в системе — техногенные катастрофы и хаос автоматически ломают систему извлечения прибыли и властвования. Аналогичным образом коллективы институтов в системе РАН сохраняются **отчасти** для физического наполнения и поддержания функционирования материальных объектов собственности как важнейших активов для реализации групповых и опять же отчасти государственных интересов — например, в качестве госгарантий при получении международных займов. Во-вторых, население — какой-никакой электорат, и хотя опора власти — не все население, а население определенных регионов страны, определенная численность для содержания «зоны охоты» (М. Б. Ходорковский), явки на выборы, а в случае необходимости — демонстрации Западу некой массы со своими интересами, необходима.

Возникает треугольник «власть — “олигархи” — население», проблемы которого мирным, эволюционным путем неразрешимы при том, что развитие ситуации в стране и мире требует скорейшего решения, которое власть тормозит, оттягивает. Результат, похоже, может быть таким же, как в 1917 г.

К факторам, работающим на революцию, следует добавить разложение системы управления, тесно связанные с этим коррупцию и непрофессионализм управленцев. Об этом состоянии Российской империи на рубеже XIX—XX вв. писали многие, в том числе весьма ярко и красноречиво Н. Е. Врангель в своих воспоминаниях. Эти черты и особенности позднеимперской России полностью, причем в гротесково-фарсовом виде воспроизвелись Белым движением в зоне его контроля. «Все характерные черты “второй русской смуты”, — пишет С. В. Карпенко, — проявились в истории Белого движения. Среди них — управленческая анемия “верхушки” Белого движения, вспышка частного и корпоративного эгоизма, деморализация в среде бюрократии и буржуазии и т. д.»⁴². Т. е. перед нами недееспособность власти и части общества (верхов), их неадекватность в реагировании на эти факторы как причины обеих смут — начала XVII в. и начала XX в. — указывает в своем выступлении В. В. Шелохаев⁴³.

Частный и корпоративный эгоизм, деморализация бюрократии и буржуазии, коррумпированность верхов — все эти характеристики позднеимперской и Белой России вполне применимы к РФ, словно списаны с ее реалий. И не случайно ряд участников дискуссии, размышляя о смутах и революциях, затронули наши дни.

Так, А. И. Селиванов подчеркнул, что смутные времена продолжаютя и в наши дни, образ благоденствия в России — всего лишь симулякр реальности, сформированный политиками и СМИ; в то же время, предупреждает участник дискуссии, не надо скатываться в деконструктивность эмоционально-панических настроений⁴⁴.

Причину нынешних смутных времен Селиванов видит в разладе народа и власти, в расхождении интересов народа (страны, цивилизации) с интересами власти, элит и других групп, влияющих на принятие государственных управленческих решений.

С одной стороны, угроза российской государственности, отмечает Селиванов, исходит от многих представителей власти в стране, это «коррупцированные чиновники, представители крупного отечественного капитала, ставшего внеациональным, криминальные структуры, различные этнические и общественные группы и слои, не несущие в себе российских ценностей, большинство СМИ»⁴⁵. С другой — силы и субъекты, находящиеся за рубежом: зарубежные политические и финансовые центры, ТНК и МНК, чьи интересы по отношению к России в целом совпадают с интересами российских коррупционеров и компрадоров и обслуживающих их представителей медийных и научных структур.

Селиванов верно указывает на классовый и антицивилизационный по отношению к российской цивилизации блок внешних и внутренних сил, который можно назвать «либерально-интернациональным». Этот термин — не мое изобретение. Им активно пользуется «тихая американка» британского происхождения Фиона Хилл (в настоящее время — директор Центра США и Европы Института Брукингса, до этого — руководитель секции по России и Евразии в Национальном Совете по разведке США). Как отмечает А. Левченко, в свое время Хилл курировала подготовку двух аналитических докладов — «Альтернативные сценарии развития России до 2017 года» и «Стратегия США на Кавказе и в Черноморско-Каспийском регионе». Наиболее желательным для США сценарием Хилл считала приход к власти в РФ «либеральных интернационалистов» во главе с Немцовым, Явлинским, Каспаровым и Ходорковским. В докладе констатировалось, что победить в РФ конституционным путем у либерал-интернационалистов шансов практически нет, в связи с этим не исключался их приход к власти с помощью цветной революции.

За исключением Ходорковского все остальные либерал-интернационалисты — фасад либерального клана «старосемейных» — засветились на Болотной и на Сахарова.

Кстати, сегодня правые глобалисты (они же либерал-интернационалисты) в блоке с западным финансовым капиталом пытаются сделать с РФ то, к чему в 1920—30-е гг. в союзе с Фининтерном стремились левые глобалисты, и что им не позволил красный имперец Сталин. Сейчас вопрос стоит аналогичным образом: Россия — либо сырьевой элемент глобальной системы, либо импероподобное образование, противостоящее этой системе в союзе с другими импероподобными образованиями.

5. Забытый внешний фактор

К сожалению, тема внешнего фактора в русских смутах практически не получила звучания в дискуссии. Ее походя, вскользь и не самым удачным образом, коснулся только один из участников дискуссии — М. И. Ильюхов. Он заметил, что тезис об английском следе в февральско-мартовских событиях ошибочен, поскольку англичанам как союзникам в шедшей войне не надо было дестабилизировать Россию⁴⁶. Трудно сказать, чего здесь больше — наивности, незнания реальных фактов или недостаточного их осмысления. Тезис о том, что, поскольку Россия — союзник британцев, то они не заинтересованы в ее дестабилизации, типологически напоминает мне рассуждения, услышанные мной от одного деревенского дедка. Говорил он (это был 1981 г.) следующее: «Рейган — артист, поэтому он с нами (СССР) ссорится не будет, артисты — мирные люди». Ну а если серьезно, то посмотрим на военную ситуацию в декабре 1916 — январе 1917 гг. Союзникам было ясно: Германия истощена, война выиграна, даже если она продлится еще год, Германия перешла к стратегической обороне, русские планируют Босфорскую операцию на март-апрель 1917 г., и тогда взятие ими Константинополя, контроль над Проливами и свободный выход в Средиземное море станет *fait accompli*. Т. е. Россия силой подкрепит и так обещанное союзниками, прежде всего британцами, и этого уже не отыграть. Но — не отыграть, если Россия останется среди победителей, если не ослабевает резко или вообще не

развалится, перестав быть организованной геополитической целостностью.

В 1934 г. канцлер Венгрии граф Иштван Бетлей заявил: «Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне лишь русскими губерниями. Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властителей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги».

Возможно, дунайские страны и не стали бы областями России, а лишь превратились бы в зону ее влияния, как это произошло после и в результате Второй мировой войны — и этого вполне достаточно. Главное в другом — в выходе России в Средиземноморье и Центрально-Восточную Европу. Напомню, что именно ради недопущения этого британцы затеяли Крымскую войну, именно ради недопущения русского щита на вратах Царьграда впопыхах организовали в апреле 1915 г. Галлиполийскую операцию по захвату Дарданелл и Стамбула — чтобы потом не пустить туда русских (сорвалось — операция, организованная Черчиллем, провалилась).

В 1917 г. возникла реальная угроза не только восстановления геополитических позиций России в духе времен Николая I, но и существенного усиления их. Ясно, что допустить этого британцы не могли. Ну а в условиях грядущей победы и возможного вступления в войну США (и в любом случае при наличии помощи с их стороны) такой потребности в России, как в 1914—15 гг. уже не было. Отсюда задача: вычеркнуть Россию из числа победителей. Сделать это можно было единственным способом — резким ослаблением или даже разрушением России, что существенно ослабляло сделочную позицию России по отношению к союзникам. Ну а если к власти в России некие силы приходили при помощи союзников, прежде всего британцев, то поддержки этого прихода было достаточно в

качестве платы за участие России в войне, в качестве средства геополитического размена уже без всяких территориальных призов — tout simplement. Ну а дальше возможны манипуляции новичками от власти — так оно и вышло.

Разумеется, без наличия внутренних сил, готовых к дворцовому перевороту (который и открыл «кладезь бездны») — высшего генералитета, руководства кадетов и октябристов, части буржуазии и даже части царской семьи — все это было бы невозможно. Но мы в данном случае говорим, во-первых, о наличии британского интереса в дестабилизации России, он не только мог, но должен был быть — и был. Союзники поощряли заговорщиков — об этом немало свидетельств. И В. И. Ленин был абсолютно прав, написав: «Весь ход февральско-мартовской революции показывает, что английское и французское посольства с их агентами и “связями”... непосредственно организовали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для смещения Николая Романова».

Не нравится Ленин? Не верится ему? Ну что же, послушаем генерала Жанена — главу французской военной миссии в Петрограде. Генерал рассказал, как ему докладывали о том, что британские агенты платили солдатам запасного Павловского полка (Павловский полк, конечно, не Волынский, где служил фельдфебель Кирпичников, но свою роль в событиях он сыграл — и весьма немалую) по 25 руб. только за то, чтобы они не покидали казарм и отказывались подчиняться офицерам. Это столько, сколько в конце XIX в. в Петербурге брали за ночь высококлассные шляхи; разумеется, к 1917 г. рубль просел, но 25 руб. все равно оставались деньгами.

Наконец, последнее по счету, но далеко не последнее по значению соображение — очень простое. Неужели можно помыслить, что серьезный, хорошо продуманный и осуществленный в несколько этапов в течение 10 дней (23 февраля — 4 марта) **во время войны** заговор был возможен

без одобрения и поддержки союзников, прежде всего британцев?! Это просто невозможно. Показательно, что человек, сыгравший решающую роль в заговоре и дальнейшей дестабилизации России — А. И. Керенский — в октябре 1917 г. будет вывезен именно на специально присланном крейсере «Генерал Об» британцами и именно в Лондоне окончат свои дни, чуть-чуть не дотянув до 90-летия. Ему повезет меньше, чем другому разрушителю России/СССР Горбачеву — этому плохишу буржуины отметят 80-летие, причем тоже в Лондоне — в городе, куда он ездил на смотрины западной верхушки перед тем, как занять кресло генсека (ведь сказала впоследствии М. Тэтчер: «Это мы сделали Горбачева генсеком»).

Во время кризисов (смут, революций), т. е. во время разбалансировки системы она приобретает характер открытый или, как минимум, полуоткрытый (впрочем, и этого достаточно, поскольку в кризисных ситуациях первой рушится подсистема защиты — безопасность, ведь именно в ней сконцентрированы все слабости и пороки системы, а следовательно, и их персонификаторы). В системе, открытой иным, в том числе и более крупным системам в условиях кризиса возникают хаотические колебательные процессы, которые невозможно объяснить только внутренними регулярностями — резко увеличивается мощь внешних воздействий, которые, если речь идет о кризисе социальных систем, могут быть результатом целенаправленной деятельности внешних сил. Строго говоря, в открытой слабосбалансированной системе различие факторов внутренних и внешних (равно как каузальности — случайной и необходимой) стирается или становится всего лишь пунктирным. В таких ситуациях субъектный фактор может доминировать над системными (не путать с «субъективными» и «объективными» факторами: субъектный и системный факторы в равной степени объективны), а наилучшие шансы в борьбе, как правило, имеют «внутренние» Властелины Хаоса с хорошей «внешней» подпиткой, если не поддержкой.

Повторю, жаль, что в дискуссиях о смуте и революции в России не был масштабно затронут вопрос о роли внешнего фактора — как в сфере тайной политики, т. е. формирования тайных союзов бояр/чиновников/номенклатуры с западными государствами, наднациональными структурами и капиталом, прежде всего, финансовым, так и прямой интервенции. Все русские смуты включали интервенцию: первая и вторая — военную, последняя — финансово-информационную, с помощью которой советский сегмент глобальной корпоратократии и разрушил СССР. Но это была интервенция в новой форме, поскольку решающие способы разрушения социальных систем и государств в конце XX в. приобрели финансово-экономический и информационно-психологический характер. Действие этих сил и факторов продолжается до сих пор, то затихая, то усиливаясь и таким образом работая на продолжение смуты, на перевод ее в русло развала теперь уже РФ. Собственно, А. И. Селиванов назвал эти силы.

6. Интервенция 1990-х: правовая, партийно-политическая, идеологическая

Интервенция может быть не только военной или финансово-информационной, но и правовой, причем с весьма тяжелыми последствиями. Этот вопрос затрагивает С. В. Ткаченко, демонстрирующий, сколь разрушительным для государственно-правовой системы страны, а следовательно, дестабилизирующим власть, может быть внедрение чуждой правовой системы. Он отмечает, что в 1990-е гг. у нас объем заимствований из западного права приобрел такие масштабы, что еще никогда до этого не носил столь разрушительного характера для российского правосознания; этот перенос западного права Ткаченко называет самой настоящей юридической эпидемией. Нынешняя правовая система, пишет он, «в принципе не отвечает интересам большинства российского населения, отлучив его от реального участия в политической и экономической жизни страны»⁴⁷. Так для того и

переносилось западное право, добавлю я, чтобы отсечь бóльшую часть населения от «общественного пирога» — и отсеки, причем во всем бывшем европейском соцлагере. Если в 1989 г. в Восточной Европе, включая европейскую часть СССР, за чертой бедности жили всего 14 млн человек, то в 1996 г. всего за одну пятилетку ельцинщины эта цифра выросла до 168 млн!

Результатом переноса западного права стало, считает Ткаченко, закрепление Конституцией РФ создания своеобразных политико-правовых уродцев, состоящих из разноплановых по своему характеру «иностранных правовых институтов, плохо подоженных друг к другу, не приспособленных к российским условиям и способных отрицательно влиять на возможный процесс модернизации государства и общества в целом. Так, при построении “правового государства” государственной властью создан западно-русский правовой гибрид “президентская монархия”, который характеризуется феноменом “передачи власти”. К настоящему времени стало очевидно, что институт не привел для государственности к положительным результатам. Конечно, он вполне справился и продолжает справляться со своей основной задачей — окончательное закрепление власти за определенной политической силой, что, в принципе, и являлось основной задачей правовых реформ 90-х годов»⁴⁸. Нынешняя государственно-правовая система, заключает Ткаченко, работает только в пользу правящей элиты, но не в пользу российского общества в целом, т. е. противоречит национальным интересам России.

Если С. В. Ткаченко считает чуждыми русской реальности и вредными для нее заимствованные с Запада правовые нормы, то С. Ю. Разин аналогичным образом оценивает партии, формально скроенные по западному образцу, и сам феномен многопартийности⁴⁹. Многопартийность и партогенез в истории России Разин прочно увязывает с ее кризисным ритмом: «Российскую многопартийность следует рассматривать как один из

важнейших элементов и признаков российской смуты. Само ее (многопартийности. — А. Ф.) существование противоречит глубинным ментальным основаниям Российской Идеократии. И в начале, и в конце XX в. она сыграла разрушительную роль политической и идеологической антисистемы, которая отнюдь не являлась олицетворением так называемых альтернатив развития социума, а воплощала в себе различные способы уничтожения отжившей свой век исторической формы российского имперства»⁵⁰. Разин цитирует мысль Булдакова о том, что российская многопартийность — воплощение доктринальной шизофрении интеллигенции, а не национального целого; но это воплощение способно провоцировать смуту. И вывод Разина, с которым не могу не согласиться: «Возрождение Империи в ее новой форме... неминуемо приведет к ликвидации аморфной отечественной многопартийности»⁵¹. Иными словами, многопартийность в российском социуме есть мера его кризиса, «смутности» и властного регресса. Это — внешний и чуждый по отношению к культурно-исторической сути России феномен, а точнее — эпифеномен.

По справедливому мнению П. П. Марченя, аналогичными качествами внешности и чуждости характеризуются вестернизированные либерально-демократические идеологемы: они являются внешними по отношению к социокультурным кодам массового сознания населения России⁵², и оно отвергает их как чуждые. Главный урок смут Марченя видит в том, что они ясно показывают, какой **не** должна быть власть, демонстрируют народный негативизм по отношению к чужой и чуждой власти⁵³. Во время первой смуты русские отвергли антидержавные прозападные действия элит, а во второй снесли романовскую империю, а затем либерально-демократические декорации и их персонификатора — Временное правительство, этого «самозванца, коллективного Лжедмитрия», а большевики лишь инструментализовали стихию масс⁵⁴.

Исходя из такого подхода, Марченя убедительно аргументирует тезис о том, что русский бунт — беспощадный, но вовсе не бессмысленный, а смута — это не inferнальная череда, которую иные стараются объяснить эпилептоидностью и психопатологичностью Номо госсичес'а; все это вполне рационально и функционально вписывается в имперский контекст. Смуты в интерпретации Марченя суть периоды своеобразной «переоценки ценностей» в имперской истории; эта переоценка связана с обновлением комплекса идеологем⁵⁵ и сначала разрывом, а затем восстановлением единства между Народом и Властью. Разумеется, если эта Власть и ее идеологемы не чужды и не враждебны народу, а воспринимаются им как свои, в данном случае — имперские.

Марченя считает неслучайным воспроизводство в 1930-е гг. имперской по сути модели единения власти и народа, поскольку эта модель соответствует национальным и цивилизационным кодам. А вот западные прагматичные менеджеры, — пишет он, — это не стиль исторической русской власти, и они никогда не будут привлекательны для народа, чающего Воли и Идеи.

7. Воспоминания о будущем, или Что день грядущий готовит строю «наемных манагеров»

В связи с этим возникает вопрос о будущем режима «западных прагматичных менеджеров» — или манагеров, как говорят у нас. Этим вопросом задается В. Д. Соловей в выступлении на круглом столе⁵⁶ и в обобщающей статье «Есть ли будущее у русской революции», которая, по иронии, идет следом за статьей Б. Ф. Славина «Революция не завершилась».

Он выделяет пять условий революции:

- 1) финансовый кризис;
- 2) делегитимация государства;
- 3) раскол в элите;
- 4) массовая мобилизация;

5) связь революционной мобилизации общества с элитой, т. е. с выступлениями элиты против режима.

Этих условий в реальности, какой она была в России в 2009 г., Соловей не находит и заключает: фундаментальные структурные факторы революции отсутствуют, что не отменяет возможности масштабного государственного кризиса⁵⁷, вероятность которого повышается в случае экономического кризиса.

Кризисные явления в экономике, считает В. Д. Соловей, и так поставили под сомнения обе стороны дуалистического режима В. В. Путина, который к обездоленным обращен патерналистской риторикой, а глазам преуспевающих предстает как менеджер миллионеров⁵⁸. Однако и это, по мнению Соловья, не подталкивает Россию к революции, поскольку общество в витальном плане слабее элиты: если царская и позднесоветская элиты были слишком старомодны и размягчены по сравнению с обществом, то постсоветская элита является более современной, более динамичной и жесткой, чем общество.

Внешне точка зрения Соловья кажется верной. Однако есть нюансы и детали. Во-первых, его оценка носит импрессионистский характер — никто еще не изобрел измеритель витальности; к тому же витальность — штука не постоянная: сегодня она больше, завтра — меньше. Казавшееся спокойным в середине 1780-х гг. французское общество в 1789 г. вспыхнуло так, что мало не показалось. Кроме того, для революции вовсе не надо, чтобы все общество было витальным, достаточно ударных социальных групп, которые, кстати, в условиях кризиса могут возникать стремительно. Весной 1917 г. над ленинским «есть такая партия» смеялись, а осенью уже было не до смеха. Я уже не говорю о том, что кабинетно-интеллигентские представления о состоянии общества, особенно по части его витальности, весьма нередко ошибочны, поскольку абсолютизируют состояние определенного социального слоя

и переносят его на группы с иной социальной (и даже биосоциальной) природой.

Во-вторых, конкретные исследования не подтверждают тезис Соловья. Как показало исследование UBS AG (крупный международный швейцарский банк) и Campden Media, 90% предпринимателей РФ, оборот компаний которых составляет более 100 млн долл., не планируют передачу своего бизнеса своим детям; в 2009 г. 84% респондентов видели перспективы развития бизнеса, в 2011 г. — только 40%. Я согласен с теми аналитиками, которые видят в этом разрушение механизмов наследия материальных благ и статуса в крупном российском бизнесе и утрату более чем половиной его представителей перспектив развития. Это — со стороны элиты. А теперь со стороны населения. Согласно докладу «20 лет реформ глазами россиян» (Институт социологии РАН) 34% жителей РФ (и 60% жителей Москвы) **постоянно** испытывают желание перестрелять всех взяточников и спекулянтов, а еще 38% жителей РФ **иногда** имеют желание перестрелять указанных гадов. 70% русских и 60% нерусских испытывают неприязнь к людям других национальностей, а 40% одобрили бы насильственное выселение представителей других национальностей. Разумеется, намерение еще не означает дело, но история, особенно русская, показывает, что подобные намерения в определенной ситуации быстро и легко превращаются в конкретные действия, весьма витальные.

Наконец, последнее здесь. Витальность первого поколения элиты РФ не означает автоматически витальности второго поколения; к тому же здесь мы видим немало признаков вырождения, психопатологии, ацефалии и дегенеративизма. А с другой стороны, есть такая незлитарная витальная часть населения, как криминалитет. Я согласен с точкой зрения тех аналитиков, которые считают, что в РФ бизнес-верхушка обладает слабой волей к сопротивлению и имеет плохие перспективы социального воспроизводства перед лицом готового к насилию над ней, к

экспроприации. Кстати, такой вариант совпадает с одним из мировых трендов — на конфискацию «молодых» денег. Так что с витальностью элиты и невитальным населением вопрос очень и очень спорный.

В-третьих, как показывает реальность, острая социальная борьба низов и верхов может развиваться в иных формах, чем революции, и в иных сферах. В качестве иллюстрации могу привести фильмы «Бригада» и «Елена». Разумеется, те формы социального конфликта, которые мы в них увидели, далеки от революционности, а вот те формы субъектности, которые показаны там, при определенных обстоятельствах, элементарно оборачиваются витальностью (см. также «Дубровского» Пушкина).

Витальная слабость общества, считает Соловей, есть отражение состояния демографического упадка русского этноса⁵⁹, сегодня у него нет той социобиологической основы, которую имела революция, большевистская модернизация и которая была ключевым ресурсом Великой Отечественной войны, а именно — огромная масса людей в возрасте до 20 лет⁶⁰. Кстати, такой подход вполне логично объясняет значительный процент в постсоветских верхах нерусских — евреев, выходцев с Кавказа и из Средней Азии. В любом случае перечисляемые Соловьем факторы — низкий энергетический уровень постсоветского общества, его плохая психическая форма, социальные патологии⁶¹ — делают, по его мнению, революцию маловероятной.

Аналогичный прогноз дает А. М. Колганов: российское общество в его нынешнем состоянии может существовать еще 15—20—25 лет, и только приход нового поколения обострит конфликт⁶².

Думаю, Колганов — большой оптимист. 10 лет для нынешней России — это более чем оптимистичный прогноз, да и для мира в целом в его нынешнем состоянии — «кто не слеп, тот видит», как говаривал один крупный деятель нашей истории. Кто не слеп, не может не видеть, что по сути уже проедено материальное наследие советской эпохи; кстати, все серьезные изменения происходили в русской

истории тогда, когда проедалось наследие предыдущей эпохи — удельно-ордынской к 1565 г. (введение грозненской опричнины) и российско-имперской — к 1929 г. (начало сталинского «великого перелома»). На сегодня исчерпана та экономическая модель, в рамках которой РФ существовала последнее десятилетие: цены на нефть растут, а доходы населения нет — социальные и коррупционные издержки налицо. «Куда ж нам плыть?». Неясно. Но что плыть в прежнем режиме недолго — это со всей ясностью продемонстрировали события декабря 2011 — февраля 2012 гг., как бы к ним ни относиться. Что же касается нового поколения, то оно уже пришло, будем надеяться, не как нечто неприличное из анекдота, заявившее о себе скромно: не толстый, а полный — вот и пришел. Впрочем, эти темы выходят за рамки обозреваемой дискуссии, и здесь я ставлю точку.

Завершая, отмечу, что дискуссия была весьма интересной и умной, ее организаторов надо поблагодарить и поздравить, хотя не обошлось и без ложки дегтя. Ю. М. Антонян исполнил «песню русофобского гостя» в духе ненавистников России à la Бжезинский, политический спекулянт на исторические темы Янов и Новодворская в одном флаконе. Антонян утверждает, что власть в России в 1917 г. «захватила орда варваров и преступников», «безграмотная клика», а «революция развязала силы зла». Ну а дальше — хоть стой, хоть падай: «на долгие годы было остановлено экономическое развитие общества», «без интеллигенции страна скатилась в каменный век». «Каменный век» — это, по-видимому, об успехах СССР в 1930-е годы и позднее.

Затем следует обвинение коммунистического режима в том, что сотрудничая (sic!) с гитлеровским нацизмом, сверг страну в войну, к которой СССР не был готов. Этот пассаж порадует многих ненавистников России, которые стремятся возложить равную вину за развязывание Второй мировой войны на Третий рейх и СССР и приравнять

фашизм к коммунизму; кстати, Антонян прямо говорит: коммунизм и фашизм — одно и то же⁶³.

По вопросу о неготовности СССР к войне можно рекомендовать Ю. М. Антоняну работы последнего десятилетия, в частности «200 мифов о Великой Отечественной войне» А. Б. Мартиросяна и целый ряд других работ последних лет. Поражения летних месяцев были связаны не с неготовностью, а совсем с другим. И еще вопрос: какая из европейских стран была готова к нападению Гитлера?

Большевизм, который Антонян ненавидит (обычно такой ненавистью пышут либо бывшие члены КПСС, либо бывшие сексоты КГБ — но я, разумеется, ничего не утверждаю), объясняется им с точки зрения психоанализа и аналитической психологии — как прорыв инфантильного бессознательного, именуемого Тенью (почему не гаррипоттеровским Волдемортom или Завесой Мрака из толкиновского «Властелина Колец» — было бы круто). Кроме большевизма виноваты у Антоняна народ и православие («идеология большевизма как нельзя более полно совпадала с идеологией русского православия»⁶⁴). Народ — тем, что оказался не готов к свободе⁶⁵, а православие — своим сходством с большевизмом, а также тем, что в отличие от протестантизма, который, по-видимому, нравится Антоняну, не стимулирует частную инициативу, т. е. не ведет к капитализму.

Вот ведь православно-русское дурачье, не ведают о капиталистическом счастье — жаль, не случился вовремя «мудрый» Антонян, не указал дорогу, не переформатировал русское сознание. Ничего не поделаешь. А вот организаторы конференции поделаться могут: приглашать выступать только адекватных людей, способных аргументировать свою позицию и, самое главное, без теней в голове и без склонности к кликушеству.

В целом, повторю, дискуссия прошла на высоком научном уровне и представляется мне событием не только в научной, но и в общественной жизни. В ней четко

зафиксирована гражданская, государственно-патриотическая позиция подавляющего большинства участников дискуссии, пытающихся дать ответы на главные вопросы русской истории. Хочу надеяться, что дискуссия, вызвавшая изложенные выше размышления — лишь начало большего разговора о русской истории и ее переломах. Это своевременный разговор, ведь «век вывихнут», и чтобы понять, как его вправлять, надо осознать, почему и как он был вывихнут, и что (или кого) для этого нужно вывихнуть.

Важно, чтобы мы сами дали ответ на важнейшие вопросы нашей истории, поскольку в последние два — два с половиной десятилетия различные «доброхоты» извне и их «шестерки» у нас пытаются, превратив нас в цивилизационную мишень, навязать нам такие ответы, из которых следует, что вся наша история — неправильная и все, что нам остается делать — это каяться, а покаявшись за то, что мы есть, бежать, задрать штаны, за Западом (который сам летит в пропасть). Упаси Бог от билета на западный «Титаник», укрепи в самостоянии мысли и ясности видения. В науке это достигается только с помощью правильной теории, помноженной на гражданско-патриотическую позицию и национальную гордость. Иных вариантов нет.

Библиография и примечания

¹ См.: Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России // Вестник архивиста. 2010. № 3. С. 288—302.

² См. также: Марченя П. П., Разин С. Ю. Народ и власть в русской смуте: «Вилы» и «грабли» отечественной истории // Обозреватель—Observer. 2010. № 7. С. 96—103.

³ Народ и власть в российской смуте: Сб. науч. ст. участников Междунар. круглого стола / Под ред. П. П. Марченя и С. Ю. Разина. М.: ВВА им. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, 2010. — (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». — Вып. 1) // <http://www.isras.ru/publ.html?id=1930> (Далее — *Народ и власть*). С. 206.

⁴ Цит. по: *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // *Власть*. 2010. № 6. С. 13.

⁵ *Народ и власть*. С. 159—160.

⁶ Там же. С. 112. Кстати, буквально в наши дни (декабрь 2011 г., январь—февраль 2012 г.) мы увидели демонстрацию нынешней властью незнания механизмов контроля публичного мнения в условиях информационного общества, где хозяйничают сетевые структуры, причем, как правило, зарубежные — *А. Ф.*

⁷ См. также: *Марченя П. П., Разин С. Ю.* «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к...? // *Россия и современный мир*. 2010. № 4. — С. 48—65.

⁸ См.: *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // *Власть*. 2010. № 4. С. 16—17.

⁹ *Народ и власть*. С. 39.

¹⁰ См.: *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // *Власть*. 2010. № 8. С. 12.

¹¹ *Народ и власть*. С. 164.

¹² Там же. С. 47.

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ Там же. С. 47.

¹⁵ Там же. С. 46.

¹⁶ Там же. С. 233.

¹⁷ См.: *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // *Власть*. 2010. № 7. С. 9—11, 11—12.

¹⁸ См. также: *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Империя и Смута — инварианты российской истории // *Федерализм*. 2010. № 3. С. 121—134.

¹⁹ *Народ и власть*. С. 220.

²⁰ Там же. С. 235.

²¹ Там же. С. 158, 159. Корректнее, на мой взгляд, было бы говорить о распаде государства, т. е. некоего института и явления; государственность — сущность и как таковая распадаться не может. Думаю, что речь у А. М. Колганова идет о распаде именно государства — *А. Ф.*

²² Там же. С. 81.

²³ Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // *Власть*. 2010. № 9. С. 20.

²⁴ См.: Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // *Власть*. 2010. № 5. С. 13.

²⁵ *Народ и власть*. С. 82.

²⁶ Там же. С. 83.

²⁷ Там же. С. 88.

²⁸ Там же. С. 83.

²⁹ Там же. С. 90.

³⁰ Там же. С. 237.

³¹ *Народ и власть*. С. 267.

³² Там же. С. 49.

³³ Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // *Власть*. 2010. № 5. С. 13.

³⁴ *Народ и власть*. С. 86.

³⁵ См.: Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // *Власть*. 2010. № 9. С. 18.

³⁶ *Народ и власть*. С. 289.

³⁷ Там же. С. 87.

³⁸ Там же. С. 86.

³⁹ Там же. С. 144.

⁴⁰ Думаю, в тексте опечатка — по логике речь должна идти об объекте — А. Ф.

⁴¹ Там же. С. 112.

⁴² Цит. по: Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // *Власть*. 2010. № 8. С. 10.

⁴³ См.: Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России // *Вестник архивиста*. 2010. № 3. С. 292.

⁴⁴ *Народ и власть*. С. 253.

⁴⁵ Там же. С. 255.

⁴⁶ Там же. С. 138.

⁴⁷ Там же. С. 274.

⁴⁸ Там же. С. 279.

⁴⁹ См.: Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // *Власть*. 2010. № 7. С. 12.

⁵⁰ *Народ и власть*. С. 236.

⁵¹ Там же. С. 237.

⁵² Там же. С. 202.

⁵³ Там же. С. 197—198.

⁵⁴ Там же. С. 201—202.

⁵⁵ Там же. С. 200.

⁵⁶ См.: Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // *Власть*. 2010. № 4. С. 16—17.

⁵⁷ *Народ и власть*. С. 272.

⁵⁸ Там же. С. 267.

⁵⁹ Там же. С. 271.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 268.

⁶² См.: Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // *Власть*. 2010. № 6. С. 14.

⁶³ *Народ и власть*. С. 33.

⁶⁴ Там же. С. 38.

⁶⁵ Там же. С. 30.

Революция: возможности и реальность сдерживания

Всякая истинная революция — это революция сознания, а все сложноорганизованные системы качественно преобразуются только на человеческом уровне. Остались в прошлом, далеком и не очень, многие революции, в том числе и такие Великие, как Французская и Русская. «Но прошлое, — по словам У. Фолкнера, — не умирает. Оно даже не является прошлым»¹. Более того, социально значимой является и мысль В. Трифонова о том, что «история — это не просто то, что было. История — это то, что остается с нами и внутри нас»². XX в. поколебал гегелевский принцип мирового исторического процесса «Все действительное разумно», принцип, который в тревожных спорах осваивали русские мыслители XIX в. Во времена полного торжества бесчеловечности стало очевидным, что все созданное насилем бессмысленно и бесполезно, существует без будущего, но не проходит бесследно.

Великая Русская революция оставила глубокий след в истории нашей страны и всего мира. В России революция и ее последствия господствовали в жизни общества на протяжении большей части XX в. и, возможно, что этот процесс еще не завершился. Может быть, лишь за исключением китайской революции, революция в нашей стране была самой кровавой и самой длительной в истории, и она вполне может соперничать с Великой Французской революцией, также оказавшей громадное влияние на внешний мир, хотя есть мнение, что российская катастрофа куда шире французской и по своему охвату, и, в особенности, куда глубже, радикальнее по предпринятой ею перестройке и осуществленному разрушению³. Россиянам не нужно напоминать, что революция была трагическим событием не только в смысле человеческий страданий, которые она с собой принесла, но также и в том, что породив и эксплуатируя надежды на лучшую жизнь, она

впоследствии предала их. Российский народ оказался расколот на десятилетия и до сих пор на «красных» и «белых», между ними пропасть непримиримой вражды. Раскол не преодолен и по сей день. Вместе с тем, подход постсоветского режима, основанный на полном отрицании целей и действий, ассоциируемых с советской системой, и следовании своим собственным курсом «антиутопии» чреват движением к новой национальной катастрофе.

Чтобы правильно выбрать путь, куда идти России в современных условиях, надо вернуться к точке отсчета, понять, что в начале века сделано не так. Вопрос о смысле русской революции, несмотря на кажущуюся его теоретичность и отвлеченность, есть, несомненно, основной практический вопрос нашего времени, ибо ответы на него предreshают понимание общей схемы и подробностей происходящего, истолкование фактов и предвидение, а, следовательно, и выбор путей будущего. Сегодня, казалось бы, существуют самые благоприятные возможности адекватного осмысления этих важнейших исторических событий, ибо их отделяет от нас значительный промежуток времени, смена нескольких поколений историков, что позволяет избежать наслоений лично пережитого на анализ исторических реалий прошлого. Более того, сегодня мы можем видеть и саму революцию, и систему, порожденную ею в перспективе — ее начало, середину и конец.

История Великой Русской революции представляет ныне причудливую мозаику различных представлений о ней. Мысли о том, что пора по-новому посмотреть на значение 1917 г. для нашей страны и мира в целом, что назрело время попытаться реинтерпретировать Россию и ее историю, вряд ли кто воспринимает негативно. Однако историческое сознание предпочитает «осовременить» прошлое вместо того, чтобы беспристрастно взглянуть в него ради понимания настоящего и будущего. Хотя, казалось бы, нет необходимости доказывать, что сегодня необходимо знать, что может «неожиданно» разрушить сложноорганизованную систему, что способствует этому изнутри и что вне ее. Эти

взгляды стимулирует тот факт, что история революции 1917 г., несмотря на постоянное внимание к ней российских и зарубежных исследователей, все еще, по их собственному признанию, представляется романтизированной и туманной, фальсифицированной и упрощенной, политически мифологизированной и мистифицированной, что явственно парализует постижение хода и смысла исторического процесса. Даже в первичном осмыслении революции зачастую приходится выбирать между эмоциями и метафорами, с одной стороны, логикой и очевидностью — с другой.

По оригинальной версии В. П. Булдакова, революцию можно представить как «взрывную самонастройку культуры», «истеричку» цивилизации или способ кризисного самовывживания сложноорганизованной системы», что заставляет постоянно обманываться людей, находящихся «внутри» ее⁴. По мысли историка, в наиболее общем виде проблема революции очевидна: если рукотворный мир вступает в противоречие с человеческим естеством, то рано или поздно кому-то захочется разрушить его «до основания». При этом очень немногие возьмутся защищать его ценой собственной жизни, и мало кто станет сожалеть о произошедшей катастрофе. Революция — вторжение архаики в общество, почитающее себя современным. Но это не дано знать последующим поколениям — страдая от тягот сегодняшнего дня, они начнут с надеждой оглядываться на прошлое, воображая его желанным будущим. Человек же живет своим веком, а не в пространстве *longue duree*⁵. На этом основании автор блестящего научного труда о Великой Русской Революции приходит к несколько парадоксальному заключению, что «дискурсы реформа vs революция бесплодны — их результатом того и гляди станет оксюморонный гибрид рефолуция»⁶. А как быть, если у человеческого естества возникнет желание лишь частично, а не «до основания», разрушить созданное им или же только видоизменить сущностные основы дела рук своих?

На наш взгляд, следует согласиться с мнением Булдакова о размытости граней между реальным, воображаемым и символическим⁷. Мысль, в том числе научная, боязливо уходит от всякой новой постановки проблемы о причинах революции, довольствуется устарелыми теориями о том, что ее сделали германские шпионы, еврейская плутократия, что она — результат «генеральского» или масонского заговора, результаты революции по-прежнему трактуются исключительно как «национальная катастрофа»⁸ или в современной интерпретации как «цивилизационный откат»⁹ в историческом развитии России и даже как «слом национального цивилизационного кода»¹⁰ нашей страны. Происходит и подмена их очередными мистификациями, демонизациями и эстетизациями российских смут, используя для этого сочетание вульгарной социологии («смуты периодически сметают династии») и «метаисторических» фантазий («способность России принять в себя весь мрак человеческой природы, чтобы найти вселенское противоядие»)¹¹. И уж совсем интригующе выглядят предложения объяснять деяния действующих в революции и для революции лиц довольно неприличным способом: комплексом сексуальной неполноценности¹². В результате люди попросту не знают, как им быть с феноменом революции.

Нет задачи, по нашему мнению, более бесплодной, чем задача определить существо «революции вообще», ибо они не происходят и не разрешаются одинаково, за исключением самых первичных и общих положений или чисто внешних форм проявления революционных страстей. Но содержание, наполняющее эти формы, разнообразится и индивидуализируется до бесконечности в разных революциях, революциях разного стиля, разного размера, разных эпох, разных национальных особенностей. Все это в какой-то степени напоминает шахматы — одна доска и разные по значимости фигуры, но шахматная доска истории, как и игра на ней, значительно сложнее, ибо фигуры

передвигаются иногда не по правилам, независимо от правил, вопреки правилам, неожиданными зигзагами. Задача историка состоит в обобщении фактического хода революции и типологическом конструировании, в выявлении существенных моментов, к коим, несмотря на возможные возражения, смею утверждать, относится и проблема, вынесенная в заголовок статьи.

Что такое революция: историческое творчество или регресс творческого в человеке? Вопрос сдерживания революции самым непосредственным образом связан с ее успешностью. Вопреки расхожему мнению, что революция не может быть успешной, ибо она никогда не достигает своих целей, к таковой с полным основанием можно отнести Великую Французскую революцию, самым значимым результатом которой является формирование демократической республики, располагающей конституцией, законно избранной ассамблеей и свободой политических дискуссий. Следует согласиться и с мнением Ю. С. Пивоварова, который считает одним из самых больших заблуждений как современников, так и потомков, что революция 1905—1907 гг. квалифицируется как «неудачная», «незаконченная», рассматривается как «репетиция», «прелюдия» к 1917 г., т. е. настоящей революции. С его точки зрения, эта революция, во-первых, была успешной (насколько вообще революция может быть успешной; ведь это всегда трагедия). Во-вторых, нормальной, вполне сопоставимой с некоторыми европейскими революциями, скажем — 1848—1849 гг. Причем сопоставимой и по характеру, и по интенсивности протекания, и по результатам. Главная удача, как считает Пивоваров, революции 1905—1907 гг. состояла том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, но не победой одной из этих двух сил. Результатом этого компромисса стала Конституция 1906 г., широкая политическая реформа и столыпинское преобразование страны. Это был в высшей степени взаимовыгодный компромисс власти и общества. Революция была удачной

еще и потому, что ни власть, ни общество не «взорвали» народ. Народный мир, пережив волнения и повышенное напряжение, все-таки устоял, сохранил равновесие¹³.

Следует учитывать и такое обстоятельство: необходимо различать революцию как идею социального переустройства в широком понимании (революция — идея) и революцию как реализацию этой идеи (революция — действие). К ним вполне применима мысль Мирабо о том, что между государственными теоретиками и политическими деятелями та же самая разница, как между теми, кто передвигается по географической карте, и теми, кто путешествует по земле¹⁴. Вполне уместным выглядит здесь и следующее наблюдение Ф. Энгельса: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать»¹⁵.

По справедливому утверждению Булдакова, революция может рассматриваться как дикая реакция на латентные формы насилия, которые приняли социально-удушающую форму. Вместе с тем, революция — это наиболее наглядное напоминание о тех врожденных садомазохистских склонностях человека, которые были задавлены в обыденной «цивилизованной» действительности¹⁶. Революции начинаются там, где люди не только ощущают себя наиболее обездоленными, но и оказываются лишены возможности добиваться своих целей ненасильственными методами. Видный историк Французской революции отмечал, что действительность постоянно воспроизводит людей, ненавидящих режим, в котором им приходится существовать¹⁷. Некоторые современные авторы идут еще дальше, говоря о «цивилизации ненависти», несущей в себе призыв к разрушению человеческого бытия вообще¹⁸. Распад того или иного человеческого социума начинается с наиболее уязвимых оснований, тех, которые проходят через разум и души людей. Если мир стал противен человеческому

существо, то, чтобы его спасти, надо заставить его содрогнуться. Именно этим революция спасает людей от опостылевшей «цивилизованности»¹⁹.

Однако сводить революцию только к непосредственному кульминационно-революционному акту захвата власти — значит упрощать и принижать ее значение. Революция не только разрушительное и кровавое действие в человеческой истории, но это прежде всего идея радикального социального переустройства мира, ибо миром правят идеи. Совершенно неслучайно до сих пор революционеры нового и новейшего времени клянутся верности «идеалам Великой Французской революции» или «идеалам Великого Октября», несмотря на то, что эти революционные акты свершились соответственно более 200 и более 90 лет назад. Для них эти идеалы вечны, как и сама идея революции.

Каждый человек нуждается в самооправдании. Поэтому он ненавидит и стремится разрушить окружающий мир не ради самого процесса уничтожения, а ради великой цели и прекрасного идеала. Можно утверждать, что все революции, как в прошлом, так и в настоящее время, порождены европейским типом мышления и ориентированы на определенные политические идеалы. Вполне естественно, что между идеалом и окружающим ненавистным миром не должно быть ничего общего, они абсолютно оторваны друг от друга. В качестве подобного идеала может выступать либо не имеющая аналогов в истории модель совершенного общества будущего, либо образ чужой цивилизации, ибо изобрести принципиально новую схему мироустройства весьма затруднительно. Более того, любой заметный, реальный или мнимый, «чужой» успех активизирует «свои» иллюзии и предрассудки, одновременно притягивая к ним новейшие теории. Но если между идеалом и реальной действительностью нет ничего общего, то как его достичь? Естественным ходом событий одно во второе не превратится, а если и превратится, то унаследует ненавистные черты и будет вызывать те же чувства. Вывод

один: общество — это механизм, сознательно создаваемый и развиваемый людьми, поэтому его жизнь и будущее можно и нужно свободно конструировать и перестраивать.

Человеческий разум, самообманываясь и самообольщаясь, всегда ждёт забвения от кошмаров исторического прошлого и требует простейшей духовной пищи в образе надежды. Р. В. Иванов-Разумник на волне революционного энтузиазма писал А. Белому, также увлеченному революционной эйфорией: «Как не видите Вы, что идет мировая революция, что в России лишь первая ее искра, что через год или через век, но от искры этой вспыхнет мировой пожар, вне огня которого нет очищения для мира?». Он призывал не верить тем, кто кричит «об охлократии, об анархии, о гибели»: «...если толпа в безумии своем разрушит и сожжет Эрмитаж, взорвет театры и галереи, разорвет книги всех библиотек — и если я не погибну, противодействуя безумию толпы, то все же ни на минуту не скажу я: «довольно! стой!» — духу революции». По его словам, в таком же восторге пребывали поэты Н. Клюев и С. Есенин²⁰. Его адресата также больше заботили не социальные последствия революции, а возможность угасания революционного духа ее участников: «...плохо то, что революция гибнет в болоте; и не одна эта революция, внешняя, видимая, а и другая, более глубокая, внутренняя, духовная. Обыватель сожрет мечтателя...»²¹.

Глубочайшая вера революционного сознания в реальность своего социального идеала способна фанатически беспощадно разрушать историческую действительность. Неадекватность его действительному положению вещей в исторической реальности происходит из-за глубоко извращенного преломления социальной проблематики в революционном сознании, переносящем в социальную сферу сугубо религиозно-психологические установки. К революции не относились как к радикальной социальной реформе, в ней хотели видеть всеобъемлющую Реформацию всех сторон земной жизни, или, иначе говоря, установление на земле материалистического подобию

Царствия Небесного, райского благополучия. Люди в таком болезненном состоянии духа, состоянии одержимости социальным разрушением — были готовы принять революцию как нечто прекрасное, чудесное, приносящее избавление от всех земных тягот и горестей. Отсюда требования любой революции к социальной области чрезвычайно завышены и не могут быть реализованы в конкретной жизненной ситуации. Идея «земного рая», «светлого будущего», «общества социальной справедливости» и тому подобные утопии всеблаженства принципиально неосуществимы в земной действительности, но революционизм не способен согласиться на что-то меньшее, т.к. верит в социальное переустройство мира и возможность достижения социального идеала абсолютно так же, как верит в загробное блаженство верующий человек.

Стремление к утопическому революционному идеалу абсолютного земного счастья имеет ровно столько путей действия, сколько человек участвует в революции. Отсюда бессчетное количество либеральных, социалистических, анархических и других проектов или путей к этому «социальному счастью», каждый из которых не устраивал абсолютное большинство революционеров, придерживавшихся других проектов. Последствием возможной временной победы одного революционного проекта над другими была неизбежная «резня» внутри революционного движения в целом. При этом относительно конечной цели движения — «царства света» — мнения тоже были самые разнообразные: одни предлагали сделать все, как в Англии, другие — как в Германии, а третьи полагали ориентироваться не на существующие образцы, а на самую передовую теорию цивилизованного мира — марксизм. Но все они были единодушны в одном: необходимости тотального разрушения исторической России, этой «ошибки» истории. В сознании революционеров произошло отождествление понятий «Россия» и «Зло» и стремление бороться не со злом и пороками в России, а с Россией как источником зла²². Медленно, но неуклонно, они

формировали общественное мнение, вводили в сознание нации совершенно определенный комплекс идей: русские — нация рабов, Россия — тормоз на пути прогресса человечества, русская история — всегда отсталость, темнота и дикость. При этом главной причиной такой ненависти, на наш взгляд, была не злая воля, а совершенное незнание русскими же России.

Материальной силой, разрушающей устои существующего строя, как правило, выступала масса, чья душа — «неисследованный лабиринт, глубокая пропасть и несущийся к свету утес»²³. Они любопытны, как все темные массы, как дети, как дикари. Их психология — психология ожидания обещанного чуда, чем больше было обещано, тем нетерпеливее было ожидание. Чуда же все не было, а массам хотелось видеть, как будет переустроено общество. Массу можно привлечь не какими-либо сложными идейными конструкциями и рациональными аргументами, но понятными и способными мобилизовать лозунгами, мифами, символами. Здесь уместно вспомнить мысль Г. Лебона, который говорил: «Гениальные изобретатели ускоряют ход цивилизации. Фанатики и страдающие галлюцинациями творят историю»²⁴.

В контексте рассматриваемой нами проблемы к этому следует добавить и некоторые национальные особенности русского человека: любовь русских ходить по краю пропасти и заглядывать в нее слишком глубоко²⁵; русские не любят теорий, не доведенных до конца и не пытающихся воплотиться в политическую или социальную реальность²⁶; русский человек поставлен историей перед необходимостью брать из общечеловеческого опыта непременно последнее слово, брать игольчатое ружье (пулемет, магазинное ружье), а не кремневое²⁷; русский человек легко соглашается на роль жертвы дьявольского обмана, но никак не готов признаться в собственном недоумении ни в прошлом, ни в настоящем²⁸ и др. Осознавая данные обстоятельства, вполне понятно недоумение В. В. Версаева в диалоге с Е. Д. Кусковой еще в 1899 г.: «Что

вы такое проповедуете? Реализм? Учет факторов? Боязнь фантомов? Где вы это проповедуете? В России? Но ведь ваш реализм здесь, в России, — самая буйная из утопий...»²⁹.

Таким образом, революция первоначально возникает в умах людей. Ожидание революции сравнимо с ожиданием второго пришествия. Ожидание «нового» в революции до того фантастично и до того фанатично, что одна психологическая сила этого ожидания приближала пришествие революции в Россию лучше, чем все митинги и забастовки вместе взятые. Это состояние очень хорошо уловил И.А. Ильин, который утверждал: «Революция зарождается в стране не в момент уличных движений, но в тот момент, когда в душах начинает колебаться доверие к власти; поэтому тот, кто расшатывает это доверие, — вступает на путь революции»³⁰. Революцию как идею разрушения действительности во имя утопического «социального рая» сдержать и тем более остановить ни теоретически, ни тем более практически не представляется возможным, ибо никогда не может быть полного удовлетворения от любого, даже уже реализованного плана. Тем более, русский народ, сорванный с цепей истории революцией, хотел получить все и сразу.

Ригористы, способные во имя «единственно верного» толкования учения не только умереть самим, но и пролить море чужой крови, встречались и во времена Средневековья, когда их сжигали как еретиков. Однако, человечество особо не любит извлекать уроки из самых кровавых событий своей исторической памяти, предпочитая их «облагороженный» облик. Когда же итоги революции ничтожны в сопоставлении с потерями, а идеал так же далек, как и был, людям хочется верить, что они стали жертвами умнейших и коварнейших злодеев, а не социальной глупости правителей и элит, помноженной на собственную наивность. В любом случае, человеку трудно, если возможно вообще поверить, что все его беды происходят от неразвитости его самого или таких же неразвитых существ, как он сам. Даже в наиболее понятной бытовой истории человек, по мнению некоторых

ученых, склонен более улавливать не общедоступные крупницы истины, а забавные ужимки прошедших времен³¹.

Революции, как сгустки исторического времени, начинаются с мятежного своехотения людей, которые скользят по поверхности истории, не замечая их глубины, размывая грани между реальным, воображаемым и символическим, что отнюдь не безопасно, и от чего некоторые из наиболее пронизательных людей считают необходимым предостеречь остальных. Так, житель Москвы некий К. Антонов, размышляя впоследствии о событиях Великой Русской Революции, комментировал их следующим образом: «Несчастное людское стадо, как легко тебя одурачить самой фантастической сказкой! Стоит только поддакивать твоим страстишкам и низменным инстинктам, стоит поднять в тебе зависть, злобу и месть, польстить твоей хваленой мудрости, которая века держала тебя в рабстве, ... и ты пойдешь, страдая и погибая от лишений и невзгод за любым фантазером, крикуном, за любым проходимцем, вновь душа всякий протест и подготавливая себе новое, может быть, еще более тяжелое, ярмо раба»³².

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что чем менее практическая жизнь дает простора для деятельности, тем более люди способны увлекаться теоретическими построениями. Чем более мысль стеснена, тем более в ней возбуждается ненависть ко всякому стеснению.

Возникнув и укоренившись в сознании, революция — идея не могла не трансформироваться в революцию — действие. Общество есть адаптивно-адаптирующая система, т. е. способно не только приспособливаться к окружающей среде, но и изменять ее в силу возможностей соответственно своим интересам. С точки зрения системного подхода динамику общества можно представить следующим образом. Импульсы инновационной энергии, идущие от индивидов и их сообществ нарушают равновесие системы. Механизмы функционирования гасят эти колебания, однако общество тут же испытывает новые, приобретая в результате

новое качество. Изменения могут быть малозаметными и постепенными, если инновационная энергия невелика, рассеяна в социальном пространстве. В этом случае целостность ценностно-нормативного порядка практически не меняется, новые явления интегрируются в него.

Если же инновационная энергия резко возрастает, может произойти кардинальное обновление общества. Признаками флуктуации, нарушающей работу механизма поддержания его целостности, являются: невозможность или нежелание большей части людей ориентироваться на сложившиеся статусно-ролевые предписания; неэффективность механизмов институализации, т. е. неспособность как воспроизводить сложившиеся связи, так и интегрировать новые взаимодействия; кризис легитимности, утрата доверия людей к ценностно-нормативному порядку³³. В результате система оказывается неспособной удерживать индивидов и некоторых социальных субъектов в привычных институциональных рамках, и они впадают либо в депрессию, либо становятся активными, руководствуясь сиюминутными интересами, и перестают воссоздавать имеющиеся структурные связи, определяющие облик общества, что ведет к революции, смуте.

Общество всегда стоит перед опасностью революции и его здоровье, зрелость заключаются в постоянном преодолении возможной революции. Революция не есть самоуничтожение рушащегося строя. То была бы не революция, а естественная смерть без потрясений и борьбы. Революция есть восстание против старого порядка непримиряющихся с ним сил. Но восстание предполагает непременно наличие деятельных сил, способных к энергичному движению, которые, правда, не всегда бывают благотворными. Где все мертво и неподвижно, там революции быть не может. Где деятельные силы находят себе удовлетворение в процессе свободного творчества, там тоже не может возникнуть революции, ибо там восторгается процесс органического жизненного роста. Революция есть, непременно, результат враждебной встречи

старого отмирающего порядка, но еще достаточно упорного для известного сопротивления враждебным ему силам и этих самых враждебных ему сил, постепенно вызревших в рамках самого старого порядка, но для своего проявления нуждающихся в ниспровержении именно этих, для них уже тесных и неприемлемых рамок. От такой встречи и происходит революционный взрыв.

Можно согласиться с выводом В. П. Булдакова о революции как проявлении системного кризиса сложноорганизованной системы и его повторяемости в российской истории. Проблема революции — это проблема стабильности или нестабильности исторического существования определенного типа государственности³⁴. По образному выражению П. Рысса, «Россия была страной господ и рабов, высшего духовного развития и низменной дикости, величайшего благородства и скотской подлости... Чем чернее становилось правительство, тем краснее становилось общество образованное и некультурный народ. Не имея политико-социального центра, т. е. буржуазии, страна была черно-красной»³⁵. Поэтому вполне естественно, что их взаимодействие строилось на принципе «квадратуры круга»: усиление реакции вело к усилению революционного движения, усиление революционного движения — к усилению реакции.

Можно утверждать, что проблема российской революции тесно связана с «революционностью» самой власти — ее беспомощность и бесконтрольность оборачивается тем, что ее неосторожные шаги становятся шагами в пропасть, что невольно провоцирует народ на смуту. Искусственно задержанная эволюция обязательно превращается в будущую революцию, как и особенности самого эволюционного развития России. По мнению А. Н. Потресова, российская революция произошла не от полнокровия, а от худосочия — невозможности решения проблем при старом режиме³⁶. Кризис связан не просто с крайним обострением неведения во власть, но еще в большей степени неведения власти в самое себя, что практически

парализует управленческие возможности государства и с высокой долей вероятности может привести к резонирующему импульсу, способному обрушить всю систему. Но даже в таких критических ситуациях система, подобная российской, становится не просто слабой, но и слепой, неспособной распознать угрожающие ей опасности и самоубийственно стремящейся к собственной гибели. Впрочем, этого не видят и ее подданные.

Диалектика революции и контрреволюции

Революцию не следует рассматривать как исключительно акт разрушения, аномалию, болезненный припадок, реактив разложения, конец старого, его рассыпающуюся дряхлость. Да, это болезненный кризис в жизни народов, но потребность обновления все же определяет его основное содержание. Она лежит в основе возникновения всякой революции, столкновения социальных сил, которые движут ею, а также целей, которые революционное общество должно, так или иначе, решить. Каковы бы ни были превратности Великой Русской революции, она вывела страну на путь обновления. Направленность же этого обновления — вопрос другой. Революция, безусловно, способ снятия проблем, связанных с усложнением социальной ткани в сторону упрощения. Она насильственно «оголила» и провела кровавое очищение затянутых «жиром благополучия» духовных и государственных основ России, стала своеобразными «апокалиптическими весами» традиционного русского общества, идущего по пути модернизации и парадоксально нашедшего свою гибель на взлете.

Процесс революции есть, прежде всего, процесс дезорганизации государства и общества. Она начинается тогда, когда насилие оказывается так или иначе лишено открытого или искусственно созданного пространства и начинает неизмеримо буйствовать внутри социально стреноженного человека. В этом смысле революция, по Булдакову — всего лишь извержение перевозданной

депрограммированности человека, который не обрел способности к достойному самовыражению³⁷. По степени продвинутости этого процесса различаются три основных этапа. На первом этапе расстройство государственной жизни преодолевается самой государственной организацией. Второй, более углубленный этап, определяется тем, что дезорганизаторский процесс поражает саму организацию, а преодоление этого процесса производится уже не ею, но силами в ней выросшими и оформившимися. Здесь старый строй уже не восстановить, но новый устанавливается на основе преемственности с его значимыми факторами. На третьем этапе расстройство государственной жизни, организационные связи старого строя распадаются настолько, что восстановление возможно только из продуктов распада, которые образуют соответствующую им новую организованность. В этих условиях власть способна только имитировать свое присутствие, господином положения начинает чувствовать себя толпа, а страна неуклонно скатывается в абсолютно неуправляемый Хаос.

Возможно ли сдержать этот процесс «углубления» революции, когда деструктивные, разрушительные начала в ней становятся абсолютно доминирующими по сравнению с началами обновления? Имеются ли силы внутри революционного процесса, способные это сделать?

Категорически отрицал саму возможность влияния на ход революции император Наполеон, который, находясь уже в ссылке, заметил, что «революцию нельзя ни начать, ни остановить»³⁸. Вместе с тем, как только конвент набрался храбрости, с Робеспьером было покончено, а сам Бонапарт, согласно бессмертному уподоблению Барбье в его «Ямбах», сумел в надлежащий момент вскочить на коня, оседлать Францию и затем ездил на этом взнузданном коне до тех пор, по всем закоулкам Европы, пока конь до конца не изъездился и не упал от полного истощения сил³⁹. Подобных взглядов придерживались М. И. Скобелев³⁹, И. Л. Солоневич⁴⁰, американский историк русской революции Р. Даниэлс⁴¹ и др. Свои оригинальные мысли у

Булдакова: «Единственный способ умиротворить стихию — дать ей выдохнуться. Звучит цинично, но так и было. Во Французской революции случилось то же самое. Это общая социально-психологическая проблема, а не вопрос о принципиальном сходстве двух революций. В конечном счете российская историческая власть выиграла оттого, что маргиналы и диссипанты обескровили друг друга»⁴². Получается, что, говоря словами, которые Оскар Уайльд вложил в уста китайского мудреца, нельзя управлять человеческим родом, можно лишь оставить его в покое⁴³. Диаметально противоположных взглядов придерживался Г. В. Плеханов, подавляющее большинство русского генералитета времен Первой мировой войны и революции⁴⁴, а Г. П. Федотов в контрреволюции видел один из шансов России⁴⁵.

Генерал Н. Н. Головин рассмотрел обозначенную нами проблему в несколько ином ракурсе, видя в «контрреволюции» одну из сторон диалектически развивающегося процесса революции. Каждая революция, по его мнению, даже такая, которая приводит к освобождению народов, в своей основе построена на насилии. Она начинается с актов разрушения и, следуя законам социальной психологии, по мере своего развития становится все более и более разрушительной силой. Разбушевавшаяся стихия разрушения может быть остановлена только силой. Эта сила и создается контрреволюционным движением. Если революционный процесс останавливается контрреволюцией раньше, чем он разрушил омертвевшие ткани старого режима, — то контрреволюция легко превращается в реставрацию. Если же революционный процесс останавливается контрреволюционными силами после того, как эти омертвевшие ткани разрушены, но разрушительный процесс не затронул еще живые ткани государственного организма, то революция приобретает творческий характер. На расчищенном пронесшейся бурей поле творческие силы народа создают новые формы политической и социальной

жизни. Такой и была Французская революция XVIII в., завоевания которой были закреплены контрреволюцией, имевшей во главе генерала Бонапарта. Наконец, если контрреволюционный процесс не в состоянии остановить разрушительные силы революции на надлежащей границе, революция становится регрессивной и разрушает производительные силы государства и народа⁴⁶.

Следует особо подчеркнуть, что нет никаких достаточных и убедительных научных оснований связывать «революцию» с прогрессом, а «контрреволюцию» — с представлениями о регрессе. Знаменательные слова по данному поводу были сказаны В. Д. Набоковым на Московском государственном совещании: «Не та контрреволюция страшна, которая зреет в скрытых заговорах и выходит на улицу с оружием в руках. Страшна та контрреволюция, которая, под влиянием происходящих кругом ужасов, начинает зреть в наших сердцах и умах... Борьба с ней не есть борьба словами, как бы громки и сильны они ни были. С ней нельзя бороться железом и кровью. С ней можно бороться единым разумным государственным творчеством власти... Нам хотелось бы, чтобы был найден вновь тот общий язык, который связывает, а не разъединяет, те слова, которые... должны звучать как голос всей нации...»⁴⁷.

Противостоящее революции контрреволюционное движение представляет собой чрезвычайно сложный комплекс, в состав которого входят и реставрационные вожелания, и национализм, протестующий против разрушения государства, и, наконец, демократические силы, которые хотя и участвовали в начале революции в разрушении стеснявшего социальный прогресс старого режима, но стремятся остановить революционный процесс на уровне, представляющем благоприятные условия для развития их политических и социальных идеалов. Силы, входящие в состав контрреволюционного движения столь многообразны, что часто идеей, объединяющей это движение, служит не общая политическая идея (например,

какой-либо общий политический или социальный идеал), а только идея негативного характера, а именно, борьба против разрушительных сил революции. В этом случае строение контрреволюционного движения становится особенно сложным. Отсутствие общей объединяющей политической или социальной идеи приводит к тому, что внутри самого контрреволюционного движения возникают разлагающие его процессы⁴⁸.

Основу контрреволюционного движения в Великой Русской революции составлял офицерский корпус, к которому позднее присоединились казачество и юнкера. Все остальные сословия в нем были представлены слабо. Либеральные и умеренно-социалистические круги скорее препятствовали, чем способствовали развитию контрреволюционного движения. Более всего это утверждение относится к революционной демократии», которая понятие «контрреволюции» неразрывно сочетала с реставрацией, а потому боялась всякой контрреволюционной силы и считала себя ближе к большевикам, чем к соседям справа. Все это способствовало тому, что движение лишилось политического руководства и его действительными руководителями и вождями были исключительно военачальники. Неудача корниловского выступления обозначила первые трещины в составе контрреволюционных сил.

Идейными истоками русского контрреволюционного движения следует считать патриотизм и создание сильной национальной власти, которая спасет Россию. Утверждать же о наличии в нем реставрационных вождельний достаточно веских оснований нет, ибо с отречением Николая II российский абсолютизм уже прошел свою «точку невозврата». С приходом к власти большевиков контрреволюционное движение превращается в противобольшевистское движение, и этот термин точно обозначает ту негативную политическую и социальную идею, которая объединяет все последующее течение русской контрреволюции.

Отсутствие каких-либо серьезно противодействующих сил в первоначальный период революции является наиболее характерной особенностью Русской революции. Это же отсутствие обуславливает и особенности русского контрреволюционного движения: старый режим был настолько психологически подорван, что зарождение контрреволюционного движения не могло произойти во имя каких-либо контрреволюционных идей. Подготовка русской армии к наступлению и формирование отборных частей не могло не отразиться на состоянии реставрационных сил. Это было не что иное, как самозарождение этой действующей силы, когда сам организм армии вырабатывал в себе противоядие против отравления революционным ядом, хотя контрреволюционное значение этих формирований оставалось скрытым от большинства участников. Провал наступления привел к частичному перелому в настроении масс, стал временной остановкой в его революционизировании. Такое затишье могло быть и началом более длительного успокоения, и затишьем перед новой вспышкой бури. Первой вспышкой контрреволюционного движения стало выступление генерала Корнилова, которое оказалось неудачным. Следовательно, можно заключить, что наиболее благоприятным временем для решительных действий русской контрреволюции следует признать промежуток между провалом наступления русской армии, неудачей июльского мятежа в Петрограде и до корниловского выступления, когда была налицо депрессия революционных настроений и подъем контрреволюционных. Неудача же корниловского движения превратила российскую реалию в свою противоположность: она вызвала депрессию в контрреволюционном лагере и новый высокий подъем революционной волны.

В 1917 г. на российскую людскую массу, привыкшую воспринимать лишь ограниченный объем импульсов привычного — теперь разрушенного — информационного

поля, обрушился неупорядоченный
взаимоперехлестывающийся поток доктринально
препарированной информации, несущей на себе явственный
отпечаток качественно иной, т. е. «чужой» культуры⁴⁹.
Способом выражения возникшего на этой основе стресса
могло стать и стало революционное насилие. У. Розенберг
охарактеризовал ситуацию 1917 г., хотя и парадоксально, но
точно: «трагедия соревнующихся невозможностей», любой
выход из которой не сулил ничего хорошего. По его
мнению, противостоящие друг другу тогдашние
устремления озлобленных, безнадежно надеющихся и еще
больше отчаявшихся людей невозможно было примирить
без насилия сверху⁵⁰.

Логика здравого смысла подсказывала, что, если
добро и зло на глазах как бы менялись местами, формируясь
в мутный сгусток нечисти и абсурда, если насилие
воспринималось как единственное орудие высшего идеала,
то человеку в целях самосохранения было бесполезно
надеяться на собственный разум. Оставалось уповать только
на отрезвляющий удар государственности. Сила этого удара
должна была быть на порядок выше силы революционного
насилия, быть такой, чтобы быть понятой всеми. Люди
циничные, но прагматичные, уже весной 1917 г. советовали
Временному правительству: «арестуйте немедленно Ленина
и Троцкого и еще пару нахамкисов и повесьте на фонарях
Дворцовой площади, налево — Ленина с «товарищами»,
направо — царских министров!... Население будет в
восторге... Вот это власть! Твердая и революционная»⁵¹. Но
беда была в том, что люди, оказавшиеся в
псевдополитическом пространстве между ненавистным
самодержавием и вожделенным «самодержавием народа» не
могли не быть поражены властебоязнью: они словно ждали,
что власть сама по себе станет сильной. Но утопии,
благодаря которым движется мир, действены только тогда,
когда они резонируют с вздыбленной традицией и всеобщим
нежеланием возвращения к старому. В силу данных
обстоятельств, они функциональны лишь на половину —

именно в связи с этим массы склонны разрушать своих идолов и искать совершенно других вождей⁵². Необходима была «хирургическая операция» по обузданию всех политиков. М. А. Волошин 26 августа 1917 г. писал И. Г. Эренбургу по этому поводу: «Российский бедлам нуждается в опытном дирижере и церемониймейстере»⁵³.

Состояние дезорганизаторских угроз государственности является важнейшим обстоятельством и условием принятия необходимых мер, препятствующих «углублению» революции. К числу таковых, на наш взгляд, следует отнести:

- быстрое создание сильной национальной власти, пользующейся авторитетом у масс и верой, что эта власть обладает реальной силой. Не искать наиболее прогрессивные формы демократии, а, учитывая политическую незрелость русских народных масс, использовать более понятные и примитивные формы народовластия, не исключая при острой необходимости введения и диктатуры с военным диктатором во главе⁵⁴;

- чтобы внушить народным массам веру в то, что власть способна осуществить их чаяния, пробужденные падением старого режима, и осуществляет идеи, соответствующие желаниям этих масс, незамедлительно решить в их интересах ключевые вопросы революции — аграрный вопрос и вопрос о войне и мире;

- в кратчайшие сроки создать правовое поле деятельности власти, издать законы, понятные массам, вплоть до чрезвычайных, и обеспечить их настойчивое и решительно проведение, не останавливаясь перед использованием крайних форм насилия, ибо других инструментов в борьбе с насилием не существует. В принятии для воюющей страны программы Л. Г. Корнилова, озвученной А. М. Калединым на Государственном Собрании, не было ничего необычного: такие меры надо было осуществлять незамедлительно, не раздражая массы велемечивыми пустопорожними декларациями;

- «заморозить» старые неформальные связи между «борцами за свободу» различной политической ориентацией, принять предельно жесткие меры, вплоть до смертной казни к тем политикам, которые во время войны занимались антигосударственной деятельностью и педалировали революционное насилие масс;

- помнить, что революции начинаются в столицах и только потом распространяются на периферию, навести в столицах и других крупных городах должный порядок;

- образовать в руках верховной государственной власти достаточную физическую силу для противодействия антигосударственным стремлениям. Такой силой в условиях участия России в Первой мировой войне могла быть только действующая армия. Быть реальной силой, а не казаться ею, власть могла, только оперевшись на действующую армию, но и развал этой силы могла остановить исключительно власть. В качестве первоочередных, самых неотложных мер следовало добиться сохранения воинской дисциплины и боеспособности Вооруженных Сил, изъяв из них без излишнего подчеркивания и не делая это изъятие программным безусловно вредный, разлагающий элемент.

- заручиться на определенных условиях, не унижающих достоинство России, поддержкой союзников.

Прекрасно понимая, что достижение успешного результата по ограничению «углубления» революции возможно как резонирующий импульс предложенных мер в самые сжатые сроки, и допуская сравнительно небольшую вероятность их успешной реализации, автор все же остается сторонником необходимости и возможности ограничения разрушительных реалий революционного процесса.

Таким образом, сложность, нелинейность, случайность и необратимость в общественной сфере реализуют себя через человеческую свободу. Политика в этом смысле будучи сообразна с внутренним строем и

пружинами социальной и духовной жизни, действуя в границах универсальной (общеобязательной) нормы, выступает вместе с тем как инновационный процесс творения новых властных статутов и шире — производства новых отношений в целом. Такая установка означает, следовательно, опору не только на отечественную традицию, но и разомкнутость на будущее.

В наши дни требуется особо внимательное отношение к проблеме осознания национально-государственных интересов. Для России сегодня они не сводятся только к непосредственно связанным с задачами выхода страны из кризиса, но, прежде всего, выражают себя в тех, которые определяют ее перспективы — и в плане внутреннего домоустройства, и с точки зрения ее места в мировом сообществе. Вряд ли подавляющее большинство россиян с воодушевлением воспримут такую целевую установку Г. Шпета на будущее России: «Россия должна отказаться от мировой политики, перейти на роль второстепенного или даже третьестепенного государства, заняться внутренним устройением и культурой, культурой, культурой, тогда она не погибнет вовсе, даст новых людей и новый «патриотизм». Если Россия не смирится с этим, она будет стерта с лица земли. Всякий иной патриотизм я считаю теперь ложным»⁵⁵. Все это требует отказа и от идеологии плоской вестернизации, и от примитивно понимаемого почвенничества.

Революция живет в истории не только как прошлый катаклизм, но и как живой миф, под который подстраивается сознание современников. Каждое поколение вольных или невольных «наследников Октября» выбирает из него то, что могло принять, разглядеть, освоить в силу своих качеств, способностей и давления исторической памяти. Теперь мы знаем (хочется надеяться!), что вопреки авторитетному мнению, человечество очень часто ставит себе такие задачи, которые оно не в состоянии решить, расплачиваясь за это морем крови невинных людей, их бесконечными муками и страданиями. Мысль, свободная от законов, пространства и

времени, парит в облаках, она совращает втиснутого в материальное бытие человека. Мы поняли, что добиваться соответствия между красотой мысли и красотой мира — безумная задача. В равной мере, как было бы противоестественно отказывать красивой идее (мечте или даже призраку) в праве на существование только потому, что она никогда не сможет в чистой форме воплотиться в действительность.

Легкомысленное забвение исторического естества человека, поиск «истинной революции»⁵⁶, идейный максимализм, вполне допустимые в рамках чисто интеллектуальной деятельности, будучи перенесены в сферу практической политики и власти оборачиваются прямым идеологическим насилием над действительностью. Только люди, которые знают, как можно организовать помимо власти, независимо от власти, вопреки власти и с самой властью, могут постепенно создавать структуры и иерархии, которые действительно станут опорой государственности. Отсюда следует один из главных уроков Великой Русской революции: не обновлять историю революции в угоду каким угодно целям, а представлять ее такой, какой она была в действительности.

Библиография

¹ Цит. по: *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М., 2010. С. 895.

² Там же.

³ См., напр.: *Потресов А. Н.* В плену у иллюзий. Париж, 1927. С. 5.

⁴ *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 514.

⁵ *longue duree* (фр.) — длительный срок, долгосрочие, долгий исторический срок.

⁶ *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 648.

⁷ См.: *Булдаков В. П.* Революция как миф и проблема российской истории // Труды по россиеведению: Сборник науч. трудов. М., 2009. Вып. 1. С. 69.

⁸ См.: Труды по россиеведению. С. 11, 440.

⁹ См.: Труды по россиеведению. С. 400; Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России: материалы междунар. конф. М., 2011. С. 212.

¹⁰ Русский Исход как результат национальной катастрофы. С. 212.

¹¹ Цит. по: *Булдаков В. П.* Указ соч. С. 70.

¹² См.: *Солоневич И. Л.* Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Буэнос-Айрес, 1949; *Глебова И. И.* Павшая власть — падшая власть. // Труды по россиеведению. С. 139.

¹³ См.: *Пивоваров Ю. С.* О русских революциях: послесловие // Труды по россиеведению. С. 31—33.

¹⁴ См.: *Маклаков В.* Из прошлого // *Современные записки.* Париж. 1927. № 32. С. 313.

¹⁵ *Энгельс Ф.* Письмо Вере Ивановне Засулич в Женеву, Лондон, 23 апреля 1885 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 283.

¹⁶ *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 7.

¹⁷ См.: *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 31, 33.

¹⁸ Цит. по: *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 932.

¹⁹ Там же. С. 7.

²⁰ См.: *Андрей Белый и Иванов-Разумник.* Переписка. СПб., 1998. С. 104.

²¹ Там же. С. 128.

²² См.: *Гумилев А. Н., Панченко А. М.* Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л., 1990.

²³ *Рысс П.* Русский опыт: Историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921. С. 202.

²⁴ *Лебон Г.* Психология народов и толп. М., 1898. С. 133.

²⁵ См.: *Ефимовский Е.* Истоки и параллели // *Возрождение.* Париж. 1956. № 60. С. 21.

²⁶ Там же. С. 20.

²⁷ См.: *Маклаков В.* Из прошлого. С. 332.

²⁸ См.: Труды по россиеведению. С. 97.

²⁹ *Кускова Е. Д.* Об утопиях, реальностях и загадках // *Современные записки.* Париж, 1930. № 26. С. 362.

³⁰ *Ильин И. А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 201.

³¹ См.: *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 640.

³² Цит. по: Там же. С. 410.

-
- ³³ См.: *Пушкарёва Г. В.* Общество: механизмы функционирования и развития // Социально-политический журнал. 1998. № 1. С. 87—91.
- ³⁴ См.: Труды по россиеведению. С. 371, 372.
- ³⁵ *Рысс П.* Русский опыт. С. 6, 10.
- ³⁶ *Потресов А. Н.* В плену у иллюзий. Париж, 1927. С. 11.
- ³⁷ См.: *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 700.
- ³⁸ The mind of Napoleon: a selection from his written and spoken words / Ed. H. Christopher. N.Y., 1956. P. 64.
- ³⁹ См.: *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция 1917—1918 гг. В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 74.
- ⁴⁰ *Солоневич И. Л.* Россия и революция. М., 2007.
- ⁴¹ См.: *Даниэлс Р.* Революция, обновление и парадоксы России в XX веке // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М., 2000. С. 95.
- ⁴² Труды по россиеведению. С. 394.
- ⁴³ См.: *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 606.
- ⁴⁴ См.: *Головин Н. Н.* Указ. соч.
- ⁴⁵ См.: *Федотов Г. П.* И есть и будет: Размышления о России и революции. Париж, 1932. С. 61.
- ⁴⁶ См.: *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 13—14.
- ⁴⁷ Цит. по: Там же. С. 126.
- ⁴⁸ Там же. С. 14.
- ⁴⁹ См.: *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 690.
- ⁵⁰ *Rosenberg W.* Interpreting revolutionary Russia // Critical companion to the Russian Revolution, 1914—1921. London, 1997. P. 30—32.
- ⁵¹ Цит. по: *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 339.
- ⁵² Там же. С. 673.
- ⁵³ Цит. по: *Обросимова Т. А.* Эволюция настроений и позиция интеллигенции накануне октября 1917 года // Историк и революция. СПб., 1999. С. 192.
- ⁵⁴ ГАРФ Ф. 5881. Оп. 2. Д. 604. Л. 77—82.
- ⁵⁵ Цит. по: Труды по россиеведению. С. 424.
- ⁵⁶ См.: *Канетти Э.* Человек нашего столетия. М., 1990. С. 289—290.

В. П. Булдаков, П. П. Марченя, С. Ю. Разин

**Российские кризисы на круглом столе
«Народ и власть в российской смуте»**

23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН состоялся Международный круглый стол общенационального научно-политического журнала «Власть» со знаковым наименованием «Народ и власть в российской смуте», ставший первым международным мероприятием научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации».

В дискуссиях этого «круглого стола» участвовали (в алфавитном порядке):

Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, проректор по науке Института гуманитарного образования и информационных технологий Ю. М. Антоян (Москва); кандидат исторических наук, профессор Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала «Вестник архивиста» И. А. Анфертьев (Москва); кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России Н. В. Асонов (Москва); доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Российского государственного университета туризма и сервиса В. Э. Багдасарян (Москва); доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН В. П. Булдаков (Москва); доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета О. Г. Буховец (Минск); кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Курского Института

социального образования (филиала Российского государственного социального университета) **А. А. Белобородова** (Курск); доктор исторических наук, профессор, представитель Комитета по образованию Государственной Думы Федерального Собрания РФ **В. Н. Воронов** (Москва); доктор исторических наук, профессор кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета **Е. И. Демидова** (Саратов); кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного экономического университета **Ю. А. Жердева** (Самара); доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Российской академии правосудия **М. И. Ивашко** (Москва); доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления **А. А. Ильюхов** (Москва); кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала «Новый исторический вестник» **С. В. Карпенко** (Москва); доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова **А. И. Колганов** (Москва); кандидат исторических наук, доцент Курского государственного медицинского университета **Е. С. Кравцова** (Курск); кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Власть» **А. О. Лапишин** (Москва); кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного университета **Н. В. Липатова** (Ульяновск); кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН **Д. В. Лисейцев** (Москва); доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Университета РАО **В. Т. Логинов** (Москва); кандидат исторических наук, доцент кафедры философии

Московского университета МВД России, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета **П. П. Марченя** (Москва); кандидат исторических наук **Е. В. Павлова** (Самара); старший преподаватель кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий **С. Ю. Разин** (Москва); кандидат исторических наук, доцент Курского института социального образования (филиал Российского государственного социального университета) **Н. А. Савченко** (Курск); доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного университета, академик Академии политических наук, помощник Президента Международного Фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд) **Б. Ф. Славин** (Москва); доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью МГИМО (У) МИД России **В. Д. Соловей** (Москва); кандидат юридических наук, доцент кафедры «Социальные технологии и право» Самарского государственного университета путей сообщения **С. В. Ткаченко**; аспирантка Российского государственного гуманитарного университета **М. Ю. Черниченко** (Москва); доктор исторических наук, доцент Московского университета МВД России **А. В. Чертищев** (Москва); доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН **В. Л. Шейнис** (Москва); лауреат Государственной премии РФ, академик РАЕН, доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, директор Института общественной мысли **В. В. Шелохаев** (Москва); доктор юридических наук, профессор, вице-президент Гильдии российских адвокатов **С. С. Юрьев** (Москва).

Перед началом заседания «стола» **В. Н. Воронов** зачитал текст «Приветствия», которое направил в адрес участников Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» Комитет по образованию Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Материалы состоявшихся затем дискуссий были опубликованы в сокращенном виде в журнале «Власть» (№№ 4—9 за 2010 г.) и нашли отражения в ряде публикаций проекта (и о проекте) «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (см. список основных публикаций проекта в конце настоящего сборника).

В полном виде материалы Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» публикуются впервые.

* * *

А. О. Лапшин:

Добрый день, уважаемые участники!

Я рад приветствовать вас в конференц-зале Института социологии РАН. Нам, организаторам, очень приятно, что вы откликнулись на приглашение принять участие в работе круглого стола «Народ и власть в российской смуте». Вдвойне приятно отметить, что в работе принимают участие не только ученые, представляющие Москву, но и представители других регионов нашей страны, а также союзной Беларуси. Сам факт вашего присутствия здесь говорит об актуальности проблемы, вынесенной на обсуждение.

Позвольте мне, уважаемые коллеги, также передать приветствие от директора Института социологии, члена-корреспондента РАН М. К. Горшкова. В свою очередь, мы должны поблагодарить его за предоставленную возможность провести круглый стол в конференц-зале Института.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов по теме круглого стола. На мой взгляд, одним из центральных вопросов нашей дискуссии должен стать вопрос о соотношении понятий «смута» и «революция». Это очень

сложная историческая, философская и политологическая проблема. Что такое «смута»? Однозначного ответа на этот вопрос нет.

Понятно, что смута — это не переворот, это не какое-то верхушечное, элитарное, судорожное движение каких-то отдельных групп. Смута — это нечто более «массовидное» с исторической точки зрения. Но несет ли смута в себе какую-то организацию, какую-то структурную определенность? Мне кажется, что в нашей дискуссии должны прозвучать ответы на эти вопросы. Про Россию многие говорят, что Россия «смутная страна». Вся ее история — это история смут. Но смута — это еще и детонатор, по-своему стимулирующий исторический процесс.

Понятие «революция», в отличие от термина «смута», разработано более основательно. Великую Французскую революцию смутой не называют. А вот про нашу революцию многие говорят, что она не случайно началась с бунта голодных женщин. Но при этом за стихией бунта стояли поистине тектонические историко-культурные сдвиги, что позволило в кратчайшие сроки сломать Империю.

Или возьмем слом Советского Союза. Не станем же мы утверждать, что всемогущий монстр Б. Н. Ельцин в один миг сумел сломать КПСС и разрушить страну? Произошедшее было подготовлено, к сожалению, всеми нами. Российские смуты — явления многосложные, многофакторные. Многие считают период перестройки и реформы 1990-х гг. «смутным временем», которое подводило к хаотизации социальной среды, чреватой далеко идущими последствиями. Ядерное государство, обладающее опасными технологиями, не имеет права оказываться в ситуации хаоса и смуты.

Мне хотелось бы, чтобы мы сегодня сформулировали некое представление о том, что такое «российская смута» и попытались ответить на вопрос, каковы ее важнейшие характеристики, параметры, индикаторы.

А теперь позвольте мне передать бразды правления ведущему нашего стола В. П. Булдакову.

В. П. Булдаков:

Уважаемые коллеги, мне пришлось взять на себя роль ведущего, поскольку я вольно или невольно спровоцировал этот круглый стол. Имеется в виду моя скромная книжка «Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления», изданная 2 года назад. Я исходил из сравнения современности и событий XVII в. Чем больше знакомишься с материалами, относящимися к Смутному времени и Октябрьской революции, тем больше убеждаешься в их сходстве с тем, что мы пережили в конце XX в. и переживаем до сих пор.

Сложилось представление, что Россия за свою историю пережила три мощнейших системных кризиса, причем из последнего из них мы, строго говоря, еще не вышли. Однако такой взгляд часто встречает неприятие — в своей академической среде я с этим сталкивался. Мне думается, будет продуктивно обменяться мнениями по следующему вопросу: является ли эта теория досужей выдумкой или нет?

Я хотел бы выделить четыре блока вопросов.

Первый — кризисный ритм российской истории. Реальность это или миф? Является ли это особенностью только России?

Второй блок. С чего начинаются кризисы? Что они дают? Меняется ли в результате кризисов человек? Стоит ли ставить рядом в контексте российского исторического развития понятия «Смута» и «Прогресс»? Могу сказать, что исследователи Смутного Времени совершенно четко говорят о том, что в Московском царстве ничего не изменилось. То, что было, лишь упрочилось. Недавно появилась блестящая книга «Приказная система времен Смуты» Д. В. Лисейцева. Очень всем советую ее прочитать. Автор показал, что в ходе смуты приказная система продемонстрировала удивительную устойчивость. Мысль, впрочем, не новая. Ее

высказывали еще Н. И. Костомаров и С. Ф. Платонов. Лисейцев это подтвердил на конкретном материале.

Третий блок. Какие силы являлись главными действующими лицами смуты — элиты или массы, заговорщики или толпы? В наше время этот вопрос вызывает особый интерес. В СМИ возобладала точка зрения, согласно которой всевозможные заговорщики, масоны, темные силы только и делают, что всякий раз «переворачивают» Россию, ставят ее с ног на голову, творят с ней черт знает что. Прошу прощения за непарламентское выражение, но это действительно так.

Наконец, *четвертый*, возможно, самый важный блок. Смута и российская власть — совершенствуется ли система правления? Опыт Первой смуты показал, что власть самосовершенствовалась лишь в смысле бюрократизации. Как бы то ни было, на этот «злбодневный» вопрос надо попробовать ответить. Если этатизация — наиболее характерный итог всякой российской смуты, то почему?

Я хотел бы специально попросить присутствующих вот о чем. Не стоит пытаться ответить на все вопросы сразу. Давайте сосредоточимся на том, что мы лучше знаем. Лично для меня главной и единственной точкой отсчета при оценке хода исторического процесса является человек. Я пытаюсь подходить к смутам с позиций культурно-исторической антропологии.

Итак, меняется ли человек в результате потрясений? Приходит ли к россиянину ощущение своей собственной значимости, или, напротив, в нем укрепляется чувство собственной ничтожности, представление о себе как ничтожной «твари дрожащей»?

И для начала я хотел бы предоставить слово В. Д. Соловью.

В. Д. Соловей:

Я буду рассматривать обозначенные вопросы сквозь призму макроисторической социологии, сквозь призму четвертого поколения теории революции. К сожалению, нашим историкам она мало известна. Между тем, ее можно

применить к российскому материалу. В первой моей монографии «Кровь и почва русской истории» имеется раздел, посвященный сравнительному анализу русских революций. Вторая монография «Несостоявшаяся революция» содержит специальную главу, посвященную анализу современной революции, начавшейся в 90-е гг. и продолжающейся до сих пор.

Я не сторонник поиска за термином «смута» специфически российского содержания. Какая разница между смутой и революцией, смутой и крестьянской войной, смутой и бунтом? Не более чем терминологическая! Если говорить предметно, то первой русской революцией с потенциалом «Великой» была Смута XVII в. Почему она вошла в историю как Смута, а не как революция? По очень простой причине — эта революция не победила. Мятеж, который не кончается удачей, называется мятежом. Эта революция типологически прекрасно вписывается в волну революций и войн, прокатившихся на заре Нового Времени по всей Европе. Тем более, если взять критерии новейшей теории революций и приложить их к Смуте начала XVII в., окажется, что они вполне годятся для ее описания. За исключением одного момента. Речь об отсутствии четко артикулированных идеологий. Хотя протоидеологии в Смуте начала XVII в. присутствовали.

Если говорить о Смуте начала XX в., то я не сторонник того, чтобы разделять Февраль и Октябрь 1917 г. Это, без сомнения, две волны единого революционного процесса. В чем характерная особенность большевистской революции? Это была не просто системная революция, это была Великая революция. Таких революций в мире две — Великая Французская Революция и Великая Большевистская Революция. Я имею в виду, великих по глобально-историческим последствиям, по масштабам влияния. Это революции, в полном смысле слова изменившие мир.

Как в теории революции решается вопрос о соотношении элиты и масс? Да очень просто. Революция всегда сопровождается массовой мобилизацией. Эта

мобилизация может быть успешна только в случае, если возникает союз между массой и частью элиты. То есть необходимо еще одно условие — раскол элиты.

Самый интересный вопрос в контексте анализа Октябрьской революции — это вопрос о том, когда она закончилась. На мой взгляд, большевистская революция завершилась в середине 30-х гг. В некотором смысле она завершилась даже позже, после Великой Отечественной Войны, когда произошло окончательное примирение власти и общества.

Для меня, как для практикующего аналитика, наиболее интересна последняя революция, начавшаяся на рубеже 80—90-х гг. Она подпадает под все функциональные определения революции, существующие в макроисторической социологии. Эта революция так же была системной, но не стала великой. По масштабам влияния она ограничилась пределами Советского Союза и мировой социалистической системы. Тем не менее, в ее ходе была изменена не только политическая надстройка, но и вся система социальных отношений в целом. Встает тот же самый вопрос — завершилась эта революция или нет. Думаю, нет. На сегодняшний день нет массового приятия статус-кво, нет эффективной, компетентной власти. Кстати, надо заметить, что революция в минималистском варианте заканчивается тогда, когда создаются более жесткие системы социального контроля, нежели ранее существовавшие. Пока мы не можем это констатировать. В общем, эта революция не завершилась. Другое дело — последует ли новая ее волна. Здесь я настроен скептически. И не потому, что считаю, что Россия исчерпала лимит на революции.

Одно из важнейших условий актуализации потенциальной революционной ситуации — это не только усиление фискального давления, это не только финансовый кризис, это не только раскол элиты, а, прежде всего, — присутствие некоей демографической, биологической силы. Любой революции нужен некоторый демографический,

биологический подъем. Так было и в Смуте начала XVII в., так было и в начале XX в., когда доля молодежи в возрасте до 20 лет составляла 48% населения Европейской части России. Любая революция требует некоторой доли молодых людей. Эмпирически установлено Дж. Голдстоуном и другими авторами, что доля молодежи должна превышать 25%. Если она превышает 40%, то революция практически становится неизбежной. При этом необходимо учитывать, что Россия не была колониальной империей и поэтому у нее не было возможности избавиться от этого своеобразного переизбытка биологически и социально активного населения. К тому же, сегодня нет союза между частью элиты и обществом. Надо иметь в виду, что потенциальное недовольство весьма высокого уровня именно поэтому зачастую уходит в девиацию — в пьянство, наркоманию и т. п. Перерастанию революционной ситуации в революцию препятствует и осуществляемая властью ассимиляция потенциальных лидеров революции или их изъятие из политики вообще. Но главный фактор, препятствующий сегодня началу новой революционной волны, это демографический, биологический фактор.

Булдаков: К этому могу добавить, что всякая смута это еще и вопрос о собственности, хотя бы в форме ее отрицания. Что касается вопроса о гомоэнергетическом насыщении Смуты, необходимо учитывать и такие факторы, как предшествовавший Смуте XVII в. страшный голод 1601—1603 гг., чуму. В результате этого, несмотря на то, что Борис Годунов за бесценок раздавал хлеб, в одной только Москве погибло более 100 тыс. человек. Всякая смута — это еще и очень мощные миграционные процессы. Конец Смуты — их стабилизация властью. Некоторые исследователи считают, что Смутное время закончилось в 1619 г., другие — в 1649 г., когда появилось знаменитое Соборное Уложение. В нем, между прочим, из 63 случаев применения смертной казни, как мне подсказали специалисты, примерно 50 случаев относится к преступлениям против собственности.

И. В. Михайлов:

После падения коммунизма кризисный ритм российской истории стал настолько очевиден, что можно говорить о складывании историографии «российских смут». Импульс был задан попытками сравнения опыта Смутного времени и, разумеется, Октябрьской революции и «эпохи реформ» 1990-х гг. в рамках несостоявшихся альтернатив. Некоторые авторы уже в 90-е гг. заговорили о том, что события начала XX в. и его конца в равной мере были связаны с закреплением в российском социальном пространстве спектра бинарных оппозиций, обернувшимся революционным расколом общества. Здесь сыграла свою роль оценка Ю. Лотманом российской системы под углом зрения «культуры взрыва». В свое время он писал, что «идеалом бинарных систем является полное уничтожение уже всего существующего как запятнанного неисправимыми пороками... В бинарных системах взрыв охватывает всю толщу быта... Первоначально он привлекает самые максималистские слои общества поэзией построения «новой земли и нового неба». При этом «характерная черта взрывных моментов в бинарных системах — их переживание себя как уникального, ни с чем не сравнимого момента во всей истории человечества». Понятно, что новый взрыв неизбежен по мере массового разочарования в некогда достигнутом.

Характерно, что еще до 1993 г. некоторые историки высказывали взгляды, сопоставимые с идеями Лотмана. Однако в «новой» России закрепилась практика совершенно иного — чисто *политического* — осмысления старых и новых «смут». И хотя западные историки оценивали Октябрьскую революцию и «перестройку» с «эпохой реформ» 1990-х гг. в контексте социального экспериментирования элит *над* русским народом, осуществляемых *при* его вольной или невольной поддержке, российские авторы (среди которых преобладали политологи) предпочитали социальную составляющую двух последних «смут» не замечать.

Такой подход стыковался с работами А. Янова, пытающегося рассмотреть цикличность русской истории под углом зрения реформ и контрреформ. Ценность подобного подхода сомнительна, ибо слишком заметно желание упрочить либеральную историографическую традицию, «подкрепив» ее теорией модернизации. Заведомая идеологизированность такого подхода чревата вульгаризацией русского исторического процесса как противоборства «конституционализма» и «авторитаризма». Не удивительно, что некоторые авторы заговорили о «цивилизационных альтернативах» русского исторического процесса, в ряду которых Андрей Курбский представлял первым русским конституционалистом.

Впрочем, со временем наметились и более основательные приближения к общей теории российских смут. Так, А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко связали 4 «катастрофы русской истории» (1-я — монгольское нашествие) с последовательной гибелью киевской, московской, романовской и советской государственности. Кризисы объяснялись расколом и/или манихейским типом цивилизации. Такой подход смотрелся более убедительно, хотя и он отнюдь не приближал к осмыслению «анатомии смуты». В свою очередь, В. Соловей объявил 3 российские смуты (XVII в., 1917 г. и современную) «локомотивами» необычайно «успешной» русской истории, что очень похоже на культурологическую модернизацию марксистских теорий. Примечательно, что, отмечая «метафизический» характер российских смут, он утверждает, будто в результате их осуществлялась «смена социокультурной русской традиции». При таком подходе возникает риск оказаться во власти метафор, на которые отважиться тем легче, чем меньше соприкасаешься с конкретно-историческими реалиями. Получается, что, с одной стороны, «русская Смута хронологически укладывается в эпоху Модерна», с другой — все «русские революции могут служить прекрасной иллюстрацией китайских натурфилософских представлений». По поводу сочинений

(написанных очень выразительно) Соловья можно сказать словами Лотмана: «Искусство — это всегда торжество мира условного над миром факта».

Сегодняшние историографические подходы, несомненно, складываются под влиянием развала СССР. Характерно заключение известного итальянского историка В. Страды о том, что «в истории России XX в. имеет место провал, каких не знала ни одна из европейских стран, как бы конкретно не называлось такое зияние» (здесь заметно влияние «Зияющих высот» А. Зиновьева). Некоторые западные авторы связывают кризисную «уязвимость» Российской (и советской) империи с тем, что она, составляя социокультурное целое, вместе с тем оставалась периферией Европы, наиболее чутко реагирующей на общеевропейские катаклизмы. Такой подход полностью расходится с либеральными представлениями о том, что в 1991 г. Россия перестала быть империей. Так или иначе, проблематика российских смут связана с осмыслением особенностей российского имперского комплекса.

К настоящему времени наиболее основательно подошел к проблемам российских имперских смут В. П. Булдаков, показавший, что каждая из них проходит несколько стадий: этическую, идеологическую, политическую, организационную, социальную, охлократическую, рекреационную. Примечательно, что такой подход имеет точки соприкосновения с классической работой С. Ф. Платонова, выделявшего этапы «боярской смуты», перенесения ее в воинские массы, открытой общественной борьбы, разделения государства между тушинской и московской властью (своего рода двоевластие), наконец, возрождения власти в результате образования «земского правительства». В отличие от него, Р. Скрынников делает упор на то, что в результате правления Ивана Грозного «опора монархии оказалась расщеплена», а «главной причиной» смуты называет раскол, «поразивший дворянство и вооруженные силы государства в целом».

Но стоило бы заметить, что две последние российские смуты все же отличаются от первой тем, что развивались в условиях «догоняющего развития». А это, между прочим, чревато априорной ориентацией на «чужую» модель развития, искаженными представлениями о реальных потенциях «своего» общества, нескоординированностью целей элит с массовыми представлениями о прогрессе. Поэтому, говоря о российских смутах, имеет смысл выделять смуты средневековья, и революции эпохи модерна.

В. В. Шелохаев:

Концепт «смута» аккумулировал в себе множество различных состояний в системе взаимоотношений между властью, обществом, индивидуумом. Недаром в «Толковом словаре» В. Даля «смута» характеризуется и как обычная тревога и переполох, и как возмущение, восстание, мятеж и крамола, и как общее неповиновение, раздор между народом и властью, и как обычная неурядица и беспорядок и даже как домашняя ссора, дразги, перепалки и т. д. Все эти состояния емко отражают сущность и логику событий начала XVII в. и начала XX в. в России. Не случайно Смута прочно вошла в последующий историографический и общественно-политический дискурс. Причем изначальный объем концепта «смута», вошедшего в разговорный русский язык, вобрал в себя и отразил как в массовом сознании, так и в различных литературных жанрах, в исторических исследованиях, сложность, противоречивость и мозаичность данного явления. Казалось бы, обычный династический кризис, неоднократно переживавшийся и западноевропейскими странами в Средние века, высветил то общее и специфически особенное, что было характерно для российского исторического процесса начала XVII в. как целого. Спустя 300 лет России пришлось переживать еще более масштабную смуту, приведшую страну, как и в Средние века, на грань национальной катастрофы. Несмотря на этот достаточно длительный хронологический разрыв, в российских смутах начала XVII в. и начала XX в. обнаруживается много типического, что привлекает

внимание представителей различных областей гуманитарного знания.

Обе смуты с особой остротой высветили проблему способности российской власти адекватно реагировать на вызовы времени. Исторический опыт показал, что власть, которая игнорирует эти вызовы, рано или поздно утрачивает ощущение необходимости самотрансформации, и, в конечном счете, сама становится деструктивной политической силой, провоцирующей разноуровневые конфликтные ситуации. К сожалению, романовская династия не учла уроков прежней рюриковской, довела до полного абсурда понимание ролевых функций самодержавной власти, по преимуществу сведя их к разного рода церемониально-ритуальный презентациям идеологического характера. Действительно, внешняя сторона ритуальных функций была отработана предельно четко и до определенного времени являлась эффективной. Однако функции самодержавной власти не сводятся к традиционным ритуальным действиям, а должны обеспечивать эффективность функционирования политической системы как целого, совершенствования методов управления государством. Игнорируя интересы общества, не допуская его к властным функциям, неограниченное самодержавие объективно способствовало деформации всей системы общественно-политических отношений в России.

В свою очередь и российское общество, изолированное от рычагов управления собственной страной, также становилось источником смуты. Слабо структурированное, раздираемое глубинными социальными противоречиями, не находящими мирного разрешения в рамках координат данной политической системы, общество в обеих смутах продемонстрировало историческую неспособность взять на себя ответственность за судьбы страны. Достаточно вспомнить о весьма неприглядной роли политической элиты в Смутное время. Отсутствие единства в рядах российской политической элиты в начале XX в.

также привело к открытию «шлюзов» для прихода к власти политических маргиналов.

Поражают воображение варварские методы разрешения кризисных ситуаций в российских смутах. Причем речь идет не только об утрате территориальной целостности страны, но, прежде всего, о масштабных людских потерях, невозвратных утратах в области духовной и культурной жизни. Провокативная роль власти в истории России способствовала перманентному вовлечению в смуты все большего числа социально разнородных элементов, преследующих собственные корыстные интересы и имеющих различные морально-этические установки. В массовом сознании и средневекового, и нововременного большинства традиционно причудливо переплетались конкретные сиюминутные интересы и абстрактные идеалы будущего, вековая ненависть к господам и крайне пренебрежительное отношение к чужой собственности, рабское смирение и бурные вспышки насилия, неистовая религиозная вера и разного рода суеверия.

Наряду с выше обозначенными сугубо негативными явлениями, смуты продемонстрировали наличие в России и конструктивно ориентированных социальных и интеллектуальных сил, которые в условиях национальной катастрофы проявляли свои лучшие человеческие качества. Именно благодаря этому удалось в XVII в., хотя и с большими издержками и потерями, преодолеть смуту, возродить российскую государственность и постепенно восстановить единство страны. Неизмеримо сложнее оказалась ситуация в начале XX в., когда «смута» привела к разрыву многовековых традиций, к ликвидации российской империи, старых классов и сословий, всей системы правовых и частнособственнических отношений. Выход из «смуты» начала XX в. проходил уже на основе принципиально иных оснований идеологического, политического, экономического, социального и культурного характера. Смута XX в. «вытолкнула» Россию в иное историческое измерение.

Как видим, смуты, имея разномасштабный характер, с разной степенью интенсивности прокладывали дорогу к качественно новому состоянию России. Причем эта дорога могла быть как продолжением традиционного магистрального пути, так и «нащупыванием» принципиально нового пути в непредсказуемое историческое общество. Смута XVII в., образно говоря, продолжала старый путь, несколько модифицируя прошлое. Потребовалось 2 поколения из династии Романовых, чтобы подготовить почву для прихода «модернизатора» Петра I, который стал закладывать фундамент для новой, уже имперской России. Итоги же смуты начала XX в. оказались принципиально иными. Начавшись в 1905 г., модернизация самодержавия, создание представительных учреждений, системные столыпинские реформы оказались уже недостаточными, чтобы вывести страну из кризиса. Потребовалось еще 2 революции — Февральская и Октябрьская — чтобы разорвать всякую преемственность с прошлым и приступить к строительству новой России. Диктаторская большевистская власть «огнем и мечом» прошла по человеческим судьбам.

Исторический опыт российских смут позволяет сделать вывод, что они являются производными, во-первых, от недееспособности исторической власти, а во-вторых, от неспособности самого общества найти адекватные ответы на вызовы времени.

Д. В. Лисейцев:

Период российской истории начала XVII в. получил от современников меткое название Смутного времени. В дальнейшем, вплоть до дней сегодняшних, смутой именовали самые разные периоды отечественной истории, включая дела совсем недавно минувших лет. В силу этого небесполезным представляется анализ причин, позволивших Российской державе 400 лет назад выстоять в условиях глубочайшего раскола общества, гражданской войны, ужасы которой были усугублены открытой интервенцией сопредельных государств.

Я предполагаю осветить здесь лишь один из аспектов этой сложной и многогранной темы. Речь пойдет о роли и позиции в событиях Смуты представителей центрального аппарата управления Московского царства, которых мы, используя модернизированную терминологию, часто называем чиновниками или бюрократией, а современники именовали приказными людьми.

Исследование приказной системы Московской царства рубежа XVI—XVII вв. позволяет сделать ряд выводов, опровергающих традиционное представление о том, что в Смутное Время произошло крушение системы государственных управления. Приказы в течение всего Смутного времени функционировали исправно и бесперебойно. Государственная система Московской Руси оказалась достаточно прочной. Эта прочность стала важнейшей предпосылкой преодоления Смуты.

Не в последнюю очередь причиной тому стала стабильность и грамотная кадровая политика, проводившаяся высшим руководством страны. Можно утверждать, что события Смутного времени не повлияли на численное состояние штата московских приказов. В целом, штат приказных дьяков был достаточно стабилен; в приказах эпохи Смуты можно констатировать высокий уровень преемственности кадров. Необходимо отметить также, что в условиях «междоусобицы» московские дьяки в большинстве оказались на стороне национально-освободительного движения. Об это свидетельствует их переходы на сторону Первого, а затем и Второго Ополчения. Приказные люди, в свою очередь, «отвечали государству взаимностью», выступая в условиях Смуты на стороне патриотических сил.

Б. Ф. Славин:

Ну, прежде всего, пойду по логике, которую нам предложил ведущий. Несколько слов о понятии «смута». Я думаю, что это всего лишь образ. Образ, который создается властью, когда она теряет свое господство. Если до революционных событий все было ясно, то после начала революции, становится все непонятно — появляется

Смутное время. Думаю, что задача ученых осветить проблему смуты с точки зрения ее социального, политического анализа. Тогда эта категория станет прозрачной и нам более или менее что-то станет ясно. Я считаю, что все-таки речь должна идти о революциях в истории России. Мне ближе понятие «революция» и именно его я буду анализировать. Что такое революция? Сейчас многие, как правильно сказал наш ведущий, считают революции результатами определенного заговора узких кругов, элиты и т. д. Я стою на совершенно противоположной позиции и считаю, что революция возникает тогда, когда в ней участвует большинство народа. Все наши революции совершались абсолютным большинством народа, куда входили и представители рабочего класса, и представители крестьянства, и определенная часть интеллигенции.

Я думаю, что революции возникают только когда возникает острейшая, жизненно важная для большинства общества проблема, которую не в состоянии решить власть. Вот тогда-то и возникает конфликт между народом и властью. Если мы возьмем Россию, то здесь все очень просто — на рубеже XIX—XX вв. такой проблемой, безусловно, был земельный (крестьянский) вопрос. Попытки ее решения были, но она не была решена. Думать о том, что революция лишь просто заговор элиты — это наивность или политически ангажированный, чисто публицистический прием. Поскольку сегодня предметом критики является Октябрьская революция, то некоторые считают, что неплохо бы представить ее всего лишь переворотом, который совершили некие сионисты, безродные космополиты и т. д. Никакая революция не может произойти, если ее желает только какая-то узкая группа элиты, а народ молчит. Если мы возьмем Октябрьскую революцию, то ясно, что ее совершили массы, при этом стихийно сложился союз рабочего класса и крестьянства, представлявшего собой громадное большинство народа.

Рабочий класс России был уникальным рабочим классом. Это был полный энергии, сознательный класс. Несмотря на свою малочисленность, российский рабочий был достаточно активен, его поддержала основная масса народа. А толчком для Февральской революции послужили женщины, которые вышли на улицы — им нечем было кормить детей. Вообще, женщины, на мой взгляд, являются своего рода критерием революционности народа. Если женщина толкает своего мужа на улицу и говорит: «Защити!» — это подлинный критерий начала настоящей революции. Тогда призывы женщин подхватывают мужчины, солдаты начинают поддерживать рабочих, к рабочим присоединяется крестьянская масса. Но Февральская буржуазно-демократическая революция не принесла главного ожидаемого результата — не дала крестьянам землю. Мало того, была еще одна проблема — проблема мира. Война обрыдла всем социальным слоям. Почему потребовалась Октябрьская революция? Потому, что Февральская революция не решила ни вопрос о земле, ни вопрос о мире. Она оказалась не вполне нормальной буржуазно-демократической революцией, ибо увенчалась только свержением монархии и дала ряд свобод. Октябрь и Февраль в связи с этим следует рассматривать как единый революционный процесс. И поэтому мы вправе говорить о единой Великой Русской Революции.

Несколько слов о современной смуте. Был нормальный план и была идея перестройки, которая заключалась в том чтобы превратить наш казарменный, бюрократический социализм в демократический социализм. Трагедия Горбачева в том, что он не смог осуществить стратегию, которую провозгласил, и которую первоначально поддержала основная масса народа.

В событиях 1980—1990-х гг. следует выделять 2 этапа: перестройка и постперестройка. Я не сторонник точки зрения, что Союз развалился в силу неких объективных факторов. Объективное в истории реализуется только через субъект. Никаких «железных» законов,

независимых от людей, в истории нет. И когда трое подвыпивших людей, вопреки результатам всенародного референдума, объявляют роспуск Союза — это конкретный акт, показывающий, кто является подлинным виновником распада Союза.

То, что революция рубежа XX—XXI вв. не завершилась — это абсолютно верно. Не решены основные вопросы, которые сегодня важны для большинства народа. Она не завершилась еще и потому, что не выявился, не определился субъект революции. Этот субъект вызревает, может быть, еще ходит в детский сад. Но он должен появиться. Будем надеяться, что это произойдет на наших глазах.

Булдаков: Я хотел бы повторить, что революции действительно предшествует некое гомоэнергетическое перенасыщение социального пространства. Но сегодня оно отсутствует. Более того, наблюдается полный упадок всяческих сил. Еще любопытный момент. Я как-то обратил внимание на то, что революциям или смутам предшествует некий дисбаланс — хотя бы локальный — между мужским и женским населением. Во всяком случае, в наших нынешних горячих точках нынешних (они и прошлые, кстати сказать) это особенно заметно. Если взять Северный Кавказ, где в 1918 г. происходили процессы, весьма сходные с современными, то там мужское население странным образом превышает численность прекрасного пола. И такие явления мы до сих пор даже не пытаемся объяснить. И еще один момент. Давайте в нашей дискуссии избегать ближайших политических прогнозов. Лучше копать вглубь. Это полезнее, причем не только исследователям.

А. И. Колганов:

Совершенно очевидно, что революция немыслима без определенного уровня массовой мобилизации и союза между частью элиты и массами, а возникновение смуты, как некой формы протекания революционного процесса, невозможно без возникновения разрыва между прежней элитой, прежней властью и массами. Прежде чем возникнет

союз контрэлиты и масс, появляется разрыв между массами и властью, которая не решает проблем, затрагивающих насущные интересы тех или иных социальных групп и слоев. Для начала революций и смут характерна «слепота власти», которая в упор не видит насущных проблем.

Новая власть, которая утверждается в ходе смуты, всегда отличается от старой тем, что она в той или иной степени эти интересы учитывает и удовлетворяет. Для Смуты XVII в. оказалось достаточно простого восстановления порядка. Это удовлетворило интересы населения, поскольку велика была степень дезорганизации общества. В 1917 г. дело обстояло значительно сложнее. Преимущество большевистской власти перед предшественниками заключалось в том, что некоторые интересы народа она удовлетворила. При этом большевики шли прямо против интересов другой части народа. Наибольшая сложность заключалась в том, что не были удовлетворены интересы крестьянства. С ним пришлось пойти на компромисс ради удержания власти. Компромисс этот, в целом, оказался устойчивым.

Я не совсем согласен с тем, что большевистская революция завершилась в середине 30-х гг. Она состояла из двух этапов. Можно даже говорить о двух революциях. Революция, которая начиналась в октябре 1917 г., завершилась к началу 20-х гг., завершилась... незавершенностью. Та программа, с которой большевики шли на революцию, оказалась несостоятельной. Мировой революции не произошло. Поэтому встал вопрос о перемене вектора этой революции. После длительного периода внутривластной борьбы такая перемена произошла и была совершена другая революция. Совсем не та, которую проектировали большевики в 1917 г. И вот эта новая революция завершилась в середине 30-х гг. созданием устойчивой общественной системы.

Что касается нынешней революции, то здесь мы сталкиваемся с той же ситуацией, с какой в свое время столкнулись большевики. Эта революция смогла

удовлетворить интересы только части населения. Другая часть осталась неудовлетворенной. И это делает революцию незавершенной. Правда, степень незавершенности этой революции столь уж велика. На мой взгляд, сегодня нет оснований говорить о делегитимации нынешней власти в глазах населения. Население рассматривает нынешнюю власть как вполне легитимную и замены ее, в общем, не желает. Другое дело, что политический абсентеизм очень велик. Но говорить о том, что сохраняется отчетливо выраженный конфликтный потенциал, не приходится. Для его актуализации потребуется длительный период времени. Российское общество при нынешних условиях вполне может существовать лет 15—20—25. Да и вряд ли можно будет говорить об обострении конфликта, до тех пор, пока не произойдет смена нынешнего поколения россиян. Лишь тогда его вероятность резко возрастет.

Нынешняя власть достаточно эффективна в сфере социального контроля. Но те мины замедленного действия, которые заложены в сегодняшней общественной системе, неизбежно приведут к социально-экономическому и политическому кризису, так как нет механизмов разрешения важнейших проблем. В самой власти заложены механизмы, блокирующие решение проблем. В ближайшее время можно ожидать дальнейшего падения конкурентоспособности российской экономики. А это неизбежно приведет и к обострению социальных, а вместе с тем и политических проблем. Для того чтобы это не произошло, власть должна сама изменить себя. Что-то я такого рода явлений в российской истории не наблюдаю. Поэтому вполне вероятно, что очередная смена власти опять-таки произойдет через смуту или революцию.

Булдаков: Что я к этому могу добавить? Месяца два назад ко мне приходили брать интервью какие-то телевизионщики. Когда стали расходиться, один молодой человек неожиданно спросил: когда будет революция? Я ему ответил примерно то, что сегодня уже было сказано. Он, кажется, ушел глубоко неудовлетворенным.

В. Л. Шейнис:

Мне кажется, что весь комплекс наших рассуждений стоит поместить в некоторую, определенную рамку. Развитие общества происходит в двух главных вариантах: эволюция и революция. Когда-то у нас господствовало представление, согласно которому революции — это праздники истории. Революции действительно случаются. Но случаются не по причине злокозненности каких-то, заброшенных из-за границы агентов и т. д. Революции решают (или не решают) какие-то задачи.

Для общества, пережившего XX век, на мой взгляд, главный урок истории заключается в том, что путь эволюции предпочтительнее. Кстати сказать, целый ряд стран пошли именно путем эволюции. Классический пример — Англия. Она решила все основные проблемы, которые стояли перед ней, именно эволюционным путем.

Теперь позвольте два художественных образа. Первый образ. Студенческий спектакль в одном из ленинградских вузов. 1956 год. Занавес раздвигается на сцене стол. За столом сидят серьезные, почтенные люди в галстуках, неслышно ведут разговор. За кулисами нарастает шум. Люди, сидящие за столом, наконец-то реагируют на него. И кто-то из них предлагает: «Это не порядок. Надо запретить» Все единодушно голосуют «за». На сцену вбегает разномастная тусовка в легкой одежде, разгоняет этот президиум, разбрасывает столы и начинается спектакль. Признаюсь, мне тогда это очень нравилось. Нравился молодой задор, нравилась очевидная аллюзия, нравилось раздражение чиновников Смольного.

Но возникает вопрос — хорошо, а что дальше? Кем и как, с помощью каких процедур, можно заменить сидящих в президиуме? Обратимся к известной брошюре Герберта Уэллса «Россия во мгле». Принято считать, что английский фантаст «не понял» замыслов «кремлевского мечтателя». Но Уэллс как раз очень многое понял. С заседания Петроградского Совета он вынес такое впечатление: «Трудно себе представить менее удачную организацию

учреждения, имеющего такие обширные функции и несущего такую ответственность». Из приведенных примеров напрашивается вывод о том, что всякий распад власти несет очень серьезные издержки.

Второй образ. Жюль Верн, «Пять недель на воздушном шаре». Путешественники на воздушном шаре приближаются к финишу. За ними гонится какое-то дикое племя и им нужно, во что бы то ни стало, перелететь через Сенегал. На противоположном берегу находятся французские колониальные посты. А шар снижается. Что делать? Принимается решение сбросить корзину. Ради спасения выбирать не приходится. Некомфортные условия путешествия — ненадолго. И стоит ли жалеть корзину, ее содержимое? В свое время одному из самых светлых, интеллигентных умов того периода П. Н. Милукову стало жаль терять проливы. В его системе ценностей они были очень важны. И вот это непонимание ситуации, того, что пора «бросать корзину», его погубило (и не только его).

Здесь говорилось о том, что крестьянам после Февраля надо было дать землю. Да, надо было, даже в обход юридически безупречных действий, сделать то, что сделали большевики. Потому, что страна была левая, потому, что в Учредительном собрании в любом случае возобладали бы социалисты — голоса кадетов уже ничего не значили. В значительной степени ситуация была связана с неспособностью предыдущей элиты (одной из самых бездарных в истории России) реализовать устремления крестьянства. В начале XX в. были три программы решения земельного вопроса: Столыпина, кадетов и эсеров. Мне кажется, что 20 лет покоя, на которые рассчитывал Столыпин, многое могли изменить. Но времени не было.

Еще один пример — гражданская война в Испании. Страшный конфликт, в основе которого лежал земельный вопрос. Испанские крестьяне хотели земли. Победил Франко. Земельный вопрос не решился. Но вот несколько лет назад я ездил по Испании. Развитие обошло здесь аграрную проблему — земля, так или иначе,

сконцентрировалась в руках более или менее эффективных хозяев, а перенаселенная испанская деревня «ушла в город».

Заканчивая, хочу сказать, что ответственное меньшинство, ответственная элита должна понимать угрозу смуты. Я критичнее отношусь к тому, что дала Октябрьская революция чем, скажем, Б. Ф. Славин, с которым мы уже лет двадцать спорим на эту тему. Но дело не в том, чтобы поставить оценку действующим лицам того периода, а в том, чтобы вынести из прошлого соответствующие уроки. А урок этот для интеллектуального меньшинства прост. Надо вовремя разъяснить людям, принимающим решения, что интерес всего общества заключается в декомпрессии авторитарного режима.

Колоссальная заслуга М. С. Горбачева, на мой взгляд, состояла в том, что он начал этот процесс и тем самым попытался перевести вектор развития на путь эволюции. Но, к сожалению, ему это не удалось сделать. Известно высказывание о том, что крушение Советского Союза — величайшая геополитическая катастрофа XX в. Мне хочется возразить: юноша, вы не знаете, что такое катастрофа, вы плохо изучали историю. Сегодня самое дурное в том, что вектор развития России изменился в направлении реставрации авторитарных структур. Мне кажется, что в свое время больше правды было на стороне Горбачева.

Будakov: Комментируя последнее выступление, хотел бы заметить: у нас сегодня непомерно идеализируют Столыпина. Между тем, все, что пришлось ему делать, было известно в конце XIX — начале XX вв. Власть в известные периоды действительно «слепнет», не видит совершенно очевидного. Я не один раз сравнивал наши предреволюционные реформы с реформами Мэйдзи в Японии. В одном случае — системный подход к реформам, в другом — совершенно бессистемный. В Японии 80—90-х гг. XIX в. крестьяне были освобождены с землей, было введено всеобщее начальное образование, самураи отправились на государственную службу, в результате появился парламент.

Конфликт разрешен, хотя жизненные проблемы Японии далеко не были решены. И то, что сработали побочные результаты реформ (самураи, засевавшие в правительственных учреждениях, задали государственности тот милитаристский дух, который обернулся Перл-Харбором) не меняет этой оценки. Смешно сказать, но у нас проблемой всеобщего обучения занялись в годы Первой мировой войны и только благодаря тому, что граф Игнатъев был когда-то в хороших отношениях с императором. Большевики, кстати сказать, игнатъевскими наработками воспользовались.

С. С. Юрьев:

Я подхожу к проблеме «круглого стола» как практик и как ученый, понимая всю сложный междисциплинарный ее характер. Мне вспомнился такой случай, относящийся к перестроечному времени. В апреле 1989 г. в московском метрополитене было обнаружено два самодельных взрывных устройства большой мощности. Они, к счастью, не сработали. В ходе расследования было установлено, что место их изготовления — одна из южных республик Советского Союза. Туда была направлена следственная бригада Управления КГБ СССР по Москве и Московской области. Но она сделать ничего не смогла потому, что республиканское руководство заявило: «Вы что, не понимаете какая политическая обстановка в республике? Как можно кого-то к ответственности привлекать, следственные действия проводить?» Вспомнив этот малоизвестный эпизод (известными обычно становятся террористические акты, но не факты их предотвращения), мне подумалось, что одним из слагаемых любого системного кризиса является правовой нигилизм, т. е. пренебрежение возможностями права и нарушение существующих правовых норм.

Обратившись к методологии такого известного автора, как Питирим Сорокин, приходится констатировать, что правовой нигилизм опосредует все стадии развития системного кризиса. Мы сегодня отмечаем такие признаки системного кризиса как массовый характер ущемления

инстинктов, бессилие групп порядка, бесхребетность власти и т. д. Результат легко проиллюстрировать: в 1988 г. в межэтнических столкновениях погибло 95 человек, в 1989 г. — 222, а за 2 месяца 1990 г. — 293 человека.

С другой стороны, наблюдается явное нежелание, пренебрежение со стороны элит правовыми средствами решения конфликтов. При этом со стороны правящих верхов усиливаются нарушения юридических норм, в том числе путем вмешательства в правомерную деятельность правоохранительных органов. Сошлюсь на воспоминания бывшего первого заместителя председателя КГБ Ф. Бобкова, который писал, что высшие функционеры КПСС и республиканские элиты в последние годы существования СССР не только не стремились, но и зачастую потакали националистическим настроениям, игнорируя соответствующую информацию органов безопасности. Политическим руководством страны не были использованы должным образом даже итоги референдума 1991 г. о сохранении СССР.

П. Сорокин писал, что революционные эпохи просто поражают бездарностью власти и элит, не способных ни успешно выполнять свои функции. М. С. Горбачев в интервью газете «Таймс» сказал: «Что касается меня как политика, то я проиграл». Значит, как политический руководитель он не использовал всю силу права и правоохранительных органов для необходимого торможения деструктивных процессов.

Недавно Институт социологии РАН провел исследование, в ходе которого было установлено, что тезис о том, что всегда необходимо соблюдать закон, поддерживают лишь 25,8% граждан. Среди государственных служащих в целом этот показатель составлял 58%. На мой взгляд, правовой нигилизм является благодатной почвой для циклической повторяемости российских смут и революций.

Требуются определенные усилия власти для того, чтобы ситуация была нормализована. В заключение, приведу слова Платона о том, что невнимание к вопросам

государственного управления приводит к тому, что некоторые государства «подобно судам, погружающимся в пучину, гибнут или уже погибли или погибнут в будущем, из-за никчемности своих кормчих и корабельщиков — величайших невежд в великих делах, которые равным счетом ничего не смысла в государственном управлении, считают, что они во всех отношениях наиболее ясно именно это уяснили».

Булдаков: Мне кажется, что вопрос о правовом нигилизме — это часть более общей проблемы стыковки обычного и формального права. В России она так и не состоялась. В этом смысле Россия остается традиционным обществом. Пример Веры Засулич всем хорошо известен, и в общем эта ситуация до сих пор сохраняется. Всеобщего уважения к формальному принципу «*dura lex, sed lex*» до сих пор нет.

С. В. Ткаченко:

Современная российская правовая система была создана в 1990-е гг. с помощью полномасштабной рецепции западного права. Конституция РФ 1993 г. стала его своеобразной хартией. Правовые реформы 90-х гг. были проведены под лозунгами модернизации российского права. Однако действительную модернизацию характеризуют следующие условия: краткосрочность преобразований, их эффективность, наконец, устойчивость. Модернизация правовой системы должна не только учитывать, но и выражать правовые настроения населения.

В России в 90-е гг. вместо реальной модернизации для упрочения положения власти была использована декоративная модель рецепции права. В результате этого, в очередной раз в российской истории возникла ситуация правового дуализма, когда «верхи» и основная масса населения живут в разных правовых пространствах. Порождением данной ситуации стало возрождение и активное использование нашей элитой мифа о так называемом «правовом нигилизме» основной массы населения России.

В результате декоративной рецепции закономерно рождаются своеобразные политико-правовые уродцы, такие как президентская монархия, управляемая демократия и т. д. Особо стоит отметить институт выборов, который, по сути дела, превращен нынешней властью во внешне демократичный обряд сохранения власти.

В настоящее время власть вызывает к обществу для некоего диалога по изменению идеологии государства. Но в нынешней ситуации эти призывы так и останутся призывами. Сегодня настоящий диалог между властью и обществом не возможен, так как население понимает, что его игнорируют и не рассматривают в качестве подлинного субъекта политической жизни.

О. Г. Буховец:

Пафос прозвучавших выступлений, подтолкнул меня к тому, чтобы отойти от прежнего плана выступления. На то, что мы обсуждаем невозможно не откликнуться. Виктор Леонидович [Шейнис] подверг сомнению тезис о том, что распад СССР был величайшей геополитической катастрофой XX в. По его мнению, малое количество жертв уже позволяет в этом усомниться. Напомню слова Александра Васильевича Суворова: «Трепещу в связи с тем, что столько много крови пролил» (цитата недословная). Так вот нам гуманитариям, каждый раз трепетать нужно. Около 150 тыс. жертв (по самым скромным подсчетам) в ходе гражданской войны в Таджикистане — это много или мало? Грузино-абхазская война — примерно 20 тыс. жертв. Эту статистику можно продолжить, не забывая и о судьбах чеченского и ингушского населения. И не только. По переписи 1989 г. в Чечено-Ингушетии проживало около 15 тыс. украинцев. Где они сегодня?

Нам не стоит сбивать свой исследовательский прицел и помнить о жертвах, «трепетать» — как Суворову. Несколько слов еще об одной остроактуальной теме. В сталинской Конституции 1936 г. было записано право выхода союзных республик из СССР. Конечно, во времена диктатуры это было практически не реализуемое право. Но

как только скрепы ослабли, республики засобирались на выход. Мне бы хотелось несколько слов сказать о советской национальной политике, оставаясь при этом равноудаленным от полюсов ее апологетизации и демонизации.

Белорусский этнос в результате Гражданской войны оказался разнесенным по трем регионам. По итогам советско-польской войны к Польше отошли земли Западной Белоруссии, которые населяли 4,5 млн белорусов. В начале польской оккупации, на этой территории существовало 400 белорусских школ. В 1939 г. здесь была закрыта последняя белорусская школа. Из 500 православных церквей, которые существовали на момент начала советско-польской войны, к 1924 г. осталось 195. Параллельно происходило насаждение костелов.

Политику польского государства можно охарактеризовать теми словами, которые в свое время были адресованы Бурбонам — ничего не забыл, ничему не научился. Еще в 1901 г. на польских территориях, входивших в состав Германской империи, было запрещено даже богослужение на польском языке. Тем не менее, польское государство использовало те же ассимиляторские технологии.

Если говорить о восточных районах Белоруссии, то там сложилась следующая ситуация. Согласно материалам Всероссийской переписи 1897 г. в 3-х уездах Витебской губернии — Вележском, Себежском и Невельском, которые были переданы в свое время большевиками в состав Псковской губернии, более 73% населения назвали своим родным языком белорусский. По переписи 1926 г. в качестве родного языка назвали белорусский язык лишь 0,2% населения. Этнос растворился как кусок сахара в стакане горячей воды. При этом нет никаких данных, подтверждающих жесткий обрусительский прессинг. Свою роль, безусловно, сыграла минимальная культурно-лингвистическая дистанция. Факт перехода белорусских уездов в состав РСФСР начальством трактовался просто:

теперь здесь все русские. А между тем в БССР тогда почти 81% населения заявил о своей белорусской идентичности.

Теперь о современности. Сравнение данных последней советской и первой постсоветской переписи показывает кардинальное изменение численности основных этнических групп в Белоруссии, за исключением белорусов. Их численность сокращается. Численность белорусов увеличивается. В эти годы становится престижным считать себя частью титульного белорусского, этноса. Т. е. происходит переидентификация.

Булдаков: Олег Григорьевич, прерву вопросом. Есть ли какие-то данные по количеству «осадников», т. е. польских колонистов, проживавших в белорусских регионах Польши в 1939 г.?

Буховец: По количеству дворохозяйств — 15 000. Вместе с членами семей их будет в 4—5 раз больше. Они составляли опорные пункты полонизации, которая шла через аграрную политику.

Славин: Скажите, какова сейчас национальная структура населения в Белоруссии?

Буховец: Сейчас, 82% — белорусы; 11,5% — русские; поляки — около 4%; украинцы — около 3%.

Булдаков: А какова языковая картина?

Буховец: Ну, понятно. Я намедни давал интервью «НТВ+» и в ходе него заметил ведущему: «Вам, наверное, и в голову не приходит, что современный Минск более русскоязычный город, чем нынешняя Москва».

Булдаков: Ну, кстати сказать, Киев тоже русскоязычный город.

Буховец: Все же не в такой степени.

Булдаков: Олег Григорьевич от темы дискуссии несколько уклонился. Но я чувствую интерес к тем вопросам, которые он затронул, очень высок. Пожалуйста, Александр Антонович [Ильюхов].

А. А. Ильюхов:

Я не идентифицирую понятия «Революция» и «Смута». Но, сейчас речь пойдет не о дефинициях. Хотелось

бы вернуться к вопросу о предпосылках смуты 1917 г. Стоит, на мой взгляд, задаться следующими вопросами: кто создал условия, при которых крестьяне самой большой страны в мире страдали от малоземелья? Почему происходила стагнация сельского хозяйства? Почему столь велик разрыв между бедными и богатыми? Почему Россия была самой неграмотной страной в Европе? Почему в стране, где утвердились капиталистические отношения, сохранялась социальная структура феодального общества? Почему невысокое материальное положение большинства населения в годы Первой мировой войны стало просто катастрофическим? Список можно продолжить.

Пытаясь ответить на эти вопросы, вольно или невольно приходишь к выводу, что смута была результатом коллективного творчества верхов российского общества. Каждый привилегированный класс внес свой вклад в этот процесс. И буржуазия, и дворянство, и чиновничество. Власть не додумалась до понимания необходимости проведения таких реформ, проведение которых всерьез и надолго смогло бы обеспечить социальный мир и позволило бы стране избежать социальных катаклизмов. П. А. Столыпин пытался создать некоторое подобие среднего класса, состоящего из «богатых и сильных» крестьян, но его замыслам не суждено было реализоваться. В условиях, когда политическое руководство не желало никаких перемен, не видело надвигающейся катастрофы, глубокие социально-экономические реформы вряд ли были возможны. Косность правящей элиты и была главной причиной революционного взрыва.

Нынешняя ситуация, конечно, отличается от того, что было в начале прошлого века, но вглядываясь в нашу действительность, мы увидим слишком много общего. Конечно, столетие назад народ не видел в телевизоре мудрых правителей, которые заботятся о его благе. Наш современник видит эту заботу, когда зарплату вроде бы повышают, однако жить ему все труднее.

Сегодня любому человеку непонятно, как какой-нибудь олигарх за 5—8 лет сколотил фантастическое состояние, а у него же уверенности в завтрашнем дне нет. У его детей — тоже. 2/3 населения — бедные. Так кто же готовит революцию, создает горючий материал смуты, кто доводит населения до того, что оно перекрывает дороги, объявляет голодовки? Ведь это акции отчаяния. Так кто же готовит революцию? Благополучных людей на бунт поднять невозможно. Если нынешний господствующий класс не осознает того, к чему могут привести его антинародные действия, то нам грозит эта очередная российская смута.

В заключение два слова о дефинициях «смута» и «революция». Я бы все-таки их разделил. В моем представлении смута — это нечто стихийное, спонтанное. Революция — нечто более осознанное.

Булдаков: Спасибо, могу добавить по поводу олигархов. В период Смуты начала XVII в. те люди, в руках которых был хлеб, развили жуткую спекуляцию. Люди умирали от голода, а они запасы хлеба припрятывали.

Ильюхов: В 1916—1917 гг. было тоже самое. В Петрограде хлеба не было, а в стране хлеб был.

Вопрос из зала: Как Вы считаете можно ли сравнить олигархов начала XX в. с нынешними олигархами?

Ильюхов: На мой взгляд, совсем разные люди. Предприниматели начала XX в., многие из которых вышли из старообрядцев, веками копили свое богатство, а нынешние нагло захватили его. Совсем недавно я узнал, что в Москве ни одной больницы не было построено государством и городским самоуправлением. Все сделали предприниматели: Морозовы, Солдатенковы, Гучковы, Алексеевы. Сегодня Потанин только стипендии дает студентам для поддержания штанов. И все. Те накопили богатство, в том числе и путем эксплуатации, а эти нагло захватили его.

Булдаков: Хочу заметить, что капитал в предреволюционной России был весьма пестрым. Одно дело московский капитал, другое дело петербургский, третье —

иностранный. Кстати, московский погром 1915 г. в значительной степени был спровоцирован не только «патриотизмом», но и представлениями том, что «чужие» (немецкие) предприниматели ведут себя по отношению к русским особенно дурно.

Е. И. Демидова:

Сегодня здесь говорили о роли женщин в смуте и революции — они действительно приводят к существенным изменениям в традиционных ценностях общества, к сущностным трансформациям многих институтов. Исторический факт. 1915 год. Идет Первая мировая война. Приют в Воронежской губернии. Управляющий приюта превращает его в публичный дом (а там находились дети погибших участников Первой мировой войны) и заставляет девочек выполнять роль проституток.

Булдаков: Знакомая картина.

Демидова: Да. Вот такие вещи происходили в России перед революцией. Когда я стала выяснять, кто был управляющим этого приюта, то обнаружилось, что он был из крестьян, то есть носитель традиционного православного сознания.

Исключительно важным представляется изучение внешних и внутренних изменений, которым в ходе революций и смут подвергаются такие важные элементы социума, как, например, система образования. Система образования — особый институт общества, особый механизм воспитания и передачи знаний от поколения к поколению. Она является одним из основополагающих факторов стабильности и поступательного развития общества.

В начале XX в. уровень образованности населения оставлял желать лучшего. Существовавшая система образования носила противоречивый характер. По официальным данным в 1910 г. грамотные составляли лишь 21% от населения России. Расходы на образование были в 2—3 раза меньше, чем в Англии, Германии и даже Бельгии. На начало 1914—1915 учебного года в России насчитывался

91 высшее учебное заведение, в том числе 8 университетов, остальные были профильные вузы и высшие женские курсы.

Первая мировая война, кризисные явления во всех сферах общества, революционные потрясения 1917 г. резко изменили судьбу всей системы образования. После прихода к власти большевиков кардинально меняется государственная политика в области высшего образования. Работа развернулась по следующим направлениям: подготовка нового Устава высшей школы, формирование системы управления вузами, перестройка сети высших учебных заведений, организация отбора в вузы «нужного» контингента. В результате проведенных в первое послеоктябрьское десятилетие преобразований произошло огосударствление высшей школы. Это стало важнейшей предпосылкой для формирования единой системы подготовки квалифицированных и преданных власти специалистов.

Нечто подобное мы наблюдаем сегодня. Система образования реформируется так, что создается впечатление нескончаемости революции и смуты. Многие из нас работают в высшей школе, и мы можем подтвердить, что такая «революция», направленная против устоявшихся традиций и ценностей, неизвестно к чему может привести. Вслед за этим не в лучшую сторону меняется вся система общественных ценностей и сами социальные институты. Это настоящий удар по культуре.

Булдаков: В свое время я назвал это проседанием культуры. Если говорить о роли женщин... Мне недавно позвонили с украинского телевидения: «Хотим поговорить о сексуальной революции 1920-х годов». Я отвечаю: «С чего вы взяли, что тогда произошла сексуальная революция?». Они говорят: «Да вот там вышли на улицу, нагишом ходили, кричали «долой стыд»». Объясняю, что это не революция, а эпатажная выходка небольшой группы населения, вздумавшей вслед за социально-политической революцией осуществить некий переворот в нравственных основаниях общества. Дело в том, что в 1920-е гг. «пролетарски-

буржуазные» города обезлюдели, народ схлынул. В результате разрушения традиций на короткое время расширилось «пространство эксперимента». Но вот после коллективизации в города хлынула масса деревенского населения, традиционные (крестьянские) ценности буквально затопили урбанистическую среду. Таков социально-демографический механизм уже второй волны «проседания» культуры в результате «самой передовой» революции.

П. П. Марченя:

Я, прежде чем ответить на вопросы, которые нам были предложены, хотел бы сделать маленькое замечание. Уже несколько раз здесь упомянули о роли женщин в революции и смуте. Можно продолжить, вспомнив о «вечно бабьем» в русской душе и русской революции. Обратите внимание, как много у нас явлений катастрофического ряда обозначается словами женского рода: смута, революция, война, реформа, перестройка, власть, Государственная дума, Болонская конвенция... Возникает подозрение, что во всяких новациях власти незримо присутствует элемент женской истерики. Другое дело, такие «мужские» слова как «Царь» («Президент») или «народ»...

А если серьезно, то и на нашем круглом столе постепенно возникает «женская» атмосфера — каждый говорит о наболевшем, забывая о поставленных в самом начале заседания задачах. Как в парламенте — кто о чем хочет, тот о том и говорит. Я предлагаю вернуться к вопросам, которые были сформулированы изначально. На этих вопросах коротко, в пределах регламента, я и хотел бы остановиться.

Начну с того, что народ, как и родителей, не выбирают. Чего нельзя сказать о власти. Более того, если народ воспринимает достаточно четко и долго власть как «не свою», то смута неизбежна. Можно выделить определенные исторические маркеры отечественной власти — как отчетливые индикаторы, позволяющие, применительно к Российской империи, совершить процедуру явной

демаркации между властью своей и властью чужой. Условно, без особых пояснений: это метафункциональность служения — и субфункциональность обслуживания; это мессианиззм — и секулярность; идеократичность — безыдейность; централизованность — раздробленность; авторитарность — компромиссность; единовластие — многовластие; патернализм — партикуляризм; иерархичность — разветвленность... ну и т. д. То есть, выражаясь наукообразно, это «изоморфность» либо «аморфность» власти. А в народном сознании — это «твердая» и «слабая» власть или «своя» власть — и власть «чужая».

Смуты, на мой взгляд, бывают только в Империях. Революции могут происходить в любых государствах. Во-первых, «Смута» — это категория, которая предполагает наличие имперского формата. Во-вторых, смута может закончиться революцией, а может, и нет. В этом смысле Смута XVII в. не закончилась революцией. Чисто теоретически, мы можем представить революцию и без смуты. Но только не в России. В названии нашего круглого стола есть пара — «Народ» и «Власть». Там не хватает ключевого слова, третьего элемента — это «Империя» как особая форма единения Власти и Народа в России. Вот она, та самая «Русская тройка», которую могут запрягать в свои теоретические построения, в принципе вне зависимости от своих взглядов, кто угодно: левые, правые; русофобы, русофилы; русисты, россиеведы и т. д.

Для меня имперский формат России — это не масштабность освоенных пространств и ресурсов, это не экспансивность исторических проявлений и не своеобразие взаимоотношений центра и периферии. Для меня — это, прежде всего, наличие всемирно значимой Идеи, которая консолидирует власть и массы, превращая их в единый субъект истории, осознающий свою миссию. Вот это, как мне кажется, как раз и есть то, что называется в России Империей. С этой точки зрения, Россия — Империя и

сегодня. Вопрос в том, здоровая или больная, — но все-таки — Империя.

Вот, на мой взгляд, ключевой момент, который позволяет понять, почему смута — вовсе не то же самое, что революция. С точки зрения социологического функционализма, смута — это стихийный процесс бегства от дисфункции власти к эвфункции власти. То есть, грубо говоря, от власти, которая стала или кажется «чужой», к власти, которая признается народом «своей». Можно рассматривать этот вопрос с точки зрения органического подхода. Получится, что смута — это иммунная реакция сложноорганизованного имперского организма. Это многофакторный, болезненный, мучительный процесс отторжения чужеродных элементов (временщиков, самозванцев, всех тех наносных вестернизированных декораций, которые искусственно имплантируются прозападнической элитой). Процесс избавления от «чужого» и возвращения к собственным культурным смыслам, к родной, патерналистской власти — это и есть смута с точки зрения органического подхода. Ну а с точки зрения макроистории или метаистории — это процесс, который развивается по логике: от империи, потерявшей право называться с заглавной буквы, к Империи, которая вновь претендует на то, чтобы ее писали с большой буквы. Вспомним, как развивались те «Великие смуты», которые сейчас уже можно считать фактом нашей историографии.

Смута XVII в., которая задала ключевые параметры всей российской истории Нового времени, началась с того, что были сотрясены основы средневекового Московского царства. Но затем последовало отторжение прозападнических элит, которые пытались сотрудничать с интервентами и навязать России «чужой» путь развития. В конечном итоге (в долгосрочной исторической ретроспективе), все закончилось тем, что Россия была подтолкнута к имперскому пути.

Вторая смута (условно назовем ее «модернистской») — Смута уже не Семнадцатого века, а Семнадцатого года,

которая обозначила параметры российской истории уже Новейшего Времени, началась с того, что посыпалась по «эффекту домино» вся старая империя. Ибо она уже не справлялась с вызовами современности, не могла более, как раньше, быть движущей силой модернизации в России. Но затем были выкинута и все либерально-демократические декорации вместе с их носителями. Они предстали коллективным Лжедмитрием и разделили его судьбу. В итоге появилась новая, еще более могучая империя — Советский Союз.

Третью смуту условно можно назвать «постмодернистской». Именно она определяет современность и ближайшее будущее России. Начавшись на исходе тысячелетия, она, как сегодня уже не раз отметили, еще не закончилась. Империя посыпалась. А вот подводить итоги преждевременно. Но, давно подмечено: лучший способ предсказать, что еще будет — это припомнить то, что уже было.

Судьбу каждой смуты решает свой, а не чужой народ. Власть и околовластные элиты зачастую оправдывают неудачи своих действий нехваткой «спокойного времени». Но еще чаще они жалуются на сам народ, который мешает им воплотить в жизнь задуманное. В этом смысле вопрос о том, каким должен быть народ в России, мне кажется бесперспективным. Какой должна быть власть в России? Ответу на этот вопрос история не учит. История, как заметил Ключевский, не учительница, а надзирательница. Она не задает уроки, но наказывает за их невыполнение. У истории есть некий карательный месседж, который конкретно отвечает на вопрос: «Какой власть в России не должна быть?». И Первая, и Вторая смута убедительно уже ответили на этот вопрос.

Напоследок еще одно небольшое наблюдение. В контексте сказанного взглянем на президентский проект «Россия, вперед!». Налицо попытка обращения к истории: тут и параллель с екатерининским «Наказом», и ссылка на петровскую модернизацию, и упоминание о большевиках.

Это с одной стороны. С другой стороны — на каком языке произнесены волшебные слова «Вперед»? На языке народа? Каков идеократический компонент имперского формата в сегодняшней России? Что может послужить основой мобилизации масс? Была когда-то Идея «Православие — Самодержавие — Народность», были «Коммунизм — Партия — Советскость»... Что сегодня? Нанотехнологии? Инновации? Благополучие? Процветание?.. Но ведь это все совершенно *не Идея*. Массам в принципе не нужны модернизации и инновации — ни при Романовых, ни при Ленине-Сталине, ни при Путине-Медведеве. Требуется что-то качественно иное. Однако, вопреки исторической логике, одной из главных причин всех проблем Кремль объявляет сегодня патернализм. То есть чувство Отечества, чувство Родины, чувство семьи, чувство причастности к социальному целому — парадоксальным образом объявлено Злом. Увы, власть по-прежнему не понимает свой народ, не умеет говорить на его языке, не видит в нем подлинного субъекта истории. Следовательно, смута в России не закончилась.

Булдаков: Верно. Я уже писал не раз о том, что власть у нас занималась и занимается самообеспечением, самообслуживанием. Потому не случайно, что власть нынешняя не в состоянии предложить какую-то консолидирующую и мобилизующую идею. Хотя, на мой взгляд, эта самая Идея напрашивается сама собой. Но я об этом говорить сейчас не буду.

С. Ю. Разин:

Первое. Наши либералы, наши реформаторы начала XX в. всегда жаловались на отсутствие условий, необходимых для проведения реформ — «не то время», «не тот народ», «дайте 20 лет покоя» и т. д. На мой взгляд, в политике побеждает тот, кто соответствует своей стране, своему народу и своему времени.

Второе. Мы стали свидетелями зарождения мифа об удачных реформах Столыпина. Хочу напомнить: первыми, кого пошли громить крестьяне-общинники в 1917 г., были

отрубники и хуторяне. Уже один этот факт позволяет говорить о том, общинное крестьянство не приняло столыпинскую аграрную реформу. Идеи, положенные в основу столыпинской аграрной реформы были прямо противоположны представлениям русского крестьянства о справедливом решении земельного вопроса. Поэтому эта реформа изначально была обречена на ту неудачу, которой она завершилась.

Третье. Сегодня немало пишется и говорится о так называемом «правовом нигилизме» нашего народа. В рамках эти рассуждений, правовой нигилизм понимается как отрицание права вообще. Эта мысль прозвучала и сегодня на нашем круглом столе. На мой взгляд, такая позиция носит насквозь европоцентристский характер. Я считаю, что «правовой нигилизм» стоит понимать как отрицание чужого права и чужого правосознания, навязанного сверху, навязанного извне. Русская революция начала XX в. является наглядным примером такого отрицания. Фактически в революции традиционное право и традиционное правосознание отвергло навязываемое извне позитивное, буржуазно-либеральное право.

Четвертое. Меня всегда интересовал вопрос о том, какая идея стоит за партией «Единая Россия». На мой взгляд, «партия власти» должна быть не только средством консолидации бюрократии и построения «вертикали власти», но и полигоном для выработки стратегии развития страны. До сих пор я ответа на этот вопрос не получил. За годы своего существования «Единая Россия» пыталась позиционировать себя и как либеральная, и как социал-демократическая, и как центристская партия. А теперь она заявляет о себе как о партии российского консерватизма. Складывается ощущение, что у партийных руководителей отсутствует понимание того, что эти идеологические и политические доктрины, рожденные в рамках западной цивилизации, не имеют никакого отношения к российским реалиям.

При этом «Единая Россия» пытается быть больше чем партией. Она старается стать осовремененной копией КПСС, своеобразной руководящей и направляющей силой общества. И все это при непрременной антикоммунистической риторике руководителей «Единой России». Но за КПСС стояла имперская идея в ее коммунистическом варианте. На мой взгляд, сегодня мобилизовать массы сможет только та политическая сила, которая окажется способной сформулировать современный вариант Имперской Идеи. Ясно, что ни либерализм, ни социал-демократизм (их несостоятельность была наглядно продемонстрирована в ходе Смуты начала XX в.), ни консерватизм для этого совершенно не годятся. У «Единой России», как, впрочем, и у любой другой политической силы, сегодня нет ничего похожего на современный вариант Имперской Идеи.

Поэтому власти постоянно приходится использовать административный ресурс. Приходится выдавать за успех, за всеобщую поддержку, безразличие «безмолвствующего большинства», прекрасно понимающего, что выборы — это миф, фарс, имитация, псевдолегитимный формально-юридический механизм воспроизводства власти. При этом самое опасное в том, что власть верит в созданные ею же самой мифы.

Свою роль в функционировании современной имитационной политической системы играют т. н. «оппозиционные партии». Они имитируют оппозицию. Именно имитируют, потому что прекрасно осознают, что сегодня у них нет ни малейшего шанса прийти к власти. И самое примечательное, что нашу «оппозицию» это вполне устраивает.

Пятое. Если говорить об отечественной многопартийности в целом как о социокультурном феномене, то ее следует рассматривать как один из важнейших элементов и признаков российской смуты. Само ее существование противоречит глубинным ментальным основаниям Российской Идеократии. И в начале, и в конце

XX в. многопартийность сыграла разрушительную роль политической антисистемы, которая воплощала в себе различные способы уничтожения отжившей свой век формы Империи.

Преодоление современной российской смуты неминуемо приведет к ликвидации многопартийности. Убедительным подтверждением этого тезиса является исторический опыт Русской Революции, завершившейся установлением однопартийной большевистской диктатуры. Такой исход оказался возможен потому, что большевики, предложившие массам адекватные их сознанию модели власти и социального поведения, сформулировавшие новый вариант Имперской Идеи, вышли за рамки формальной партийности, и стали, по словам Л. Д. Троцкого, «головным выражением национальной стихии».

Булдаков: Хотел бы сделать уточнение по поводу идеологемы — «Самодержавие — Православие — Народность». Почему она появилась? Дело в том, что к началу XIX в. практически все российское высшее чиновничество было представлено масонами. Зайдите в Александро-Невскую Лавру, на кладбище. Не туда, где похоронены Достоевский и Товстоногов, а напротив. Обратите внимание на знаки на могилах. Та же символика, между прочим, и на могиле Пушкина. Тогдашнее масонство, конечно, была совсем не тем, чем его сегодня изображают. Это была своеобразная мода, она от веры в просвещенный разум в стране, которая жила по совсем другим законам.

В. Т. Логинов:

В. Соловей бросил мысль о том, что с некоторых пор у нас стали бояться писать и рассуждать о революции, опасаясь упреков в «провинциализме». Но подобные опасения как раз и являются проявлением провинциализма, ибо сегодня одним из наиболее влиятельных направлений на Западе как раз и является историко-социологическая школа «Теория революций». Из провинциальной ограниченности давно уже пора вылезать.

Помню, занесло меня как-то в Боливию. Мы ехали по поразительно красивым горным дорогам, а по сторонам чернели обуглившиеся фазенды. — Что это? — спросил я. — А это наши крестьяне жгли наших помещиков. У нас ведь крепостное право существовало до 1953 г. — А как они мотивировали поджоги имений, тех художественных ценностей, которые там были? — Они полагали, что если фазенду сжечь, то хозяин сюда уже больше не вернется и вся его земля достанется крестьянам.

Возьмите любой серьезный сборник документов по истории революции 1905—1907 гг., и вы увидите, что русские мужики в какой-нибудь рязанской глубинке рассуждали точно так же, слово в слово. Значит, есть некие общие закономерности революционных процессов.

Давным-давно вышли книги Эдвардса «Теория революций», Вульфа «Крестьянские войны XX в.», Бринтона «Анатомия революций». Бринтон сравнил революции XVII—XX вв. в самых различных странах и показал, что все они разворачивались по определенным законам и рождали весьма схожие учреждения и институты. Скажем, наша ЧК имела свои аналоги и в Голландии, и в Англии, и во Франции, и в Китае.

Увы, эти книги не переводятся. Зато переводятся опусы из «исторической помойки». К примеру, суммарные тиражи «Ледокола» Суворова завалили за миллион, а вот перевод с английского «Миф ледокола» Городецкого дотянул лишь до тысячи. Это та же история что и с «новой хронологией» Фоменко. У него тиражи за миллион, а ученые сборники «Анти-Фоменко» — 300—500 экземпляров. А это уже издательская политика.

И она объяснима, ибо чем бы стали кормиться бесчисленные авторы книг и телепередач о русской революции и «золоте Вильгельма» или американских долларах в 1917 г., если бы книга Г. Л. Соболева «Тайна «немецкого золота», направленная против всей этой «исторической помойки», получила более широкое распространение.

Благодаря всеподавляющему напору «исторической публицистики» начинает вымирать сама профессия историка. Соловей написал как-то, что прежние поколения историков маялись над вопросами — «что? где? когда?». А надо было заниматься вопросом — «почему?». В определенной мере он прав, хотя историки-профессионалы отвечали на этот вопрос. Но когда В. Данилов изучал причины краха столыпинской аграрной реформы или все перипетии сталинской коллективизации, он годами сидел в архивах, доходя в своем анализе до уезда и волости. Или возьмите Н. Ивницкого — «Судьба раскулаченных в СССР». За этой книгой опять-таки многие годы работы в архивах.

Сегодня это не модно. Сегодня появились историки-конструктивисты, которые, отвечая на вопрос «почему?», лишь переключаются на кубики мифологем. И, выдвигая свои версии ответа на «почему», все время ошибаются в фактах, в том «что? где? когда?».

В том вопросе, который поставили вы — «Революция и народ» — у нас вообще образовалась черная дыра. Социальную историю, которой прежде занимался Институт истории РАН, свели к изучению народного быта. Оно и понятно: отношение к народу как «быдлу» давно уже перестало быть признаком неинтеллигентности и мракобесия. Иначе откуда бы появились все эти труды о проходимцах и самозванцах, которые как хотели, так и вертели этим народом на протяжении всей его истории. А ведь не так все это было. Сегодня это звучит, может быть, и странно, но именно выбор народа определял вектор развития.

В свое время П. Сорокин сформулировал 4 условия успешности радикальных реформ. 4-е условие — они должны проводиться в рамках существующих законов. 3-е — они должны быть апробированы сначала в рамках какого-то региона, а уж потом распространяться на страну. 2-е — реформы должны иметь глубокое научное обоснование. Но 1-е и главное условие — реформы должны соответствовать

«базовым инстинктам» народа, его менталитету, то есть его представлениям о добре и зле, о желаемой цели.

Вот почему те, кто не считался с этим, терпели крах. Вот почему Великую реформу 1861 г. крестьяне считали Великим обманом. Вот почему аграрная реформа Столыпина не только не решила аграрной проблемы, а лишь обострила социально-политический кризис в России. И вот почему Декрет о земле 1917 г., написанный самими крестьянами, решил земельный вопрос. А НЭП сумел за считанные годы полностью восстановить в России довоенный уровень производства. Эта же причина объясняет столь тяжкую цену коллективизации и причины неудачи реформ 1990-х гг., которые народ не принял, но будучи деморализованным, морально и политически опустошенным развалом страны и всеми последующими событиями, не смог оказать им сопротивления.

Булдаков: Я согласен с тем, что мы не знаем свою историю. И нынешние культурологи и политологи этот процесс усугубляют. У современных студентов выдающимся социальным историком считается Б.Н. Миронов, который доказывает, что в результате виттевской индустриализации рост мужиков вырос на 2 см, а бабы, прошу прощения, пополнели на пару или больше кг. Убедительная аргументация! А один последователь Миронова недавно опубликовал в журнале «Российская история» статью «Николай II как реформатор». Человек, который вообще ни на что не был способен был объявлен реформатором. Он, видите ли, был учеником Бунге.

Колганов: Я видел книгу под названием «Революционер Николай II и консерватор Ленин».

Булдаков: Давайте отвлечемся от нелепостей.

Е. С. Кравцова:

Я считаю, что неспособность власти реформировать структуру государства приводит к смутам и революциям. Волею судеб мне приходится заниматься налоговой политикой России на рубеже XIX—XX вв. В фискальном смысле мы были самым отсталым государством в Европе. У

нас сохранялось сословное налогообложение. В российской налоговой системе того времени имелся явный перекося в сторону косвенного налогообложения. Основное налоговое бремя несло нищее, неплатежеспособное крестьянство.

Когда возникал вопрос о проведении реформы налоговой системы, власть постоянно уходила в кусты. Первым, кто поставил вопрос о реформе налоговой системы, был Бунге. Но единственное, что он смог сделать — ввести трехпроцентное промысловое налогообложение для промышленных и торговых предприятий. На рубеже XIX—XX вв. все очевиднее становилась необходимость введения подоходного налогообложения. Почему власть всячески противилась его введению? Потому, что к подоходному налогообложению должны быть подвергнуты все слои населения, в том числе привилегированные. А это далеко не всех в верхах устраивало.

Если мы посмотрим на программные документы политических партий, то там практически везде красной нитью проходит мысль о необходимости введения прямого прогрессивного подоходного налогообложения. В Думе депутаты просто кричали о необходимости реформирования налогообложения. Что делает власть? Она опять закрывает глаза. Только в 1916 г. вводится закон о подоходном налогообложении, который должен был вступить в силу с 1917 г. Но народ все поставил на свои места. Подоходный налог так и не заработал.

Можно ли говорить о том, что нерешенность налоговых проблем была одной из причин революции? Конечно, да. И, может быть, если бы власть потихонечку решала бы эти проблемы, то не было бы ни смут, ни потрясений, ни революций.

Булдаков: Вы даже не представляете, как в 1920-е гг. крестьяне взвыли от большевистских налогов. И не будем забывать, что в России сохранялась община — очень удобный для государства в фискальном смысле институт. Государство поступало по известному принципу: что мне удобнее и проще, то и используем.

Н. В. Липатова:

На смуту можно взглянуть сквозь призму образов революции. Когда я студентам задала вопрос о том, какие образы смуты, революции, реформы существуют в их сознании, то получила два разных ответа. Информатики ответили, что это неправильная установка Windows — поставили новую, а прежнюю не удалили. Дизайнеры ответили, что спорить не о чем: когда «смутно», то и объяснить невозможно. Правда, по, их мнению, жить в такой ситуации можно. С революцией, напротив, все понятно — так жить дальше нельзя.

Несмотря на внешнюю несуразицу, в ответах есть определенная логика. Дело в том, что во время смуты ломаются какие-то механизмы, которые раньше более или менее исправно функционировали. Их приходится заменять на ходу. Предположим, власть не может использовать в своих интересах армию. Если вспомнить 1917 г., то окажется, что наибольшую проблему представляли солдаты тыловых гарнизонов. Они попросту грабили население.

Булдаков: И винные склады тоже.

Липатова: Все это превращалось в кошмарную картину. Прежние механизмы сдерживания смуты уже не работали. Но справиться с винными погромами при большевиках могли красногвардейцы. Разумеется, от спонтанного противоборства солдат и красногвардейцев и возникало ощущение смуты. И. М. Дьяконов применительно к подобным ситуациям ввел в научный оборот такое понятие как «тотальный общественный дискомфорт».

Булдаков: Да, недовольны бывают все. Об этом, кстати сказать, прекрасно написал еще Салтыков-Щедрин. Я в свое время «Красную Смуту» заканчивал его цитатой.

Буховец: Накануне 1985 г. тоже все были недовольны.

Булдаков: Кстати сказать, Ленин в связи с этим фактически сформулировал психологический закон начала революции. Согласно Ленину революционная ситуация

характеризуется состоянием всеобщего недовольства, когда «верхи» не могут, а «низы» не хотят жить по старому.

Липатова: Да. Но я не совсем согласна с тем, что смута может закончиться революцией, а может и не закончиться ей.

Булдаков: Смута может включать в себя революцию.

Липатова: В Смуте присутствуют механизмы, допускающие возврат к прежнему, пусть в несколько внешне измененном виде. Что касается революции, то она предполагает тотальный разрыв со старым. В 1920 г. школьников попросили составить своеобразный хит-парад литераторов. В связи с этим они поинтересовались: «А революционер может писать стихи? Он может сочинять?» Получив утвердительный ответ, они поместили на вершину литературного хит-парада вождей революции Пушкина. За ним последовали Троцкий, Ленин, Калинин и т. д. Смутное время вызывает смещение исторических имен и понятий. Современные школьники тоже путают, например Сталина со Столыпиным. Я все время задаюсь вопросом: «Почему так?». Ответ был таков: «Потому, что один занимался аграрной реформой, а другой коллективизацией. Плюс первые 2 буквы в фамилиях совпадают. Что вы от нас хотите? Мы их путаем».

Булдаков: Должен заметить, что революционный цикл включает в себя Реставрацию, Термидор, откат к старому. Что касается собственно смуты, то ее можно понимать как метафору, отражающую тотальное непонимание происходящего, включая испуг перед содеянным.

А. А. Белобородова:

Сегодня говорили, что накануне революции власть обнаруживает слепоту и бездеятельность. Цензурная политика правительства в начале XX в. наглядно иллюстрирует это. Так, в печать повсеместно просачивались всяческие недозволенные материалы, фактически велась активная пропаганда социалистических идей. Об этом писал

в конце XIX в. Плеве. Из провинции постоянно поступали жалобы на неэффективность существующего порядка цензурирования. Булыгин в 1905 г. подготовил записку о необходимости внесения изменений в цензурное законодательство. Он предлагал создать бюро печати, которое действовала бы в судебном порядке. Он предлагал также материальную поддержку той прессы, которая транслировала проправительственные взгляды. Схожие проекты направляли на Высочайшее Имя и другие деятели.

Частично их предложения были реализованы. В частности, появилось «Осведомительное бюро при Главном Управлении по делам печати». Но чем оно занималось? Этому бюро было вменено в обязанность составление докладов о направлении прессы, которые представляли собой выжимки, делавшиеся для высших лиц государства и руководителей различных ведомств. И, это, в общем-то, все. На этом власть остановилась.

В 1905 и в 1914 гг. были разработаны 2 проекта реформ цензурного ведомства, которые не были проведены. В общем-то, цензурная политика правительства себя не оправдывала. Поэтому если говорить о смуте, то стоит вспомнить, что рыба гниет с головы. Власть должна уметь вовремя пресечь дезинтеграционные процессы.

С. В. Карпенко:

Все характерные черты «второй русской смуты» проявились в истории Белого движения. Среди них: управленческая анемия «верхушки» Белого движения, вспышка частного и корпоративного эгоизма, деморализация в среде бюрократии и буржуазии и т. д. Решающими факторами, определявшими эти процессы, были война, угроза распространения большевизма на всю территорию России и углубление экономического кризиса в стране. В условиях кризиса резко ухудшилось положение чиновничества. Это стало причиной бурного роста взяточничества и казнокрадства. Осенью 1919 г. ситуация стала невыносимой. В декабре того же года чиновникам были установлены новые месячные оклады а также была

дана прибавка на дороговизну. Но и это не спасало ситуацию. Последовавший из-за поражений деникинских войск скачок цен привел к тому, что жалование чиновников упало до 25—30% «голодного» минимума одного человека. Весной и летом 1920 г. в Крыму жалование чиновников со всеми прибавками покрывало от 5 до 25% семейного прожиточного минимума. Чиновникам ничего не оставалось, как брать и вымогать взятки, заниматься казнокрадством.

Почву для коррупционной «смычки» чиновников и предпринимателей создало бюрократическое регулирование экономики, проводившееся правительствами Деникина и Врангеля. Прежде всего, это относится к сфере внешней торговли. Поскольку в условиях гиперинфляции производство не давало «нормальной» прибыли, предприниматели направили свои капиталы во внешнюю торговлю, стремясь за счет вывоза сырья компенсировать себя за все убытки, понесенные от хозяйничанья большевиков. Они добивались от правительств Деникина и Врангеля полной свободы торговли. Попытки регулирования внешней торговли они встретили в штыки. Но, практически тут же, ими был найден «эффективный» способ противодействия — раздача взяток чиновникам, причастным к торговле. Мздоимство среди чиновников приобрело небывалые масштабы: за выдачу торговым фирмам разрешений на вывоз сырья с юга России они требовали взятки, размер которых доходил до 50% ожидаемой прибыли.

Деникин и Врангель пытались бороться с взяточниками и казнокрадами, принимали законы, карающие мздоимцев и спекулянтов конфискацией имущества, каторгой и даже смертной казнью. Официозные газеты вызвали к патриотическим чувствам: «Брать сейчас взятку — значит торговать Россией!» Это не подействовало. Врангель пошел на введение государственную монополию экспорта зерна. Эта мера вызвала сильнейшее недовольство массы торговых фирм. На правительство посыпались обвинения в «стеснении торговли», в «удушении частной

инициативы». Чем жестче становились регулирование и мелочнее регламентация внешней торговли, тем изобретательнее и циничнее становились предприниматели.

Таким образом, в условиях смуты на Белом юге бюрократия выродилась в корпорацию «торговцев Россией». «Военно-экономический союз» бюрократии и буржуазии ускорил разложение белого тыла в 1919—1920 гг., и тем самым, способствовал поражению Белого движения на юге России.

Булдаков: В наше время картина кажется весьма знакомой.

И. А. Анфертьев:

Одно и то же социально-политическое явление в истории России одни исследователи называют смутой, другие революцией. На мой взгляд, судить нужно по их конкретным социально-экономическим последствиям для страны. На мой взгляд, революция уничтожает препятствия на пути прогресса, кардинальным образом изменяет всю жизнь общества. При этом прежние государственные и общественные институты ликвидируются навсегда. А в результате Смуты социально-политический строй сохраняется, государственные институты остаются.

В связи с этим, видимо пришла пора пересмотреть оценку событий 1905—1907 гг. России, которая является традиционной для отечественной и западной историографии. Первой русской революцией они были названы по идеологическим соображениям. На мой взгляд, эти события были именно смутой, которая повлекла за собой лишь некоторую модернизацию социально-экономического строя. К этому можно добавить, что смута может предшествовать революции, но революция может произойти без нее. Пример — революция августа 1991 г. в России, когда в достаточно мирной обстановке Советский Союз распался, а советская власть и ее становой хребет в лице КПСС ушли в небытие.

На мой взгляд, в конце 20-х — начале 30-х гг. произошла еще одна революция. 1930 год едва не оказался для Сталина роковым. Средств на продолжение

индустриализации катастрофически не хватало. Ускорение темпов коллективизации привело к обнищанию народа и голоду. Современникам генсека казалось, что миф о его политической неуязвимости вот-вот будет развеян. Но, в отличие от своих соратников и деятелей оппозиции, Сталин умел не только предвидеть, но и действовать.

Это хорошо видно на примере так называемого «дела» М. Н. Рютина. 5 октября 1930 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) было принято решение о его исключении из партии. Сталин дал понять обществу, что время дискуссий навсегда ушло в прошлое. Таким образом, Рютин не столько напугал Сталина, сколько помог ему сплотить вокруг себя партийно-государственной верхушку и окончательно утвердить в партии и государстве свой статус единоличного вождя.

Ничего подобного не происходило в начале 90-х гг. Власть не смогла противостоять оппозиции. В сходных конкретных исторических условиях Сталин действовал как политический прагматик, который ради сохранения власти способствовал распространению мифов о собственной прозорливости и гениальности. Большинство из тех, кто оказывался на его пути, опускали руки, отказываясь от продолжения борьбы.

Руководителей российского государства с некоторой долей условности можно разделить на две категории: те, кому власть доставалась легко, и тех, кто самостоятельно преодолевал тернистый путь к ее вершинам. К последним, безусловно, принадлежал и Сталин. Он умел извлекать из любой ситуации политическую выгоду. Парадоксально, но кризисы только способствовали укреплению режима личной власти Сталина, формированию культа его личности. Преодолевая кризис, он беспощадно расправлялся с теми, кто стоял у него на пути к абсолютной власти.

Н. А. Савченко:

Хотелось бы вернуться к вопросу о слепоте власти. Здесь об этом достаточно много говорилось. Мой личный исследовательский опыт убеждает меня в том, что власть

была не такой уж слепой. Она видела опасность, даже могла спрогнозировать последствия, но не хотела или, по каким-то субъективным и объективным причинам, не могла предпринять нужных шагов по их предотвращению.

В частности, события начала XX в. заставляют власть обратиться к очень действенному, на мой взгляд, имперскому институту — чрезвычайному государственному надведомственному надзору сенаторских ревизий. Сенаторы привозили с мест достаточно объективную информацию. Правда, Плеве в конце XIX в. начал обследовать регионы с помощью министерских проверок. Власть, однако, предпочла вернуться к институту сенаторских ревизий. Секретные отчеты попадали к императору, обсуждались и министрами, и в Сенате и в других высших инстанциях. Они давали достаточно объективную картину положения администрации, в различных регионах России. Но никаких практических решений из этого не следовало.

Ю. А. Жердева:

Мое выступление посвящено влиянию «карнавальной культуры» на механизм массовой инверсии ценностей в городской среде и ее связям с революционными процессами. Имеется в виду феномен праздника в революционной культуре России и революционного праздника как агитационного механизма советской власти. Прежде всего, меня интересует карнавал как механизм переоценки ценностей, как форма взаимодействия «народа» и «власти» в условиях стихийной российской «урбанизации» начала XX в.

По сложившейся в научной литературе традиции карнавальная культура приписывается, прежде всего, архаическим обществам (догосударственным, а значит, и догородским в их традиционном понимании), античной культуре и Средневековью. Ссылаясь на М. М. Бахтина, карнавал чаще всего связывается со средневековой городской средой. На мой взгляд, наблюдения Бахтина указывают на карнавал как некоторый «архетипический» пласт народной культуры.

Карнавальное действо обладает таким важным свойством как выплеск витальной психической энергии, репрессивно подавляемой социумом. Будучи социально узаконенными, подобные действия выступают неким механизмом стабилизации, выявляют подавляемые точки агрессии и стабилизируют «народное» недовольство.

В средневековой Европе карнавальное действие носило, с одной стороны, стихийный характер (выплеск психической энергии), с другой — приобретало действительное влияние на власть, модернизируя систему ее взаимоотношений с народом. В России с нарастанием имперских традиций этот механизм оказался инициирован властью или церковью, постепенно превратившись в «монолог власти». Власть фактически «узурпировала» карнавал как форму «народного» праздника. Местами проведения карнавала стали города, имевшие в России административную природу. Власть придавала массовым городским «гуляниям» все более «государственный» характер, даже если внешне эти праздники имели религиозную форму. Можно предположить, что, если «деревенская» среда была для таких празднеств естественной, «народной», то городская стала искусственной, административной.

Если в стабильных условиях государственного существования преобладают «официальные», «освященные» законом или религией формы организации совместных действий, то в аномальных условиях, таких, как революция — «неофициальные» («стихийные», «народные»). Такая ситуация сложилась в 1917 г. В ходе революции произошло «переворачивание ценностей» и на смену «официальной» культуре пришла «покоившаяся» под ней «народная», карнавальная.

Однако «карнавализация» общественной жизни, происходившая в период революции и первоначально имевшая стихийный характер, была быстро монополизирована властью. Теперь «перевернутые» ценности транслировались уже самой новой властью.

Легитимация карнавала большевиками осуществлялась путем воссоздания площадных праздничных («похороны жертв революции», триумфальные годовщины «Октября») или балаганных (например, «поезда революции») представлений. На символическом уровне это было «узаконением» народной культуры, превращением ее в «официальную». Власть таким путем утверждала свою «всенародность».

В условиях анархии властные функции брал на себя тот, кто мог предъявить силовые «атрибуты» власти. Чаще всего это был «человек с ружьем». Однако подобной «власти» требуется признание со стороны большинства, и такое «признание» находится уже в мире символическом. В одном случае, оно навязывается путем тотального «запугивания» населения: в этом случае средством легитимации нового строя оказывается страх. Другим механизмом «признания» новой власти является узаконение ее «справедливого» характера. Карнавализация же должна была остаться механизмом ежегодного подтверждения этого «мандата». Отсюда такое большое значение в советском жизни «революционных» праздников, внешне имевших вид «народных» гуляний, но на деле полностью контролируемых властями.

Так город, функционирующий за счет социальных механизмов, управляемых властью, постепенно становится центром всей социальной жизни страны. Карнавал для городского общества и государственной системы в целом выступает механизмом рекреации. И если ослабление власти в России к 1917 г. выпустило накопленную и репрессивно подавляемую народную энергию в форме карнавального переворачивания ценностей, то большевистская карнавальная легитимация восстановила разрушенный на время революции механизм контроля власти над карнавальными празднествами, стабилизировав социальную систему и государственный строй в целом.

Булдаков: Возможно, карнавал можно рассматривать как прообраз смуты в ее первоначальном

стихийном качестве. Если так, то теоретически смута может быть переведена в конструктивное русло.

Е. В. Павлова:

Десакрализация власти является важнейшей причиной российской смуты. Симптомы десакрализации царской власти обозначились еще в первой половине XIX в. Идеи Просвещения поставили под сомнение сакральный смысл монархии, а Французская революция и переворот 1801 г., привели к соответствующей рефлексии. Несомненно, свою роль в процессе десакрализации власти сыграла эпоха «дворцовых переворотов». И это несмотря на то, что в русском обществе продолжали господствовать традиционалистские представления о власти.

Одним из ярких проявлений начавшегося процесса десакрализации власти стало обсуждение будущими декабристами вопроса о цареубийстве. Среди декабристов было немало тех, кто критически относился к постулату о сакральности царской власти. Взгляд представителей радикального течения на эту проблему не был однозначным.

В свое время А. И. Герцен феномен цареубийства и переворота объяснял необходимостью борьбы с неограниченным самодержавием и тиранией. Он пришел к выводу, что русская мысль молчаливо соглашалась с цареубийствами.

По мнению петрашевцев, самодержавие недостойно человека. Оно порождает произвол и деспотизм. Петрашевцы отрицали божественное происхождение царской власти и открыто обсуждали возможность цареубийства. Они считали, что царь, который забыл свой долг, является слугой сатаны.

Таким образом, в радикальном крыле русской общественной мысли XIX в. процесс десакрализации царской власти проявился в отрицании ее божественного происхождения, в смене этических акцентов (добро — зло), в допущении возможности цареубийства и в критике ее конкретных мероприятий. Таковы были первые симптомы проявления десакрализации императорской власти, которая

в начале XX в. приобрела необратимый характер. Это стало главным фактором, предопределившим ее крушение в 1917 г.

В. Э. Багдасарян:

В качестве объяснительной модели происходящих в истории России общественных трансформаций может служить теория «цивилизационного маятника». Она позволяет обнаружить внутреннюю динамику развития цивилизаций.

Для вывода цивилизационной системы из состояния равновесия нужен внешний толчок. В таком качестве выступают иносистемные внешние проникновения. Сталкиваются парадигмы охранительства и изменчивости.

Маятниковые характеристики обнаруживаются в природе кризисов общественного сознания, под которыми в соответствии с этимологией греческой версии слова понимался исход, поворотная точка, смена вектора развития. Трансформации, сообразно с концептом цивилизационного маятника, есть следствие инноваций. В формате инновационных модификаций представлен универсальный путь развития общественных систем. Направленность развития на той или иной исторической стадии определяется параметрами сочетания инновационного и традиционного потенциалов.

При доминировании первой составляющей происходит процесс иносистемной трансформации (в российском варианте — это периоды западнического реформирования). Инновационный вектор объективно предопределен стагнацией замкнутой внутри себя системы, необходимостью преодоления сдерживающих барьеров и стереотипов, связанных с институционализированной традицией. Однако инновации объективно вызывают действие сил цивилизационного отторжения. Они задают обратный ход маятникового механизма. Кризисы в этом смысле есть максимальные точки размаха маятника. После достижения максимума инновационной амплитуды, вектор общественного развития неизбежно сменяется на

противоположный. Исторически реализуется период консервативной инверсии (в российском варианте — периоды контрреформ). После достижения точки кризисной амплитуды наступает смена вектора развития всей системы на противоположный.

Периодичность кризисов в истории России особо наглядно раскрывает сущность маятниковых инновационно-цивилизационных инверсий. Еще в XIX в. была замечена устойчивая повторяемость в идеологическом смысле российских государей через одного. Доминанта западных тенденций в политике одного неизменно сменялось почвенническим поворотом в последующем царствовании. Маятниковая ритмика происходящих в России инверсий еще более наглядно прослеживается в XX в.

Применение теории цивилизационного маятника позволяет переосмыслить некоторые сложившиеся историографические стереотипы. В частности, разрушается традиционная спектральная дифференциация между «левым» и «правым» полюсами. Под каждым из маркеров «консерватизм» и «революция» обнаруживаются две векторально антагонистические силы. Представители монархической власти могли выступать в качестве носителей революционной идеологии, а революционеры в качестве консерваторов.

Основными параметрами фиксации общественных инверсий являются следующие индикаторы: уровень национальной ориентированности (уровень космополитизации); парадигма этатизации (популярность концепта сильного государства); пропагандистская актуализация образа внешнего врага (прежде всего, отношение к Западу); отношение к национальному историческому прошлому и традициям; степень сакральности высшей власти; дихотомия коллективистских и индивидуалистических ценностей; отношение к традиционным религиям; характер понимания исторической миссии России; степень автаркийности; отношение к

гражданским правам и политическим свободам; уровень плюралистичности; степень унитарности (проблема самоопределения национальных окраин); отношение к армии и степень милитаризации; значимость проблемы национальной безопасности.

С позиций концепта «цивилизационного маятника», нуждается в переосмыслении традиционная схема теории модернизации. В частности, требует пересмотра линейная историческая модель модернизационных процессов. Целесообразно вести речь о нелинейном и цивилизационно вариативном характере модернизма. В качестве примеров исторической реализации модели консервативной модернизации могут быть, в частности, оценены периоды этактистски форсированного развития Александра III и Сталина.

Одним из основных практических результатов разработки теории цивилизационного маятника является концептуальное примирение принципов традиции и модернизации. В рамках этой теории получает обоснование взаимодополняемость и историческая объективность обоих компонентов, как интегрированного фактора цивилизационной устойчивости.

Ю. М. Антонян:

Полагаю, что таким явлениям, как революции и смуты можно найти объяснение с помощью психоанализа и в частности с помощью теории К.Г. Юнга о коллективном бессознательном. Согласно этой теории коллективное бессознательное хранит в себе архетипы, которые содержат в себе опыт прошлого. Юнг называл *Тенью* ту часть бессознательного, которая отвергается в связи с ее нравственной несостоятельностью, неприемлемостью. *Тень* представляет собой, вытесненный в сферу бессознательного, исторический опыт общества. Этот опыт вступает в противоречие с современными установками и ценностными ориентациями людей. Иными словами, он отрицает современную цивилизацию и отбрасывает общество в далекое прошлое.

XX век дал несколько ярких примеров *возвращения Тени*. Это фашистская Германия, полпотовский режим в Камбодже, культурная революция в Китае, исламская революция в Иране. Но первой в этом ряду, безусловно, была большевистская революция в России. Большевистская революция развязала самые темные инстинкты и влечения человека, выпустила на волю силы зла и разрушения, которые до этого контролировались и сдерживались средой и самим человеком. Люди толпы вдруг почувствовали, что им все дозволено, тем более, что религия, традиционно игравшая в российском обществе роль нравственного регулятора, сама стала объектом невиданной агрессии. С несравненно большей резкостью стала проводиться граница между «своими» и «чужими». На последних стали переносить все те негативные черты, которые личность бессознательно ощущала в себе. На долгие годы было остановлено экономическое развитие общества, растоптана великая культура, начато растрепывание народа и массовое уничтожение людей. Произошла примитивизация жизни, снизился общий культурный уровень общества.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, какие условия способствовали возвращению Тени в России начала XX в. На мой взгляд, это было возможно только при наличии следующих условий: 1. Слабость государства и институтов гражданского общества, невосприятие идей демократии и парламентаризма большинством населения; 2. Большевики предложили населению России близкую и понятную ему «общинно-коммунную» идеологию; 3. Идеология большевизма совпадала с идеологией русского православия. Православие в отличие, от протестантизма, который мощно стимулировал частную инициативу и личное обогащение, проповедовало бедность и воздержание, нежелательность накопления материальных благ. Большевизм тоже призывал к бедности, воздержанию и терпению ради этого светлого коммунистического будущего. Таким образом, население России было готово к восприятию большевистской

демагогии.

А. В. Чертишев:

Первейшим условием успешным модернизации России была социальная стабильность. Запаздывание социальной трансформации традиционного общества привело к глубокому социокультурному расколу в нем, но поистине трагическим поворотом стала для страны Первая мировая война. Можно утверждать, что межсистемное неустойчивое равновесие нашей страны начала XX в. разбилось о войну, а для такой сверхсложноорганизованной системы как Россия, опаснее всего была потеря равновесия, всегда чреватая «стабилизирующим» откатом назад.

Признавая, что основными источниками исторических изменений могут быть индивиды, государство и другие институты, можно утверждать, что человеческие массы и власти — главные агенты исторического развития, два действующих одновременно и объекта, и субъекта исторической сцены. Историческим феноменом XX в., и особенно 1917 г., является выход на политическую арену масс. Вместе с тем, без изучения процесса овладения политическими идеями массовым сознанием невозможно создать теоретические модели, адекватно отражающие исторический процесс, в том числе и события 1917 г.

Одной из характерных сущностных особенностей массового сознания, на наш взгляд, является то, что оно носит конкретно-исторический характер. В массовом сознании относительно широкое распространение получают элементы, активно отрицающие большинство реалий данного общества. Кардинальные изменения происходят в массовом сознании, когда жизнь людей получает особое напряжение, как например, во время революций. Оно становится более динамичным и открытым.

Революция 1917 г. привнесла в массовое сознание много новых специфических элементов. Массы почувствовали себя вершителями своей исторической судьбы. Произошло, с одной стороны, превращение социалистических идей в едва ли не главный компонент

сознания масс, а с другой стороны «упрощение» многомерных социальных конфликтов до противостояния «верхов» и «низов», «чужого» и «своего», «старого» и «нового». Сыграл свою роль и феномен подмены образа «внешнего» врага образом «классового» врага.

Анализ способов индоктринации идей в массовое сознание позволяет прийти к заключению, что наиболее эффективно этот процесс может решаться в рамках системного использования трех так называемых образов восприятия: образа-информации, образа-значения и образа ожидаемого будущего. Эффективность действий Ленина и его сторонников по овладению стихией массового сознания следует связывать не только с созвучием лозунгов большевиков насущным потребностям масс и отказом от каких-либо этических ограничений. Перефразируя мысль Н. А. Бердяева, можно сказать, что большевизм оказался «наиболее реалистическим» именно в силу своей утопичности. Более того, на пути превращения из научной теории в массовую идеологию, он основное внимание обращал не на устройство идеального общества, а на пути его достижения, т. е. действовал по рекомендациям Н. Макиавелли: вести народ от надежды к надежде, никогда к ним не приводя.

На мой взгляд, изучение роли массового сознания в событиях 1917 г. весьма актуально сегодня. Оно позволяет сделать некоторые выводы: 1. Мы не сможем рассчитывать на лучшее будущее, пока не преодолеем укоренившуюся привычку лгать самим себе по поводу собственной истории; 2. Народ, Родину, как и родителей не выбирают; 3. Невозможно создать современное цивилизованное государство, сохраняя старое представление, будто есть социальные слои и люди, которые своим умом не могут постичь свои подлинные интересы, что их «за уши» надо тащить к счастью; 4. Решающим критерием общественных преобразований должно являться их соответствие коренным жизненным интересам людей; 5. Руководители страны должны обладать инстинктом надвигающейся смуты, а для

этого обществу крайне необходимы открытый диалог, свободное слово, не ограниченное ни государственной цензурой, ни указами Президента. Нужно желание и нужна готовность услышать то, что на самом деле жизненно необходимо народу, а не то, что руководство страны хочет об этом услышать. Хотелось бы, чтобы нынешние руководящие политические силы внимательно отнеслись и хорошо усвоили глубокое соображение К. Маркса против бюрократизации политического сознания властей.

М. И. Ивашко:

Одним из важных направлений изучения Смуты начала XX в., является вопрос о роли Русской православной церкви в событиях 1917 г.

Объективный анализ этих событий свидетельствует о том, что РПЦ, не смогла остановить сползание страны в хаос. Св. Синод как орган управления Церковью зачастую проявлял нерешительность и тянулся в хвосте событий. Это отрицательно сказывалось на авторитете церкви на местах. Подавляющее большинство приходского духовенства либо находилось под влиянием революционно настроенных масс, либо было деморализовано падением самодержавия. Одновременно наблюдался процесс отхода общества от церкви, ослабевала связь духовенства с прихожанами. Почему церковь не смогла предотвратить Революцию и Гражданскую войну? Почему «богобоязненный» и «богоизбранный» народ вышел из под контроля церкви?

Ответ на эти вопросы, на мой взгляд, следует искать, прежде всего, в той системе государственно-церковных отношений, которая к началу XX в. сложилась в России, в той обстановке, которая сложилась внутри самой церкви.

Со времен Петра I РПЦ, по существу, являлась частью государственного аппарата. Церковь была лишена возможности играть самостоятельную роль в общественной жизни. В результате этого в конце XIX — начале XX вв. возник так называемый «обновленческий» раскол. Все это вело к тому, что церковь теряла своих приверженцев.

Ситуация усугублялась тем, что происходило общее падение религиозности российского общества. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что в структуре религиозности российского общества преобладало обрядоверие. Именно этим объясняется тот «индифферентизм», который наблюдался в обществе по отношению к Церкви в годы Революции и Гражданской войны.

Н. В. Асонов:

Российская смута — явление весьма сложное и противоречивое. Традиционно, в узком смысле, под «смутой» мы понимаем события начала XVII в. В широком смысле, это серия таких периодов в истории нашей страны, которые характеризовались системным кризисом, ведущим к полной или частичной модернизации социально-политической системы России на принципиально иных началах, взятых с Запада. Причем каждая модернизация была связана с революционным обновлением страны, все больше и больше «подтягивающим» Россию к Западу за счет отрицания своего собственного исторического опыта.

Современный системный кризис является новым аргументом в пользу тезиса о том, что на российскую смуту нельзя смотреть только как на результат несовершенства национальной социально-политической системы. Следует помнить, что против нашей страны ее противниками давно ведется идеологическая и экономическая агрессия, одним из элементов которой является создание и поддержание «пятой колонны». «Пятая колонна» создает необходимые условия для раскола страны, способствует проникновению в Россию чуждой ей системы ценностей. Через российскую смуту, политическая элита Запада расширяет свою власть над всем миром.

Неслучайно, что смута, совершенно не характерная для России до XVII в., становится ее «визитной карточкой» в Новое и Новейшее Время. Именно тогда Россия получила возможность вплотную познакомиться с Западом. Она стала перенимать политические ценности Запада, отрицающие

православное понимание государства и власти. Это шатание среди чуждых идеологий вело Россию к кровавым потрясениям. На мой взгляд, сегодня, через современную российскую смуту мир подошел к последней фазе глобализации, убивающей остатки социально-политической самобытности разных народов.

М. Ю. Черниченко:

Изучение дискурсивных практик открывает новые возможности в изучении революций. Период Гражданской войны в России — один из самых ярких периодов «русской смуты», повлекшей за собой целый ряд кризисных явлений в политике, экономике, культуре, идеологии, религии, которые воздействовали на сознание населения, модифицировали языковую реальность. Этот процесс нашел свое отражение в периодической печати. В периодике, выходящей на территории, подконтрольной белым правительствам юга России одной из самых острых тем был экономический кризис. Интерес к этой тематике диктовался стремлением повлиять на экономическую политику, а также желанием отразить отношение населения к ней. Интерес населения к экономической тематике понятен: речь шла о том, как выжить в условиях гиперинфляции и товарного дефицита. Неслучайно, что многие материалы посвящены таким проблемам как курс рубля, цены на сырье, продовольствие и товары первой необходимости, спекуляция, транспорт, внутренняя торговля, импорт, регулирование хозяйственной жизни и т. д.

Изучение этого экономического дискурса позволяет по-новому оценить реакцию населения на экономическую политику белых правительств, выявить динамику «капиталистического» и «антикапиталистического» в массовом сознании.

Булдаков: Спасибо. Мне остается только попытаться достойно завершить нашу дискуссию.

Мы забываем, что понятие революции использовалось по преимуществу политиками и теоретиками, а образ смуты писателями и художниками,

которые опирались на бытовые народные представления о происходящем. Они фактически говорили на разных языках, причем первый грешил умозрительностью, второй — заземленностью. Логическое отличие Смуты от революции может быть лишь в том, что в ней гипертрофирован эмоциональный момент, а модернизационный компонент либо приглушен, либо постепенно сходит на нет. В известном смысле это отражало новое и старое представление об истории, связанное с эпохой Просвещения. Между тем, Смута — это заведомо архаичное явление. Революция, напротив, связывается с эпохой Модерна. Надо, между прочим, учитывать и то, что российское образованное общество в целом пребывало в совсем ином культурно-историческом измерении, нежели народные массы. Так как же оценивать соотношение революции и смуты в реальной российской истории?

Мне думается, что, прежде всего, надо научиться говорить на языке реальной российской истории. Когда я назвал свою книгу «Красная смута», то использовал образ, вовсе не намереваясь внедрить новое понятие. Этот образ казался мне куда более емким, более точно соответствующий реалиям, нежели привычное, заведомо усеченное, понятие «революция». Строго говоря, революция — это просто переворот, а смута — это, прежде всего, отсутствие привычного порядка, создающее впечатление хаоса.

Известен такой феномен как «самообольщение разума». Человеческая логика склонна пересоздавать мир путем усекновения смыслов и манипуляции ценностями. Приведу наиболее свежий и, возможно, «масштабный» пример. Нынешний кризис, как известно, именуют не иначе, как финансовый. Так проще. На деле он имеет более глубокие причины. Прежде всего, кризис является следствием эрозии фундаментальных ценностей буржуазной цивилизации. Так называемая трудовая этика окончательно уступила место морали «большого хапка». Можно оценить ситуацию и по-другому. Воображаемое подавило

реальность, что привело к тотальной деформации ценностей, на которых основывается современное общество. «Виртуальное» пространство с его собственными логическими зависимостями вздумало управлять пространством реальным. И надо заметить, что Россия, избавившись от коммунистической автаркии, внесла в это весьма весомый вклад. Сначала самим фактом распада «красной империи», а затем посредством претензий на энергетическую гегемонию. В связи с этим можно говорить о том, что мир ожидает смута, а не просто кризис (который якобы можно элиминировать посредством нескольких простейших манипуляций в центре современной мир-системы). Разумеется, о параметрах ее может сегодня рассуждать лишь безответственный фантазер. Впрочем, к России все это может иметь весьма отдаленное отношение. Разумеется, если власть «прозреет».

Существует и другой аспект проблемы. Почему-то, говоря о революции, мы всякий раз исходим из вопроса: «Что она дала?» Но что может дать смута, которая представляет собой процесс самоорганизации хаоса, никем не контролируемый по определению? И во что он может вылиться, кроме архаизации (в форме обновления) прежних структур и иерархий? И стоит ли спорить со стихией даже тем людям, которые ее развязали?

Мне кажется, что говоря о смутах, а не революциях, мы тем самым избавляемся от некоторых стереотипов сознания, которые вольно или невольно сковывают познавательный процесс и даже ментальность в целом. В частности, «красной смуте» был навязан образ социалистической революции, и этот миф — как и всякий иной — оказался удивительно живуч. Но нужен ли он нам сегодня?

Конечно, смута — это, прежде всего, образ, метафора. Но эта метафора несет в себе важное познавательное содержание. Строго говоря, «принципиальное» отличие ее от революции (имеется в виду идеальный тип) только одно — это гипертрофированность

эмоционального в ущерб рациональному. Это естественно и закономерно в связи с господством в российских массах традиционного, синкретичного типа сознания. В смуте людьми движет уже не разум а инстинкт, не программы а утопии. И вряд ли стоит обольщаться относительно соответствия известного рода программ чаяниям народного большинства. Если бы революционная власть изначально «разговаривала» с народом *на одном общем языке*, о судьбе революции беспокоиться бы не пришлось.

Я не хотел бы касаться вопроса методологии, имея в виду наличие «готовой» теории, объясняющей российские смуты. Всякая теория, увы, успешно «работает» до тех пор, пока она не особенно тесно соприкасается с реалиями. К тому же мы слишком привыкли подгонять действительность к теории, а не наоборот. Ограничусь некоторыми общими замечаниями.

Сегодня много говорилось о крестьянстве. Это не случайно. В период смуты/революции громадное значение приобретает проблема «молчаливого» большинства, не атрибутированности его психоментальных установок. Соответственно этому стоило бы вопрос об императивах его поведения приподнять на «государственно-онтологическую» высоту.

Давайте вспомним о факторах, обусловивших особенности его «революционного» поведения. Прежде всего, нельзя забывать, что в основе российского крестьянского хозяйствования лежал аграрно-миграционный принцип — так называемое мигрирующее земледелие. Этим объясняется стремление государства «закрепостить» основное производительное сословие. Заметим, что российские пространства чудовищно усложняли эту задачу. Отсюда сложности со сбором налогов, без которых государство существовать не может. В свое время монголы «решили» фискальную задачу, упорядочив процедуру чисто силовым путем. По-своему решили они и проблему коммуникаций, внедрив ямскую службу. Тем не менее, российское социокультурное пространство оставалось

«рыхлым», «клочковатым», «анклавным», поведение основной массы населения «стихийным», «алогичным», «смутным», то есть «непереводимым» на язык рационально мыслящей бюрократии. Отсюда дилемма: либо подтягивать культурный уровень населения (что было крайне затруднительно), либо не просто закрепощать сословия, а искусственно структурировать все социальное пространство (то есть применять к нему «избыточное» силовое давление). При извечном недостатке средств и кадров, понятное дело, первое оказывалось более чем проблематичным.

Получалось по Ключевскому: государство пухло, народ хирел. Между тем, всякая миграционно-демографическая подвижка, связанная с природными факторами, уже оказывалась угрожающей для государства. То же самое можно сказать и о модернизационных процессах. Оба фактора приводили к тому, что государство (стоявшее над сословиями и в известной мере противостоящее их устремлениям) оказывалось беззащитно перед «фактором непредсказуемости».

В России изначально ослаблен так называемый коммуникативный разум (Ю. Хабермас), потому что государство всегда подавляло его. Он включался только в экстремальных ситуациях и проявлялся во всеобщем недовольстве и последующем «всенародном» преодолении смуты.

Возвращаясь к вопросу о «слепоте» власти, хочу напомнить, что сценарий 1917 г. был предсказан еще в 1914—1915 гг., причем самыми разными людьми. Власть не нашла в себе сил на адекватные действия. Развал СССР также был предсказан еще в 70-е гг. целым рядом западных советологов (Р. Пайпс, Х. Сетон-Уотсон, Э. Каррер д'Анкосс) и отечественными диссидентами. Чтобы «увести» от Смуты, требуется совершенно иной тип лидерства (именно лидерства, а не только управления). Система не смогла его предложить. Течение Смуты предполагает ротацию харизматических лидеров. На смену Керенскому не случайно пришел Ленин. На месте Горбачева не случайно

оказался Ельцин. Более того, следовало бы обратить внимание, что сегодня мы забываем о былой «горбомании» и, особенно «ельциномании». Тем более, не отваживаемся проводить аналогии с 1917 г. Дело не только в известном феномене «стыдливой забывчивости», который характеризуется тем, что новые ожидания, адресованные нынешней власти, подспудно вытесняют «дурные» эмоции прошлого.

В заключение хотел бы обратить внимание на еще один важный момент. Перманентная отчужденность государства от податных сословий приводила к тому, что «снизу» оно казалось *всесильным*. На деле оно оставалось *слабым* и «подслеповатым», и не могло быть иным. И этот момент также сказывался на ходе революции. В период смуты надежды на власть и элиты всегда были непомерными, что, безусловно, усиливало хаос.

В связи с этим следует признать, что отмеченное сегодня своего рода противостояние понятий смуты и революции имеет глубокую культурно-историческую природу. Из этого следует только одно: исследователь должен мысленно корректировать привычные термины соответственно их историческому наполнению. Продуктивно рассуждать о российской истории можно только прочувствовав ее культурно-антропологическую «боль», то есть, постигая смуту «изнутри». В этом смысле социологические абстракции и, тем более, политологические «генерализации» не только бесполезны, но и опасны. Российские смуты, повторюсь, в значительной степени связаны с «самообольщениями разума», провоцирующими непомерные надежды и неуправляемые страсти.

Надеюсь, что в этом смысле наш «круглый стол» окажется небесполезным.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

CONTRIBUTORS AND CONTACT INFORMATION

АКСЕНОВ Владислав Бэнович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и права Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики (Москва)

AKSENOV Vladislav B. — Candidate of History, Associated Professor of Department of Russian History and Law in Moscow State Technical University MIREA (Moscow)

E-mail: vlaks@mail.ru

БАБАШКИН Владимир Валентинович — доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

BABASHKIN Vladimir V. — Doctor of History, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

E-mail: vbashkin@rane.ru

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

BULDAKOV Vladimir P. — Doctor of History, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

E-mail: kuroneko@list.ru

ГОРДОН Александр Владимирович — доктор исторических наук; заведующий сектором Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва)

GORDON Alexander V. — Doctor of History; Head of Sector of Institut of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

E-mail: gordon_aleksander@mail.ru

ДАНИЛОВ Александр Анатольевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского педагогического государственного университета, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва)

DANILOV Alexander A. — the Honored Worker of a Science of the Russian Federation, Doctor of History, Professor, Head of the Department of History of the Moscow Pedagogical State University, Professor of the Moscow State University of a name of M. V. Lomonosov (Moscow)

E-mail: gordon_aleksander@mail.ru

ЕЛИСЕЕВА Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, профессор, руководитель Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

ELISEEVA Natalia V. — Candidate of History, Professor, Head of the Research and Training Center "New Russia. History of post-soviet Russia" of Institute for History and Archives of Russian State University for the Humanities (Moscow)

E-mail: NVElyseefa@yandex.ru

КАРПЕНКО Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; главный редактор журнала «Новый исторический вестник» (Москва)

KARPENKO Sergey V. — Candidate of History, Associate Professor of the Department of Contemporary History of Russia of Institute for History and Archives of Russian State University for the Humanities; Editor-in-Chief of the Journal "The New Historical Bulletin" (Moscow)

E-mail: skarpenk@mail.ru

ЛЮКШИН Дмитрий Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)

LYUKSHIN Dmitry I. — Candidate of History, Associate Professor of the Department of Political History of History Institute of Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)

E-mail: Dmitri.Lyukshin@ksu.ru

МАРЧЕНЯ Павел Петрович — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации»

MARCHENYA Pavel P. — Candidate of History, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; Associate Professor of the Research and Training Center "New Russia. History of post-soviet Russia" of Institute for History and Archives of Russian State University for the Humanities (Moscow);

Author/Coauthor and Editor of the Scientific Project "People and Power: the History of Russia and its Falsifications"

E-mail: marchenyap@mail.ru

РАЗИН Сергей Юрьевич — доцент кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий (Москва);

автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации»

RAZIN Sergey Y. — Associate Professor of the Department of Social Studies of the Institute for the Humanities and IT (Moscow);

Author/Coauthor and Coordinator (Moderator) of the Scientific Project "People and Power: the History of Russia and its Falsifications"

E-mail: razin_sergei@mail.ru.

ФУРСОВ Андрей Ильич — академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия); директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; руководитель Центра методологии и информации Института динамического консерватизма (Москва)

FURSOV Andrey I. — Active Member of the International Social Science Academy (Innsbruck, Austria); Director of the Centre of Russian Studies of Moscow University for the Humanities, Director of the Centre of Methodology and Information of the Institute of Dynamic Conservatism (Moscow)

E-mail: rusint@bk.ru

ЧЕРТИЦЕВ Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России (Москва)

CHERTISHCHEV Andrey V. — Doctor of History, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow);

E-mail: chertishchev@mail.ru

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Марченя П. П., Разин С. Ю. Вместо введения: От авторов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации»

Аннотация: Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России. Революция рассматривалась как основополагающая проблема россиеведения.

Ключевые слова: народ, власть, революция, история России, россиеведение.

Marchenya P. P., Razin S. Y. Instead of Introduction: From authors of the scientific project "People and Power: the history of Russia and its falsifications"

Annotation: The Scientific Project "People and Power: the History of Russia and its Falsifications" is dedicated to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of problem of the interaction of Power and People as two main agents to the historical development of Russia. The Revolution was considered as an essential problem of the Russian studies.

Keywords: people, power, revolution, history of Russia, Russian studies.

Аксенов В. Б. Политическая семносфера и психологическая динамика российского общества в 1914—1917 гг.: от мистификации общественного сознания к революционному психозу

Аннотация: Рассматривается развитие социально-психологического кризиса российского общества от начала Первой мировой войны до второй российской революции, выразившегося в спаде религиозности россиян, росте мистических настроений, иррационализации массового сознания, что наделяло

политические слухи кануна 1917 г. и периода революции эсхатологическими мотивами.

Ключевые слова: слухи, массовое сознание, политический дискурс, мистицизм, Первая мировая война, революция, революционный психоз, церковь, религиозность.

Aksenov V. B. Political Semiosphere and Psychological Dynamics of the Russian Society in 1914—1917: from Mystification of Public Consciousness to Revolutionary Psychosis

Annotation: In the article under analysis is development of social and psychological crisis of the Russian society from the First World War to the second Russian revolution, expressed in recession of religiousness of Russians, growth of mystical moods, irrationalization of mass consciousness that allocated political hearings of eve 1917 and the period of revolution with eschatological motives.

Keywords: hearings, mass consciousness, political discourse, mysticism, First world war, revolution, revolutionary psychosis, church, religiousness.

Бабашкин В. В. Два большевизма, или место Октября в Русской революции

Аннотация: Почему в современной историографии слабо востребованы результаты грандиозного исследовательского проекта 90-х гг. «Крестьянская революция в России 1902—1922 гг.»? почему историки нового направления пришлось не ко двору во времена Хрущева? На эти и некоторые другие вопросы автор предлагает свои ответы.

Ключевые слова: крестьянский большевизм, этапы Русской революции, цели и тактика крестьян и большевиков в Революции.

Babashkin V. V. Two Bolshevisms, or the Place of the October in the Russian Revolution

Annotation: The results of the vast research project of the 1990-ies “Peasant Revolution in Russia, 1902—1922” — why have they been largely neglected in contemporary historiography? The works of the historians of the new direction in the Soviet historiography — why did they turn to be inappropriate in the time of Khrushchev? The author is in search for answers.

Keywords: peasant Bolshevism, stages of the Russian Revolution, the objectives and tactics of the peasants and the Bolsheviks in the Revolution.

Булдаков В. П. Революция и мифотворчество: коллизии современного исторического воображения

Аннотация: Автор показывает, как волна революционного мифотворчества преломляется и искажается в современном историческом сознании. По его мнению, в современных массовых представлениях о революции доминируют наиболее примитивные конспирологические теории, продуцируемые «самодеятельными» историками.

Ключевые слова: революция, миф, историография, массовое сознание, *mass media*.

Buldakov V. P. The Revolution and the Myth: Critical Notes on some Historiographical Biases

Annotation: The author shows as the wave of revolutionary myth-creation was refracted and twisted in modern historical consciousness. On his opinion in modern representations on revolution absolutely prevails the most primitive “theories of conspiracy” produced by non-formal historians.

Keywords: Revolution, myth, historiography, mass consciousness, *mass media*.

Гордон А. В. Революционная традиция в сравнительно-исторической перспективе (Россия — Франция — Россия)

Аннотация: Сопоставляются судьбы революционного наследия в России и Франции. Отправной точкой является дискредитация революционного прошлого в постсоветской России. Характеризуются попытки реформирования революционной традиции в СССР: обновленческое движение 1960-х (Оттепель) и реформаторство 1980-х (Перестройка). Также обращается внимание на внедрение неоимперских моделей во время Второй мировой войны и в послевоенный период. Подчеркивается влияние Русской революции на революционную традицию Франции и выявляются уроки «культуры памяти» в Пятой республике.

Ключевые слова: революционная традиция, Октябрьская революция, Февральская революция, Оттепель, Перестройка,

антикоммунистическая революция 1991 г., имперская традиция, Великая Французская революция, культура памяти.

Gordon A. V. Revolutionary tradition in comparative-historical perspective (Russia — France — Russia)

Annotation: The paper compares revolutionary legacies of Russia and France. The author starts with description of attempts of discrediting Russian revolutions in post-Soviet Russia, and then traces evolution of interpretations of Russian revolutions in 20th century, with special attention to two major reformist attempts, so called "Renewal" movement ("The Thaw period") in 1960s, and "Reformist" movement of the 80s ("Perestroika"). Also analyzed the precursor of contemporary nativism, so called «neo-imperial models, which were popular in WW2 and post-war period. The author investigates influence of Russian revolutions of interpretation of French revolutionary tradition, and describes formation of "memorial culture" in the Fifth Republic.

Keywords: revolutionary tradition, Russian revolution (October and February of 1917), Thaw (*Ottepel*), *Perestroika*, anticommunist revolution of 1991, imperial ideology, Great French revolution, historical culture.

Данилов А. А. Осмысление места и роли революции 1917 года в истории России современной учащейся молодежью

Аннотация: В статье представлены основные подходы к оценке места и роли революции 1917 года в современных российских учебниках истории для средней и высшей школы, а также данные социологических опросов среди учащихся по данной проблематике.

Ключевые слова: революция, реформа, либерализм, консерватизм, радикализм, большевизм.

Danilov A. A. Judgment of the place and role of revolution of 1917 in the history of Russia modern studying youth

Annotation: In article the main approaches to an assessment of a place and a role of revolution of 1917 in modern Russian textbooks of history for the high and higher school, and also data of sociological polls among pupils on this perspective are presented.

Key words: Revolution; reform; liberalism; conservatism; radicalism; Bolshevism.

Елисеева Н. В. Революция как реформаторская стратегия Перестройки СССР: 1985—1991 гг.

Аннотация: Автор показывает, как с помощью включения в реформаторскую риторику Перестройки СССР революционной тематики, осуществлялась смена идеологии, подготовившая кардинальный слом советской системы в начале 1990-х годов. По его мнению, реформаторский дискурс М.С. Горбачева выстраивался в соответствии с марксистско-ленинской традицией, а «сработал» в прямо противоположном направлении от задуманного.

Ключевые слова: революция, историография, перестройка, реформы, идеология, марксизм-ленинизм.

Eliseeva N. V. Revolution as reformist strategy of Perestroika in the USSR: 1985—1991

Annotation: The author assesses how the incorporation of the issues concerning Russian Revolution into reformist rhetoric helped the ideological shift that created a basis for pivotal changes in the Soviet system in the beginning of 1990s. The author concludes that Gorbachev's reformist discourse was rooted in Marxist-Leninist tradition and yet tripped the converse developments.

Keywords: Revolution, historiography, perestroika, reforms, ideology, Marxism-Leninism.

Карпенко С. В. Добровольческая армия и Донское казачье войско в конце 1917 — начале 1918 гг.: несостоявшийся союз

Аннотация: В статье анализируются отношения между Добровольческой армией и Донским казачьим войском в конце 1917 — начале 1918 гг. Основное внимание уделяется попыткам командования Добровольческой армии обрести базу в Донской области и превратить ее в общероссийский центр сплочения антибольшевистских сил, идеологическим и политическим разногласиям между добровольческими генералами и руководством Дона. Делается вывод, что Донская область не могла стать надежной базой формирования Добровольческой армии и центром воссоздания российской государственности.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Добровольческая армия, Донское казачье войско, Донская область,

Karpenko S. V. The Volunteer Army and the Don Cossacks in late 1917 and early 1918: The Abortive Union

Annotation: The article analyses the relations between the Volunteer army and the Don Cossacks in the end of 1917 — the beginning of 1918. The main attention is drawn to the attempts of the command of the Volunteer army to find basis in Don Cossack oblast and to transform it into the all-Russian center of rallying of Anti-Bolshevik forces, the ideological and political disagreements between the Volunteer generals and the leadership of Don Cossack oblast. It makes a conclusion that Don Cossack oblast was not able to become reliable basis of formation of the Voluntary army and the center of the restoration of the Russian statehood.

Keywords: Russian Civil War, Volunteer Army, Don Cossacks, Don Cossack oblast, “The Southeastern Union”, M. V. Alekseev, A. M. Kaledin, L. G. Kornilov.

Люкшин Д. И. Деревня Семнадцатого года: сотворение периферии

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования периферийных зон в структуре российского общества накануне, в ходе и по итогам общинной революции 1917 года. Попытка наложить, предложенную Дж. Скоттом матрицу «последнего великого огораживания» на российскую историческую фактуру имеет характер методологического эксперимента.

Ключевые слова: Вторая русская смута, общинная революция, крестьяне, отечественное историческое сообщество.

Lyukshin D. I. The village of 1917: the creation of periphery

Annotation: The article is dedicated to the issue of forming peripheral zones in the structure of the Russian society on the eve, during and in the aftermath of the communal revolution of 1917. An attempt to apply the matrix of the “last great enclosure”, as proposed by J. Scott, to the Russian historic environment has the character of a methodological experiment.

Keywords: Second Russian smuta (revolt), communal revolution, peasants, Russian historical community.

Марченя П. П. Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России

Аннотация: Статья посвящена проблеме «бессмысленности» и «смысла» политической истории русской смуты/революции от Февраля к Октябрю 1917 г. как массового бегства от власти «чужой» к власти «своей». Февраль и Октябрь интерпретируются как полюса общественно-политической жизни России, задающие смысловые координаты, в рамках которых строится проективное россиеведение.

Ключевые слова: Февраль 1917 г., Октябрь 1917 г., массы, массовое сознание, Русская смута, Русская революция, россиеведение.

Marchenya P. P. Senselessness and sense of the Russian Revolution: February and October in Russian history

Annotation: The Article is dedicated to problem of "senselessness" and "sense" of political history of Russian Smuta/Revolution from February to October 1917 as the exodus from Power "alien" to Power "native". February and October are interpreted as poles of the political life of Russia, giving the coordinates of meaning within which built projective Russian studies.

Key words: February 1917, October 1917, masses, mass consciousness, "Russian Smuta" (Russian Strife, Time of Trouble), Russian revolution, Russian studies.

Фурсов А. И. Народ, власть и смута в России: размышления на полях одной дискуссии

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления дискуссии, посвященной проблеме смут и революций в русской истории. Основное внимание обращается на определение участниками дискуссии терминов «смута» и «революция», а также на трактовку ими темы «архаика versus Модерн». Рассматриваются также интерпретации участниками дискуссии основных факторов революций и смут русской истории, диалектика внутренних и внешних факторов этих макрособытий, а также перспектив развития современной России под таким углом зрения, как возможность или невозможность новой революции.

Ключевые слова: смута, революция, русская история, методология, архаика, Модерн, внутренние и внешние факторы, современная Россия.

Fursov A. I. People, Power and Smuta in Russia: Reflections on the Field a Discussion

Annotation: The article deals with the main directions of the discussion which was devoted to the problem of Times of Trouble (Smuta) and revolutions in Russian history. The main focus is on the conceptual definitions of the terms “Times of Trouble” and “revolution” by the participants of the discussion, as well as on the interpretation of the theme “archaism versus Modernity”. The article deals also with the interpretation by the participants of the discussion of the main factors of Russian revolutions and Times of Trouble (Smuta), the dialectics of interior and exterior factors of these macroevents, as well as the perspectives of contemporary Russia’s development — possibility or impossibility of a new revolution.

Keywords: Time of Trouble ("Smuta"), revolution, Russian history, methodology, archaism, Modernity, interior and exterior factors, contemporary Russia.

Чертущев А. В. Революция: возможности и реальность сдерживания

Аннотация: Статья раскрывает проблему необходимости и вероятности останковки процесса «углубления» Великой Русской революции, когда деструктивные начала в ней стали абсолютно доминирующими. Реализация такой возможности связывается с успешностью революционного процесса.

Ключевые слова: власть, государство, общество, революция, контрреволюция, реформы, дезорганизация, массы, сознание, идеал, смута.

Chertishchev A. V. Revolution: possibilities and reality restraining it

Annotation: The present article deals with the problem of the necessity and probability of stopping the process of the expansion of the Great Russian revolution, when the destructive forces of it became absolutely dominant. The Realization of this possibility is connected with the progress of the revolutionary process.

Keywords: power, state, society, revolution, counterrevolution, reforms, disorganization, masses, consciousness, ideal, riot ("Smuta").

Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Российские кризисы на круглом столе «Народ и власть в российской смуте»

Аннотация: Международный круглый стол посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России в ситуациях глобальных социальных катаклизмов, революций и смут как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества.

Ключевые слова: народ, власть, российская смута, революция, системный кризис, массы, империя, россиеведение, история России.

Buldakov V. P., Marchenya P. P., Razin S. Y. Russian crises on Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife"

Annotation: The International Roundtable Discussions is dedicated to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of problem of the interaction of Power and People as two main agents to the historical development of Russia in the situations of global social cataclysms, revolutions and strifes as periodically repetitive systemic crises of the Russian state and society.

Keywords: People, power, "Russian Strife" ("Smuta", Time of Trouble), revolution, systemic crisis, masses, empire, Russian studies, history of Russia.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ¹

научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации»

1. Книги:

1. Народ и власть в российской смуте: Сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 23 октября 2009 г.). — М.: Изд. ВВА им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, 2010. — 348 с. — (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». — Вып. 1). (20,2 п. л.): <http://isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf>

2. Крестьянство и власть в истории России XX века: Сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.). — М., 2011. — (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». — Вып. 2). (29,5 п. л.): http://isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf

3. Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сборник научных статей (к 95-летию Февраля—Октября 1917 г.). — М., 2012. — (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». — Вып. 3).

2. Публикации в общенациональном научно-политическом журнале «Власть»

4. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // Власть. — 2010. — № 4. — С. 14—17. (0,5 п. л.): http://isras.ru/files/File/Vlast/2010/04/Mezhdunarodnyj_kruglyj.pdf

5. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // Власть. — 2010. — № 5. — С. 10—14. (0,6 п. л.): http://isras.ru/files/File/Vlast/2010/05/Megdunarodnyj_kruglyj_stop.pdf

6. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // Власть. — 2010. — № 6. — С. 13—17. (0,6 п. л.): http://isras.ru/files/File/Vlast/2010/06/Krugl_stol.pdf

7. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // Власть. — 2010. — № 7. — С. 9—14. (0,7 п. л.): <http://isras.ru/files/File/Vlast/2010/07/Buldakov.pdf>

8. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // Власть. — 2010. — № 8. — С. 9—13. (0,6 п. л.): http://isras.ru/files/File/Vlast/2010/08/Krugl_stol.pdf

9. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // Власть. — 2010. — № 9. — С. 16—21. (0,7 п. л.): http://isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Krugl_stol.pdf

10. Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 1-я часть // Власть. — 2011. — № 8. — С. 161—171. (1,2 п. л.): http://isras.ru/files/File/Vlast/2011/08/Marchenya_Razin.pdf

11. Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 2-я часть // Власть. — 2011. — № 9. — С. 173—184. (1,3 п. л.): http://isras.ru/files/File/Vlast/2011/09/Marchenya_Razin.pdf

3. Публикации в научно-аналитическом журнале «Обозреватель-Observer»

3.1 Публикации проекта

12. Марченя П. П., Разин С. Ю. Народ и власть в русской смуте: «Виль» и «грабли» отечественной истории // Обозреватель-Observer. — 2010. — № 7 (246). — С. 96—103. (0,7 п. л.): http://rau.su/observer/N7_2010/096_103.pdf

13. Марченя П. П., Разин С. Ю. Крестьянство и власть как «две России»: «Темные массы» и «светлое будущее» отечественной истории // Обозреватель-Observer. — 2011. — № 9 (260). — С. 18—25. (0,6 п. л.): http://rau.su/observer/N9_2011/018_025.pdf

14. Марченя П. П., Разин С. Ю. Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций // Обозреватель-Observer. — 2011. — № 11 (262). — С. 29—44. (1,3 п. л.): http://rau.su/observer/N11_2011/030_044.pdf

3.2 Публикации о проекте (внешние отзывы)

15. Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего: Ч. 1: Смута versus революция, архаика versus Модерн // *Обозреватель—Observer*. — 2012. — № 3. — С. 22—35 (1,1 п. л.): <http://users4496447.socionet.ru/files/furs1.pdf>

16. Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего: Ч. 2: История и современность // *Обозреватель—Observer*. — 2012. — № 4. — С. 7—19 (1 п. л.): <http://users4496447.socionet.ru/files/furs2.pdf>

17. *Фурсов А. И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории: Ч. 1: Крестьянство в социальных системах // *Обозреватель—Observer*. — 2012. — № 6. — С. 69—89 (1,5 п. л.): <http://users4496447.socionet.ru/files/furs3.pdf>

18. *Фурсов А. И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории: Ч. 2: Русское крестьянство, ствольпинская реформа и коллективизация: спорные вопросы сквозь призму науки и идеологии // *Обозреватель—Observer*. — 2012. — № 7. — С. 76—98 (1,7 п. л.): <http://users4496447.socionet.ru/files/furs4.pdf>

3.3 Публикации в рамках тематической серии, организованной проектом

19. *Гордон А. В.* Судьбы революционного наследия: Октябрьская, Февральская и Французская революции // *Обозреватель—Observer*. — 2012. — № 8. — С. 92—105. (1 п. л.): http://users4496447.socionet.ru/files/2012_8.pdf

20. *Булдаков В. П.* Революция и миф: Критические заметки о некоторых историографических тенденциях // *Обозреватель—Observer*. — 2012. — № 9. — С. 107—115. (0,7 п. л.): http://users4496447.socionet.ru/files/2012_9.pdf

21. *Карпенко С. В.* Добровольческая армия и казачий «Юго-восточный союз»: разные пути возрождения России // *Обозреватель—Observer*. — 2012. — № 10. — С. 118—127 (0,8 п. л.): <http://users4496447.socionet.ru/files/svk.pdf>

4. Публикации в других ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Перечнем ВАК Минобрнауки РФ

22. *Разин С. Ю.* «Перестройка» и «Смута» на Международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте» // Федерализм. — 2010. — № 2 (58). — С. 223—234. (0,8 п. л.):

<http://users4496447.socionet.ru/files/perestr.pdf>

23. *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России // Вестник архивиста. — 2010. — № 3. — С. 288—302. (0,9 п. л.):

<http://users4496447.socionet.ru/files/cris.pdf>

24. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Крестьянство и власть в России // Социологические исследования (СоцИс). — 2010. — №9. — С. 140. (0,1 п. л.):

http://isras.ru/files/File/Socis/2010-9/Marchenya_23.pdf

25. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Империя и Смута — инварианты российской истории // Федерализм. — 2010. — № 3 (59). — С. 121—134. (1,4 п. л.):

<http://users4496447.socionet.ru/files/imper.pdf>

26. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к..? // Россия и современный мир. — 2010. — № 4 (69). — С. 48—65 (1,4 п. л.):

<http://users4496447.socionet.ru/files/smutoved.pdf>

27. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Империя и Смута в современном россиеведении // Новый исторический вестник. — 2011. — № 4 (30). — С. 89—96. (0,7 п. л.):

http://www.nivestnik.ru/2011_4/3.shtml

28. *Марченя П. П., Разин С. Ю., Ионов И. Н.* Крестьянство и власть в истории России XX века (По итогам Международного «Круглого стола») // Общественные науки и современность. — 2012. — № 3. — С. 79—95. (1,7 п. л.):

<http://users4496447.socionet.ru/files/ons.pdf>

29. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Крестьяноведение как россиеведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века») // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 3. — С. 355—360 (0,6 п. л.):

<http://users4496447.socionet.ru/files/Peasant-Studies.pdf>

30. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. — 2012. — № 5. — С. 217—219. (0,3 п. л.):

<http://users4496447.socionet.ru/files/sem.1.pdf>

5. В печати:

31. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»: материалы первого заседания // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. (2,8 п.л.).

32. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Судьбы крестьянства в XX веке: По итогам второго заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. (2,7 п.л.).

33. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Сталинизм и крестьянство: По итогам Первого Международного круглого стола (третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории») // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. (3,7 п.л.).

¹ Все публикации проекта (и о проекте) размещаются в свободном доступе в Открытом Архиве научного информационного пространства системы СОЦИОНЕТ: <http://socionet.ru/collection.xml?h=репеч:rus:tqtvuj>

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 1

23 октября 2009 г.

в Институте социологии РАН

в рамках научного проекта

**«Народ и власть: История России и ее фальсификации»
состоялся Международный круглый стол журнала «Власть»**

«НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ».

Он был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России в ситуациях глобальных социальных катаклизмов, революций и смут (как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества). В дискуссиях приняли участие более 30 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России и Беларуси.

Основные проблемные направления дискуссий круглого стола:

- Смута/революция, кризисный ритм российской истории: прошлое и настоящее.
- Динамика разворачивания системных кризисов.
- Элиты и массы в российских смутах.
- Смуты и российская власть: ожидаемое и действительное.

Ведущим круглого стола был д. и. н., с. н. с. ИРИ РАН (Москва)

В. П. Булдаков.

Материалы круглого стола были опубликованы в журнале «Власть» и на сайте ИС РАН. Информация о состоявшихся дискуссиях и серия аналитических статей по их мотивам опубликованы также в целом ряде других ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК РФ.

По итогам работы круглого стола подготовлен сборник статей в серии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (Выпуск 1).

Краткие информационные сообщения о круглом столе на специализированных научных сайтах сети Интернет:

- на сайте ИС РАН: http://www.isras.ru/vlast_ks_2009.html
- на сайте журнала «Новый исторический вестник»: <http://www.nivestnik.ru/anons/22.shtml>
- на сайте журнала «Вестник архивиста»: <http://www.vestarchive.ru/1/1003-l-n-.html>

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 2

12 ноября 2010 г.

в Институте социологии РАН

в рамках научного проекта

«Народ и власть: История России и ее фальсификации»

состоялся Международный круглый стол журнала «Власть»

«КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА».

Он был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов «крестьянского вопроса» и его роли в отечественной истории XX века. «Крестьянский вопрос» рассматривался как узловая проблема россиеведения, в которой сосредоточены основные конфликты российской истории. В дискуссиях приняли участие более 40 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России, Беларуси, Украины.

Основные проблемные направления дискуссий круглого стола:

- «Крестьянский вопрос»: смысл и значение в истории России и человечества.
- XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны.
- «Великий незнакомец» и публичная политика в России»: мифы и реальность.
- Русское крестьянство: «могильщик» Империи или ее цивилизационный фундамент?
- «Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации...

Ведущим круглого стола был д. и. н., проф., зав. каф. политологии БГЭУ (Минск), г. н. с. ИЕ РАН (Москва) О. Г. Буховец.

Материалы круглого стола были опубликованы в журнале «Власть» и на сайте ИС РАН. Информация о состоявшихся дискуссиях и серия аналитических статей по их мотивам опубликованы также в ряде других ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК РФ. По итогам работы круглого стола подготовлен сборник статей в серии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (Выпуск 2).

Краткие информационные сообщения:

- на сайте ИС РАН: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1478
- на сайте журнала «Новый исторический вестник»: <http://nivestnik.ru/anons/24.shtml>
- на сайте журнала «Вестник архивиста»: <http://www.vestarchive.ru/1/1261-lkrestianstvo-i-vlast-v-istorii-rossii-xx-vekar.html>

ЗАСЕДАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА № 1

27 апреля 2011 г.

в Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (РАНХиГС)
состоялось первое заседание теоретического семинара
**«КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ»**
Центра аграрных исследований РАНХиГС и научного проекта
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»

В 1990-е гг. заметным явлением в общественных науках России стал систематически проводившийся под эгидой ИРИ РАН и Междисциплинарного академического центра социальных исследований (Интерцентра) МВШСЭН теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития». Его организация была связана прежде всего с именами двух известных ученых — британского крестьяноведа и социолога Т. Шанина и отечественного историка-аграрника В. П. Данилова. Между соорганизаторами этого семинара В. В. Бабашкиным и А. М. Никулиным (ЦАИ РАНХиГС) и соавторами научного проекта «Народ и власть...» П. П. Марченя и С. Ю. Разиным достигнута договоренность об организации нового совместного постоянно действующего теоретического семинара. Эта идея получила одобрение Т. Шанина.

На обсуждение участников первого заседания были вынесены доклады:

- «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России» (д. ф. н., проф., г. н. с. ИРИ РАН, гл. ред. журнала «Российская история» А. Н. Медушевский (Москва).
- «Вторая русская смута: каверзный ответ на найденный аграрный вопрос» (к. и. н., доц. каф. политической истории Казанского (Приволжского) Федерального университета Д. И. Люкшин (Казань).

В состоявшейся в ходе обсуждения докладов дискуссии приняли участие более 20 ученых, представивших научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России (Москвы, Казани, Пензы, Тамбова).

Материалы первого заседания теоретического семинара и аналитические статьи по его проблематике опубликованы в ряде федеральных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК РФ.

Краткие информационные сообщения:

- на сайте журнала «Вестник архивиста»: <http://www.vestarchive.ru/konferencii/1543-lkrestianskii-vopros-v-otechestvennoi-i-mirovoi-istoriir-teoreticheskii-seminar.html>

ЗАСЕДАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА № 2

20 декабря 2011 г.

в Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

состоялось второе заседание теоретического семинара

«КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ»

Центра аграрных исследований РАНХиГС и научного проекта
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»

На обсуждение участников второго заседания был вынесен доклад доклада патриарха отечественного крестьяноведения — доктора исторических наук, заведующего сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН А.В. Гордона:

- «Судьбы крестьянства в XX в.: цивилизационный аспект».

В этом докладе был представлен краткий сравнительный анализ ключевых моментов истории русского, французского и китайского крестьянства.

В центре внимания участников обсуждения были вопросы:

- Роль и судьба крестьянства в процессе перехода от традиционного к индустриальному обществу;
- Аграрные реформы XIX—XX вв.: отечественный и мировой опыт;
- Власть и крестьянство в истории КНР;
- Эволюция земельных отношений и региональная специфика в развитии сельского хозяйства во Франции.

В состоявшейся в ходе обсуждения докладов дискуссии приняли участие 14 ученых, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России.

Материалы второго заседания теоретического семинара и аналитические статьи по его проблематике запланированы к публикации в ряде федеральных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК РФ.

Краткие информационные сообщения:

- на сайте журнала «Вестник архивиста»: <http://www.vestarchive.ru/konferencii/1543-1krestianskii-vopros-v-otechestvennoi-i-mirovoi-istoriiir-teoreticheskii-seminar.html>
- на сайте ИГУМО и ИТ: <http://www.igumo.ru/nauka/merop/uchastie/krestjanskij-vopros-v-otechestvennoj-i-mirovoj-istorii/>

ЗАСЕДАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА № 3 **(Международный круглый стол** **«СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО»)**

22 мая 2012 г.

**в Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (РАНХиГС)**
в рамках третьего заседания теоретического семинара
«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»
Центра аграрных исследований РАНХиГС и научного проекта
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»
состоялся Международный круглый стол
«СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО»

В центре внимания участников обсуждения были вопросы:

- Власть и крестьянство в отечественной системе взаимодействия государства и общества советского и постсоветского периода;
- Феномен сталинизма: генезис, сущность, смысл и значение;
- Сталинизм: догматический марксизм или прагматическая политика;
- Марксизм и крестьянство;
- XX век России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание»;
- Цивилизационная специфика российской модернизации;
- Традиция и модерн в мировой истории XX в.;
- Влияние геоэкономических и геополитических процессов на развитие советского общества в 20-30-е гг.;
- Расслоение крестьянства в 20-е гг.: мифы и реальность;
- Причины краха НЭПа;
- Колхоз и община: общее и особенное.

В состоявшейся в ходе обсуждения докладов дискуссии приняли участие 24 ученых, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России, Беларуси (О. Г. Буховец) и Великобритании (Т. Шанин).

Материалы Международного круглого стола (третьего заседания теоретического семинара) и аналитические статьи по его проблематике запланированы к публикации в ряде федеральных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК РФ.

Краткие информационные сообщения:

- на сайте журнала «Вестник архивиста»: <http://vestarchive.ru/1/1880-1stalinizm-i-krestianstvo-nejdunarodnyi-kryglyi-stol-v-rossijskoi-akademii-narodnogo-hoziaistva.html>

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ
«НАРОД И ВЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»

THE SCIENTIFIC PROJECT
"PEOPLE AND POWER:
THE HISTORY OF RUSSIA AND ITS FALSIFICATIONS"

http://socionet.ru/publication.xml?h=repec:rus:hisorg:marchenva_pavel.83745-01&type=institution

<http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvuj>

<http://www.google.com/profiles/narodivlast>
<http://narodivlast.bestpersons.ru/>
<http://proekt-n-i-v.livejournal.com/>
<http://my.mail.ru/mail/narodivlast>
<http://ru-ru.facebook.com/people/Naucnyj-Proekt/100001736893761>
<http://scipeople.ru/group/919/topic/2883/>
<http://ru.netlog.com/narodivlast>
<http://narodivlast.blogspot.com/>

РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ:
прошлое и настоящее системных кризисов
русской истории

RUSSIA AND REVOLUTION:
past and present systemic crises of Russian history

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ПУБЛИКАЦИИ:

*Народ. Власть. История России.
Революция. Смуты. Россияведение.*

KEYWORDS TO PUBLICATIONS:

*People. Power. History of Russia.
Revolution. Smuta. Russian studies.*

**Научный проект «Народ и власть:
История России и ее фальсификации»**

ВЫПУСК 3

**The Scientific Project "People and Power:
the History of Russia and its Falsifications"**

ISSUE 3

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ: narodivlast@gmail.com
МАРЧЕНЯ Павел Петрович (редактор): marchenyap@mail.ru
РАЗИН Сергей Юрьевич (координатор): razin_sergei@mail.ru

CONTACT INFORMATION:

The Scientific Project: narodivlast@gmail.com
MARCHENYA Pavel (editor): marchenyap@mail.ru
RAZIN Sergei (coordinator): razin_sergei@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ:
прошлое и настоящее системных кризисов
русской истории**

Сборник научных статей
(к 95-летию Февраля—Октября 1917 г.)

Научный проект

**«НАРОД И ВЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»**

Выпуск 3